Николай Айдарин

МАКСИМАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Самиздат

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Середина двадцать второго века. Торжество научного прогресса, информационных технологий, практически бесплатной еды и дороговизны всего остального. Правительство, прикрываясь благими намерениями, непрерывно ищет новые средства контроля над обществом. Корпорации имеют больше оружия, людей и техники, чем государственные войска. Популярным наказанием за преступление стал необратимый процесс корректировки сознания. Не нравится, хочешь сохранить свою личность? Тогда катись обслуживать дроидов в урановых шахтах! Уровень преступности как никогда низок. Но даже в это спокойное время находятся те, кто хочет нарушить Закон. Макс Бор, майор полиции Новой Самары с репутацией беспощадного копа, расследует череду необычных убийств, совершённых через всемирную Сеть. Жертвой может стать абсолютно любой человек в любой точке мира, от этого нет защиты, поскольку Сеть повсюду. В процессе расследования ему придётся наблюдать, как тихий и спокойный город быстро погружается в пучины насилия и хаоса. Цепь событий уже запущена, и очень скоро она утопит город в реках крови. Если Макс не найдёт убийц, то за Новой Самарой последует и весь мир. Итак, революция начинается…

- Николай Айдарин
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18

- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Эпилог

Николай Айдарин
МАКСИМАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Пролог

Сейчас.

Воробьёв стоял на крыше самого высокого жилого здания в Новой Самаре и смотрел вниз. Здесь, на высоте более чем двухсот метров, практически не встречалось домов выше этого, ну разве что две башни корпорации «Астол» в десятке километров отсюда. Весь город был как на ладони. Холодные и резкие порывы осеннего ветра рвут одежду и треплют волосы, но в этот солнечный день не было так уж холодно, даже здесь. Это было идеальное место для того, чтобы ещё раз всё обдумать, а обдумать Воробьёву нужно было многое.

В конце двадцатого столетия человек начал постепенно осознавать, какие возможности перед ним открывает генная инженерия. В самых скромных мечтах учёные видели гигантский потенциал новой области науки, возможность излечивать смертельные генетические болезни, не позволять появляться им, уменьшать риск их появления за счёт восстановления повреждённых участков ДНК, а также замены генов с болезнями здоровыми. Человеческая мысль взлетела вверх, поползли слухи о том, что в совсем недалёком будущем человек сможет изменять по своему желанию свой генотип, прививая самому себе необходимые на его взгляд гены, дающие те или иные способности.

Появилась такая многообещающая область, как клонирование. Породив овечку и дав ей имя Долли, человек, пусть и пока в самой незначительной степени, ощутил себя богом, мгновенно сдёрнув ширму неведения и разглядев перед собой открывающиеся горизонты. Он представил, что через некоторое время он сможет научиться клонировать органы, которые будут использоваться в хирургии и спасать человеческие жизни. Он увидел возможность создавать копии людей, покинувших этот мир куда раньше положенного срока. Несчастные родители, потерявшие своего единственного ребёнка, теперь могли вернуть его. Великие учёные могли получать новые, более молодые и крепкие тела, чтобы продолжать создавать свои не менее великие изобретения. Армия могла получить наконец своего идеального солдата в любом количестве, клона нужно было только обучить, одеть и дать в руки пушку.

Вскоре за этим последовали и другие открытия. Век двадцать первый начался с того, что повсюду старые порядки и представления о мире начали плавно меняться. Коренных

прорывов в науке вроде создания теории относительности или открытия деления ядра больше не происходило, но шли одно за другим микроотрытия, маленькие новшества, которые усовершенствовали то, что уже когда-то было создано. Создали первый квантовый компьютер. Наконец внедрили в космическую промышленность ионные двигатели, заменив ими давно морально устаревшие химические. Вывели на орбиту первую постоянную жилую МКС. Освоили несколько крупных месторождений гелия-3 на Луне, организовали его доставку на Землю. Заменили всё органическое топливо в транспорте, тепловых энергостанциях и в прочих областях новым, экологически чистым гелием-3. Слетали на Марс, основали там колонию. Открыли технологии межзвёздного путешествия, обойдя ограниченность скорости света через открытие локальных червоточин, нашли несколько обитаемых планет, но космических братьев по разуму так и не встретили.

А потом грянула третья мировая война. Религиозные фанатики резко воспротивились тому, что человечество понаделало у себя дома, нашли сторонников в рядах тех, кто считал генную инженерию неприемлемой по этическим принципам наукой. Весь мир захлестнула волна насилия, брат убивал брата, снова поднял голову нацизм, вернулся бич человечества — чума, голод и страх. И в самый разгар войны, когда погибло уже около двадцати процентов населения планеты, один скромный китайский учёный, безногий инвалид, в собственной хибаре сделал крохотное открытие. Wootz — название одновременно фирмы, сделавшей состояние на этом, и самого продукта, хотя это название родилось несколько позже. Крайне дешёвая в производстве еда, выращиваемая с помощью случайно созданных с применением генетики бактерий. Почти идеально подходящая к ежедневному применению, заменяющая собой всё — мясо, хлеб, молоко, рыбу, птицу, яйца и многое другое. Да, в ней немного не хватало витаминов, но только в первых образцах, впоследствии это легко разрешилось. И именно это маленькое чудо изменило человечество окончательно.

Война закончилась, религиозные фанатики проиграли, но главы мировых правительств пришли к выводу, что пора перевести процесс глобализации на финальную стадию. Создали единое мировое правительство, стёрли государственные границы, выработали единую законодательную базу, оставив на всей планете пару десятков крупных подчинённых республик. Запретили клонирование и уже начавшиеся генетические эксперименты над людьми по усовершенствованию генотипа, издали закон, что отныне в космосе все нации будут едины, и

только лишь на Земле останутся между ними некоторые различия. И распространили Wootz по всему свету.

За десять лет Wootz проник во все уголки мира. Для развитых регионов его появление прошло незаметно, он был очень дёшев и тут же нашёл применение в тех сферах, где человеку просто нужно было быстро утолить голод: военный и корпоративный сектор. Обычная еда никуда не делась. А вот для регионов отстающих Wootz стал панацеей. Пусть и слишком дорогой, с учётом разницы подушевого дохода, но всё же достаточный, чтобы им можно было пользоваться.

За десять лет человек победил голод.

Ещё через пятнадцать лет исчезли многие опасные болезни, увеличилась средняя продолжительность жизни, люди, живущие больше ста лет, теперь уже не были такой уж большой редкостью. Коренным образом улучшилось качество жизни. Wootz оказался настолько дёшев в производстве и применении, что его мог позволить себе абсолютно каждый. И здесь в полной мере проявился его главный недостаток.

В большинстве регионов пособие по безработице позволяло питаться Wootz весь месяц. То есть, если взять за расчёт, что у человека больше никаких финансовых трат нет, то можно было сделать вывод, что работать больше и не нужно, чтобы жить. И многие это просекли, родилось целое движение роддеров, странствующих бездомных, живущих на гроши. Темпы роста производства стали замедляться, ленивая природа человека брала верх над прогрессом, заводя человечество в своеобразный тупик. Преступность взлетела до небес.

Поэтому было принято трудное решение: тунеядство стало наказуемым. А каралось оно банально просто: ленивого отправляли в специально созданное медицинское учреждение, которое изменяло психику человека таким образом, чтобы тот не мог не работать. Народ не был доволен такими мерами, но они оказались эффективными — всё пришло в норму, большинство одумалось. Исчезла безработица, преступность упала до минимума, а темпы производства устремились вверх.

Но человек — хитрое существо. Хоть он и попал в зависимость от работы, он всё равно нашёл выход. Большинство устраивалось на минимальный оклад на самую простую работу вроде дворников или операторов вычислительной техники или робототехники, работало минимальные четыре часа в день, а после чего шло дальше прожигать жизнь. Зачем стремиться больше зарабатывать, если теперь ты обеспечен на всю жизнь? Зачем иметь собственный жилой блок или даже квартиру или дом, когда жильё можно снимать? Зачем летать на какой-то там

Эдем в соседнюю звёздную систему, если для этого надо жопу рвать на более трудной работе, тем более, что все эти развлечения можно получить, просто зайдя в виртуальность?

Так родились целые нищенские районы вроде Волжского в Новой Самаре.

Множество ленивых, сонных и почти бесполезных людей. Правильно, преступности же почти нет, царит демократия, можно делать абсолютно всё, что захочешь, позволено очень многое. А то, чего нельзя делать в реальности, но очень хочется — пожалуйста, есть великое множество виртуальных серверов, где ты можешь делать вообще всё. Воруй, убивай, делай нехорошие вещи с гусями! Да, некоторые вещи по-прежнему осуждаются, но если это не противозаконно, то — плевать. Всем всё равно.

Человечество заснуло, отодвинуло тупик немного дальше, туда, в туман, где его не видно. Но когда оно столкнётся с ним нос к носу, будет уже слишком поздно что-то менять. Поэтому нужно начинать действовать сейчас. Пускай, Воробьёву это неприятно, ведь он никогда не любил навязывать кому-то своё мнение, применять силовое воздействие, поскольку считал, что любой человек имеет право на свободу, и никто не должен его нарушать. Но иначе всем будет плохо, если не сделать то, что сделать необходимо. Предстоит множество очень непростых решений, многие могут пострадать, но он постарается сделать так, чтобы потери были минимальны. Нет! Чтобы их не было вообще! Мирная революция, пусть пока в рамках только Новой Самары — одного-единственного города, пусть и очень крупного. Но на примере этого города, как он надеялся, начнутся изменения, которых он так жаждет, и в остальном мире.

— Женя, ты готов? — раздался позади него тихий голос. — Мистер Икс скоро будет на месте, нам надо ещё успеть доехать до туда.

— Дай мне ещё пять минут, Тимур, — ответил Евгений Воробьёв.

В конце концов, пять минут для революции ничего не значат. Но когда они начнут, их будет уже не так просто остановить.

Глава 1

Неделей ранее.

— Добрый день…

Ноль внимания.

Нет — так нет.

Молодой человек среднего роста, но с явным признаком несколько избыточной массы тела, достал из нагрудного кармана светло-серого пиджака небольшой платок, развернул его и вытер проступивший на лбу пот. Убрал платок обратно.

Одет он был опрятно, можно даже сказать, официально, но в то же время внимательный взгляд бы отметил, что его одежда не лишена доли практичности, к тому же, она несколько поношена. На локти тонкого серого пиджака весьма искусно пришиты кожаные коричневые заплатки. Под пиджаком скрывается пропитанная потом в подмышках и по всей спине бежевая рубашка с еле заметным рисунком в клетку, на шее висит широкий коричневый галстук. На тёмно-серых брюках видны старомодные стрелки, но зато ноги обуты в коричневые остроносые туфли из натуральной кожи, обильно смазанные кремом и отполированные до блеска. Правда, их немного забрызгало грязью, но это легко поправимо. Костюм в целом выглядит аккуратно, но при близком рассмотрении можно заметить мелкие катыши на пиджаке и рубашке, а брюки сзади немного лоснятся, хотя под пиджаком это не видно. При этом вся одежда пошита свободно, она не сковывает движения, так что его обладатель мог без проблем поднимать руки вверх и даже довольно быстро бежать, если, конечно, ему это позволяет его физическая подготовка.

Такой парень мог быть абсолютно кем угодно, начиная от бухгалтера весьма консервативной фирмы, придерживающейся мнения, что подобную деятельность искусственному интеллекту доверять никак нельзя, и заканчивая мафиози, потерявшем по пути сюда свою шляпу. У него даже его чёрные как смоль волосы уложены так же!

— Э-э-э… извините!

На этот раз он обратился к спине другого человека, но и тот его проигнорировал.

Молодой человек протянул руку и хотел, было, тронуть стоящего перед ним за плечо, но его ладонь в нерешительности замерла в каком-то сантиметре от того. Зависла в воздухе, словно натолкнулась на невидимый силовой барьер. Повисела немного в

воздухе и разочарованно опустилась обратно.

Парень вздохнул, пожал плечами и решил попытать счастья в другом месте.

Нет! С таким характером он кто угодно, но только не мафиози. И не рекламный агент. В нём, скорее, угадывается некий правительственный служащий, какой-нибудь мелкий чиновник навроде налогового инспектора или контролёра по использованию декларированной техники.

Парень обошёл ещё несколько человек и встал у противоположного конца толпы. Набрался духу и снова спросил, несколько усилив голос.

— Простите, — сказал он. — Пропустите, пожалуйста, мне срочно надо!

Голос у него был под стать ему — вроде бы и не высокий и тонкий, но при этом и не низкий, без басовитого призвука. Такой же серый, как его костюм.

Из всех, кто был перед ним, на него обратил внимания только маленький мальчик в синем комбинезоне. Его за руку держала его мамаша, дородная женщина, бывшая на голову ниже молодого человека, но при этом куда шире в талии. Мальчик обернулся, и парень заметил, что тот с явным увлечением первооткрывателя ковыряется у себя в носу.

— Не ковыряйся в носу, мальчик! — возмутился парень. — Ноздри как у лошади будут!

— Дядя, а лошадь — это кто? — удивился мальчик.

Мамаша обернулась и, смерив полным абсолютного презрения взглядом парня в костюме, дёрнула сына за руку, придвинув его к себе поближе, словно парень намеревался забрать с собой мальчугана. При этом она сказала сыну:

— Не забивай голову ерундой! Вымерли эти лошади, в музее только остались…

— В музее? — восхитился мальчик, у него тут же загорелся взгляд. — Пошли в музей, мама! Пошли-пошли-пошли!!!

— Видишь, что ты наделал? — тут же возмутилась женщина, с укоризной посмотрев на парня.

— Что? — опешил тот и в смущении сделал шаг назад.

— Музей! Мама! Музей-музей-музей… — как заведённый продолжал тараторить мальчик.

— Давай, иди отсюда! Кыш! — грубо рявкнула женщина на парня.

И отвернулась, при этом прикрикнув на сына, тот послушно умолк, хотя и обиделся.

Молодой человек снова вздохнул, после чего снова полез во внутренний карман пиджака, на этот раз уже с другой стороны, и

достал оттуда пластиковую карточку белого цвета. Выставил её перед собой на уровне головы и нажал на её центр. Карта считала его отпечаток пальца — авторизация прошла успешно, — и из неё вырвался вверх луч, нарисовавший в воздухе голографическое изображение — большой синий пятиугольник, в центре которого была большая серебряная латинская буква «Р», а по периметру пятиугольника мелким красным шрифтом бежали неразборчивые надписи министерств и подразделений владельца карты.

— Полиция! — громко, на низкой ноте, крикнул парень. — Немедленно уступить дорогу.

Толпа перед ним вздрогнула, обернулась и, заметив светящееся синим изображение, послушно расступилась в сторону.

Молодой человек удовлетворённо кивнул сам себе, при этом пробормотав «отчего же я сразу так не сделал?», и пошёл вперёд. Люди вокруг него шептались, некоторые украдкой кивали в его сторону, что-то доказывая соседу, некоторые старательно отводили взгляды, но большинство смотрели на него с явным и нескрываемым интересом. Ещё бы! Настоящий, живой сотрудник полиции, так сказать, во плоти! Плевать, что ранг у него явно мелковат, но сегодня полицейских не так уж и много, особенно в этом городе — они просто не нужны в больших количествах, поэтому их днём с огнём не сыщешь. А тут такое событие! Есть на что поглазеть, да к тому же не только на вход в дом!

Толпа оказалась несколько меньше, чем ожидал парень, и закончилась как-то неожиданно. Вот перед ним расступился ещё один ряд зевак, за ним ещё один, и тут же открылось полицейское ограждение — двухметровая голографическая стена с крупными изображениями того же значка, что был над рукой парня. За этой стеной смутно виднелся вход в жилой дом, а прямо перед входом две чёрные с синей полосой по бокам полицейские машины и белый фургон медицинской службы. Возле самого входа ещё стоят два самых обычных охранника с шоковыми дубинками в руках.

Парень остановился возле самой стены, собираясь с духом, готовясь пройти через неё — стена была не простая, и пропускала она через себя только уполномоченных на это лиц, а остальных била слабым электроразрядом. Особо настырных било сильнее, парень уже успел заметить двух таких — им помогали подняться с холодного асфальта, поддерживая под руки.

Молодой человек набрал в грудь воздуха побольше, зажмурился и шагнул в стену.

Охранники возле двери тут же повернули головы в его сторону.

Карта в руке у парня пискнула и произнесла смоделированным женским голосом:

— Допуск одобрен.

Парень открыл глаза и решительно направился в сторону входа в жилой дом, прямо к охранникам. Те, как только он подошёл, тут же подобрались и по-армейски уставились перед собой в никуда — раз парень прошёл через ограждение, значит, он уполномочен пройти и дальше.

— Сороковой этаж, — произнёс один из них, когда парень в сером костюме перешагнул через порог. — Левый коридор, блок четыреста восемнадцать «В».

Парень кивнул, запоминая сказанное, и вошёл внутрь дома.

Дом был до этого дня самым обычным, таких в этом районе пруд пруди. Построен лет двадцать назад, тогда же, когда застраивался этот район Новой Самары. Пятьдесят с небольшим этажей, полтысячи жилых блоков различной комфортабельности и дороговизны, начиная от холостяцких бомжатников типа «Г», с одной-единственной комнатой, вмещавшей сразу и спальню, и кухню, и туалет с душем, и заканчивая блоками типа «А», для полной семьи с тремя детьми, как и положено по закону. Как правило, заселяются все типы блоков, кроме «А» в силу редкости подобных семей в таком районе — ведь если супружеская пара способна содержать троих детей, то жить в блочном доме она не станет, предпочтя купить или взять в кредит собственное жильё, чем снимать дорогущий блок. Поэтому блоки «А» в таких домах были чуть ли не штучные, в основном «Б» и «В» — для неполных семей, супружеских пар без детей, одиночек, зарплата которых позволяет спать чуть дальше, чем в двух метрах от туалета. Каждый блок имел свой номер и включал в себя неполный набор подблоков — как правило, их было три штуки, один «Б» и два «В», но бывало и по-другому, в зависимости от прихоти инженера-строителя, но никогда не встречалась комбинация «А» и «Г», поскольку «А» занимал весь блок целиком.

Парень прошёл несколько метров по идеально чистому полу и остановился у дверей скоростного наружного лифта. Те послушно отворились, впуская того внутрь.

— Вы не являетесь жильцом, — тут же среагировала система на парня. — Назовите блок и цель визита.

— Э… четыреста восемнадцать «В», — запнувшись, произнёс парень. — Полиция, служебное расследование.

— Принято, — согласилась система. — Открыт доступ к дополнительным возможностям системы. Открыть внешнюю раму?

— Нет.

Молодой человек не хотел смотреть через укреплённое стекло на район, где, похоже, он застрял надолго, с такой высоты. Уж лучше пялиться на металлический лист, дополнительно защищавший кабину лифта.

Лифт тронулся с места и взлетел вверх, парня слегка вжало в пол, но тут же отпустило — гравитационные компенсаторы сработали с задержкой, не сразу справившись со своими функциями. За несколько секунд лифт взлетел на сороковой этаж, после чего уже полетел по горизонтали, выискивая нужную группу блоков. Ещё пара секунд, и он остановился, открыв двери.

— Группа жилых блоков номер сорок один, — прокомментировала система. — Удачного визита.

— Спасибо, — непонятно зачем поблагодарил машину парень, выходя в узкий полутёмный коридор.

Он повернул налево, как ему и сказал охранник, и, заметив через десяток метров от лифта вход в нужный блок и ещё одного охранника, направился прямо туда. Каблуки его туфель довольно громко застучали по металлическому полу, и парень тут же смутился, постаравшись наступать помягче, не привлекать к себе излишнего внимания. Не помогло — охранник его тут же приметил, а когда тот к нему приблизился, остановил, уперев руку в грудь.

— Гражданин! — отчеканил охранник. — Проходите мимо, здесь нечего смотреть! Вы всё узнаете из сводки новостей!

— Всё в порядке.

Дверь блока приоткрылась, и оттуда выглянула седая голова.

— Это полицейский, — сказал обладатель головы.

Охранник тут же отступил в сторону, пропуская парня внутрь блока.

Нет, этот блок оказался немного нестандартным — один «Б», один «В» и один «Г». И вся маленькая прихожая блока заполнена людьми в белых халатах с символами Центра Контроля Заболеваний. Все как один седые, лет под семьдесят, мужчины с большими кейсами. У всех на лицах крайне серьёзные выражения, не предвещающие ничего хорошего. Но клонами они не были, конечно же — клонирование строжайше запрещено. Молодой человек тут же подобрался, заметив выражения их лиц, вся его неуверенность вмиг улетучилась.

— Расслабься, парень, — хлопнул его по плечу тот, который впустил его в прихожую. — Ничего заразного здесь нет, видишь — мы пустые уходим.

Парень нервно сглотнул, но кивнул. Протиснулся между двумя дедами из ЦКЗ и приблизился к входной двери с большой буквой «В» и табличкой с именем жильца. Та помаргивала,

периодически на ней проскакивали «иероглифы», видно, где-то был баг в местной системе, и на табло посылалась неверная кодировка текста, однако, имя прочесть можно было. Купцова Антонина Яковлевна.

В обычной ситуации дверь личного жилища, даже съёмного вроде жилых блоков, намертво блокируется для всех, кроме двоих: собственно, самого владельца жилья и того, кого он допустил для проживания соответствующими бюрократическими процедурами. Сотрудники полиции, медицинской службы, армии, да что там — даже сам господин Верховный Канцлер Дуайт Шрёдер не сможет пройти через неё, не обманув систему или не применив грубую силу. В цифровой век фраза «мой дом — моя крепость» стала куда правдивее, чем раньше.

Но сейчас ситуация обычной не была, иначе бы не понадобилось вызывать полицию в блок, и уж тем более — ЦКЗ. Но ЦКЗ уходит, а приказа отзывать сотрудников правопорядка не поступало, значит, дело по-прежнему есть, и никто не торопится его закрывать, во всяком случае, пока. Поэтому дверь отъехала в сторону тут же.

— Господи! — поморщился парень, поспешно достав носовой платок из кармана и прикрыв им нос, как будто это поможет.

Воняло ужасно, даже несмотря на то, что и в коридоре, и здесь усиленно работала система вентиляции. Стойкий, едкий запах гниющего мяса.

Здесь было светло, так что парень тут же приметил слева дверь в ванную комнату, а справа встроенный в стену шкаф-купе, а прямо, в главной комнате, он увидел несколько человек. Двое из них прям только что застегнули плотный чёрный мешок, в который они поместили до этого труп. Третий человек — худой светловолосый парень с длинными дредами, очевидно, технический специалист, ковырялся во включённом компьютере жертвы. Четвёртый, раза в три его старше, стоял немного в стороне ото всех и управлял с помощью собственного наручного терминала с голографическим экраном маленькими роботами, которые шныряли по комнате, снимая отовсюду отпечатки пальцев, сканировали засохшие пятна на полу, а так же истребляли расплодившихся мух и опарышей. Но больше внимания привлёк пятый — высокий, жилистый, с обветренным лицом и тяжёлым взглядом серых глаз мужчина слегка за сорок. Каштановые волнистые волосы с проседью зачёсаны назад, но не прилизаны, отчего слегка топорщатся в стороны. Одет он был в потёртую чёрную кожаную куртку, серые джинсы и бежевые кроссовки. На идеально белой футболке закреплена пластиковая карточка — такая же, как у парня, только что вошедшего в

комнату.

На парня все практически по очереди бросили взгляды, после чего продолжили заниматься своими делами.

— Дмитрий Потапенко, — парень подошёл к мужику в кожанке и протянул ему ладонь для рукопожатия. — Лейтенант. А Вы, полагаю, майор Максим Бор?

Конечно, Дмитрий узнал Максима Бора — многие полицейские знали его лицо и были осведомлены о его репутации. К слову, не самой хорошей, хотя полицейским Максим был примерным.

Тот, кого Дима назвал Максимом, снова посмотрел на парня, смерив его презрительным, но при этом оценивающим взглядом. Затем взглянул на протянутую ладонь и вместо рукопожатия вложил в неё тюбик с гелем.

— Смажь этим руки, — проскрипел Максим. — Ещё не хватало, чтобы ты здесь отпечатки понаоставлял.

— Ты уже умудрился несколько червей раздавить, — с укором заметил мужчина за голографическим экраном.

В качестве подтверждения его слов, к Диме подкатился один из роботов и ткнулся цилиндрическим корпусом тому в туфлю.

— Извините, — тихо выдохнул Дима.

— Чего «извините»? — несколько грубо рявкнул на него Максим. — Ногу подними, он тебе сейчас подошву очистит!

— А! — понял Дима. — Спасибо.

— Значит так, — продолжил Максим. — Жертву зовут Купцова Антонина Яковлевна, это ты должен был видеть на табличке на входе. Тридцать восемь лет, безработная — несколько месяцев назад уволилась из «Астола», живёт одна, близких родственников нет, детей тоже. Умерла вечером в пятницу…

— Предварительно, — встрял один из медиков.

— Я тебя не спрашивал! — рявкнул на него Максим.

Дима при этом заметно вздрогнул, но вслух ничего не сказал, заметив, что никто на это больше не отреагировал, даже медик.

— Умерла вечером в пятницу, — повторил Максим. — Причина смерти — обширное кровоизлияние в мозг, а так же в окружающие ткани.

— И кто убил? — спросил Дима.

Максим смерил его ещё одним брезгливым взглядом.

— Это и предстоит выяснить. А так же найти орудие убийства.

— В смысле? — не понял Дима. — Это как?

— А вот так, — развёл руками мужик за голографическим экраном, отчего тот тут же поплыл вслед за его правой рукой, на

который был закреплён сам терминал. — Фиг знает, что её прикончило! В смысле, отчего она умерла, понятно, но вот что было причиной для причины смерти…

— Кто тебя так разговаривать учил? — буркнул Максим.

— Можно взглянуть? — спросил Дима, осторожно, чтобы не раздавить ползавших по полу нескольких червяков, приблизившись к мешку с трупом.

— Воля Ваша, — разрешили медики, чуть отойдя в сторону.

Дима дотронулся до мешка и, ощутив на пальцах проскочивший лёгкий электроразряд, прошёл идентификацию личности и потянул края мешка возле лица жертвы в разные стороны. Мешок послушно разошёлся, представив обозрению сам труп. Выглядел тот ужасно — тёплая комната и несколько суток после смерти запустили процессы разложения, и те понеслись вперёд так, словно стремились выиграть межпланетный конкурс на самое быстрое гниение. Глаза остекленели и помутнели, лицо так и застыло в болезненной гримасе, даже рот, полный убитых антисептиками червей, задеревенел. Черви были везде — во рту, в волосах, даже кожу умудрились прогрызть в некоторых местах и забраться внутрь. Но хуже было другое — кровь, потемневшая и засохшая, она была повсюду. Лицо полностью ею покрыто, за исключением некоторых мест вроде скул или кончика носа, волосы от неё слиплись и так и застыли навечно сосульками.

— Видите эти следы? — приблизился один из медиков и указал на нечто на лице жертвы, заметное только ему. — Лопнуло множество сосудов, так что кровь пошла не только в мозг, но и наружу, через все отверстия, которые только могла найти — рот, нос, глаза, уши. А потом ещё и через кожу начала просачиваться.

— Кровавый пот, — пробормотал Дима, с отвращением закрывая мешок.

— Что? — не расслышал медик. — А, да, кровавый пот, верно подмечено. Он проступил даже в области волосяного покрова.

— И что его вызвало, вы без понятия, да?

— Полевое оборудование ничего не обнаружило, — ответил медик.

— ЦКЗшники первым делом всё тут оцепили, — сказал Максим.

— Да, я встретил их на входе, — кивнул Дима. — А кто обнаружил труп?

— Соседи, — ответил Максим. — Запах стал прорываться через дверь, они пытались дозвониться до жертвы, а потом вызвали владельца блока. Тот вскрыл дверь и тут же вызвал ЦКЗ. Она сидела за компьютером, в виртуальности.

При этом Максим указал на лежащие на столе в лужи крови

чёрные пластиковые очки с нейроинтерфейсом и комплект таблеток-наушников.

— Макс, я взломал! — подал голос человек, работавший с компьютером жертвы.

Максим тут же подошёл к нему и посмотрел на изображение на столе. Там вовсю мелькали лог-записи манипуляций в системе, которые делала жертва при жизни — адреса, аватары в виде кода и ссылок, пароли и прочее.

— Проверь счета, — Максим ткнул пальцем в одну из строчек.

— Зачем? — не понял Дима. — На ограбление не похоже…

— У него чутьё разыгралось опять, — пояснил за промолчавшего Макса хакер. — Только он ни за что не признает его существование.

— Я называю это смутными подозрениями, — сказал тут же Максим.

— Подозрениями? — удивился Дима. — У Вас уже есть теория?

— А у тебя — нет? — не поворачиваясь к новичку, ответил тот. — Салага!

— Не поделитесь?

— Нет.

Сказал, как отрезал.

Дима этому удивился, но он списал это на причуды характера этого человека. Тот уже давно в этой профессии, и если он смог столько времени продержаться с таким характером и репутацией — значит, что есть причины его не увольнять, да и окружающие терпят его выходки. Поэтому Дима проглотил вспыхнувшую обиду и тоже подошёл к компьютеру, но, взглянув на мелькавшие там строчки, понял, что в компьютерах он ничего не понимает, хотя он до этого момента считал иначе.

— Чисто, — спустя секунд тридцать сказал хакер.

— То есть как? — Максим нахмурился и наклонился поближе, рассмотреть строчку, которую выделил хакер.

— А вот так, — ответил тот. — Два дня назад хакнули личные счета жертвы и сняли все деньги. По крайней мере, те счета, которые я нашёл. Также у неё есть банковская ячейка — её тоже очистили, но уже вполне легально и три дня назад, а не два.

— Может, это и был убийца? — предположил Дима, наблюдая за тем, как оба медика кладут тяжёлый мешок с трупом на раскладные носилки, а затем увозят прочь. — Убийство с целью грабежа?

— Может быть, — задумчиво согласился Максим. — А может быть, здесь есть что-то ещё — почему он тогда не стащил

драгоценности из блока? На жертве были вполне себе приличные серьги, к тому же, в шкафу есть банка с серебром.

— Не смог пройти через дверь? — снова предположил Дима.

— Ну да, конечно, держи карман шире! — усмехнулся хакер. — Если он смог обчистить все счета и банковскую ячейку без присутствия владельца, то такой двери ему даже на один зуб не хватит.

— Ясно, — прищурился Максим. — Парни, завершайте здесь. Мне нужны хоть какие-нибудь следы убийцы — отпечатки пальцев, слюна, кровь, волосы — что угодно, чтобы поймать ублюдка. Проверьте постельное бельё, вдруг там есть следы спермы. И разберите компьютер по винтику, я хочу знать, что делала жертва в виртуальности непосредственно в момент убийства.

Ещё не закончив говорить, он уже двинулся к выходу из блока.

— Мы, — двинулся вслед за ним Дима.

— Что? — обернулся Максим и свысока посмотрел на него.

— Мы хотим знать, — пояснил Дима, невольно вжав голову в плечи. — Я ведь Ваш новый напарник.

Максим некоторое время пристально смотрел на него, после чего выставил указательный палец и больно ткнул им словно прутом в пухлую грудь своего нового напарника.

— Во-первых, обращайся ко мне на «ты», — недовольно произнёс Макс. — А во-вторых, мне напарник не нужен!

И он решительно ушёл прочь, едва не врезавшись во входную дверь, еле успевшую отъехать в сторону.

— Я всего лишь выполняю приказ, — тихо сказал себе под нос Дима.

И поспешил вслед за своим напарником.

Глава 2

Макс сидел в своём кабинете за столом и читал длинную статью по редким ядам и эффектам, которые они производят на организм человека. Новой информации на него из статьи свалилось целое море, но вот сколько из этого моря было полезного — большой вопрос. Но пытливый ум следователя с довольно большим стажем и печальным опытом общения с пусть и редкими, но всё же периодически появляющимися преступниками отмечал примечательные моменты. Например, на одной из недавно обнаруженных планет у одной из звёзд Глизе исследователи нашли существо, очень похожее на земного скорпиона. На запах и вкус яд этого скорпиона очень сильно напоминает цитрусовые плоды, в частности, апельсины. Что самое интересное — этот яд достаточно сложно отличить от яда одного из растений из той же колонии (этот яд проходит в статье под названием «цитрусовая смерть»), вот только укус скорпиона хоть и вызывает состояние организма, не отличимое от смерти, все его эффекты полностью и без последствий проходят через пару часов. На другой планете обнаружили членистоногое, яд которого вызывал спутанность сознания и временную недееспособность голосовых связок — те обильно заливались выделяющейся мокротой, как при простуде или гриппе. К тому же, этот яд быстро распадался в организме, но его эффект длился чуть больше суток. Вот если бы Макс смог раздобыть немного этого яда и применить его к одному из прошлых задержанных, то Макс бы смог повернуть ход дела в другую сторону, и преступника бы отправили на корректировку психики. Или даже депортировали бы в шахты. А так тот урод ловко извернулся, выставил Макса идиотом (хотя, если честно, тому было на это плевать), и торжественно вышел из здания суда победителем.

Другое дело, что Макс потом в итоге таки отправил его на «мозговые процедуры», поймав с поличным, но это не считается.

В общем, статья была занимательная, интересная, но пользы от неё было не больше, чем от гигантских хомяков-сангулов с Эдема.

Внезапно в дверь постучали, Макс вздрогнул и, оторвавшись от чтения, недовольно рявкнул на дверь:

— Кого ещё там принесло?!

Дверь отъехала в сторону, и Макс увидел довольно симпатичную женщину с длинными чёрными вьющимися волосами. Одета она была в синий строгий костюм с юбкой до колена и белой блузкой. К вороту пиджака она прицепила

пластиковую карту, на которой сверкало голографическое изображение — синий ромб с красным мечом, остриё которого было направлено вертикально вниз.

Прокуратура.

— День добрый, Макс, — поздоровалась женщина.

Голос у неё был слегка хрипловатый, и Макс знал, почему — рак горла в начальной стадии. Слишком рано для того, чтобы говорить о том, возможно ли вылечить его, но уже вполне пора для того, чтобы начать задумываться о своей жизни и бросить курить.

— Я бы выразился иначе, — проскрипел Макс. — Настя, ты что здесь забыла? Сажать пока ещё некого.

— Ты, как всегда, сама любезность.

Настя вошла в маленький кабинет, оглянулась в поисках стула и обнаружила его справа от себя, в углу возле двери. На стуле стоял древнего вида маленький сейф для личных вещей.

— Ты где достал эту рухлядь? — с интересом спросила Настя. — Зачем он тебе? На нём даже замок не электронный!

— В этом-то всё и дело, — Макс снова уткнулся в статью. — Электронные замки слишком легко взламываются, а ты попробуй механический вскрыть. Я даже не уверен, что сегодня вообще где отмычки можно найти для взлома. Специально на чёрном рынке интересовался.

— Отмычки? — нахмурилась Настя, ощупывая тонкими пальцами узкую замочную скважину на дверце сейфа.

— Тонкие металлические прутья, как правило, с загнутыми концами. Взломщик просовывает их в замочную скважину, ковыряется в замке и открывает дверь.

— Ты — динозавр, Макс, — неодобрительно покачала головой Настя, оставив сейф в покое и подойдя к столу. — Взять любой миниатюрный пространственный сканер, сделать снимок и по нему изготовить дубликат ключа. Нет ничего проще!

Макс нехотя поставил закладку в статье на том месте, где он закончил читать, после чего закрыл приложение на терминале и, откинувшись на спинку кресла и скрестив руки на груди, с прищуром посмотрел на Настю.

— Что ты понимаешь, женщина! Чтобы найти место, где изготовят такой дубликат, уйдёт куча време… Какого чёрта я перед тобой оправдываюсь?! Я тоже могу покритиковать тебя! Ты готовишься к делу Петрова? Структурировала материалы для обвинения, которые я собрал? Написала речь?

Настя в ответ опёрлась руками о стол и наклонилась к Максу поближе, при этом применив свой фирменный ледяной взгляд. Правильные, тонкие прямоугольные черты лица, а так же серые

глаза заставили Макса сбить с себя спесь и немного поутихнуть в критике. Максу тут же захотелось бы признаться во всех своих преступлениях, но их у него просто не было. Поэтому Макс быстро сел обратно на коня и повторил свой вопрос:

— Зачем пришла? Только быстрее, у меня много работы.

— Полковник Константинов формирует следственную группу, — ответила Настя.

Обветренное и небритое колючее лицо Макса стало ещё жёстче. Ему это явно не понравилось.

— Старый козёл, — пробасил он. — Думает, что я не справлюсь.

— Этот старый козёл — твой прямой начальник! — одёрнула его Настя. — Он — единственное, что отделяет тебя о того, чтобы ты стал фигурантом одного из моих дел. Или даже нескольких дел.

— Брехня, — отмахнулся он.

— Это ещё не всё.

Внезапно из-за двери донёсся приглушённый голос Димы.

— … не сейчас! Да, мам, знаю, но я не смогу сегодня к тебе приехать. Не смогу! Я работаю! Всё, мам, я отключаю связь…

В дверь постучали, но куда тише, чем это сделала до этого Настя.

— Что?! — снова рявкнул на дверь Макс.

— Э… Максим, я могу войти? — донёсся через дверь робкий голос Димы.

— Нет!

— Входи, — пригласила его Настя.

— Э… ладно.

— Ты что делаешь?! — возмутился Макс. — Это мой кабинет! Здесь мои правила!

Дверь отъехала, и в проёме показалась рыхлая фигура Димы. Тот тяжело дышал и вытирал пот со лба носовым платком.

— Это больше не твой кабинет, — пояснила Настя. — Это — штаб следственной группы.

— Отлично, — ехидно улыбнулся Макс. — Что-то ещё?

— Да. Следственной группой руковожу я.

— Что?! — привстал Макс, ехидная улыбка тут же сползла с его лица. — Это с какого перепуга?

— С перепуга Константинова.

Настя с готовностью нажала на кнопку на ручном терминале у себя на левой руке, и тонкий чёрный браслет высветил в воздухе голограмму, изображавшую подписанное распоряжение полковника Константинова. Макс вгляделся в слегка подрагивающие на воздухе строчки, его губы зашевелились,

беззвучно произнося слова из документа.

— Передай на мой терминал, — велел Макс.

— Не доверяешь, — усмехнулась, Настя.

— Не доверяю.

Настя нажала ещё несколько кнопок, после чего Макс принял на своём столе-терминале файл, заново перечитал его, уже куда более внимательно, после чего проверил все необходимые электронные идентификаторы, подтверждающие подлинность распоряжения, и только после этого удовлетворился. Документ был верным по всем параметрам, и обычно для Макса это было как зелёный свет — сигнал к действию, карт-бланш, позволяющий творить всё, что тому заблагорассудится для того, чтобы достигнуть цели. Поймать виновного и добиться, чтобы того упекли на как можно больший срок. Но «обычно» не означает «и сейчас тоже». Максу жутко не нравилось, когда им кто-то командует. Он и Константинов привыкли терпеть друг друга, и как можно реже видеться, их обоих это устраивало — Константинов диктовал правила, в рамках которых Макс уже мог действовать, а тот с завидным рвением бросался с головой в работу и вскоре, пусть и несколько грубыми методами, приносил результаты. И эта система работала исправно, без сбоев, ровно до тех пор, пока в неё не вмешивался кто-нибудь третий. Вместе с четвёртым.

— Этот придурок тоже в моей группе? — удивился Макс, кивая в сторону до сих пор стоящего в дверном проёме Димы.

— Эй! — обиженно воскликнул Дима. — Этот придурок всё слышит!

— Вот как, значит, — холодно сказал Макс. — Следственная группа из трёх человек. В моём кабинете. Ну ладно. Эй, ты, Дима, кажется, заходи давай! Нечего стоять в дверях! И чем мы быстрее начнём, тем быстрее закончится этот балаган.

Дима кивнул и сделал пару шагов вперёд. Дверь за ним тут же закрылась. Парень оглянулся в поисках стула и тоже заметил, что тот занят сейфом. С интересом разглядел его, ощупал, но задавать вопросы постеснялся, поэтому просто взял сейф в руки, тихо крякнув от его веса, поставил его рядом на пол, после чего взял стул и предложил его Насте.

— Вот, садитесь, Анастасия Игоревна, — мягким приторным голосом произнёс он.

— Спасибо, — поблагодарила его та.

При этом Дима словил недовольный взгляд Макса. Ещё бы! Макс столько времени потратил на то, чтобы найти для сейфа идеальное расположение в кабинете, чтобы тот не мешался и приносил максимум пользы, а тут какой-то толстяк ввалился в

его личное пространство и всё разрушил! И не дай бог Макс теперь хоть раз споткнётся о чёртов металлический ящик! Кому-то тогда не поздоровится точно.

— Подхалим, — буркнул Макс. — Я так понимаю, ты уже запросила все материалы дела, да?

Настя кивнула и тут же стала ковыряться в своём ручном терминале.

— Тогда показывай, что есть, — велел Макс. — Сначала результаты вскрытия. Причину смерти удалось установить?

— Нет, — после небольшой паузы Настя высветила голограмму отчёта о вскрытии трупа. — По крайней мере, однозначно…

— Влияние электромагнитных полей, — Дима тоже вслед за всеми вгляделся в отчёт. — Видите, здесь так написано?

— Видим, видим, — проворчал Макс. — Пользы от тебя, как от гигантского хомяка…

— Это который с Эдема? — тут же ухватился за точку соприкосновения Дима. — Вообще, ты прав — совершенно безмозглые животные, наши мыши и то умнее, но они… э… довольно милые и пушистые…

При этих словах Макс и Настя тут же покосились на Диму.

— Кто из нас троих здесь женщина? — задал вопрос Макс. — Ты или она? Проклятье, с кем я работаю…

Дима тут же засмущался и покраснел, но через секунду совладал с собой и вернулся к отчёту:

— По поводу электромагнитного воздействия — ты говорил, что на момент смерти жертва находилась в виртуальности, что она сидела со всеми этими примочками. А они надеваются как раз на голову!

— Думаешь, это связано? — засомневалась Настя.

— Это ещё ничего не значит, — добавил Макс. — Но именно поэтому я и заставил Серёгу прошерстить её компьютер и выяснить, что же она делала в виртуальности.

— И ты туда же? Излучение терминала, пусть даже и с полной нагрузкой из-за виртуальности, не могло вызвать таких повреждений тканей. Даже в отчёте это написано!

— Но при этом мы имеем на руках труп, которого ещё и ограбили. Значит, здесь до сих пор глухо. Что со следами в блоке?

Настя закрыла этот отчёт и спустя пару секунд открыла следующий.

— Ничего, никаких следов присутствия постороннего, — через паузу сказала она. — Даже ничего подозрительного.

— Ладно, давай сведения по компьютеру.

Настя с готовностью открыла новый отчёт.

— А она часто сидела в виртуальности, — заметил Дима. — Каждый день по несколько часов! Смотрите, в течение последних трёх месяцев практически всегда были одни и те же сервера и форумы, а в последнюю неделю она решила изменить привычкам.

— Что за сервера? — насторожился Макс.

— В основном, тематические были, — Дима явно расслабился, почувствовав, что пользы от него всё-таки немного больше, чем от какого-то там хомяка-инопланетянина. — Форум известного писателя…

— Что пишет?

— Любовные романы.

— Не буду спрашивать, откуда ты его знаешь. А остальные?

— Этот — ролёвки по Властелину Колец, на таких серверах игроки отыгрывают фрагменты из книг, примеряют на себя аватары героев и так далее. Третий сервер сейчас выясню.

Дима тут же уткнулся в свой ручной терминал, выполненный в виде точно такого же браслета, как и у Насти, но уже серого цвета, похожего на металлические часы.

— А ты когда такой терминал себе купишь? — спросила Настя у Макса.

Тот скривил лицо и отмахнулся:

— Чем меньше электроники на моём теле, тем лучше для меня. Да и мой стол меня устраивает.

— А как же мобильность?

— К чёрту, здоровье важнее. К тому же, эти твои ручные терминалы плохо работают с нанитами в моей татуировке, да и неизвестно, как это отражается и на самих нанитах. Видела, что стало с Никитой? Он как раз захирел вскоре после того, как купил себе такой вот терминал!

— Нет, не видела.

— Ну так зайди к нему потом в кабинет и поздоровайся. Он через пару месяцев на пенсию по инвалидности выходит.

— Вот, нашёл! — прервал их разговор Дима. — Третий сервер — форум по вязанию.

— Ясно, — Макс в задумчивости сжал губы. — А что с остальными? С новыми? С чего это она так кардинально изменила сферу интересов, и куда её понесло?

— Предпоследний — Виртуальная Прага, — тут же ответил Дима. — Я был там пару месяцев назад, так что адрес точно помню. Ничего так, красивый город был.

— Меня не такие подробности интересуют.

— Этот — Берлин, следующий — Москва, Кремль, а этот — Китайская стена, — продолжил Дима, одновременно сверяя

адреса из отчёта со списком в своём терминале. — Последнее место, где она была, как раз на момент смерти — Париж, Эйфелева башня.

Макс вышел из-за стола и пошёл к двери. Возле неё остановился, бросил:

— Проверьте, что она там делала. Найдите свидетеля, наверняка кто-то видел её тогда.

— Вообще-то, руководитель группы — я, — возмутилась Настя.

— У тебя есть возражения по поводу того, что я сказал? — Макс самодовольно поднял бровь.

— Нет.

— Вот и чудно! Я скоро приду. Да, и ещё одно — Дима, тебя же перевели в наш участок?

— Э… да, — кивнул Дима. — А что?

— Да так, интересно, с кем мне предстоит работать, — пояснил Макс.

Он ещё раз оценивающе оглядел Диму, на этот раз более внимательно и пристально, после чего спросил:

— Откуда?

— Аглинский участок, — ответил тот.

— Аглинский? — удивился Макс. — Что же, по тебе видно, что ты не из бедняков, хотя ты и нарочно одел потёртую одежду. Почему перевели?

— Это деликатный вопрос, — смутился Дима и потупил взгляд. — С твоего позволения, я не буду на него отвечать.

Настя, до этого внимательно слушавшая их разговор, тут же отвернулась и сделала вид, что продолжает изучать отчёты, но на самом деле она продолжила слушать, поскольку примерно представляла, что сейчас будет. Она же знает Макса!

— С моего позволения, значит, — задумчиво протянул Макс. — Добровольно бы ты сюда не переехал из такого участка, значит, постаралось начальство. Значит, ты что-то такое сделал, что их здорово разозлило, но при этом ты отделался именно переводом, а не выговором и понижением в звании, хотя я этого и не исключаю. Но, учитывая твой характер, я не могу представить, чтобы ты спорил с начальством. Так что там произошло? Отвечай, я должен знать, кому буду подставлять спину, да и стоит ли оно того.

За его словами крылась ещё одна причина. Грязных копов хватало во все времена, а Макс очень не любил таких.

Дима вздохнул. Потом ещё раз, после чего собрался с мыслями и торопливо выпалил:

— Переспал с дочкой шефа. А у того связи в верхах — вот и

постарался.

— Большего мне и не надо, — удовлетворился Макс.

Дверь отъехала в сторону, выпуская его наружу. Макс быстро скрылся за углом, оставив Настю и Диму в неловком молчании. Дима посопел, немного потоптался на месте, после чего не выдержал и спросил:

— Вы давно его знаете?

Настя выключила свой терминал и встала со стула. Вернула стул на место, после чего Дима поставил на него сейф обратно.

— Пару лет, — ответила она. — Пойдём, познакомлю с кое-какими людьми — тебе же здесь, как понимаю, работать долго придётся.

Они вместе вышли из кабинета Макса. Сработал датчик внутри помещения, системе подали сигнал, что внутри больше никого нет, и владелец сейчас находится далеко, в результате дверь автоматически заблокировалась, и на ней по центру появился красный голографический кружок, означавший, что для открытия двери требуется допуск.

— Он со всеми… так обращается? — осторожно задал ещё один вопрос Дима, стараясь соблюдать такт.

— Со всеми, — грустно вздохнула Настя. — С теми, кто ему хоть немного дорог, он общается чуть лучше, но большинство он ни во что не ставит.

— И как…

— Терпи. Либо не замечай его, тогда и он не будет замечать тебя.

— Да нет, я не об этом, — Дима почесал затылок. — Как с ним подружиться?

— А зачем? Будь просто его коллегой, и всё. Он прикапывается только по делу, так что рано или поздно, когда у тебя накопится достаточно опыта…

— Ясно.

И разговор заглох. Они в полном молчании двинулись по коридору по направлению к общему залу, где полицейские из ближайших кабинетов отдыхали, болтали, перекусывали в перерывах и занимались прочей лабудой, будучи не занятыми расследованием каких-либо дел. Помимо того, что они уже обсудили, больше им разговаривать пока что было не о чем.

Общий зал оказался довольно просторным помещением, где хватило места на два длинных дивана, большой экран, складной бильярдный стол с голографическими шарами, один большой стол, рядом с ним такой же большой холодильник, несколько кресел, один маленький стол, за которым сейчас два полицейских играли в виртуальные шахматы, а так же спортивный уголок

небольших размеров. Груша в полный рост, узкая скамейка с мягкой обивкой, штанга, две пары гантелей с программируемым весом, и беговая дорожка. Помимо уже упомянутых двух полицейских за шахматами, в комнате находилось ещё несколько: тот, что на месте преступления управлял через терминал роботами (ковыряется в холодильнике в поисках съестного), спящий на одном из диванов хакер Серёга, а так же худой лысеющий мужчина лет пятидесяти, читающий на другом диване самую натуральную бумажную газету. Где он её достал — неизвестно, поскольку бумажных газет никто не выпускал уже лет как тридцать, хотя, как заметил Дмитрий, бумага уже успела пожелтеть, а дешёвые чернила — истереться и выцвести, хотя текст и рисунки всё ещё были разборчивыми.

Но внимание Димы быстро переключилось на самого чтеца. В его внешнем виде было что-то странное, необычное, но вот так вот сходу сказать, что именно, было нельзя.

К нему Настя и подвела Диму.

— Никита Сергеевич, добрый день, — поздоровалась с ним Настя.

Тот оторвался от чтения и перевёл внимание на прокурора.

Теперь Дима наконец понял, что было с ним не так — вены. У любого человека видны вены, особенно у людей с тонкой кожей или же хорошей физической подготовкой во время нагрузки, но у этого Никиты вены хоть и не выпирали, но были видны очень чётко. И имели они отнюдь не синий оттенок, а чёрный, но при этом еле заметно светящийся. Не будь это помещение так хорошо освещено, эффект был бы заметен даже на приличном расстоянии. Вены чернели не везде, а преимущественно на левой руке и на шее — выглядывали на плече из-под рукава и практически пропадали в районе локтя, а так же показывались из-под ворота футболки, доходя до кадыка и практически сразу же исчезая после него. Правая половина шеи, как и остальные участки оголённой кожи, была нормальной, чистой.

— Здравствуйте, Анна Игоревна, — поздоровался в ответ Никита Сергеевич.

— Анастасия, вообще-то, — тут же поправила его Настя, да так быстро, словно это уже вошло у неё в привычку.

— Да, никак не запомню.

— А это — Дмитрий Потапенко, — представила она Диму. — Его только что перевели. Он — напарник Максима.

— Напарник?

Никита Сергеевич усмехнулся. Дима обиделся непонятно чему, поэтому напустил на себя самый важный вид, на который только был способен, Никита Сергеевич это заметил и тут же

сделался серьёзным обратно. Но потом всё же хохотнул:

— Напарник Максима? Неслыханное дело!

— А что? — не понял Дима. — Что в этом такого?

— Вообще-то, пока что Дмитрий не его напарник, — поправилась Настя. — Мы собрали следственную группу на время расследования.

— Следственная группа? — удивился Никита Сергеевич. — Настолько всё серьёзно? Такое непростое дело?

— Пока что там много неясностей, — ответил Дима. — Но подробностей не могу рассказать — правила ведения расследований, сами понимаете.

— Правила ведения расследований? — нахмурился Никита Сергеевич. — Это откуда ж тебя к нам занесло, не из южных ли районов случаем?

— Аглинский участок, — подтвердил Дима. — А как Вы..?

— Здесь таких идиотских правил нет, — тут же ответил Никита Сергеевич. — Точнее, есть, но если хочешь работать среди нас, то забудь про них — этика в этих трущобах не работает.

— Ясно, — погрустнел Дима.

— Хорошо, — вставила слово Настя. — Значит так, Дмитрий, перед тобой сидит один из прошлых напарников Максима, так что со всеми вопросами по его поведению иди смело к нему. Но во время подобных «консультаций» либо не попадайся Максу на глаза вообще (его это дико бесит), либо же сразу предупреди его об этом. Он поворчит, поворчит, да забьёт, так что всё будет нормально. Я бы рекомендовала второе. Вы тут пока побеседуйте, а я пойду поищу свидетелей по нашему расследованию.

Дима кивнул и спросил:

— Вы сказали «один из…». Их было несколько?

— О да, — одновременно ответили Никита Сергеевич и Настя. — Их было достаточно много.

— Да? А почему так много, и куда они все подевались?

— Честно? — спросил Никита Сергеевич. — Не знаю. Большинство, поди, как я. Получили ранение в одной из стычек и либо вышли на пенсию по инвалидности, либо же наотрез оказались продолжать работать с Максимом. Один ушёл живым-здоровым — характерами сошлись. Сам же я был его напарником около года, продержался почти дольше всех, но тоже не ужился, хотя дружба у нас какая-никакая в итоге и получилась. Но последние пять лет просиживаю штаны в кабинетах, готовлюсь к пенсии.

— А кто продержался дольше всех? — поинтересовался Дима.

— Самый последний, тот, что как раз перед тобой был, — немного нехотя ответил он. — Переплюнул меня на какие-то две

недели, но у него с Максимом были самые тёплые отношения, на которые только тот способен.

— И что с ним стало?

Прежде чем договорить, Дима уже сам всё понял. Почему получился такой большой временной промежуток между ним и последним напарником, и почему Макс так отреагировал на появление Димы.

— Застрелили, — равнодушно пожал плечами Никита Сергеевич. — Так, что ты хочешь знать о нашем общем, но неприятном знакомом?

Глава 3

Настя вернулась через пару часов — усталая, но довольная. Всё это время Дима общался с Никитой Сергеевичем, пытаясь выяснить способы завязывания дружбы с Максом, правила поведения при нём и так далее, но старый полицейский в основном рассказывал про свои расследования, интересные и необычные случаи, а так же про свою жизнь. Словом, ничего полезного Дима так и не услышал, не смог сделать каких-либо выводов, кроме одного-единственного — с Максом не то что дружить, а даже сосуществовать по соседству крайне тяжело. Но привыкнуть можно.

— Максим ещё не приходил? — спросила Настя, присаживаясь на диван.

Кроме них троих в комнате больше никого не было, все разбрелись по своим делам. Даже партию виртуальных шахмат не закончили, оставив висеть подрагивающую голограмму прямо в воздухе. Был бы здесь Макс, он бы сразу указал, как можно поставить мат чёрным всего за четыре хода, правда, потеряв по пути добрую половину белых фигур, считая королеву, оставшегося слона, обоих коней и кучу недобитых до этого пешек.

— Нет, — Дима покачал головой и продолжил слушать собеседника.

— И тут он такой говорит: «а что, разве плазмогенератор нужно вставлять другим концом?», — кое-как сдерживая смех, рассказывал тот. — Максим, когда это услышал, завыл не хуже сирены гелиевого танкера, который, надо сказать, воет очень даже не слабо. Максим, значит, хватает этого идиота за шкирку, обзывает придурком и швыряет в окно, а затем прыгает сам. Хорошо, что внизу вода была, и когда рванул плазмогенератор, они были под водой!

— Ты снова рассказываешь ту историю, — усмехнулась Настя. — Дим, а Никита не говорил, что этим придурком, который неправильно вставил генератор в пазы, и из-за чего «Астол» понёс убытки в размере более двух с половиной миллионов кредитов, был он сам?

— Да? — удивился Никита Сергеевич и тут же подмигнул растерявшемуся Диме. — Да, я как-то упустил этот момент. Но суть не в этом, самое главное, что с тех пор все плазмогенераторы изготавливают несимметричной формы. Пожалуй, это моё самое главное достижение в жизни!

— Вам ничего за это не было? — обеспокоенно спросил Дима. — Вы не пострадали тогда?

— Чуть-чуть волосы опалил, — Никита Сергеевич провёл рукой по своим жиденьким седым волосам. — Но они через два месяца заново отрасли. А так — да, выговор был, и разбирательство было, но, как видишь, всё обошлось, без жертв же, только производство немножко зацепило. А через месяц, когда предыдущий напарник Максима благополучно отправился на сеансы психотерапии, я понял — вот он, мой шанс поработать с самым крутым полицейским этого города.

— Да уж, радостная перспектива, — погрустнел Дима.

— Не дрейфь, Максим мужик надёжный, — Никита хлопнул его по плечу. — С ним спокойно, как за титановой стеной, до тех пор, пока она не упадёт на тебя и не раздавит!

Старый полицейский хохотнул и тут же закашлялся, а его почерневшие вены на шее вздулись и засветились немного ярче. Он это заметил, тут же достал одноразовую салфетку откуда-то из своих карманов и поднёс ко рту, затем хорошенько прочистил горло, после чего быстро скомкал салфетку и выбросил её в утилизатор неподалёку. Когда скомканная салфетка попала в небольшой контейнер, сверкнула неяркая голубая вспышка, и салфетка, испустив крохотное облачко пара, испарилась. Но Дима, к своему ужасу, успел заметить на салфетке какую-то чёрную слизь, которая явно вышла из лёгких Никиты. Дима деликатно постеснялся спрашивать, что это такое, но жгучее любопытство его не покинуло.

— Анастасия, Вы хотели что-то сказать? — спросил Никита Сергеевич у прокурора.

— Да, — ответила та. — Я нашла свидетеля. Но, к сожалению, вызвать его сюда не получится в силу обстоятельств, так что придётся ехать к нему. Вот только надо найти Максима.

— А Вы на крыше посмотрите, — посоветовал Никита Сергеевич, вставая с кресла. Он щёлкнул по своему наручному терминалу, высветив маленькую картинку с часами, затем сказал: — Удачного расследования! Если что понадобится — обращайтесь, чем смогу, помогу. А мне пора на импульсную терапию.

И он неторопливо вышел в коридор. Дима с Настей проводили его взглядом, после чего направились к турболифту.

— Импульсную терапию? — спросил Дима.

— Электромагнитный импульс, — пояснила она. — Как при взрыве ядерной бомбы, только без ударной волны и радиации, и в гораздо меньших масштабах. Убивает девяносто пять процентов нанитов. Но те потом снова начинают реплицироваться с бешеной скоростью, так что такую процедуру он проходит каждые несколько суток.

— А почему не разом всех?

— Нужен более сильный импульс, но из-за характера проведения процедуры есть большой риск выжечь нервы и мозг.

— Фигово быть им, наверное.

Они снова замолчали.

Подошли к лифту, немного подождали, пока тот подъедет с верхних этажей администрации, после чего вошли в кабину.

— Доступ не выше тридцать второго этажа, — тут же донеслось из динамиков опознавшей их системы. — Этаж назначения?

— Крыша, — неуверенно произнесла Настя.

Крыша, конечно же, находилась выше тридцать второго этажа, но на крыше не заседали высокие чины местного масштаба, считая часть административного аппарата района. И далеко не факт, что система примет приказ. Но, однако, Макс как-то туда проникает, причем, судя по всему, неоднократно.

— Принято, — согласилась система. — Служба безопасности будет уведомлена о данном факте доступа. Продолжить?

— Да. Открыть внешнюю раму…

— Не надо, — поспешно возразил Дима. — Отменить последний приказ!

— Что? Почему? — удивилась Настя.

Дрогнувшие было металлические пластины с внешней стороны лифтовой кабины тут же вернулись на место. Лифт еле заметно тронулся, его пассажиры ощутили практически незаметный толчок, но на самом деле лифт уже набрал очень большую скорость — в отличие от лифта в том жилом здании, здесь за состоянием работоспособности техники тщательно следили.

— Я… я боюсь высоты, — соврал Дима.

— К твоему сведению, мы сейчас едем на крышу семидесятиэтажного здания, — заметила Настя. — Но если тебе так спокойней, то ладно… А я люблю этот вид, особенно сейчас, на закате.

— Всё равно.

Лифт стремительно нёсся вверх по прозрачной и герметичной вакуумной трубе, движимый одной лишь разницей в давлении между той частью, что была внизу, под кабиной, и тем, что было над кабиной. Каждый раз, когда он пролетал мимо очередного воздушного шлюза на каждом из этажей, внутри кабины раздавался лёгкий, еле слышимый мягкий щелчок, но из-за скорости чуть выше сотни километров в час все эти щелчки сливаются практически в единый тихий и успокаивающий шелест. Десять секунд — и лифт практически мгновенно останавливается,

гравикомпенсаторы гасят импульс, и пассажиры лишь на крохотное мгновение испытывают чувство невесомости, но оно настолько мало, что даже подошвы их обуви не успевают оторваться от пола. Более того, многие люди даже не замечают таких переходов — просто входят в лифт, произносят пункт назначения, минует несколько секунд, и пассажир уже выходит. Подумать страшно, что стало бы с человеком, если бы в таком лифте хоть что-нибудь бы сломалось или отключилось! Не сработало погашение инерции, и лифт врезается в верхнее ограждение, либо наоборот впечатывается в фундамент, расплющивая всмятку нагнетатели давления. Появилась трещина во внешнем стекле? Стоит измениться давлению — и стекло разорвётся, а кабина ухнет вниз, больше не сдерживаемая подкабинным давлением. Выйдут из строя гравикомпенсаторы — и пассажиры превратятся в фарш при остановке лифта.

Но, к счастью всех, в истории использования подобной конструкции был всего один-единственный инцидент, да и то, вызванный террористами, а не механической или программной неисправностью.

Крыша оказалась большой площадкой, оборудованной только верхушкой лифтовой шахты, да кое-где стоящими испарителями вентиляционной системы.

Макс стоял возле металлического метрового ограждения и смотрел через бинокль на город. Это было его одним из самых любимых занятий, хотя себе он бы в этом никогда не признался, рассматривая данный акт только как строгую необходимость, оправдываясь тем, что следит за правопорядком. На самом деле, он высматривал возможные источники возникновения угроз его личной безопасности, но прежде всего его личному времени. Ведь чем больше совершается правонарушений, тем меньше свободного времени остаётся у Макса, но здесь же и крылся парадокс — чем больше было свободного времени у него, тем дольше он смотрел в бинокль. Стоит заметить, что бинокль у Макса был превосходный, военного образца, позволявший разглядеть шов на одежде человека, стоящего в ста пятидесяти метрах от Макса, если, конечно, между ними была прямая видимость. Макс исследовал везде — следил за улицами и парками, заглядывал сквозь витрины магазинов, наблюдал за офисными крысами в высотках, даже смотрел в те окна жилых блоков, где их владельцы позволяли это делать, не устанавливая защитную голограмму. И, соответственно, видел всякое, в том числе, и неприличное, но в последнем он не находил как ничего предосудительного, так и особо интересного — он же не извращенец! Правда, если он замечал при этом какие-нибудь

незнакомые и интересные позы, то без зазрения совести наблюдал за действом до тех пор, пока либо то не прекращалось, либо пока не запоминал её, после чего смело переводил взгляд куда-нибудь ещё. Пару раз, бывало, наталкивался на таких же, как и он, с биноклями, но в основном это были затворники, хикки, не выходящие из дома.

Современным системам наблюдения за общественным порядком Макс не доверял, по крайней мере, не полностью. И тот факт, что несколько раз Макс видел готовящееся преступление гораздо раньше, чем его предугадывала общегородская система, оправдывал все его действия и мысли, убеждая в собственной правоте.

— Макс? — громко спросила Настя, когда она вместе с Димой вышли из кабины. — Что ты здесь делаешь?

Двери лифта с тихим шипением захлопнулись, и лифт тут же укатил вниз.

— Слежу за порядком, — ответил Макс, не отрываясь от бинокля. — А что, этого разве не видно?

— Выглядит это совсем иначе со стороны, — пробормотал Дима так, чтобы его услышала только Настя.

— Я нашла свидетеля, — сказала прокурор. — Вот только он в «Аэропонике».

— Заключённый? — переспросил Макс. — Другого нет?

Настя помотала головой и посмотрела на Диму. Тот осторожно подошёл к краю крыши с закрытыми глазами и, уверенно и непринуждённо коснувшись бортика, распахнул глаза. Его виду предстал город, точнее, его беднейший район в лучах закатного солнца. Серые металлические здания, острыми и тонкими как рыбьи кости торчавшими из забетонированной земли, окрасились в золотистый цвет. Окна офисов, а так же немногочисленные окна жилых блоков, где владельцы не прикрывались голографическими изображениями, бликовали, отражали лучи заходящего светила, слепили глаза. Большинство домов было на пару десятков этажей ниже, чем административное здание, где располагалось местное отделение полиции, но примерно каждое двадцатое здание гордо возвышалось над остальными. Два самых высоких здания города располагались всего в десятке километров отсюда — чуть более низкий по сравнению с собратом «ДаркТауэр», и рядом с ним, в паре кварталов, «УайтТауэр». Триста этажей на двоих, и оба стилизованы под свои названия, и оба принадлежат корпорации «Астол». Голографическую эмблему «Астола», гигантский зелёно-чёрный компьютерный чип с отходящими контактами-паутиной, было видно в небе над башнями даже сейчас, но ясной ночью её

заметно куда сильнее.

Дима расслабился: если не приглядываться к зданиям и забыть о том, где он находится, то вид вполне можно назвать если не красивым, то достаточно привлекательным. Но этот урбанизированный, серый, грязный район не идёт ни в какое сравнение с тем, где ещё позавчера жил он. Придётся привыкать.

— Ты как? — поинтересовалась у него Настя.

— Привыкну, — с толикой горечи в тембре ответил тот.

— Хватит сопли жевать! Поехали! — скомандовал Макс.

Он выключил бинокль, сложил его до практически плоского состояния, сдвинув несколько деталей — они тут же изменили свою форму таким образом, чтобы сам бинокль превратился в тонкий параллелепипед, — и положил его во внутренний левый карман своей кожаной куртки, туда, где сердце. Это было сделано из расчёта, что если кто решит пальнуть ему в сердце, то первый выстрел попадёт в несчастное устройство, а не в биологический моторчик Макса. Хотя прецедентов до сих пор не было.

Они вызвали лифт, прождали его около минуты, после чего спустились в подвал и сели в служебную полицейскую машину, одну из тех, что приметил при их знакомстве Дима. Он привык, что в предыдущем его участке транспорт на время службы выдавали в личное пользование, а не вот так, как здесь — если другая группа не заняла машину, то подходи и пользуйся. Было в этом что-то неправильное. А вдруг возникнет инцидент, а свободных машин не будет? Телепортационными системами хоть и боязно пока пользоваться (тебя же дезинтегрируют в ней, а потом собирают заново — страшный и непонятный процесс!), но даже те здесь не встречались пока ещё. Во всём городе были установлены только две телепортационные точки, да и то, ими никто не пользуется из страха. А полностью заменить транспортную систему на подобную слишком дорого даже для Земли. Такое сделали только в небольшой колонии на Марсе, да и то, смирившись с убытками и списав всё на «мы только в рамках эксперимента». Как говорится, авось приживётся, а там глядишь — и остальные подтянутся.

Однако преступления совершались не так уж часто, чтобы те тридцать с лишним сотрудников полиции на район не успевали куда-то там приезжать. Время достаточно спокойное.

«Аэропоника» представляла собой самую натуральную тюрьму, но только не такую, какие существовали до самой середины двадцать первого века, а современную. Туда селили тех, кто не подходил под все остальные виды наказания. Вообще, самым суровым видом наказания была смертная казнь, а убивали нынче многих правонарушителей — убийц, террористов,

анархистов, политических преступников и многих других, в том числе тех, кто по своей халатности допустил гибель более чем двух человек. Поначалу, когда такие меры только-только ввели, изрядно продемократизировавшийся народ воспринял это в штыки, дело доходило до массовых беспорядков, чуть ли не до революции, но постепенно всё обошлось. Сначала народ трясся от любого шороха, но постепенно привык работать качественно и практически не нарушать закон, ведь они знали, что если ты отнимешь чужую жизнь, то отнимут и твою. Но количество преступлений и их жестокость плавно снизились до определённого минимума, упёршись в «случайность» и психологическую природу человека, которую не исправишь никакими законами. Вторым видом наказания была ссылка на каторгу, точнее, на урановые рудники у одного из спутников Юпитера, либо же добывать гелий-3 на Луне, тут уж как повезёт. Как правило, ссылали пожизненно, а если обвинение было для этого недостаточным, то заменяли третьим видом наказания. Хотя, если честно признаться, то это не было наказанием — психологическая коррекция. Тут тоже как повезёт — если психические отклонения сильны, например, человек не может бороться с клептоманией, особенно если при этом он отвечает за финансовые потоки в каком-нибудь крупном банке, то психологическая коррекция выжигала этот недуг настолько, что человек банально становился дебилом. Но зато его сразу же после всех процедур выпускали на волю и даже помогали подобрать работу и образ жизни. Если недуг был куда менее серьёзным, либо же его не было вовсе (умопомрачение, с кем не бывает), то человеку выборочно стиралась память и проводился «косметический ремонт» психики в сторону чуть большего гуманизма по утверждённому государством шаблону. Конечно, промывка мозгов официально была добровольной — если не хочешь этого, то пожалуйста — иди трудись в «Аэропонику» или в другую подобную организацию. Про не официальную ситуацию предпочитали не распространяться.

Осуждённый получал полную свободу на всей территории тюрьмы, он там жил, ел, спал, встречался с друзьями, но обязательным условием было работать. Забесплатно, конечно же, но в свою очередь государство обеспечивало «жильцов» необходимым минимумом. Существовали внутренние сервера с официально одобренными виртуальными средами, даже сообществами. Раз в месяц разрешалось на час выходить в мировую Сеть.

Конкретно в «Аэропонике» занимались, как ясно из названия, выращиванием растениями — овощи, фрукты, но, в основном,

контролировали переработку углекислого газа из атмосферы в кислород специально генетически модифицированными колониями бактерий. Общественно-полезный труд в самом явном виде.

Полчаса езды по городу навстречу опускающемуся солнцу и ещё около получаса езды по скоростной автомагистрали среди полей, пристыкованных к «Аэропонике» — обычная пшеница и кукуруза, пусть и тоже генетически модифицированная, но это для урожайности и противостоянию вредителям. Но это летом, сейчас поля желтели сушняком, весь урожай уже собрали.

Доверив управление автопилоту, Макс проспал всю дорогу, наслаждаясь практически бесшумным ходом автомобиля на гелий-3 топливе. Дима смотрел по сторонам, это было его любимым занятием даже при условии, что вид за окном не менялся совершенно в течение десятков минут. Хотя Настя подозревала, что это Дима так расслабляется, отключает мозг, если даже не спит с открытыми глазами, не забывая при этом провожать тоскливым взглядом одиноко стоящие в поле редкие деревья — лес теперь можно было встретить только на виртуальных серверах, ну или на Эдеме или другой планете-колонии земного класса. Сама Настя изучала какие-то свои служебные документы, в большинстве не связанные с текущим расследованием.

«Аэропоника», к сожалению Димы, оказалась скучным серым бетонным кубической формы зданием. Ни тебе цветастых голограмм в половину неба, ни интересных выступов или хотя бы модных в последнее десятилетие безвкусных колонн в римском стиле. Обычный куб, только двадцатиметровый, с окнами и кучей дверей. Забор вокруг всего предприятия они оставили пару десятков километров назад, когда начались поля, так что если бы не комендантский час, то из этой кучи дверей постоянно бы кто-нибудь выходил с каким-нибудь измерительным прибором — проверять состояние почвы для посевов на следующий год. Хотя пшеницу уже давно выращивают на орбите, здесь она скорее была придатком к городу, один из многих мелких предметов гордости, ведь на сегодняшний день мало какой город мог похвастаться тем, что он в состоянии обеспечить самого себя едой.

Самого заключённого они нашли быстро — во-первых, их сопроводил один из местных охранников, во вторых, осуждённые жили точно в таких же жилых блоках, какие были повсюду в Волжском районе, где сейчас работала вся троица следователей. Настя не придала этому факту никакого значения, Диму повергло в шок, а Макс несколько недовольно отметил про себя, что нынче осуждённые живут получше некоторых.

— Борис Тарадайкин? — поприветствовала Настя.

— Ну, — утвердительно буркнул тот в ответ.

Борисом Тарадайкиным, осуждённым за сексуальные домогательства до своих подчинённых, оказался низенький, под метр шестьдесят, пухлый человек с горбатым носом и подозрительно добрым прищуром карих глаз. Именно этот факт впечатался в сознание Макса, когда он сначала услышал откровенно грубое «ну», а потом увидел его глаза.

Такой человек вызывал кучу подозрений, мгновенно убедивших Макса в том, что тот здесь сидит не просто так.

Тарадайкин сидел за единственной мебелью в своём крошечном блоке помимо кровати и унитаза — столом. Он читал на древнего вида сенсорном мониторе, не оборудованном даже модулем голографии, какую-то книгу.

«Эстет, он не пользуется диктовщиком», — подумал Дима.

— Повежливей! — недовольно рявкнул Макс.

— Ладно-ладно, — тут же испугался Тарадайкин. — Чего хотели?

— Согласно нашим данным, в пятницу вечером, в районе одиннадцати вечера Вы пребывали на виртуальном сервере, имитирующем город Париж начала двадцать первого века, — протараторила Настя, зачитывая строчку со своего терминала. — Это так?

— Ну, — утвердительно ответил тот. Заметив, как Макс сжал от злости кулак, поспешно исправился: — Да, так точно, госпожа прокурор!

— Вы находились весь свой час возле Эйфелевой башни, так?

— Ну да, — не стал отпираться Тарадайкин. — У Вас же логи есть, что вы меня-то допрашиваете?

— Это ещё не допрос, — усмехнулся Макс.

Дима всё это время безучастно стоял позади них, предпочитая наблюдать и вмешаться только тогда, когда Макс не выдержит и взорвётся. Почему-то он думал, что это произойдёт достаточно скоро.

— Таков порядок, — равнодушно пояснила прокурор. — Вы видели Купцову Антонину Яковлевну? Она была в аватаре Галадриэль из «Властелина Колец».

— Эльфийку-то? — сообразил Тарадайкин. — Да, видал такую.

— Расскажите о ней, — велела Настя. — Она была одна? Что делала? Что Вы видели?

— Ну… — Тарадайкин на секунду задумался. — Когда я подключился, она уже сидела на скамейке с этим парнем, обнимались они, значит, шептались. Он ещё приставал к ней, она

возмущалась, но я-то видел, что она не особо была против.

— Что за парень? — насторожился Макс.

Да, собственно, насторожились все, Дима даже включил запись разговора на своём терминале — на всякий случай, хотя изначально они договаривались, что фиксировать всё будет прокурор. Это её прямая рабочая обязанность.

— Да не знаю, незнакомый. Он использовал своё тело, я так думаю. Ну, или даже генератор аватар. Не очень, короче. Я бы лучше выбрал! Да я и выбрал…

— Выглядел он как? — с нажимом спросил Макс.

— Да никак! В костюме, в пальто чёрном. Лысый, глаза бледноватые какие-то, на альбиноса даже чем-то похож, бледный весь. И шляпа дурацкая на башке! Такие сейчас мало кто носит.

— Какая шляпа? — подал голос Дима, почувствовав почву под ногами — в шляпах он разбирался неплохо. — Цилиндр? Фетровая? Акубра?

— Кадабра? — не понял осуждённый. — Не знай, шляпа как шляпа! Да мужик тот неинтересный был, гораздо интереснее то, что с эльфийкой потом произошло! Я, значит, хотел подкатить к ней, подвинуть парня, но не успел — та неожиданно растеклась вся по скамейке, словно сознание потеряла. Но это ж виртуальность, здесь так не бывает! Ну и спрашиваю, значит, у шляпы, что это с ней…

Неожиданно на терминалы Насти и Димы поступил входящий вызов. Макс неодобрительно посмотрел на них, но ничего не сказал.

— Я приму, — сказал Дима и вышел в коридор.

— … а он говорит, значит, что они, дескать, встречаются тайно, поскольку их семьи враждуют, что им обоим по шестнадцать лет, и что это, наверное, её отец отключил её от сети. Он посидел немного, после чего убедился, что его эльфийка вернётся не скоро, встал, откланялся и ушёл с сервера. Всё! Больше я ничего не видал!

— Благодарим за сотрудничество, — тут же поблагодарила его Настя.

— Что?! — возмутился Тарадайкин, даже привстав из-за стола.

Рука Макса рефлекторно дёрнулась к кобуре слева под курткой.

— И это всё? — не заметил этого осуждённый, сильно рискуя. — Ни тебе современного терминала, как я просил, ни даже поцелуя! Издевательство! Я тут душу выворачиваю, из шкуры, значит, лезу! А Вы…

В блок вошёл обеспокоенный Дима. Остановился, вытер пот

со лба своим платком, после чего произнёс:

— Убийство возле Центрального Парка, в компьютерном клубе. Остальные группы заняты, так что отправляют нас.

— Зараза! — ругнулся Макс. — Ещё одно дело только отвлекать будет. По коням!

— Эй, а как же я? — возмутился Тарадайкин.

— Ладно, дадим тебе ещё один дополнительный час в виртуальности в месяц, — пообещал Дима.

На взгляд Макса — опрометчиво.

— Вот, сразу видно хорошего парня! — обрадовался осуждённый.

Глава 4

В автомобиль они все садились очень неохотно, даже Дима. Но если Макс и Настя привыкли работать вот так, когда их могут отвлечь от их текущего дела и повесить ещё одно, то проработавший некоторое время, пусть и недолгое, в элитном участке Дима привык к совершенно другим вещам. Например, к тому, что он будет уверен, что если ему поручили заниматься каким-либо конкретным делом, то второе ему назначат только в самом крайнем случае, как правило — если все другие сотрудники уже будут иметь по одному, а некоторые по два дела. Судя по всему, здесь авралы случались часто, хотя никто из современных полицейских понятия не имел, сколько параллельно дел вели их коллеги в конце двадцатого века. Если бы они об этом узнали, то их глаза бы из орбит вылезли.

— Зачем ты ему пообещал дополнительный час? — зло спросил Макс, едва дверь машины захлопнулась, и внутри установилась тишина.

— Ну как же…

Дима растерялся — по его мнению, здесь было всё очевидно.

— Он — осуждённый преступник! — выпалил Макс. — Вбей чёртов адрес!

— Что? Какой адрес? — не понял Дима.

— Места преступления! В навигатор! Этот… человек к тому же отказался от коррекции психики, разве уже это не характеризует его как человека крайне низких моральных принципов?

— Что? — Дима поморщился от такой формулировки. — Нет, конечно же, нет! Это же промывка мозгов!

— И что с того? — буркнул Макс.

Дима наконец отметил конечный пункт их поездки, машина тронулась, и Макс, увидев стремительно приближающееся поле спокойной и пожухлой травы, в результате сам немного поутих. Буря, закипевшая внутри него, которую он всеми силами сдерживал до того момента, как они заберутся в автомобиль, получила небольшой выход и ослабила напор. Но Макс втайне надеялся, что Дима тоже не будет сдерживаться, выстрелит своей точкой зрения, у них завяжется спор, и в результате… что? Наверное, в результате Макс расслабится, выпустит пар. Либо бить кому-нибудь морду, а если желающих нет — то хотя бы так. Слаба небесам и великому байту, что Настя благоразумно предпочитает не вмешиваться в разгоревшуюся перепалку. Боится, что её тоже зацепит. Правильно, она уже опытная в таких

делах!

— Как это, «что с того»? — Дима пошёл по предсказанному Максом пути. — Он имел право сохранить свою личность нетронутой, и он им воспользовался вполне обоснованно. Я его понимаю, и будь я на его месте, я бы поступил также.

— Будь я на его месте, я бы застрелился, — последовал жёсткий ответ. — Своим часом ты дал ему шанс связаться со своими дружками, организовать побег и продолжить нарушать Закон!

Макс прекрасно понимал, что его реплика практически не имеет под собой никакого основания, что она притянута за уши, но если он правильно оценил своего будущего напарника, то результат последует незамедлительно.

— С чего ты это взял? — поразился Дима.

Правильно, говори дальше, развивай свою мысль! У Максима уже имеется весомый контраргумент.

— Как ты можешь так..? — поражённо выдохнул Дима и внезапно сделал длинную паузу, не закончив фразу. Подумал, взвесил и к полной неожиданности Макса добавил: — Мне искренне жаль, что ты так думаешь.

Теперь в шок оказался повергнутым сам агрессор. От такой реакции у Макса закоротило мозг, и приготовленная фраза, которая должна была опираться на совсем другие слова, рассыпалась в прах. Нужно было срочно готовить что-то новое, не менее убойное для этого ребёнка. Да как он может оставаться таким наивным на подобной работе?! Здесь же всё очевидно, чёрным по белому написано! Здесь…

— Так, хватит! — не вытерпела Настя. — Как старший по следственной группе я выношу вам обоим устное предупреждение! Если ещё раз заведёте подобный разговор в моём присутствии, то последствия ощутят ваши финансовые счета.

— Деньги — мусор, — тихо произнёс Дима. — Люди важнее.

Макс рассмеялся:

— Да ты, видно, ещё понятия не имеешь, насколько различаются твоя прошлая и твоя будущая зарплаты! Смотри, парень, доиграешься словами рано или поздно.

— Что будем делать со шляпой? — Настя решила окончательно перевести разговор в другое, куда менее взрывоопасное русло. — В смысле, с тем мужчиной, который был в момент смерти с Купцовой на том сервере?

— Что делать, что делать, — Макс мрачно уставился на тёмную дорогу перед капотом автомобиля. — Вычислять, кто он такой, после чего найти и посадить в обезьянник, допросить по

форме «один-один-четыре», а потом пристрелить ублюдка.

Макс невольно продолжил начатую игру, надеясь на то, что Дима клюнет на заброшенную им приманку.

— Эй! Да так нельзя, ты, верно, шутишь, — не поверил Дима.

Не сработало, Макс ожидал далеко не такой реакции.

— «Один-один-четыре», — произнёс Дима. — Давай сначала выясним, причастен ли он к этому, или же он оказался втянут случайно, а потом уже будем устраивать кровавую охоту. Конечно, убийца должен понести заслуженное наказание, но надо прежде понять, убийца ли он или действительно подросток, нацепивший аватар из готового набора. Вдруг Купцова его одурманила, солгала о своём возрасте, прикинулась ровесницей?

— Ты думаешь? — засомневалась Настя. — Вообще-то, это вполне может быть. Мой племянник как-то раз попал на одну такую дамочку в виртуальности, вот только дамочка оказалась пятидесятилетним потным мужиком, решившим позабавиться с несовершеннолетним мальчиком.

— Ого, — как-то без эмоционально отреагировал Дима. Видно, устал за день. — И как твой племянник — нормально?

— Конечно! — усмехнулась Настя. — Он наживкой работал по моей просьбе. Мы этого мужика три месяца пытались вычислить, уж больно он умело скрывался, даже ГИН (примечание: Государственный Идентификационный Номер, представляет собой хэш-сумму, вычисленную из генома человека специальным алгоритмом) смог несколько раз подделать. Зато сейчас бьёт все рекорды по добыче урана, я проверяла.

— Значит, надо будет проверить этого шляпника по ГИНу, — предложил Дима. — На сервере должны были остаться данные, насколько я помню, логи хранятся около двух месяцев на подобных ресурсах.

— Если только и он его не подделал, — проскрипел Макс. — Подозрительный он какой-то, не нравится он мне.

— Тебе никто не нравится, — заявила Настя. — А ГИН подделать очень непросто, для этого нужны большие вычислительные мощности, дома сейчас ни у кого таких нет, терминалы только как клиенты работают, а все вычислительные сервера строго охраняются.

— А как же тогда Вашему знакомому это удалось? — не понял Дима.

— Он был хорошим хакером, — пояснила она. — К тому же, у него была своя небольшая фабрика по производству процессоров, он мизерную часть каждой партии в брак списывал, а после из этого собирал вполне рабочие машины. Мы когда стали поднимать все данные по нему, выяснили, что он такие

махинации проделывал уже лет десять, но практически всё продавал на чёрный рынок, только под конец, когда стал западать на мальчишек, решил уже собирать всё под свои нужды.

— Мразь! — выплюнул Макс.

— Не то слово, — дружно согласились с ним Настя с Димой.

— Как только в город въедем, я оставлю заявку нашим технарям, — пообещал Максим, безрезультатно пощёлкав по терминалу, встроенному в автомобиль. — Здесь что-то ловит плоховато.

Настя согласилась с ним, а Дима хотел было предложить, чтобы заявку составил он, но потом подумал, что сделает её он раз в пятьдесят медленней Макса, да и имён исполнителей он пока не знает. Поэтому благополучно промолчал.

Вскоре на тёмном ночном горизонте показалось светлое облако, а потом уже выглянул и сам город, сияющий светодиодными вывесками, неоновыми огнями и голографическими изображениями. Через пару десятков минут служебный полицейский автомобиль въехал в город, и вокруг тут же посветлело, если сравнивать урбанизированную среду с голыми полями. Народ на улицах по-прежнему сновал туда-сюда, казалось, что людям не важно, день на улице или ночь. С изменением времени суток людей на улицах стало не сильно меньше, да и в некоторых кварталах, если не смотреть вверх, то ни за что не скажешь, что опустилась ночь. Как правило, это были финансовые и торговые кварталы с очень плотной застройкой, где здания возвышались на головокружительную высоту, заслоняя небо. Зато возле Центрального Парка, единственного места на ближайшие три сотни километров, где можно было увидеть самую настоящую рощу, практически лес, хоть и искусственно высаженный, над головой было видно небо. А вот лесов на Земле осталось крайне мало, в частности, из-за их вырубки и отказались от бумаги и дерева в обиходе. Поэтому повсюду и стоят всякие «Аэропоники», а заключённых туда уже приписывают скорее по удобству, ведь кто-то должен следить за растительностью, а автоматика в обслуживании стоит примерно так же, как и осуждённые, которых всё равно нужно куда-то девать. Двойная выгода.

Компьютерный клуб представлял собой большой, на двести с лишним мест, кластер из кучи терминалов и двух поддерживающих его вычислительных серверов, на которых дополнительно развернули местную зону виртуальности, воссоздававшую город в том состоянии, в котором он был лет пятьдесят назад. Популярностью данный ресурс не блистал, но представлял интерес для исторических и архитектурных

факультетов местных ВУЗов, предоставляя возможность бесплатно заняться исследованиями. Сам клуб держался на постоянной в силу близости Парка волны клиентов, ищущих других виртуальных удовольствий. Конечно, в виртуальность можно было спокойно залезть и дома, но большинство предпочитало это делать в компании друзей, знакомых и родственников. Люди приходили сюда группами, справляли дни рождения, свадьбы, даже изредка похороны — клуб предоставлял им необходимое количество терминалов, а так же в случае необходимости воссоздавал на собственных серверах виртуальную среду, которую запрашивали клиенты. Также сюда приходили и одиночки, предпочитавшие практически полную анонимность — вычисляли их ГИН и предоставляли терминал. Как правило, подобные клиенты в поведении походили друг на друга — приходили тогда, когда других посетителей было меньше всего, выбирали самый дальний терминал, подальше от всех, и тихо и мирно сидели оплаченное время, после чего ни с кем не прощаясь, уходили прочь.

Елена Головач была одной из них. Пришла около полуночи, оплатила два часа, села в самом дальнем углу и попросила не беспокоить её. И её действительно не стали беспокоить ровно до тех пор, пока она не отсидела своё оплаченное время. Сначала менеджер зала решил, что клиентка захотела посидеть ещё, а дополнительное время оплатила бы на выходе, ведь так многие делают, это обычная практика. Но спустя ещё час он не вытерпел и решил у неё поинтересоваться, сколько она ещё собирается сидеть. И, едва подойдя к ней, он тут же всё понял и вызвал полицию. Правда, ту ждать пришлось довольно долго при условии, что полицейское управление находится почти под боком, в получасе езды. Просто свободных полицейских не было.

Чёрный блестящий полицейский седан миновал голограммную стену ограждения, вокруг которой уже собралась толпа — большей частью это были выгнанные из зала недовольные клиенты, не понявшие, что случилось, и почему их всех выгнали, но встречались и простые зеваки. Возле входа в клуб был припаркован белый фургон медиков — у них таких завалов, как у полицейских, не было, так что приезжали они всегда быстро.

— Мы уже потеряли кучу времени, — недовольно заметил Макс, вылезая из машины и тут же направляясь к входу в клуб.

— Это наша работа, — укоризненно заметил Дима.

— Знаю, — ответил Макс. — И только поэтому я и иду туда.

— Я останусь здесь, — предупредила Настя. — Не люблю подобные места, да и свидетелей из числа клиентов необходимо

порасспрашивать.

— Хорошо, — согласился Макс. — Салага! За мной.

Внутри они и нашли труп. Смерть Головач ничем не отличалась от гибели Купцовой, разве что, времени прошло гораздо меньше, да и Макс цинично заметил, что Головач будет посимпатичнее Купцовой. Полицейские выяснили, что жертва пришла в клуб одна, за всё время к ней никто не подходил, она ничего не ела и пила только минеральную воду из одноразового стаканчика. Эксперты уже провели все экспресс-анализы, но результаты оказались нулевые.

— Ковёр придётся выкидывать, — заметил Макс, глядя на большое кровавое пятно возле жертвы. — Уже не отмыть.

— Как цинично, — не одобрил Дима.

— Думаю, ковёр — наименьшая из проблем, — дрожащим голосом сказал менеджер. — Мой босс меня прибьёт! Репутация клуба безнадёжно испорчена.

— А Вы выставите это как достопримечательность, — посоветовал с серьёзным видом он.

— Да Вы сумасшедший! — ужаснулся менеджер. — Это же… это убийство!

— Вот именно! Как часто сегодня совершаются убийства? Настолько редко, что у обывателей уже со скуки появляется нездоровое любопытство! Пиар, конечно, грязный выйдет, но свой кусок славы он отработает честно, нужно только грамотно преподать.

Менеджер подумал и согласился, что это может сработать.

Это было единственным примечательным фактом данного события помимо трупа.

После этого полицейские проверили записи с видеокамер и, обнаружив, что к жертве действительно никто не подходил — она просто в один момент умерла, — в разочаровании направились обратно к машине. Больше здесь делать было нечего.

— Сворачиваемся, — приказал уже возле самого выхода Макс. — Её — в мясовозку, стакан с водой загерметизировать, опечатать и взять вместе с трупом. С терминала, за которым она сидела, сбросить все лог-файлы на официальный полицейский сервер, туда же и видеозапись. Сам терминал опечатать в радиусе трёх метров. В зал никого не пускать до тех пор, пока не прибудут наши криминалисты и не приберутся тут. Они сами выдадут разрешение. Салага — к выходу! Посмотрим, что там нарыл наш прокурор.

Глава 5

Едва они вышли, как Дима сразу заметил, что народу за ограждением прибавилось, а Макс даже понял, почему.

— Пресса, — с отвращением выдохнул он. — Этого ещё не хватало.

— Это — их работа, — пожал плечами Дима. — Где же им ещё быть?

Дима на своём прошлом месте работы уже привык к вниманию прессы к ходу расследования. Правильно, ведь в том районе грабили в основном богачей или других известных личностей, фирмы с громкими и широко известными именами — как здесь не обойтись без освещения преступления в СМИ? Но, в отличие от Димы, Макса редкие столкновения с прессой бесили. Не то, чтобы в спальном районе не было громких новостей, нет, отнюдь, скорее даже наоборот. Просто Макс всегда успевал закончить работу на месте преступления до того момента, когда не в меру любопытные длинноносые работники СМИ успевали прибывать туда же. Макс быстро приходил, благодаря своей выправке и чёткому следованию правилам и процедурам быстро и без проблем всё обследовал и получал максимум информации или, по крайней мере, дальнейший доступ к ней из полицейского управления, а потом спокойно уезжал. А пресса в лучшем случае приезжала только через пять минут после его отбытия.

Но сегодняшний вечер выдался паршивым и, судя по всему, дальше будет только хуже.

— Не там, где я, — ответил Макс, решительно направляясь к полицейской машине.

Настя уже сидела внутри. Видно, вовремя заметила прессу и скрылась в звуконепроницаемом салоне автомобиля до того момента, как пресса успела позвать её.

Толпа тихо гудела, многие переговаривались, и полицейские к этому гулу мгновенно привыкли. Поэтому, когда настроения толпы резко и внезапно изменились, и гул стал необоснованно громче, Макс сразу заметил это и стал искать причину. И нашёл, но Дима увидел её чуть раньше.

— Как они прошли? — удивился он.

— Зараза, — прошипел Макс. — Только не она!

Предполагалось, что пройти сквозь ограждение может каждый, но НЕ ударит током только того, кто имеет на это право. И это право проверялось благодаря проверке ГИНа через пластиковую карту. А поскольку ГИН строго зависел от ДНК своего обладателя, то такая связка считалась неделимой, по

крайней мере, благодаря специальным алгоритмам вычисление одного из другого было строго однозначным. Подделка считалась настолько трудоёмкой, что за неё мало кто брался.

Очевидно, для репортёрши и её оператора это было не так. По крайней мере, других способов Макс не видел.

— Майор Бор! Максим! — репортёр стремительно неслась по направлению к растерявшемуся Максу. — Подождите! Ответьте на пару вопросов!

— Салага! Живо в машину, мы ещё можем успеть!

Дима послушно отворил дверцу автомобиля со своей стороны и успел сесть внутрь прежде, чем к ним подбежали представители прессы, но вот его будущий напарник оказался не таким расторопным. Хотя, быть может, он так поступил специально, чтобы в одиночку во всём разобраться.

Едва Дима захлопнул свою дверь и сел уже на ставшее привычным ему заднее сидение, как мимо него проскочил оператор, за которым вслед пролетел довольно тяжёлый жестяной шар размером с дыню робота-фотокамеры. При этом робот повернулся вокруг своей оси, намереваясь запечатлеть Диму, но опоздал на какую-то долю секунды — Дима успел нажать на кнопку включения тонировки стекла. Робот разочарованно мигнул вспышкой, но не задержался и полетел дальше.

А там, за стеклом, снаружи, Макс замер в позе, подозрительно напоминавшей Диме боевую стойку. Словно бы ворчливый майор готовился к самому настоящему нападению, раз уж его поймали, и он не успел спрятаться в служебном автомобиле. Прямо перед ним стояла девушка с длинными светлыми волосами. На её бежевом длинном плаще в районе груди была прикреплена пластиковая карта, высвечивающая небольшую голограмму с изображением синего глобуса, по экватору которого крупными красными буквами бежала надпись «Пресса». Дима невольно засмотрелся на девушку, изучая её овальное лицо с гладкими чертами — это лицо буквально светилось жаждой узнать абсолютно всё. И, конечно же, рассказать об этом в своём репортаже.

— Кто это? — спросил он, продолжая вглядываться в её лицо.

— Репортёрша? — переспросила Настя с переднего сидения. — Алёна Долговязова, «ЛибреПресс». Хватит пялиться, у неё на лице голограмма!

— Что? — удивился Дима и сообразил, что именно это и привлекало его в её лице.

Слишком оно правильное было, таких не бывает у людей. Во всяком случае, у тех, кто не балуется пластическими операциями.

— Голограмма, — повторила Настя. — Ты что, она же

репортёр, её лицо видит ежедневно весь этот район, а это — почти полтора миллиона человек! Её лицо и должно быть идеальным. Проектор, кстати, спрятан у неё в воротнике плаща, если что.

— Откуда ты знаешь?

Дмитрий снял с себя оцепенение и посмотрел на картину в целом. По другую сторону стекла Макс по-прежнему стоял в боевой стойке, но, правда, демонстративно-расслабленно положив левую руку на крышу автомобиля. Репортёр его о чём-то спрашивала, не стесняясь демонстрировать яркие эмоции вроде откровенного любопытства или притворного страха из-за произошедшего рядом преступления. Макс отвечал с большими паузами, словно контуженный, неохотно, всё время прищуривался в приступе подозрения, отчего его лицо, и без того выглядевшее лет на десять старше положенного, ещё больше прорезалось морщинами, в особенности в уголках глаз и на переносице. Оператор серой мышкой незаметно мелькал где-то в стороне, то появляясь в поле зрения, то тут же пропадая, словно профессиональный разведчик-диверсант — старался не попадаться в объектив летавшего повсюду его же шарообразного робота. Сам робот вертелся вокруг беседующей парочки, освещая их своим прожектором с разных ракурсов, делая снимки и иногда ещё и ведя запись.

— Макс как-то рассказывал, — пожала плечами Настя. — Вообще, Макс довольно много всего знает, так что если сможешь ужиться с ним, то обязательно расспрашивай его обо всём. Но не будь слишком навязчивым, ему это не нравится.

— Я вижу, — кивнул Дима, продолжая наблюдать за интервью.

А в это время по другую сторону стекла Макс допрашивал Алёну Долговязову, пытаясь не отвечать на её встречные вопросы:

— Это закрытая территория! Как ты сюда проникла?

Но Алёна не желала сознаваться, поэтому гнула свою линию:

— Майор Бор, Вы подтверждаете, что в клубе «Девятый бит» произошло зверское убийство?

— Что? — задохнулся Макс. — Как ты узнала? Кто рассказал?

— Мои зрители желают знать, господин майор, им нужна информация! Неужели Вы не расскажете им ничего из того, что они вправе знать? Смотрите, пожалуйста, в камеру, господин майор.

— Это — тайна следствия! — категорично заявил Макс, проигнорировав последнюю просьбу.

Он смотрел прямо на Алёну, буквально пожирая её глазами, словно пытался мысленно заставить её пропасть на месте вместе с

её паршивой камерой. Будь на её месте Дима, Настя или любой другой человек, они бы мгновенно извинились и поспешили убраться прочь, прежде чем Макс потеряет остатки терпения и взорвётся праведным гневом. Но Алёну это только забавляло, она словно играла с огнём — опасно, но от этого только веселее. И это бесило Макса ещё больше.

— Это убийство как-то связано с предыдущим убийством, недавно произошедшим в одном из спальных кварталов? По нашим данным, оба расследования ведёте Вы, — заявила она.

Рука Макса соскользнула с крыши машины, и пальцы на ней сжались в кулак с сильным скрипом сухой грубой кожи. Но никто этого не услышал и не заметил.

— Немедленно выключи камеру и выйди за ограждение! — сдерживаясь, посоветовал он. — Это закрытая территория!

— Так Вы подтверждаете данное предположение? — Алёна улыбнулась, попав в очередной ракурс объектива.

Макс воспринял это неправильно, ему показалось, что эта глупая выскочка насмехается над ним. Да что там, над ним — над Законом! Поэтому, когда камера сделала ещё один оборот вокруг машины и препирающейся парочки и выплыла из-за головы Алёны, зависнув над ней и внезапно включив вспышку для снимка, Макс среагировал молниеносно. Правая рука дёрнулась влево, нырнула под кожаную куртку и тут же вынырнула обратно, сжимая пистолет. Массивный воронёный ствол мигнул полускрытыми светодиодами, тут же сменившими расцветку с белого на красный, после чего пистолет слегка дёрнулся, выплёвывая снаряд. Светодиоды последовательно вслед за снарядом вновь изменили цвет на зелёный, сигнализируя о произведённом выстреле. Снаряд — небольшой, не крупнее шарика для пинг-понга, ослепительно-белый заряд — вылетел из ствола и, пролетев в каком-то сантиметре над головой Алёны, попал аккурат в крохотный пятачок-объектив робота-камеры. Раздался треск электричества, по роботу пошли мелкие разряды, после чего робот жалобно пискнул и камнем рухнул на асфальт. С грохотом ударился в него и медленно покатился в сторону; оператор ловко остановил его ногой через пару метров.

— Макс, ты — больной псих! — воскликнула ошарашенная Алёна, невольно и сильно запоздало пригнувшись и прикрыв голову руками.

Макс хладнокровно посмотрел на неё, потом перевёл взгляд на своего поверженного противника и, признав победу, перевёл пистолет в безопасный режим, включив предохранитель обратно (светодиоды при этом снова окрасились в белый, а через секунду погасли). Майор подумал, взвесил и убрал пушку обратно в

кобуру под куртку. Подошёл к ставшей лихорадочно поправлять причёску Алёне и без раздумий сорвал с неё её удостоверение прессы. То, едва оказавшись в чужих руках, мгновенно выключило голографию и нарисовало на себе жирный красный крест — неверный владелец.

— Ты чуть не прикончил меня! — возмущалась та. — Эй, это моё, ты не имеешь права!

— Правда? — удивился Макс. — Давай я заберу твою карту на проверку, а то мне кажется, что этот крест на ней недостаточно малиновый. И если на этой карте действительно твой ГИН, не взломанный, то ты сможешь забрать карту уже через пару часов. Идёт?

Алёна ничего не ответила на это, только продолжила возмущённо что-то бормотать себе под нос.

Максим угрожающе подошёл к оператору, равнодушно оглядывавшему своего дохлого робота, и просто протянул руку ладонью вверх. Оператор отвлёкся и, равнодушно разведя руками, отдал ему свою карту тоже. Макс удовлетворённо кивнул, после чего быстро подошёл к машине и сел на переднее сидение, рядом с Анастасией.

— Ты — придурок, Макс! — громко крикнула Алёна. — Тебе лечиться надо!

— Это непрофессионально, — равнодушно прокомментировал тот в ответ и закрыл дверь.

Макс спокойно включил терминал автомобиля, активировал маршрут возвращения в участок и включил автопилот. Автомобиль сдал немного назад, развернулся и, выехав за ограждение, вклинился в редкий поток других автомобилей.

— Ты не слишком жёстко с роботом? — обеспокоенно спросил Дима, косясь в сторону прокурора. — Как бы на тебя в суд не подали…

— Пусть только посмеет, — усмехнулся Макс.

Он как раз вставлял изъятые карты в специальное отверстие терминала. Система, считав данные с подсунутой карточки, произвела необходимые вычисления и вывела их на лобовое стекло с внутренней стороны.

— ГИН валидный, — Настя не удержалась и посмотрела на вылезшие данные. — Алёна Долговязова, всё верно.

— Конечно, — кивнул Макс. — Я и не сомневался. Вот только этот ГИН принадлежит тринадцатилетнему полицейскому в звании генерал-лейтенанта — взаимоисключающие параграфы.

— Я так же подловила того мужика, — согласилась прокурор. — Система такие данные принимает без вопросов, так что без людей пока что не обойтись.

— И слава Богу, — добавил Дима. — А то подумать страшно, что бы тогда творилось у нас.

— Ты — верующий? — удивился Макс.

— Да, — несколько смутился тот. — Инфохристианин.

Он опасался, что этот факт станет ещё одним поводом над издёвками над ним, поводом для упрёков в устаревших взглядах на жизнь и мироздание, ведь вокруг царила эпоха просвещённого атеизма. Даже агностицизм вызывал смех.

— Я тоже, — неожиданно признался Макс.

— Два сапога пара, — Настя неодобрительно отвернулась от них.

— Макс, а почему ты так странно общался с прессой? — задал вопрос Дима. — Как будто ты знаешь эту Алёну Как-её-там.

— Долговязову, — поправил его Макс. — Ненавижу прессу.

Всю приподнятость и лёгкость настроения тут же как ветром сдуло, Макс снова очерствел внутри и огрубел внешне, паршивое самочувствие опять овладело им.

— Он переспал с ней, — ответила за него Настя.

— Это личное! — тут же рявкнул он.

— У тебя не бывает личного, — возразила она. — У тебя везде работа.

— Хватит! — взорвался Макс и мгновенно утихомирился — мозг переключился в рабочий режим, воскресая недавно полученные сведения. — Что ты узнала из толпы?

— Да ничего, — сокрушённо пробормотала Настя. — Они будто все разом зрение потеряли и оглохли. Никто ничего не видел, не слышал и даже не заподозрил.

— А откуда тогда слух про убийство пошёл? — спросил Дима. — Если толпа ничего не видела.

— Утечка? — предположил Макс. — Репортёры подключились к внутренним системам, хакнули систему. Надо будет сообщить об этом.

— Да успокойся ты, — взмолилась Настя. — У тебя везде одни враги да заговоры! Один из менеджеров проболтался, вот и всё. При мне это было. А что вы нашли внутри?

Дима содрогнулся, едва вспомнил.

— Точно такой же труп, — ответил он, смотря в окно и ничего там не видя — перед глазами у него стояли лица обеих жертв.

И он, собравшись с мыслями, рассказал всё, что они с Максом выяснили. Настя выслушала внимательно, делая небольшие пометки в своём наручном терминале и дополняя базу дела, а Макс по окончании повествования раскритиковал Диму:

— Слишком много лишних подробностей. Но в целом верно.

— Выходит, два дела сращиваются в одно? — задала риторический вопрос прокурор. — Тогда я их сшиваю. И мы имеем дело с…

— Маньяком, — бесстрастно закончил за неё Макс.

С одной стороны, он был несказанно рад данному факту — маньяков не появлялось уже лет тридцать на Земле, только в колониях, где, по мнению майора, царили сплошное беззаконие и хаос. И ему теперь предоставлялся шанс найти его, поймать, может даже казнить на месте, а такой шанс сулит очень многое. Но с другой стороны в Максиме просыпалась древняя ненависть к тем, кто злостно и неоднократно нарушает правила. Если единичное нарушение, пусть даже и способное привести к массовой гибели людей, он ещё мог как-то попытаться понять, то термины «маньяк» и «серийный убийца» рвали у него в мозгу все шаблоны. Они — безусловные враги Человечества и Закона, и их необходимо во что бы то ни стало истребить!

— Не факт, — возразил Дима. — Мы так и не знаем, из-за чего именно погибли обе жертвы, как не знаем, кто или что за этим стоит.

— Кто или что? — нахмурилась Анастасия.

— Может, это какой-то общесистемный сбой в электропитании, — предположил он. — Они обе сидели в виртуальности на момент смерти, причём на разных серверах, как я вижу. Разные интересы, разные знакомые, разные любимые места, разный возраст и типаж внешности — всё разное. Одинаково у них только то, что они обе умерли при достаточно загадочных обстоятельствах.

— Это ещё не всё, — зловеще улыбнулся Макс, глядя на изображение с терминала. — Елена Головач также до недавних пор работала в «Астоле».

— И что? — Дима весьма скептически отнёсся к этому совпадению. — Какой нынче штат у «Астола»?

Он демонстративно пощёлкал по своему терминалу, поднимая статистические данные корпорации по производству микропроцессоров, после чего удовлетворённо ткнул в светящуюся в воздухе жёлтую строчку:

— Семьсот семьдесят восемь тысяч человек только в этом районе, ещё плюс почти пятьсот тысяч в остальных двух! Треть населения города занята ими! А что в других городах?

— Новичок правильно говорит, Макс, — поддержала его Анастасия. — Это может быть простым совпадением.

— Я не верю в совпадения, — решительно помотал головой тот. — Хоть все совпадения и косвенные, кроме способа убийства, но я думаю, что тут надо искать связь. Салага! Проверь, жертвы

работали в одном отделе?

Дима, уже нисколько не обижаясь на достаточно обидное «салага», послушно углубился в свой терминал. И оторвался от него только тогда, когда они уже вылезали из автомобиля в подвале полицейского участка, располагавшегося в административном здании. Хотя это здание всё равно все считали полицейским, даже несмотря на то, что полиция занимала только треть общей площади.

— Нет, разные, — уверенно сказал Дима. — Даже департаменты разные. Купцова была инженером-проектировщиком систем охлаждения, а Головач стояла во главе производственного отдела номер тридцать два.

— Это точно? — засомневался Макс.

— Абсолютно, — утвердительно ответил парень. — Я проверил по официальным базам.

— Проверь пиратские, — посоветовал Макс.

— Всё никак не успокоишься со своей теорией? — хмыкнула глава следственной группы.

— Проверил, — практически тут же сказал Дима. — Точно так же всё.

— Зараза, — зло выдохнул Макс.

— Идём в кабинет, — приказала Анастасия. — Там должны были прислать сведения из банка.

Дима и Макс оторопели:

— Какие ещё сведения?

Анастасия подошла к лифту и вызвала его. Тот прибыл практически мгновенно — глухой ночью им пользовались не так активно, хотя здание считалось работающим круглосуточно.

— Которые никто из вас, лопухов, не догадался запросить, — без гордости, просто констатируя факт, пояснила она. — Купцова же не могла сама никак обчистить ячейку свою!

— Но она умерла после того, как из ячейки забрали всё содержимое, — возразил Дима. — Макс приказал мне, и я проверил. Полчаса разница.

— Верно, — согласилась Настя.

Лифт мягко остановился на нужном этаже, выпуская пассажиров наружу в пусть и светлый, но пустой коридор — на этаже кроме следственной группы сейчас никого не было.

— Вот только от банка до жилого блока Купцовой добираться никак не меньше часа, — заявила она.

— Зелёный балбес! — воскликнул Макс и отвесил довольно болезненный подзатыльник Диме. — Я же доверил тебе это проверить!

— Ай, больно, — тихо прошипел тот, потирая ушибленную

голову и приглаживая обратно растрепавшиеся волосы.

— Ты бы и сам этого не заметил, — Настя решила оправдаться за новичка. — Я и сама увидела это только потому, что чёртова работа заставляет проверять абсолютно всё, каждую мелочь. Давай, открывай дверь!

Макс злобно посмотрел в её сторону, но ничего не сказал. Подошёл к двери, коснулся её рукой. Система мгновенно проснулась, просканировала термограмму ладони, сверила её с эталоном и сняла блокировку с двери. Та тут же послушно отъехала в сторону. Макс вошёл внутрь, голосовой командой зажёг свет и уселся за свой стол за единственный свободный стул в комнате. Настя подошла к столу и начала по нему бесцеремонно щёлкать, отыскивая принятые полицейским сервером данные из банка, а Дима, догадываясь, что у него скоро выработается привычка, снял старинный тяжёлый сейф со второго стула и предложил тот женщине.

— Спасибо, — поблагодарила та, тут же усаживаясь на него.

Дима разочарованно постоял рядом, понадеявшись поначалу, что она не станет в этот раз садиться, но увы… эгоистичное намерение, прикрытое вежливым жестом, тоже наказуемо. Либо тут же садись сам, либо не кусай потом локти, если кто-то согласится на предложенное.

— Вот, — сказала Настя, тыкая пальцем в папку с фотографиями. — Ищите. Я закурю?

— Хоть до посинения, — разрешил Макс. — Только иди к вентиляции, это возле сейфа. И выдыхай в его сторону, а то у меня показатели по бегу на стометровке падают после твоих визитов.

— Это возраст, Макс, — уверенно сказала она, вставая со стула.

— Курить — вредно, — поучительно заметил Дима, тут же усаживаясь за стол и начиная рассматривать фотографии. — Рак дыхательных путей можно заработать.

— Ищи давай, — прохрипела Настя и закашлялась так, будто запустила простуду, и та опустилась в глотку.

— Что мы ищем? — спросил Макс.

— Не знаю, — пожала плечами она.

— Что-нибудь подозрительное, — предложил Дима. — Необычное. Купцову, например. Или Головач, может, у них ячейки по соседству были?

— Здесь целая прорва фотографий! — возмущённо воскликнул Макс. — Мы здесь до самого рассвета так ковыряться будем.

— Как раз окончание смены, — заметил Дима.

Поиски действительно заняли несколько часов. Смотрели фотографии по очереди, вручную, поскольку фразу «ищи что-нибудь необычное» понимал только человек, псевдо-искусственный интеллект в системе не распознавал подобные критерии поиска. Банк услужливо взял видеозапись за целые сутки и скопировал все кадры, когда в хранилище ячеек кто-нибудь входил, успешно проходя авторизацию на входе. И всё бы отлично, вот только банковские стандарты безопасности в области защиты персональных данных не предоставили ни ГИНов изображённых на фотографиях людей, ни их имён, ни даже временных отметок — только даты, чтобы нельзя было определить, кто именно и когда приходил в банк. Конечно, в случае необходимости полиция могла получить все эти сведения, но для этого необходимо было выбрать нужную фотографию и составить официальный запрос.

— Зараза, — спустя полтора часа проглядывания множества лиц сдался Дима. — Да здесь их миллион! Весь город что ли к ним тогда пришёл?

— Четыре с половиной тысячи, — слегка подкорректировал число Макс. — И это моё выражение! Придумай своё.

Дима встал со стула и принялся разминать задеревеневшую шею, а на его место тут же села Настя, но Макс уже развернул изображение в свою сторону и продолжил смотреть фотографии.

— Хоть бы список имён дали, — взмолился Дима.

— Чёртовы параноики! — тоже не выдержал Макс. — Они только затрудняют нам работу! Может, специально?

— Это ты — параноик, — рассмеялась Настя. — Работай давай, за окном уже светлеть начинает.

И они продолжили. Спустя полчаса Макс заметил, что фотографии идут в странном порядке — они все строго пронумерованы банком, но при этом номера присутствуют в присланном наборе не все.

— Куда делась четверть фотографий?! — взорвался Макс. — И ты говоришь, что это я — параноик? Да это же заговор! Как минимум препятствие следственным мероприятиям!

— Успокойся, Максим, — раздражённо посоветовала Настя. — Таков порядок. Фотографии с известными гражданами банк вырезал в целях безопасности.

— ЧТО?! — взревел Макс, вскакивая с места. — Где моя пушка? Да я их сейчас всех на месте казню! Это беспредел! Засуди их! Где чёртова…

— Нашла, — тихо, не веря самой себе, проговорила Настя. — Нашла!

— Кого ты там нашла? — съязвил Макс. — Какого-нибудь

Арагорна?

— Почти. Смотрите!

Она щёлкнула по одной из фотографий и развернула её во весь стол так, чтобы можно было хорошенько разглядеть все детали.

На столе был изображён человек — лысый худой мужчина в дорогом деловом чёрном костюме и в такой же чёрной фетровой шляпе, надвинутой почти на самые глаза.

Глава 6

К всеобщему сожалению оказалось, что быстро вычислить шляпника по лицу невозможно, поскольку камеры засняли его с не очень удачного ракурса. Мужчина в фетровой шляпе как раз в момент съёмки случайно повернул голову в сторону, словно его внезапно привлёк какой-то звук. Но чем больше Макс вглядывался в эту фотографию, тем больше он убеждался, что мужчина отвернулся вовсе не случайно. И что бы ни говорили его коллеги по следственной группе, именно в этой мелочи Макс был категорически не согласен с ними. Чёрт, да он даже мог принять факт банального совпадения!

Мог, но не стал.

Максу казалось, что этот мужчина… точнее, подозреваемый? — что он издевается над ним. Слишком много совпадений для того, чтобы они были просто совпадениями, да и уж больно хорошо они накладываются друг на друга в единую систему, чтобы их можно было так легко отметать. Но для того, чтобы Макс смог предъявить ему обвинение в двух убийствах, простых совпадений было недостаточно. О нет, этого очень мало даже для того, чтобы любой другой следователь смог хотя бы зародить в себе подозрение в убийстве. Но для Макса этого было достаточно. И всё бы хорошо, но он наталкивался на две большие проблемы. Первая — ему всё ещё нужно как-то найти как минимум три вещи, чтобы всё было по правилам: орудие убийства, достаточный мотив, подтверждённый психологическим освидетельствованием (ведь два убийства подряд — это нонсенс! Соответственно, освидетельствование должно быть самым что ни на есть серьёзным), а так же самого убийцу. И, наконец, вторая проблема: всё вышеперечисленное необходимо сделать строго и неотступно следуя полицейским процедурам.

Хотя, если честно, Максим ради свершения справедливости мог переступить через себя, принять свои правила за единственные, отметая в сторону Закон, и самолично сделать всё необходимое.

Но он раз за разом решительно отметал эту мысль в сторону. Большинство правил и законов написаны чужой кровью, большей частью — невинной, и майор Бор прекрасно это осознавал. Подозрения подозрениями, совпадения совпадениями, а доказательства нужны, как говорилось в старину, железобетонные. Хотя бы в этом случае.

— Значит так, — прокурор (а в этот момент Настя была именно прокурором) упёрлась руками в стол и строго всех

оглядела. — Одной фотографии для обвинения очень мало. Поэтому мы берём эту фотографию и отсылаем в банк, чтобы тот прислал нам ФИО этого шляпника. Когда соберёмся здесь вечером, надеюсь, мы узнаем, как же его зовут, и где его можно найти. Готова поспорить, у каждого из нас к нему много вопросов, поэтому умоляю и заранее предупреждаю: сохраняйте трезвость мышления, иначе я даже не посмотрю, что мы с вами знакомы. Всё, до вечера все свободны!

Прокурор демонстративно высветила через свой мобильный терминал текст официального запроса в банк, к нему прикрепила выбранную фотографию с подозреваемым, и тут же отправила.

Макс устало кивнул и тут же направился к выходу вслед за уходящей Анастасией. Дима тоже уже полчаса как клевал носом — сказывался переход на другой рабочий график, на ночные смены вместо привычных дневных. Но последний монолог начальницы заставил его на секунду разлепить глаза:

— А нам разве не следует дождаться ответа прямо здесь?

— Зачем? — непонимающе спросил Макс. — Салага, ты на ногах еле стоишь! Придёшь домой, выспишься как положено — и со свежими силами начнёшь работать. Я не хочу подчищать за тобой только потому, что ты решил пренебречь должностными инструкциями и пораньше закрыть дело!

И он, не дожидаясь ответа, ушёл прочь.

— Но… — опешил Дима и посмотрел на остановившуюся в дверном проёме Настю. — Я только хотел сказать — сейчас не время спать! А вдруг за то время, пока мы отсутствуем на работе, этот маньяк опять кого-нибудь убьёт?

— Ты заработался, — уверенно ответила она, глядя на новичка. — Я знаю, что большинство всех твоих прошлых дел раскрывалось за первые сутки, но это дело отличается, он сложнее, и здесь нельзя ошибиться. А если ты не выспишься и будешь себя плохо чувствовать, то это точно скажется на трезвости твоих суждений. Так что иди спи!

Дверь отъехала в сторону, пропуская её, и тут же захлопнулась обратно, едва Настя переступила порог. Дима остался в растерянности стоять посреди пустого кабинета, наблюдая за тем, как через окно пробиваются первые рассветные лучи восходящего солнца.

Очнулся он только минут через пять, видимо, чуть не уснул.

— Но… — пробормотал он. — Но это же не правильно!

Он вздохнул — они оба, всё-таки были правы. На следователях лежит большая ответственность, и ошибаться им не позволяется. А чтобы следователь не совершал ошибок, он обязан следить за своим здоровьем, поддерживая его в тонусе, правильно

питаться, заниматься спортивной и профессиональной самоподготовкой и хорошо спать. Так, ну или примерно так написано в должностной инструкции, с которой каждый следователь ознакамливался под роспись при трудоустройстве, а так же каждый последующий год сдавал по ней экзамен. Честно признаться, Дмитрию некоторые пункты оттуда откровенно не нравились, в основном из-за того, что ему было необходимо при определённых обстоятельствах применять методы силового воздействия. При этом он себя за это постоянно упрекал, упрекал себя за свою слабость и излишнюю для стража порядка мягкость характера. «А вот, поди, Максим в этом отношении идеален», — на секунду подумалось ему. Может, попробовать взять с него пример?

Дима при уходе из кабинета решил не возвращать стул и сейф на положенное место — то ли от усталости, то ли исходя из размышлений, что совсем скоро ему снова придётся проделывать ту же процедуру в обратном порядке.

Наступило утро, полицейский участок снова наполнился людьми, если, конечно, можно так выразиться в силу их крайней немногочисленности. Затем наступил полдень. Прошло ещё ровно два часа и тринадцать минут, как обозлённый и не выспавшийся Макс снова стоял в подвале возле служебной машины, готовясь выезжать. Едва он заметил спешащего к нему Диму, как тут же сел в автомобиль и забил в терминал новый маршрут. Через пару секунд Дима влетел в нутро машины и еле успел закрыть дверь, как Макс отдал команду автопилоту начать движение.

— Хреново выглядишь, — процедил сквозь зубы Макс, косясь в сторону своего коллеги.

— А? — запыхался тот.

Выглядел Дима и впрямь неважно — лицо опухло так, будто тот неделю не выходил из запоя низкокачественным спиртом, а кожа обильно выделяла пот. Волосы на голове немного растрепались, но тот тут же их пригладил и причесал расчёской, которую он достал из кармана своего пиджака.

Сам Макс же чувствовал себя от недосыпа тоже не лучшим образом, к тому же, его организм был не настолько молод, как у Димы, чтобы можно было спокойно перенести такое состояние на ногах, но зато внешне это никак не отражалось. Разве что раздражён он был чуть больше обычного.

— Что происходит? — обеспокоенно спросил Дима, нервно ёрзая на своём сидении.

Он оглядел салон автомобиля в поисках их начальницы группы, и, не увидев её, добавил ещё один вопрос:

— А где Анастасия?

— Спит, — сухо ответил Макс.

— Просто меня вызвали в полицейский участок… — между тем продолжил бормотать себе под нос Дима. — Сказали срочно, но ничего не… Постой! Спит? Почему? Нет, не так. Почему она спит, а мы куда-то едем?

Макс недовольно закатил глаза, в результате чего мгновенно ощутил, что у него болит голова от недосыпа. Помассировал виски, с хрустом размял затёкшую шею.

«Что ему от меня надо?» — раздражённо думал он. Чего он хочет от него? Неужели он не понимает, что раз уж их вызвали вне смены и сказали «срочно», то это означает, что есть веская причина?!

Но, судя по следующей реплике, его коллега думал примерно так же.

— Неужели ещё кого-то убили? — в его голосе промелькнули нотки чувства вины. — Господи, я же предупреждал! Почему вы меня не послушали?!

— Успокойся, — Макс поморщился от его резкого голоса. — Не кипятись, никого не убили. Нас вызвал по срочному делу какой-то Владимир Филимонович Измайлов.

Макс больше ничего не добавил. Во-первых, новичок и так всё обязательно и весьма скоро узнает, а во-вторых ему просто не хотелось разговаривать. Голова разболелась довольно сильно, вон даже бортовой терминал непрерывно моргает сообщениями о повышении артериального давления у одного из пассажиров, да и татуировка с нанитами что-то вдруг зачесалась. Макс знал, что это нормально, должно быть, наниты просто активизировались на профилактический запуск, но всё же данный факт внушал опасения, особенно после того, что случилось с одним из его предыдущих напарников. Так иногда бывает — веришь правилам и инструкциям, доверяешь им своё здоровье, а однажды прямо перед твоим носом ломается одно из устройств вопреки всему написанному. И данное событие становится фактом, опровергающим всё то, чему ты верил.

Поэтому Макс предпочитает верить только самому себе — так проще, ведь он же не может предать или подвести самого себя, не так ли?

— Измайлов? — нахмурился Дима. — Что-то знакомое, где-то я уже слышал про человека с таким именем. Нет, не помню.

Через примерно сорок минут езды по автобану между двумя крупными районами города они въехали словно в другой мир. В практически нищем Волжском спальном районе большинство домов тесно ютились рядом друг с другом, плотным частоколом разной высоты усеивая сравнительно небольшую площадь —

всего четверть от площади от Аглинского района, в который они сейчас въезжали. Но при этом по численности населения они были примерно равны. И если классовое неравенство в Волжском районе не было заметно (ведь разницы почти нет, получает человек на уровне прожиточного минимума или же на десять процентов больше от него — всё равно мизер), то в Аглинском районе было отчётливо видно, где живут обеспеченные люди, и где — те, кого с уверенностью можно назвать богатыми. Всё те же высотки с жилыми блоками, но выше раза в два, большинство окрашены в голубой, жёлтый или зелёный цвета, а не в унылый цвет бетона, который уже давно нигде в строительстве не используется, везде полиматериалы, пластик или сверхпрочные сплавы металлов. И жилые блоки в них — сплошь тип «А» и лишь изредка «Б», для тех, кого считали неудачниками все поголовно. Но между высотками затесались другие здания, куда более низкие, всего по несколько этажей, максимум четыре-пять, но зато не уступающие по занимаемой площади, утопающие в зелени, имеющие собственные охраняемые дворы и геликоптерные площадки на крышах там, где те не были целиком заняты бассейнами, спортивными площадками и прочей атрибутикой для отдыха. В подобном доме мечтал жить каждый, но очень мало кто мог похвастаться даже тем, что просто побывал внутри одного из них и увидел, что там находится. Слухи ходили самые разные, начиная от гласящих, что у каждого жильца свой собственный гарем, и заканчивая теми, что утверждали, что именно оттуда и управляется нынешнее государство, а вовсе не канцлер этим занимается. Сложно сказать, насколько они правы, но с уверенностью можно утверждать, что человек, имеющий много денег, безвластным и малоамбициозным быть не может.

Дмитрий родился и вырос в одной из таких высоток. Первые пятнадцать лет своей жизни прожил в блоках типа «Б», которые им выделяло правление компании, где работал его отец. Поскольку в компании разрешалось периодически менять своё жильё на находящееся по другому, как могло показаться, более удобному адресу, семья Дмитрия Потапенко этим и занималась, взяв за традицию перекочёвывать с места на место каждые три года. Потом они накопили на блок «А», и над Димой другие подростки уже прекратили насмехаться, особенно когда тот записался на полицейские курсы. Ему понравилось, и вскоре он уже поступил в ВУЗ, выучился на полицейского и проработал им в Аглинском районе почти семь лет, неспешно поднимаясь с рядовых должностей до своего текущего звания лейтенанта. Ему, как и другим полицейским, выделили блок «А». Отлавливал сбегавших роботов-питомцев, в настройках программы поведения

которых дети владельцев что-то вечно нахимичивали. Два раза помогал забывчивым пенсионерам в телах суррогатов найти собственный дом и отключиться от железного тела, чтобы хотя бы поесть. Расследовал несколько грабежей блоков «Б», и всякий раз подобные правонарушения оказывались либо шутками-розыгрышами, либо же произрастали на почве межклассовой ненависти.

А потом его застукали в постели с той девчонкой, и его перевели в нищебродский Волжский район, отобрав выделенный ему блок «А» и поселив в новый, вроде бы в «В», но уж больно какой-то странный и страшный. Дима откровенно боялся его посещать, поэтому последние несколько ночей провёл у своих родителей. Да, на работу ездить жутко неудобно из-за большого расстояния, но так он надеялся, что ему хотя бы высыпаться удастся. В своём новом блоке он вообще не мог закрыть глаз.

Когда они подъезжали к тем самым двум высоткам «Астола», которые было видно из любой точки города, Дима тут же понял, что их вызвали именно туда, а так же он вспомнил, почему ему показалось знакомым имя вызвавшего их человека. В новостных сводках Измайлов не фигурировал, лицом компании он тоже не был, пресс-конференции хоть и посещал, но всегда предпочитал держаться в стороне от назойливого внимания корреспондентов и камер. Но мама Дмитрия периодически упоминала Измайлова как хорошего начальника средней величины — из числа тех, кто составлял костяк управляющих кадров, под началом каждого из которых находилось по паре тысяч человек.

Они подъехали к «ДаркТауэр», высотке с чёрными матовыми стёклами, ослепительно блестящими в свете послеобеденного солнца. Миновали первый пост охраны — обычный КПП с голограммным забором вроде тех, что использовала полиция на местах преступлений, затем при въезде на подземную парковку второй, более серьёзный. Там не просто проверили их ГИНы на карточках, а самым натуральным образом осмотрели и просканировали, тут же запротоколировав всё, что они с собой везли. Охранники долго смотрели на пистолет Макса, а майор отвечал охранникам тем же, но в куда более тяжёлой, хоть и молчаливой форме. Через несколько долгих мгновений гляделок один из охранников робко признал второму, что раз уж пистолет на предохранителе, то пропустить Максима Бора можно при условии, что тот не будет доставать свою пушку в здании. Макс на это ничего не сказал, и поэтому другой охранник его тут же предупредил, что в противном случае охрана подключится к бригаде суррогатов и на месте разберётся с нарушителем, не став выяснять причины — с безопасностью в башнях «Астола» было

очень серьёзно.

Только после всех проверок их пропустили на стоянку для посетителей. Диму эти предосторожности раздражали, хотя внешне он не подавал никаких признаков скверного настроения, был со всеми учтив и вежлив, за что в итоге получил первый одобрительный взгляд Макса за всё время их знакомства.

Когда они вышли из машины, Дима заметил расположенный неподалёку самый настоящий, не голограммный, сад с изящно-тонкими небольшими деревцами, которые, если ему не изменяла память, назывались когда-то берёзами. Аккуратно-постриженный газон, посреди которого петляло несколько мощёных жёлтым кирпичом дорожек, по краям которых тянулись кусты цветущих генетически модифицированных специально для холодной погоды роз. А в самом центре сада виднелась большая круглая площадка с деревянными скамейками по периметру, а в центре — большой фонтан Самсона, раскрывающего пасть мраморному льву, изо рта которого вертикально вверх бьёт струя воды, создающая подобие радуги под лучами солнца и порывами ветра.

— Ух-х, — тихо восхитился Дима. — Какая красотища!

Макс не стал этого отрицать, но радости своего коллеги он не разделял. Пришёл, увидел, впечатлился за несколько секунд — и пошёл дальше, чего здесь стоять и терять время? Важный человек ждёт.

— Может, заглянем посмотреть поближе? — робко спросил Дима.

— Нет времени, — Макс потёр переносицу.

— Жаль, — разочарованно протянул Дима. — Тогда… может, на обратном пути?

Они отвернулись от сада и пошли в сторону ближайшего входа в башню.

— Ты прямо как дитя малое, — прокомментировал без эмоций Макс. — Увидел диковинку — так надо же ощупать её, потрогать, попробовать на вкус, верно?

Дима смутился:

— Ну, так издали же тоже нет толку смотреть! Там же деревья, Максим! Настоящие берёзы, понимаешь? Где ты ещё сможешь сегодня прикоснуться к ним? И когда ты ещё побываешь здесь, тебя ведь не каждый день вызывают в корпорации, у которых есть желание заниматься выращиванием собственного сада?

— Хорошо, хорошо, — сдался Макс. — Потом посмотрим, если у нас будет время.

Они вошли в вестибюль, миновали ещё один пост охраны с очередным детектором опасных предметов. Поскольку Дима

вооружён не был, то придирались к Максу, в основном из-за того, что они не понимали, зачем тому понадобилось брать с собой в настолько прекрасно охраняемое здание оружие.

— Таков порядок, — сухо, не вдаваясь в подробности, отвечал тот.

Их проводили до турболифта, после чего они уже в одиночестве поднялись куда-то на середину башни, судя по разверзнувшейся бездне под ними и по тому, сколько ещё можно было подниматься вверх, если бы только их туда пустили. Коридоры тоже выгодно отличались от того уныния, что царило на оперативных и даже административных этажах полицейского отделения — никакого бездушного металла или мёртвого камня, только дерево, пусть и выращенное бактериями в лаборатории, но всё же дерево. Светло-коричневое, лакированное, блестящее, заканчивающееся на уровне плеч — дальше бежевые бумажные обои. На полу идеально чистый бархатный ковёр тёмно-красного цвета, а на потолке побелка.

Дима восхищённо смотрел по сторонам и при ходьбе старался поменьше всего касаться и даже чуть ли не лететь по воздуху, чтобы не пачкать пол своими ботинками — ещё бы, это же сколько денег ушло на такую отделку! А вот всё, что приметил Макс — это ковёр под ногами, точнее его цвет. Если бы Дмитрий умел читать мысли и на секунду бы заглянул в этот момент в его голову, то ужаснулся бы мысли: на таком ковре пятна крови совсем незаметны. Но это была всего лишь мысль прожжённого профессионала, оценивающего обстановку, не более. Ну плюс ещё толика мании чистоты.

Они прошли по коридору до самого конца, пока не упёрлись в тёмную деревянную дверь с золотистой табличкой «Измайлов Владимир Филимонович, начальник управления контроля испытательных образцов». Едва они подошли к ней, как охранная система автоматически отреагировала на их присутствие и отворила перед ними дверь, впуская в кабинет Владимира Филимоновича.

— О, дорогие гости! — донеслось оттуда.

Голос у него оказался резким, с металлическим звоном, остающимся в ушах даже после того, как тот заканчивал говорить. Голос настоящего начальника, которому не нужно повторять ни одного своего слова дважды, чтобы его услышали, скорее даже наоборот — нужно постараться, чтобы забыть. И сам он выглядел под стать своему голосу — не очень высокий, где-то под метр восемьдесят, но большой, с широченными плечами, крупным лицом с резкими прорезями редких, но глубоких морщин, появившихся явно не от беззаботной жизни. Очень короткая

стрижка, и без того чёрные волосы блестят гелем, а серые круглые глаза словно заглядывают в самое нутро и видят все скрытые помыслы и мотивы. Но никакого дорогого чёрного костюма с системой самоочистки, как у всех чиновников или бизнесменов, зарплаты которых превышают энную сумму — старомодные синие джинсы и бежевая рубашка с коротким рукавом. Словом, удобная, не стесняющая движений одежда, но при этом позволявшая выглядеть ему не последним бездомным, как говорится, скромно, но со вкусом и знанием дела.

Кабинет у Измайлова оказался не из самых просторных, но достаточно большой, где-то четыре на четыре метра. В стене напротив двери располагалось панорамное окно, начинавшееся у самого пола и заканчивавшееся у потолка; за окном виднелась «УайтТауэр», белоснежное и идеально чистое в любую погоду здание. Перед окном на небольшом расстоянии расположился рабочий стол со стулом, а вдоль левой стены стояли два шкафа с аккуратно расставленными двумя десятками спортивных наград, в основном, в области атлетики.

— Владимир Филимонович, — Измайлов поднялся со своего стула и вышел из-за стола, чтобы поприветствовать вошедших.

Дима мгновенно подтянулся и попытался втянуть выпиравший живот, но Макс его примеру не последовал — он всегда выглядел аккуратно, ему это просто не было нужно.

— Да, мы видели на табличке на двери, — кивнул он.

Владимир Филимонович подошёл к ним и протянул здоровенную ручищу для рукопожатия. Следователи оба по очереди пожали ему её, тут же ощутив на себе всю его силищу — Дима, смущаясь, схватил свою чуть не расплющенную ладонь, и даже хладнокровный Макс слегка оскалился и прошипел что-то невразумительное.

— Майор Максим Бор, — сказал он. — А это младший член нашей следственной группы лейтенант Дмитрий Потапенко.

— Господа, к сожалению, у меня очень мало времени, — Владимир Филимонович присел на край своего стола и скрестил руки на груди. — Поэтому перейду сразу к сути дела. Так уж довелось, что я узнал о фактах гибели моих двух бывших сотрудниц…

— Ваших? — удивились полицейские и переглянулись. — А мы считали…

— Официально они числились в разных департаментах, — кивнул, поняв, о чём речь, Владимир Филимонович. — Но так было сделано специально по соображениям, которые я вам поведать не могу — таковы правила конфиденциальности.

— То есть, они работали вместе? — спросил Дима.

— Да, я же это уже сказал, — без раздражения ответил Владимир Филимонович. — Они работали в одном крайне важном для корпорации отделе, пока не уволились обе некоторое время назад. Я прошу вас уведомить меня в случае, если будут ещё жертвы.

Макс в изумлении выгнул бровь:

— А зачем?

Владимир Филимонович на секунду растерялся от вполне ожидаемого вопроса, но тут же собрался с мыслями и ответил:

— Дело в том, что корпоративная политика обязывает нас лично уведомлять о подобных событиях семьи, приносить официальные соболезнования и вручать денежные пособия. Согласитесь, что куда лучше, когда это делает человек из плоти и крови, а не бездушная система. Вы меня понимаете?

— Очередного сотрудника? — задал Макс ещё один вопрос. Ему, похоже, только что наступили на больную мозоль. — То есть, Вы сомневаетесь в нашей компетентности и в том, что мы успеем поймать убийцу, прежде чем тот совершит ещё одно преступление?

— Честно? Да. Вы свободны, господа, свои контактные данные я вам пришлю позже через официальные каналы.

И он поспешно выпроводил из своего кабинета полицейских, закрыв за ними дверь.

— Вот засранец! — не сдержался Дима и тут же сообразил, что Владимир Филимонович может случайно услышать его через дверь. — Ой, я не хотел, извините пожалуйста!

— Да успокойся ты! — утихомирил его Макс.

— Ты думаешь о том же, что и я? — Дима многозначительно посмотрел на дверь позади них.

— Не здесь! — тут же рявкнул Макс, упредив следующую реплику своего коллеги. — В машине!

И они в полном молчании добрались до своего автомобиля, спокойно выехали с территории корпорации «Астол», позабыв про всякие сады и фонтаны, и только после этого продолжили.

— Тебе он не показался странным? — спросил Дима.

— Не то слово, — кивнул Макс. — Но я думаю, что он соврал.

— По поводу чего? Про корпоративную политику? — сообразил Дмитрий. — Эта история слишком уж красочная для того, чтобы быть правдой. Беспокоящийся начальник, желающий лично сообщить неприятные новости родственникам своих убитых сотрудников, конечно, может где-то и встретится, но конкретно здесь это выглядит очень странно. Я понимаю, если бы он дружил с их семьями, но у него же в подчинении пара тысяч сотрудников! Он не может дружить со всеми, это невозможно.

Думаю, что он что-то скрыл от нас, ведь зачем ему знать о смерти очередного бывшего сотрудника?

— Может быть, — туманно ответил Макс. — Мне это не нравится. Конечно, сведения о местах работы жертв могли быть подделаны, но это легко проверить.

— И как мы поступим? Будем сообщать?

— Конечно, но только по нашим инструкциям, как и положено.

— То есть, ничего не изменилось?

Макс задумался, после чего усмехнулся и ответил:

— Ну почему же… Моя теория постепенно обрастает мясом. И ещё у меня голова прошла.

Глава 7

Макс спокойно сидел на своём стуле и смотрел прямо на обвиняемого, сидевшего практически напротив него метрах в десяти, рядом с судьёй. Несмотря на то, что вокруг подсудимого находилось много вооружённых охранников, а он сам сидел в наручниках с функцией электрошокера, к тому же он был окружён мощнейшими силовыми полями, от которых даже у сидящего довольно далеко Макса волосы на голове шевелились, выглядел подсудимый не так, как должен был. Против него Анастасия выдвинула очень серьёзные обвинения в поджоге того дата-центра, а он сидел и в ус не дул. Развалился на своём неудобном жёстком железном стуле, заложил ногу за ногу и улыбался всякий раз, когда его взгляд падал на Макса.

Макса это бесило. Он никак не мог взять в толк, почему этот мерзавец улыбается. Казалось бы, веселиться ему нечему, ведь ему в лучшем случае светит лет пятьдесят каторги на лунных шахтах, а если судья Морлова окажется не в духе, то и до пожизненного запросто дотянет. А он улыбается! Да ещё сидит так нагло, будто он здесь хозяин! Что-то здесь не так…

А народу сегодня в суде немного. Подсудимый Игорь Петров, молодой черноволосый по-интеллигентному прилизанный парень с резкими чертами лица и квадратным подбородком из довольно обеспеченной по здешним меркам семьи, возраста примерно такого же, как и Дмитрий Потапенко, но легче килограмм на двадцать. Судья Морлова Виктория, высокая среднего телосложения женщина за пятьдесят, известная своими долгими судебными заседаниями, но, вроде бы, справедливая, а это главное для Макса. Сам Макс в качестве свидетеля обвинения, в представлении не нуждается, равно как и Анастасия, прокурор данного дела. Какой-то новенький судебный пристав модели Т-1000, бледный, жутковатого вида андроид, но выглядевший куда лучше изжарившего себе мозги старичка Т-800, который, если честно, больше напоминал мусорный дезинтегратор на колёсиках. Хотя на него всё равно все неодобрительно косятся — на Земле редко кто проникся любовью к андроидам и суррогатам, но ими пользуются в силу жизненной необходимости. В общей сложности четыре охранника, в два раза больше обычного, поскольку Петров уже несколько раз показывал свой горячий нрав; три возле Петрова и один на выходе из зала, на всякий случай. Скучающий журналист в самом углу комнаты был бы самым незаметным, если бы так часто не смотрел на часы. Какие-то случайные люди, пришедшие поглазеть на процесс так, словно

бы это было забавным аттракционом. И, конечно же, два дружка Петрова, их невозможно не узнать, хотя Макс никогда раньше их не видел — один среднего роста с рыхлой фигурой, явно не дружит со спортом, а второй — рыжеволосый, с густыми бакенбардами, низкий, но зато в плечах имеет целый сажень. Они громко перешёптывались, периодически показывали одобрительные знаки своему дружбану и вообще в целом вели себя неуважительно по отношению к суду, но судье Морловой на это было плевать.

Дружки Максу тоже не нравились. Он то и дело оглядывался на них, когда чувствовал на себе их взгляды. И когда ловил их на этом, они ему подмигивали так, словно он был из их банды. Его бы воля, они бы все сейчас сидели вместе с Петровым, но увы…

Наконец двери в судейскую комнату открылись, и судья вернулась с очередного перерыва. Все встали, кроме дружков Петрова и него самого, но через секунду тот резко вскочил, получив чувствительный разряд. Дружки прыснули со смеху, но предпочли тоже встать, когда Макс в очередной раз повернулся к ним и просто посмотрел на них своим фирменным презрительным взглядом.

«То-то же!» — подумал он.

— Объявляю заседание по делу Петрова Игоря Игоревича снова открытым, — буднично проговорила судья, усаживаясь за своё место.

Все тут же сели обратно с явным облегчением. Заседание длилось уже не один час, и все устали изрядно, особенно Макс, когда второй раз подряд не смог выспаться после ночной смены. Этот график его убивал, но именно такой режим работы он считал наиболее эффективным, ведь с наступлением темноты из закоулков выползает всякая мразь вроде Петрова или того же шляпника, днём их с поличным почти не поймать.

Неожиданно судебный пристав ожил и решительно подошёл прямо к Максу.

— Срочное сообщение от Потапенко Дмитрия, лейтенанта полиции, — проскрежетал он стандартным механическим голосом.

— Можете выйти, — тут же разрешила судья.

— Нет, — Макс решительно помотал головой. — Это подождёт.

Андроид тут же вернулся на своё место, а судья пожала плечами:

— Как хотите. Вас как свидетеля уже опросили.

Она пролистала пару страниц на своём настольном терминале и продолжила:

— Суд рассмотрел все предъявленные улики и показания свидетелей и вынес приговор.

Макс чуть привстал в ожидании, сильно сжав спинки стульев на пустом ряду перед ним. Шушуканье за его спиной тоже прекратилось.

— Суд учёл, что это первое уголовное обвинение гражданина Петрова, приняв это за смягчающее обстоятельство.

Ладно, подумал Макс, с этим можно и смириться. Ему дадут не пятьдесят лет, а сорок. С учётом того, что на шахтах один год можно смело учитывать как два из-за условий, то выйдет он дряхлым стариком, не способным даже задницу себе самостоятельно подтереть.

— Суд также учёл данные медицинского освидетельствования, приняв во внимание тот факт, что на момент совершения преступления обвиняемый наблюдался у семейного психолога.

Зараза! Это уже весомее, но ему всё равно впаяют по самое не хочу. Тем более, сначала ведь перечисляются смягчающие обстоятельства, а потом уже отягчающие. И когда он услышит финальный приговор, то эта дурацкая ухмылка слетит с его лица!

— Суд учёл отягчающее вину обстоятельство, что от обозначенных делом действий был нанесён серьёзный ущерб городской системе управления транспортом, повлёкший за собой семь лёгких травм у пяти пострадавших и одну травму средней тяжести у одного пострадавшего, которому понадобилась госпитализация.

Вот оно! Факт, что помимо финансовых убытков пострадали люди, переплюнет всё смягчение. Да здравствует справедливость!

— Суд приговаривает гражданина Петрова Игоря Игоревича двадцати семи лет от рождения к…

… Макс затаил дыхание…

— … к административному штрафу в размере ста тысяч стандартных республиканских кредитов, который покроет все материальные убытки Транспортного управления. А также двадцати тысяч стандартных республиканских кредитов дополнительно на покрытие морального и материального вреда пострадавшим суммарно.

— ЧТО?! — взревел Макс, вскакивая со своего стула.

— Суд вынес приговор! — настойчиво сказала судья, покосившись на Макса и одновременно громко стуча своим деревянным молотком.

— Ура! — обрадовались дружбаны Петрова.

Макс в изумлении посмотрел на Анастасию. Та тоже была в растерянности, но вот перечить судье не собиралась.

— Какого хрена?! — возмутился майор. — Сто двадцать сраных тысяч кредитов? И это всё? Да это же косвенное признание вины, почему не прямое?

— Решение суда обжалованию не подлежит! — судья слегка повысила голос.

С этой фразой с Петрова спали наручники, а силовые поля вокруг него пропали. К нему подбежали его дружки и принялись одобрительно хлопать по спине и обниматься, после чего они всей толпой направились к боковому выходу из зала суда, предпочитая не рисковать проходить мимо Макса.

— Я там был! — взревел Макс. — И я видел всё!

— Собранные Вами и обвинением доказательства являются недостаточными для признания прямой вины, — судья снисходительно пояснила своё решение, хотя и вроде как не обязана была.

Видно, репутация Макса здесь сыграла свою роль. Да, Макса знали многие.

— Недостаточными? Да я поймал его у него дома с самодельным огнемётом в руках! И жидкость внутри огнемёта была того же состава, что и обнаруженная в дата-центре. И повсюду его отпечатки и ДНК — этого недостаточно?!

— Вы вломились к нему домой, не получив санкцию прокурора, — судья сохраняла хладнокровие несмотря на то, что Макс, фактически, орал на неё. — А отпечатки пальцев на месте преступления не являются прямым доказательством, поскольку вход в дата-центр свободный для граждан, прошедших авторизацию. И Петров получил штраф только благодаря тому, что он взял удостоверение своего отца и прошёл с ним внутрь помещения, обманув систему. Это всё, что я могла сделать. Сожалею.

И судья тут же покинула опустевший зал.

— Врёт и не краснеет, — возмутилась Анастасия. — Ни фига она не сожалеет. А ты — болван, Макс, я тебе уже тысячу раз говорила, что если бы ты купил себе наручный терминал, то впредь бы подобных ситуаций не возникало.

— И пока бы я ждал этой треклятой санкции от тебя или от другого прокурора, то Петров бы спокойно уничтожил бы все улики! — не унимался Макс, хотя он уже и не кричал. — Я едва успел, ещё бы пять минут, и он бы даже штрафом не отделался.

— Штраф всё равно не маленький, — заметила Настя. — И прочти уже своё сообщение, а то эта жестянка меня пугает до чёртиков!

Жуткий андроид и впрямь всё стоял и ждал, пока Макс обратит на него своё внимание. Макс несколько недовольно

посмотрел на него, и сдался:

— Ладно, давай, что там на меня пришло.

Андроид тут же с готовностью отозвался:

— Срочное сообщение от Потапенко Дмитрия, лейтенанта…

— Да понял я, понял. Говори уже, что там!

— … полиции. — Тут Андроид изменил свой голос на голос Димы и выдал им: — Очень надеюсь, что я не помешал ничему важному, но тут опять убийство… Господи, когда же это закончится… в общем, здесь сразу двойное. Я уже выехал, жду вас обоих, когда вы там освободитесь. И да, ещё одна вещь — судя по описанию места преступления, которое мне дали, оно точно по нашему делу. — Андроид снова вернул свой механический голос обратно и проговорил вопрос: — Хотите, чтобы я записал ответное сообщение?

— Нет.

Макс решительно развернулся и широким шагом направился прямо к выходу. То ощущение торжества справедливости, которое витало в воздухе ещё пять минут назад, куда-то стремительно улетучилось, и на его место пришло ощущение уже совсем другого рода.

Кругом зло.

И с этим надо что-то делать.

Настя догнала его только тогда, когда он уже приблизился к турболифту и вошёл внутрь. И, к своему сожалению, она не смогла распознать, что сейчас творилось с Максом и не успела предугадать развитие событий.

Этот лифт, во-первых, был вместительнее большинства других, без труда вмещал человек шесть, а если потесниться, то и все восемь-девять. Никто не желал задерживаться в зале суда после окончания судебного процесса, ни победители, ни уж тем более, проигравшие — все старались убраться оттуда разом, единой партией. Ну и во-вторых, этот лифт был раза в два медлительнее из-за своих габаритов, поэтому его частенько приходилось ждать.

Настя успела едва-едва войти в кабину, прежде чем дверцы захлопнулись за её спиной, и, надо сказать, она успела весьма вовремя.

Один из дружков Петрова, рыхлый, скрючился, схватившись за живот, второй, коренастый, его при этом поддерживал, но самым трусливым образом прикрылся своим товарищем от Макса. А сам Макс схватил Петрова за глотку и с силой приложил его затылком к прозрачной внешней стене кабины лифта так, что та даже немного покачнулась. Петров на секунду закатил глаза и слегка осел, оставив на бронированном стекле кровавый

отпечаток. Макс не дал ему упасть и снова схватил за глотку левой рукой, запрокинув его голову так, чтобы тот смог смотреть только в глаза Макса, а правой он потянулся к кобуре и достал пушку. Прочие пассажиры лифта мгновенно отпрянули от Макса и буквально вдавились в противоположную стену.

— Чёртов ублюдок! — оскалился Макс.

Он с силой вдавил ствол пистолета бедному парню в гортань, слегка сдвинув левую руку повыше, и Петров тут же закашлялся.

— Макс, — твёрдо и настойчиво проговорила Анастасия.

Она прекрасно поняла, что до него сейчас будет очень сложно достучаться, да, к тому же, и очень рискованно.

— Н-не надо, — проблеял Петров.

— Я таких подонков, как ты, насквозь вижу! — прорычал Макс. — Мы оба знаем, что ты не просто виновен. Ты специально, с умыслом это сделал! Как ты избежал наказания?! Взятка? Угрозы?

— Макс! Остановись, не делай глупостей!

— В-взятка.

Глаза Петрова снова закатились, но уже от страха, а не от боли, он начал обмякать.

— Куда?! — рявкнул на него Макс. — Я ещё не закончил!

Он снял пистолет с предохранителя и дал минимальный по мощности разряд. Сверкнула голубая вспышка, звякнула система безопасности лифта о несанкционированном срабатывании оружия, но Петров быстро вернулся в реальность.

— Ты дашь чистосердечное признание, понял?

Макс торопливо убрал пистолет обратно, не забыв поставить его на предохранитель — лифт подъезжал к первому этажу.

— Я его не приму, Макс, — Настя решила идти по другому пути. — Ты выбил его силой из него, ни один суд это не примет.

— Двери заблокированы, — сообщила система. — Ожидайте прибытия охраны.

— Табельное оружие номер сто тридцать дэ семнадцать дробь четыре, — отчеканил Макс так, словно был уверен в результате. — Ложное срабатывание, неисправность наноядерного аккумулятора. Отрыть двери!

— Принято, — отозвалась система. — Это уже четвёртое ложное срабатывание за месяц данного устройства. Ради Вашей безопасности рекомендуется срочно обратиться в сервисный центр.

Двери послушно открылись, и Настя поспешила убраться из лифта. Макс на секунду задержался, чтобы бросить Петрову:

— И смени штаны. А то мочой пропахли.

Он уверенно пошёл прочь от лифта, но успел услышать, как

Петров с помощью своих дружков поднимается на ноги и кричит:

— Я тебя запомнил, урод! Слышишь?!

— Я тебя тоже, — усмехнулся себе под нос Макс.

Несмотря на то, что угрозы в ответ не прозвучало, Макс явно чувствовал её признаки в воздухе. И если этот засранец в итоге не даст чистосердечное признание, то тогда Макс найдёт другой способ наказать его. Законным образом, разумеется. И Максим точно постарается в следующий раз сделать всё как положено.

Майор обычно ходил со слегка опущенной головой, бросая на всё и вся взгляды, полные подозрений, из-за чего постоянно выглядел каким-то недовольным, раздражённым. И старым, несмотря на то, что ему было не сильно больше сорока лет — образ такого мышления прорезал весьма заметные следы на его лице в виде пусть и немногих, но резких, глубоких морщин. В основном на переносице от постоянно нахмуренных бровей. Выбриваемый через день подбородок наоборот становился с каждым годом всё более колючим и резким, как и губы — черты лица истончались и становились более жёсткими. К тому же Макс и так был достаточно худ, хотя питался он отменно и далеко не той пищей, которая позволяет следить за фигурой — он, в общем-то, любил жирную пищу, особенно мясо. И эта худоба только добавляла в его образ дополнительные краски таким образом, что по итоговому внешнему виду Макса даже слепой мог рассказать абсолютно всё о его характере — жёсткий, несгибаемый, презирает зло в любой форме его проявления. Такие люди, как он, практически никогда не улыбаются потому, что им весело. Весело им бывает редко.

Но выйдя из здания суда Макс поймал на своём лице тёплый луч послеобеденного солнца и впервые за очень долгое время почувствовал, что его лицо пусть немного, но расслабилось.

По крайней мере, по отношению к Петрову он сделал практически всё, что от него требовалось, и теперь осталось дело за малым — ответной реакцией. И для Петрова лучше, чтобы эта реакция была правильной — чистосердечка.

— Я поведу, — сказал Макс, едва они с Настей подошли к их служебной машине. — Хочу немного развеяться.

Настя только кивнула, ничего не сказав.

Максу нравилось водить машину. В этом ощущении было что-то магическое — все вокруг едут правильно, никуда не виляют, ничего не нарушают и не матюкаются друг на друга через открытые окна, как это показывают в старых фильмах про двадцатый век. Пускай, что все остальные машины управляются единой системой, компьютером, высчитывающим каждую траекторию и выбирающим наиболее оптимальный маршрут —

Макс делает всё то же, но самостоятельно. Идеальный порядок, пусть и практически в единственном экземпляре.

Жаль только, что путь оказался не таким длинным, каким ему хотелось бы, но здесь Макс придерживался строгого принципа: чем меньше удовольствия, тем лучше оно по качеству. Именно поэтому он водил очень редко — чтобы не привыкать.

Этот дом оказался тоже построенным из жилых блоков, но, похоже, по чьему-то весьма извращённому индивидуальному проекту. Все блоки громоздились друг на друга в хаотичном порядке, образуя то глубокие провалы в стенах дома, то длинные выступы. Весь этот хаос продолжался этажа до, где-то, десятого, а потом дом плавно превращался в пирамиду, постепенно сужаясь к центру. И к тому же все блоки были разных цветов.

— Здесь клоуны живут? — Макс неодобрительно посмотрел на дом и сравнил его с его аккуратными и строгими соседями-параллелепипедами.

— «Нора сатира», — Настя нашла над единственным входом невзрачную и слишком уж скромную для подобного заведения вывеску. — Никогда не думала, что сатиры живут в норах. Отель, значит?

— Черта с два! — усмехнулся Макс. — Публичный дом поди.

Оцепления на входе не было, как не было и толпы зевак — к облегчению Макса.

Они зашли внутрь и очутились в маленькой комнате. Справа на стене в голограмме плавали мелкие изображения множества комнат самого разного дизайна, начиная от довольно банальной комнаты с розовой обивкой и множеством мягких подушек, и заканчивая имитацией пыточной камеры с антуражем адова пекла. Имитацией ли?

Макс присмотрелся к маленькому изображению, и то послушно увеличилось в размерах до доброго метра в поперечнике.

Рассадник похоти и насилия! Вот где бы провести проверку клиентов! Максим был готов биться об заклад, что в таком случае он бы разом переловил всех насильников в районе, как по текущим висякам, так и по будущим, ещё не заведённым делам. Но увы, он при этом прекрасно знал, что в подобном заведении сведения о клиентах защищают возможно даже получше, чем в тех же банках или корпорациях.

Справа находился регистрационный стол, за которым со скучающим видом сидел худой мужчина с длинными, завязанными в конский хвост, чёрными волосами и неаккуратной, торчащей в разные стороны короткой бородой, или, что вернее, с чересчур длинной щетиной. Маленький острый подбородок,

длинный торчащий кривоватый нос, а так же водянистые глазки-бусинки с красноватыми белками делали его похожим на крысу. Он запрокинул ноги на стол, демонстрируя всем входящим узор подошв своих ботинок, и, положив на ноги допотопный терминал из гнущегося стекла, разгадывал японский графический кроссворд. На вошедших он обратил внимание только тогда, когда Макс прекратил пялиться на фотографии и повернулся к нему, хотя всё это время Анастасия смотрела прямо на него.

— Определились с номером? — голос у него был гнусавый, скользкий, но неожиданно приятный на слух. — Минимальный заказ — три часа, но я рекомендую брать на ночь — так выгодней.

— Простите великодушно, — Настя уже собралась съязвить что-то, доставая при этом свою идентификационную карточку с изображением прокуратуры, но Макс её опередил.

— Где трупы? — громко и чётко спросил он.

Крысоподобный от неожиданности икнул и тут же чуть не свалился со стула. Он сел прямо, уронив при этом свой терминал на пол, посмотрел сначала на Анастасию, потом на Макса и дрогнувшим голосом произнёс:

— Третий этаж… комната триста два, сразу же у лифта…

Макс удовлетворённо кивнул и пошёл к видневшемуся в углу комнаты турболифту, Настя двинулась вслед за ним. Через секунду им в спину донёсся уже более уверенный голос:

— Только больше так не кричите, а то клиентов распугаете! Такое только на шестом этаже… И, кстати, примеченный Вами номер свободен, и я могу придержать его для Вас и Вашей колл…

Окончание фразы съели закрывшиеся двери лифта.

— Что за номер? — равнодушно поинтересовалась Настя.

— Застенки инквизиции вроде, — припомнил Макс. — Или симуляция Ада. Что-то между.

Изнутри здание отеля выглядело абсолютно так же, как и любое другое жилое, но вот стоило им оказаться за дверью искомого номера, пройдя через полицейское ограждение, как они тут же очутились в футуристической каюте звёздного корабля. Комната была напичкана голограммами электроники. За огромным, во всю стену иллюминатором белыми лентами проносились звёзды, а прямо по центру комнаты располагалась кровать, на которой и лежали убитые. Рядом с ними стоял неработающий суррогат, выполненный под женщину с полной имитацией всего что только можно (игрушка из секс-шопа же!). Суррогат была голой, но её спина, чуть выше поясницы, оплавилась от какого-то воздействия, и на пол капал расплавленный пластик с удушающим специфическим ароматом. При этом левая рука суррогата была в явно чужой крови — у

роботов ведь её нет. Убитые, мужчина и женщина, напротив, были одеты в туго обтягивающие классические латексные скафандры белого цвета. Мужчина лежал на спине, паховая область и весь живот у него блестели от крови; женщина лежала на животе рядом с ним — у неё шея была свёрнута практически на сто восемьдесят градусов.

Помимо них в комнате была группа криминалистов, хакер Сергей, ковырявшийся в суррогате при помощи своего наручного терминала, и бледно-зелёный Дима.

— О, а вот и вы, — поприветствовал он их. — В общем, ввожу сразу в курс дела. Жертвы — Антон и Екатерина Алевины, супруги. Антон умер от раны в паховой области и нижней части живота и последующего обильного кровоизлияния, а Екатерине свернули шею.

— Ты гений, — съязвила Анастасия. — Это мы и так видим. Ты лучше иди умойся, а мы пока…

Дима решительно покачал головой:

— Лучше сразу отмучаюсь.

— Правильно, — одобрил его к своему удивлению Макс. — Что за суррогат? Местный?

— Да, — ответил Дима, бросив короткий взгляд на оплавившегося робота. — Оплачен в дополнение к комнате. И если бы не суррогат, то нас бы здесь не было. В общем, есть две новости.

Дима икнул и несколько торопливо прикрыл рот платком.

— Дыши ртом, — посоветовала тут же Настя.

— Да, спасибо, — Дима подавил приступ тошноты. — Первая новость: Антон Алевин незадолго до момента смерти работал в «Астоле», но в отделе снабжения. Ушёл по собственному желанию, после чего устроился в мелкую торговую фирму к своему двоюродному брату. На первый взгляд, ничего общего с предыдущими жертвами.

— На первый взгляд, — прищурился Макс. — А на второй?

— По собственному? — переспросила Настя. — Он не был уволен, именно сам ушёл?

— Угу, — подтвердил Дима. — Учитывая, что две предыдущие жертвы работали официально тоже порознь, то я могу предположить, что неофициально они были в одном отделе.

— Притянуто за уши, — фыркнула Настя. — Да и убийство совсем другого типа, скорее похоже на неисправность техники. Алевины захотели поразвлечься, но немного перестарались с жестокостью.

— Я так не думаю, — возразил Макс.

Его чутьё следователя уже вовсю вопило, что убийства

связаны, и что хоть в этот раз и выглядит всё по-другому, но убийца тот же.

Макс подошёл к суррогату и принялся осматривать его спину и обнажившиеся оплавленные силовые элементы.

— Взлом суррогата был? — спросил он у хакера Сергея.

— Был, — через небольшую паузу подтвердил тот. — Взломщик обошёл Второй Закон Робототехники, но не потрудился обойти при этом Первый. Поэтому и произошёл общий системный сбой, а взрыв аккумулятора — просто случайность. Большая степень износа.

Настя тут же сделала отметку в блокноте на своём терминале — «халатность, Нора Сатира, провести проверку».

— Не хотел бы я оказаться рядом с такой штукой в такой момент, — пробормотал Макс. — Дмитрий, какая вторая новость?

— А, да! — вспомнил Дима. — Сергей, будьте добры, продемонстрируйте.

— Без проблем, — кивнул тот и потыкал в пару кнопок на своём терминале. — Я пока не смог выяснить, кто подключался к суррогату, да и вряд ли выясню — слишком уж хорошо замели все следы. Но последний загруженный голограммный образ восстановить удалось. Внимание!

Он демонстративно нажал на последнюю кнопку. Суррогат заискрился, из его разорванной поясницы повалил дым, но система восприняла посланную команду. Воздух вокруг него зарябил и спустя секунду потемнел, и на суррогате появилось изображение одежды.

— Зараза, так я и думал! — ругнулся Макс.

— А он серьёзно настроен, — заметила Настя, неотрывно смотря на сформировавшуюся картинку.

Женщина-суррогат оказалась одета в строгий костюм из белой полупрозрачной блузки из шёлка и чёрной короткой юбки. А ещё на её голове была чёрная фетровая шляпа.

Глава 8

Дождь крупными тяжёлыми каплями уже вовсю барабанил по крыше служебного автомобиля, когда Макс вышел из подъезда своего дома. После того, как они так ничего толком и не выяснили на месте последнего убийства, Анастасия как начальник группы отпустила их до конца дня, чтобы те успели поспать перед началом своего дежурства. Сама она при этом сказала, что проверит кое-какую информацию по своим каналам и приглядится получше к «Астолу», а так же его сотруднику — Владимиру Измайлову. А до тех пор от Макса и Димы всё равно никакого толку нет. Дима остался на эти несколько часов в отделении полиции, предпочтя сну беседу с бывшим напарником Макса, а сам Макс же отправился домой. Он хотел спать, но спать он мог только в одном месте, в том, которое он знает наизусть и полностью ему доверяет, полагая его надёжным. Дом.

Конечно же, он не выспался, и из-за этого был не в самом лучшем расположении духа, а когда он вышел на улицу под дождь, то его настрой упал ещё ниже. Макс не любил дождь, в основном потому, что во время него на улице становится плохо видно, что творится в округе, да и дорога в некоторых местах, где использовался некачественный металл, заменивший асфальт, который никто нигде уже пару десятилетий не обновлял и не собирался, становилась чертовски скользкой. Его дух упал ещё ниже, когда он увидел, что сделали с доверенной ему машиной.

Кто-то шибко умный сначала разбил видеокамеру над входом в подъезд, а потом нацарапал гвоздём сбоку на машине кучу матерных слов, а на капоте намалевал целую картину, изображавшую Макса, совершавшего половой акт с дулом работавшего огнемёта.

— Хулиганы, — проворчал Макс.

Настроение было уже совсем ни к чёрту, так теперь ему на работе предстояла ещё и головомойка по поводу исцарапанной машины и нелепые шутки по поводу художества на капоте от тех, кто осмелится шутить у него за спиной. Издёвок в лицо он не потерпит, и все это прекрасно знали.

Внезапно пистолет в кобуре нервно зашевелился, и Макс, восприняв единственную примету, в которую верил, начал оглядываться. Осторожно, так, чтобы у стороннего наблюдателя создалось впечатление, будто он просто осматривает улицу, чтобы прикинуть, где лучше проехать, не задев другие припаркованные автомобили. Нарочито медленно, как бы невзначай.

Он не успел.

— Кого-то потерял, друг? — спросил кто-то у него за спиной издевательским тоном.

Рефлексы сработали гораздо раньше, чем Макс даже успел подумать о том, что ему грозит опасность. И всего на долю мгновения раньше, чем массивный кулак приблизился к его затылку. Макс прыгнул вправо, и кулак нападающего сделал внушительную вмятину в крыше автомобиля. Но манёвр не удался, Макс на кого-то напоролся и тут же схлопотал болезненный удар в область желудка.

В его голове запоздало промелькнула мысль, что убийца в фетровой шляпе решил разобраться с ним, но в голову тут же пришла вторая мысль, вспыхнувшая молниеносным разрядом: Петров и его друзья. Художества на машине их рук дело.

— Это тебе за лифт, козлина! — яростно воскликнул второй голос.

Майор скривился от боли в желудке, но тут же выпрямился: не время расслабляться, иначе его прижмут к машине и отхайдокают по самые помидоры, припомнив все прошлые обиды.

И он, лишь на миг успев увидать нападавших, словил мощнейший удар в висок, опрокинувший его на исцарапанный капот машины. Он проскользил по нему, одновременно наблюдая, как темнеет мир, погружаясь в пучины небытия. И упал в лужу между его автомобилем и соседским.

Их было трое — те самые, которые были на судебном заседании. Мощный, но низкорослый рыжеволосый бугай с густыми бакенбардами, ударивший по машине вместо затылка Макса; среднего роста парень с рыхлой фигурой, которого Макс ударил в лифте в живот; конечно же, Петров, интеллигентного вида молодой человек с прилизанными дождём короткими чёрными волосами.

— Крепко ты его приложил, Витёк! — с укором заметил Петров, подойдя к Максу и склонившись над ним, чтобы рассмотреть поближе.

— А что он уклоняется? — обиженно потёр кулак бугай-Витёк.

— Может жить хочет? — предположил третий напавший, тот, что с рыхлой фигурой.

Они все трое рассмеялись, но Петров поспешно шикнул на них:

— Тихо! Вдруг кто видел нас? Давай, сваливать пора!

— Подожди! Смотри, он в себя приходит уже! Крепкий, чтоб его…

Макс и вправду начал шевелиться, но до прихода в сознание

оставалось ещё непозволительно много времени. Но если бы он был в сознании, то он бы стонал от боли не только в голове и в животе от ударов, но и ещё от боли в татуировке с нанитами. Умные крохотные роботы, в обычности образующие нехитрый рисунок трёх шестерёнок, сцепленных в единый механизм, сейчас активизировались на возникшую угрозу здоровью, и начали плодиться в бешеном темпе, устремляясь по кровотоку к ушибленным местам. Татуировка стремительно бледнела, наниты прогрызали себе путь через кожу в вены и артерии, реплицируясь уже по пути и используя для размножения окружающие ткани. И когда они достигали тканей повреждённых, они замещали собой уничтоженные клетки, принимая временно на себя их функции и, фактически, регенерируя раны за очень короткое время.

И да, это было больно.

— Идиот ты, Рома! — Витёк отвесил третьему подзатыльник. — Он же шавка полицейская, у них сейчас у половины татухи с нанитами!

— Драпаем! — настойчиво повторил Петров.

— Поздно, — возразил Витёк. — Он уже видел нас.

— Жопа. И что делать будем? — спросил Рома.

Витёк подошёл к начавшему приходить в себя Максу и как следует двинул его тяжёлым ботинком в тот же висок, в который он ударил его до этого. Хлеставший дождь тут же окрасил лужу под головой полицейского в тёмно-красный цвет.

— Чтоб не пришёл в себя, пока мы его тащим! — пояснил Витёк и схватил Макса за ноги. — Что встали?!

Петров нехотя взял Макса за куртку, и они вдвоём потащили на вид достаточно лёгкое тело в ближайшую подворотню; направление движения выбирал Витёк. Рома немного потоптался на месте, воровато оглядываясь в поисках свидетелей, но никого не было. Тогда он дождался, пока кровавая лужа не размоется потоками воды, и побежал вслед за своими.

Тащили они Макса не очень долго — вокруг было много дворов между домами, и большинство из этих дворов были огорожены самой обычной металлической сеткой, пусть и со считывателями ГИНов с карточек. В этих дворах, как правило, располагалось сетевое оборудование или узловые точки в кабелях передачи данных. Люди там практически не появлялись, более серьёзная охрана тоже была не нужна, поскольку красть там было нечего, а вандалам такие подворотни были не интересны. Но помимо отсутствия людей даже в солнечный день там было ещё два плюса: простенькая жестяная крыша, берегущая от осадков сетевые разветвители, и в двух шагах дальше по проулку довольно крупный бак дезинтегратора бытовых отходов. Конечно,

ни один дезинтегратор не примет человеческое тело потому, что, во-первых, оно слишком громадное, чтобы человек даже небольшого роста поместился туда полностью, чтобы дезинтегратор сработал. А во-вторых, работали банальные механизмы защиты на подобные случаи. Но, как известно, любой механизм защиты можно либо взломать, либо грамотно обойти, и на этот счёт у парней были кое-какие мысли.

Они протащили Макса в общей сложности почти сотню метров, правда, с короткими передышками, до одного из таких закоулков. Взломали считыватель на заборе и спрятались под крышу от дождя, хотя толку с этого не было — они уже давно вымокли полностью и хорошенько пропотели. Пусть Макс и был худым, но он был довольно высоким и весил килограмм семьдесят с лишним. По пути они бросить его уже не могли, ведь нельзя останавливаться тогда, когда останавливаться уже поздно.

Этот уголок уже был заранее обжит ими и другими подростками из местных банд. Тут и какие-то старые рваные матрасы, и одеяла, и куча пластиковых коробок для сжигания в поставленной по центру площадки большой допотопной металлической бочки. С двух сторон место окружали сплошные стены с вмурованным в них гудящим сетевым оборудованием, а с двух других сторон металлическая сетка почти вся была завешана мусором, чтобы никто не видел, что творится внутри.

— Задолбался его тащить! — не мог отдышаться Витёк.

Он бросил ноги Макса и уселся возле ещё тёплой бочки, погреться.

— Сейчас напалм найду, — Петров тоже тяжело дышал.

Один из верных способов обмануть дезинтегратор — сжечь органику до состояния углей, хотя бы по всей поверхности.

— А он кричать не будет? — забеспокоился Рома. — Он же живой ещё!

Петров задумчиво потёр лоб, потом согласился:

— Наверно, будет. И что ты предлагаешь?

— Не знаю, — сказал Рома. — Может, задушим его сначала?

— Хорошая идея, — согласился Витёк. — Вот ты его и души.

— Что?! — запротестовал Рома. — Я… я не могу! Он же полицейский! Я не хочу стать убийцей полицейского, я вообще не хочу стать убийцей!

— Никто не хочет, — сказал Петров, выуживая из-под одного из матрасов пятилитровую канистру с горючей жидкостью собственного производства. — Когда не надо, так каждый второй — герой, а как приспичит — сразу в кусты!

Они все подошли к всё так же в беспамятстве лежащему Максу и посмотрели сначала на него, а потом друг на друга.

— Мы же не убийцы, — с мольбой в глазах произнёс Рома.

— Но отпустить его мы тоже не можем, — развёл руками Витёк.

— Так что — поливать его? — нетерпеливо спросил Петров.

Ему не терпелось поскорей покончить с этим любым способом и убраться отсюда. Ему было очень не по себе от того, что им необходимо было сделать, да и не только ему — каждому из них.

— Девятый бит, — тихо выругался Витёк. — Надо сначала бесшумно убить его. Сейчас посмотрю, может, у него в карманах что есть — верёвка или нож какой.

Он принялся осторожно ощупывать полицейского, непрерывно поглядывая при этом на его лицо и пытаясь расслышать его дыхание. Остальные молча при этом следили за его действиями.

— Не стойте столбами! — возмутился Витёк. — Посмотрите вокруг, авось здесь завалялось чего.

Осмотр внешних карманов ничего не дал, поэтому Витёк расстегнул ему куртку и принялся осматривать уже внутренние карманы. Рома замер, глядя на них, после чего непонимающе нахмурился.

— А ведь отличный вариант! — обрадовался он и присел рядом с Витьком и Максом, протянув к последнему руку.

Витёк на эту реплику не обратил внимания, слишком занят был разглядыванием достоинств кожаной куртки Макса и прикидывая, налезет ли она на него, или же в плечах окажется безнадёжно узкой. А зря не обратил.

— И почему никто до этого не додумался? — продолжал Рома. — Очевидно же!

Он схватил пистолет Макса, вытащив его из кобуры и, прежде чем ошалевший Витька хоть что-то успел сказать, направил дуло в лицо полицейскому. Большой палец тут же нашёл кнопку снятия с предохранителя, а указательный следом без колебаний нажал на спуск.

— Стой, дебила кусок!!! — завопил Витька и неожиданно отскочил в сторону.

— А? — не понял Рома.

— Попытка аутентификации пользователя провалилась, — одновременно донеслось из пистолета. — Санкционированы охранные меры.

Из рукояти пистолета раздалось резкое жужжание, сильно напоминавшее жужжание осы, или даже целого роя ос. Рома задёргался, его кисть сильно сжала рукоять и от мышечного напряжения стала белой-белой. Через секунду от Ромы уже пошёл

пар. Ещё через секунду он выронил ствол и упал рядом с очнувшимся Максом.

Максу было больно, но благодаря нанитам он приходил в себя не постепенно, как это обычно бывает после удара по голове, а резко и сразу, словно вскакивал с кровати после сна. Глаза мгновенно открылись, а рука прямо в воздухе поймала падающий пистолет. Горячая от недавнего защитного электроразряда рукоять легла ему в ладонь аккурат на привычное место, палец сам, без участия мозга, снял предохранитель, и Макс направил пистолет в сторону ближайшего врага.

— Не-не-не-не… — затараторил Витёк, поспешно пятясь от него так, словно бы это помогло.

Полицейский без колебаний нажал на пусковую кнопку, но в это время к нему подбежал Петров и попытался выбить пистолет у него из руки. Заряд вылетел из ствола, но Витёк оказался на метр правее от изменившегося направления выстрела.

Макс перевёл взгляд на Игоря и заметил у него в руках канистру с горючим и с отвинченной крышкой. Прищурился в подозрении и мгновенно всё понял — и то, где он сейчас лежит, и что они собирались с ним сделать. От трупа очень сложно избавиться, не оставляя следов, и именно поэтому правительство и разработчики намеренно оставили для преступности подобную лазейку с дезинтегратором.

Ноги Петрова были совсем рядом с лицом майора, и этим было грех не воспользоваться. Максим сжал кулак на второй руке и, катнувшись вбок для удобства, чуть выставил вперёд костяшку среднего пальца и ударил ей по болевой точке возле колена Игоря. Тот тут же взвыл, но было жаль, что основной его вес пришёлся в этот момент на другую ногу. Он покачнулся, но устоял. Макс поспешил откатиться назад и перегруппироваться — у него же пушка! — но напоролся на стоявшую поблизости тёплую, воняющую жжёным пластиком бочку.

— Не ори! — крикнул Витёк Петрову, поднимаясь на ноги. — Полей его!

Игорь размахнулся и начал плескать горючую жидкость повсюду перед собой, обливая абсолютно всё и практически не заботясь о том, чтобы попасть на полицейского. Но попал, причём, не только на него. Должно быть, в бочке что-то всё ещё горело, поскольку до этого она даже не светилась, а теперь тут же вспыхнула ярко-зелёным химическим пламенем, на краткий миг лизнувшим жестяную крышу у них над головами. Огонь весело зашуршал и резво пополз по краю бочки по направлению к Максу.

— Бежим! — Петров кинулся к выходу, на ходу схватив своего товарища за шкирку и при этом бросив на полпути

канистру с горючим.

Макс хотел последовать за ними, но огонь быстро распространялся, отрезая его от выхода. Перепрыгнуть не получалось — слишком горячо, поэтому он просто вскинул пистолет и несколько раз выстрелил сквозь пламя по направлению выхода. Что-то попало, и полицейский скорее услышал, чем увидел, как один из убегавших свалился под действием электрошока. Подобраться он к упавшему уже не мог, так что пришлось надеяться, что им оказался Петров, а не его товарищ.

Пришлось тупо стоять и ждать, пока не догорит огонь и терпеть ноющую боль в виске и на месте татуировки.

Через минут двадцать, когда огонь даже и не думал утихать, приехали вызванные соседями пожарные и быстренько всё потушили. Предложили Максу медицинскую помощь, но тот отказался. Затем он при помощи тех же пожарных донёс Ромку и Витьку (всё-таки не Петров!) до машины, после чего дождался, пока пожарная бригада не скроется с глаз, и в одиночку погрузил преступников в багажник машины. Не поленился, сбегал домой за старой доброй клейкой лентой, которая, кажется, никогда из обихода не выйдет, и тщательно связал обоих, после чего повёз их в участок.

Дмитрий ответил на вызов Макса и по его указанию встретил его у парадного входа в здание полиции. Макс снова вёл сам, собственноручно, поэтому он смог подъехать как можно ближе к довольно длинной лестнице перед парадным входом — чтобы было меньше тащить этих уродов.

— Ты задержался, — обеспокоенно заметил Дима. — Что случилось?

— Подарки тебе привёз, — просиял Макс, вылезая из машины и подходя к багажнику.

— Боже, что у тебя с автомобилем? — Дима заметил нацарапанные слова и рисунки, слегка забрызганные грязью.

— Скажи спасибо, что дождь прекратился, — усмехнулся Макс, ковыряясь с замком на багажнике. — Зараза, вечно заедает… Ты из-за налипшей грязи и половины не видишь. Открыл! Принимай!

Макс слегка приподнял крышку багажника, Дима наклонился вперёд и вгляделся во тьму в нём. Приглядывался, приглядывался, пока там кто-то не пошевелился, после чего крайне неодобрительно заметил:

— Да ты зачем их в багажник засунул?! Кто это ещё? Они связаны?

— Подозреваемые, — Макс задумался. — Нет, после

сегодняшнего уже точно подсудимые. Эй там, кто сверху — вылезай, я крышку багажника подержу.

Витёк неуверенно пошевелился и осторожно приподнялся. Зря — Макс тут же приложил к его голове крышку багажника. Раздался глухой стук, и Витёк повалился обратно на своего соучастника.

— Ты что делаешь?! — зашипел Дима. — Варвар!

— Варвар?! — взревел в ответ Макс. — Мальчишка! Эти говнюки собирались меня сначала придушить, а потом сжечь и бросить в дезинтегратор! А перед этим они подкараулили меня у машины и хорошенько врезали по башке! Хорошо хоть, что у меня наниты есть, иначе я бы точно идиотом стал, или сдох бы уже давно.

— Ты должен с ними обращаться по-человечески, — возразил Дима. — Ты же поймал их, арестовал и связал, и теперь обязан в целости и сохранности передать в руки правосудия. Так же написано в нашей должностной инструкции!

— Плевал я на неё, — скривился Макс. — Эти уроды не заслужили человеческого отношения. Моя бы воля — казнил бы на месте!

— И именно поэтому летальный режим заблокирован на полицейском оружии, — заметил Дима. — Нужно веское основание для казни в оперативных условиях, на дворе двадцать второй век! Ты — динозавр, Макс, пережиток прошлого. Ты должен быть гуманнее.

Максим внимательно посмотрел на своего коллегу, постоял, подумал и в итоге сказал:

— В отличие от ваших современных гуманных методов, мои варварские работают. Вытаскивай их уже, а то вся машина гарью провоняла!

Глава 9

Макс сидел на своём стуле довольный, как никогда. Плевать, что его чуть не изжарили, а потом едва не спустили в дезинтегратор — он на две трети добился своего и засадил двоих уродов из трёх на очень большой срок как минимум, но наиболее вероятно, что их всё-таки казнят. Пускай, что он не сможет доказать, что Витёк и Рома вместе с Петровым поджигали тот дата-центр! Теперь на них висели обвинения в вандализме по отношению к имуществу полицейского управления, дважды порча частной собственности в виде видеокамеры и считывателя ГИНов, и, что много хуже — сговор и попытка убийства полицейского при исполнении. Правда, снова встал насущный вопрос о сборе доказательств для обвинений. И если с царапинами на машине и порчей имущества всё было ясно — они наследили изрядно, понаставив везде свои отпечатки, то с покушением на полицейского всё гораздо сложнее. Вспыхнувший пожар легко списать на случайность, в том закоулке чего только не валялось, огнемёта даже Макс не видел. Петрова и след простыл, а все остальные доказательства быстро зажили благодаря нанитам, оставив после себя только сильное чувство голода и потемневшую от множества мёртвых нанороботов мочу при первом походе в туалет — так всегда бывает после их активации. Даже если они избегут казни, то всё равно промывка мозгов им обеспечена, а после неё они лет пять будут способны только одуванчики собирать — их вон сколько прошедшим летом расплодилось.

А ещё Макс бездельничал в данный момент, что для него не свойственно. Он привык, что его голова работает на полную катушку, выявляя возможные заговоры против его персоны, а так же выискивая потенциальных преступников в сводках с различных устройств слежения за общественной безопасностью. Но конкретно сейчас его единственный терминал был занят, так что приходилось заниматься только первым.

Дмитрий пытался работать, но у него это тоже плохо получалось. Он ковырялся в своём наручном терминале, просматривая всю возможную информацию по жертвам и пытаясь понять, что же их связывает помимо «Астола», из-за чего их пришлось убить. Процесс это был трудный, нудный и довольно неприятный, поскольку Диме буквально приходилось сейчас рыться в чужом грязном белье. Будь на его месте Макс, он бы равнодушно ко всему этому отнёсся, чужая частная жизнь бы никак не повлияла на мыслительные процессы. Будь на его месте Анастасия, то она бы повозмущалась, что приходится заниматься

подобными низкими вещами, но сделала она бы это только для вида, играя на публику. По сути, ей тоже было всё равно, поскольку всплывающее дерьмо из глубин личной жизни мертвецов никак не может больше влиять на них — так какая разница? Но для Димы это было низко, подло, и так далее по списку. Личные переписки, вызывавшие недоуменные взгляды; случайные видеозаписи, сделанные под влиянием моментов и из-за этого заставляющие его краснеть; события из жизни родственников, факт свершения которых вызывал у него куда больше эмоций, чем у тех, в чьей жизни он сейчас ковырялся. Для Димы копаться в чужих личных тайнах даже с одобрения их обладателей было практически неприемлемо и выполнимо только при условии неотвратимости, а уж без их ведома — тем более. Но мёртвые были не виноваты, что они умерли. Или виноваты? Хороший вопрос, только ответить на него он пока не мог. Поэтому Дима очень нехотя всё это делал, через силу и крайне медлительно.

Зато Анастасия работала сразу за двоих, если не за троих. Просматривая одновременно логи с терминалов жертв на своём ручном терминале, она сверяла их со всем, чем только могла — открытыми журналами из «Астола», брокерскими графиками, обзорными статьями по необычным ядам, сводкам погодных новостей в тех местах, где побывали жертвы за последние полгода. Объём информации был просто колоссальный, и Анастасию немного раздражало то, что при этом Дима настойчиво попросил её дать Максу передохнуть пару часов. Внешне тот был в полном порядке, не считая небольшого кровавого пятна на вороте рубахи, но ведь его били по голове! И если бы не наниты, то кто знает, что бы стало с его разумом, если бы он вообще выжил в таком случае. Если послушать его рассказ, то можно смело сделать вывод, что ему крупно повезло за сегодня как минимум трижды: его спасли наниты от ударов в висок, один из напавших оказался идиотом, схватившим полицейский пистолет, и вовремя прибыли пожарные. Макс говорит, что он всё контролировал с того момента, как очнулся, но Анастасия посмотрела отчёты пожарных — на самом деле Макс чуть не сгорел заживо, поскольку огонь подбирался в течение этих двух десятков минут к нему всё ближе и ближе, а он всё-таки был облит напалмом. И всё же, внешне он был абсолютно здоров. Ну ничего, ещё полчаса побалбесничает, а потом она свалит на него всю эту дурно пахнущую кучу информации! Хотя, вдруг он что-нибудь пропустит? Или снова наплюёт на сбор улик и устроит охоту на ведьм? Нет, лучше она уж сама всё сделает. И на этого новичка Дмитрия надежды мало — он, конечно, старается быть

полезным, но она отчётливо видит, что ему, во-первых, очень неприятно этим заниматься, во-вторых, он уже устал, а в-третьих, он ещё слишком зелёный, чтобы найти хоть что-нибудь стоящее. Конечно, это не его вина, но так шляпника не поймать.

— Вот, кое-что нашла! — спустя некоторое время удовлетворённо произнесла Анастасия. — Небольшая заметка в блоге одного из ведущих программистов «Астола».

— Читай! — мгновенно оживился Макс.

— «Странные вещи творились сегодня на работе. По соображениям безопасности я вырежу все фамилии, места и факты, но знающие люди и так всё поймут. Именно это и является целью данного поста — донести до людей, что так больше работать нельзя, и с этим надо что-то делать». В общем, дальше он довольно долго рассуждает о том, какие меры безопасности применяются на его работе, и как они ему мешают его трудовой деятельности. А вот здесь он пишет: «очень хотелось бы, чтобы меры безопасности, предпринятые товарищем <вырезано>, действительно работали, ведь инциденты были, и были при мне в моём же отделе! Но в то время, как одно управление их принимает, другое их отменяет и действует по-своему»…

— Много воды, — поморщился Макс. — Нельзя ли конкретнее?

— А вдруг мы пропустим что-то важное? — забеспокоился Дима.

— В этом нет ничего важного, — отрезал Макс.

— Короче, — продолжила Настя. — Он пишет, что в одном из соседних отделов сначала из-за таких конфликтов отменили некоторые охранные меры, и вскоре в отделе что-то взорвалось. По его предположению — одна из новых топливных ячеек-прототипов. Начали расследование и обнаружили, что во время этого инцидента в другом отделе, находящимся поблизости, пропало что-то очень важное, какая-то программная разработка.

Она замолчала.

— И всё? — выгнул бровь Макс.

— У него — да, — кивнула Настя. — Но я сопоставила эту информацию по времени с кое-какими новостями в Сети, и узнала, что спустя месяц «Астол» провёл реструктуризацию одного из своих управлений. Там написали, что по результатам пятилетнего плана ряд начальников не справился со своими задачами, что повлекло за собой крупные финансовые убытки для всей корпорации и даже несколько производственных аварий. Было выписано много штрафов, а нескольких руководителей даже уволили. Но про кражу ни слова.

Она пощёлкала на своём терминале несколько кнопок,

убирая одну просматриваемую страницу и восстанавливая другую, запомненную — с выделенными местами.

— А вот здесь упоминается, что внутри одного из управлений проводилось срочное расследование по не уточнённым для прессы причинам, и в результате было уволено около сотни рядовых сотрудников. Причём, уволено с позором и освещением этого в прессе, чтобы у тех при дальнейшем трудоустройстве возникли дополнительные проблемы. Тоже наложили на всех очень крупные штрафы и даже хотели завести на них уголовное дело, но прокуратура города не позволила. Причём, все сотрудники официально были из разных служб и отделов.

— Сразу сотня? — обеспокоенно спросил Дмитрий. — На «Астоле» довольно высокие зарплаты… это ж сколько семей сразу обеднело!

— Поделом! — отмахнулся Максим. — Сами виноваты, раз у них там что-то взорвалось. Но я вижу, куда ты клонишь, Насть. Дай угадаю, выделенные тобой места — это списки уволенных?

— Именно, — ответила та.

— И среди них есть Елена Головач и Антонина Купцова? — подхватил его мысль Дима.

— В яблочко! — подтвердила Настя.

— А сразу не могла сказать? — возмутился Макс. — Как будто за нос водила, нет чтобы сразу!

— Это было нужно, чтобы вы увидели общую картину, — начала оправдываться она. — Понимаете? Сначала у них там что-то взорвалось, и по соседству тут же украли разработку, после чего собрали комиссию по расследованию причин инцидента. Выяснили обстоятельства, вычислили причины и решили наказать виноватых, ну или крайних нашли. Посшибали шапки с нескольких начальников, пару уволили, а следом за ними и ещё сотню сотрудников, среди которых чисто случайным образом оказались две наши жертвы!

— Совпадений не бывает, — Макс удовлетворился таким объяснением. — Но что с третьим, с… как его… Антоном Алевиным?

Настя с готовностью снова сменила страницу, уже на настольном терминале Макса, и ткнула в него пальцем:

— Вот! На следующий день после увольнений подал заявление о добровольном уходе, и через месяц его уволили.

— Не захотел играть с судьбой? — предположил Дима. — Увидел, как других зацепило, а его нет, и решил не рисковать и уйти самостоятельно, прежде чем с ним бы случилось тоже самое.

— Ты говоришь так, будто они были знакомы, — Макс покачал головой. — Это ещё неизвестно. Но смысл есть.

— А ты помнишь слова чиновника из «Астола», что нас к себе вызывал? Владимира Измайлова? О том, что обе жертвы де факто работали вместе?

— Помню-помню, как же, — оскалился Макс. — Похоже, в этой корпорации далеко не всё так чисто, как кажется на первый взгляд. Чёртовы заговорщики! Наш убийца, судя по всему, нашёл истинных виновников и решил разобраться с ними своими методами.

— Но это точно не Измайлов, — тут же сказала Настя. — У него железное алиби, он на орбите в это время был, на отдыхе.

— Точно? — засомневался Макс.

— Да, есть видеозаписи и куча свидетелей.

— Но почему так долго? — задал вопрос Дима. — Полгода почти прошло уже, почему шляпник начал убивать их только сейчас?

Ответа у них не было.

Утро и окончание смены подбиралось всё ближе и ближе, усталость каждого из следственной группы росла, но добытых сведений было не так уж и много для того, чтобы выяснить личность убийцы или поточнее поставить его мотив. Максу казалось, что они ходят вокруг да около, лишь касаясь истинной причины, но при каждом касании они наталкивались на непробиваемую стену неизвестности. Его это злило.

В конце концов, зачем ему вообще знать, почему и каким образом этот шляпник убил этих четверых бедолаг? Факт убийства есть? Есть. Доказательства его вины есть? Косвенные, но прямые, уверен он, они скоро найдут. Есть орудие убийства? Только в двух последних случаях из четырёх, но и этого хватит с лихвой для того, чтобы отправить ублюдка на тот свет! А мотивы… в задницу мотивы, пускай другие их ищут, если им так надо. Для него это не должно быть так уж важно, ведь самое главное, что есть факт свершения убийств и есть убийца, который их осуществил. Необходимо свершить правосудие!

Но вот Дима и Настя начали задаваться вопросом, а почему же именно он их убил? Правда, по различным причинам. Дмитрий, например, пытался поставить себя на место преступника и понять, что же им двигало в эти моменты, ведь должно же быть у него хоть какое-нибудь оправдание. На психическое расстройство не похоже, ведь шляпник выбирал своих жертв не случайным образом, и они уже выяснили, что есть объединяющие факторы. Но при этом всё равно прошло достаточно много времени между моментом увольнения и моментом первой смерти, а это означает, что есть что-то ещё. Конечно, в прошлом встречались маньяки, тщательно

выбиравшие своих жертв по каким-либо мелочам, важным только для них, например, по цвету волос, или по уровню интеллекта, причём в обе стороны. И если так подумать, то и здесь может быть что-то такое, чего они ещё не увидели.

Дима открыл на своём терминале прижизненные фотографии всех жертв, выведя изображение в воздух перед собой сразу всех четверых, и принялся в случайном порядке перебирать их. Остальные скептически посмотрели на его действия, но ничего не сказали, поскольку других вариантов поисков ни у кого не было.

Для Анастасии мотивы шляпника были важны гораздо больше, чем для остальных, настолько, что об этих мотивах, наверно, больше неё беспокоился только сам убийца. Она была прокурором, который, как считалось окружающими, достаточно порядочно ведёт все свои дела и следит за всеми нюансами. Именно по этой причине её и приставляли к делам, которые раскрывал Макс, поскольку за тем частенько приходилось прибираться и искать доказательства и факты, которые он к уголовному делу не пришил. Всякий раз, когда зачастую изрядно избитый майор притаскивал к ней ничуть не менее избитого очередного уголовника, он скидывал ей свои наработки по делу, и ей приходилось расчищать то дерьмо, которое натворил майор. Макс, как она успела заметить, всегда действовал по одному алгоритму — с завидным рвением брался за каждое новое дело, за первые сутки собирал всё, что только мог выяснить или собрать, а потом тупо занимался поисками самого преступника, нисколько не озабочиваясь сбором дальнейших доказательств. Иногда собранного хватало, а иногда — нет, вот как, например, в последнем их проваленном деле о поджоге дата-центра Петровым. Хотя стоило признаться, что все доказательства, что собирал Макс, были тщательно пригнаны друг к другу и идеальны с точки зрения оформления дела. Да, Макс был человеком Системы, исполнителем, который не любит задаваться вопросами «почему» и «зачем». Если надо — значит надо, зло в любой форме должно быть наказано независимо от причин.

— Нашёл… — еле слышно выдохнул Дима. — Нашёл!

— Шляпника? — тут же вскочил Макс.

Его глаза при этом нехорошо заблестели, и возликовавший было Дима тут же сравнил Макса с образом инквизитора из Средних Веков.

— Нет, — Дима помотал головой. — Мотив! Но он опять в неявном виде, но тут уж ничего не поделаешь, всяко лучше уже имеющегося…

— Хватит языком чесать, — Макс поморщился и разочарованно сел обратно на свой стул.

— Тут есть один форум, — начал издалека Дима. — Темноватый он, если честно, но это и сыграло нам на руку. Я прослеживал действия Головач в Сети за последние несколько недель и вышел на одно сообщение, которое она оставила анонимно на том форуме.

— И как же ты это выяснил? — удивилась Настя. — Анонимные сообщения нельзя же отследить, там используется многоуровневое шифрование…

— А я завёл знакомство с вашим айтишником Сергеем, — скромно пояснил Дима. — Не важно, в общем, мне помогли. Так вот, в том сообщении Головач предлагала продать любому желающему некий очень ценный продукт вместе со всеми исходниками. При этом она утверждала, что продукт в нехороших руках, в чьих он сейчас находится, может перевернуть мир и изменить очень многое в скверную сторону.

— Что, прям так и написала? — удивилась Настя.

— Почти. Но смысл сообщения именно такой.

— Благородное дело, значит, — усмехнулся Макс. — Выходит, что они всё-таки что-то спёрли из лабораторий или отделов, ну где они там де факто работали, и решили стать героями, да? Грёбаные лицемеры! При этом они решили ещё и озолотиться на чужой беде.

— Беде? — возмутился Дима. — Если то, что она написала — правда, то это очень многое объясняет! Исходя из её слов, в недрах корпорации «Астол» разрабатывалось нечто очень опасное, и последствия такой разработки могут причинить большой вред всем нам.

— Да? — выгнул бровь Макс. — И что же там такое было, можешь ответить?

— Я…

Дима растерялся. Его взгляд заметался по кабинету в поисках предположений, но все окружавшие их предметы были сравнительно безобидны, и ничего такого опасного в голову к нему не приходило. Все предметы, кроме одного-единственного.

— Твоя пушка, — Дима показал пальцем на кобуру Макса и торчавший из неё служебный пистолет. — В ней используется наноядерная батарея.

— И что? — нахмурился Макс так, словно Дима обвинял его прямо сейчас в массовом геноциде.

— Кто производитель пистолета?

Макс за секунду выхватил пистолет так, словно всю жизнь готовился к этому моменту. Дима тут же резко отпрянул назад, не на шутку испугавшись, но Макс только положил пистолет на свой терминал и повернул его эмблемой производителя в сторону

Дмитрия.

— «Smith&Wesson Electronics», — не дождавшись, когда тот прочтёт, холодно сказал Макс. — Как и на всех других полицейских.

— А производитель батареи?

Макс вздохнул. Его изрядно утомил этот разговор, но сдаваться так просто он не хотел. Поэтому отвинтил крышку в рукояти снизу и вытащил через образовавшееся отверстие небольшую плату преобразователя тока с крохотной, но ярко светящейся зелёным точкой — это и была батарея.

— «Астол», — прочёл он эмблему на плате. — Это ещё ничего не значит, ведь всю электронную начинку разрабатывает и производит именно «Астол».

— А что им мешает сделать модификацию на одной из своих плат таким образом, чтобы пистолет стрелял не шоковыми разрядами, а ионизированными? Для военки, чтобы против врагов применять ещё и радиацию?

— Это фантастика, — заверила их Настя. — У меня брат — специалист в области ядерного оружия, в том числе и портативного.

— А это не важно, — возразил Дима. — Я же не учёный, только предполагаю.

— Вот именно! — Макс внезапно ударил кулаком по своему столу, чуть не повредив терминал. — Хватит делать нелепые предположения! Давай работать!

Минуты через три Дима снова подал свой робкий голос:

— Я извиняюсь, наверное, сразу не заметил, но тут это…

— Что там ещё? — сдался Макс.

— Только сейчас увидел. Собеседник Головач прикрывался аватарой Индианы Джонса, которого Харрисон Форд играл.

— И? — не поняла Настя.

Макс тоже не въехал.

— Ну как же! — надулся Дмитрий. — Вы старых фильмов не смотрите что ли? Индиана Джонс тоже в шляпе всё время ходил!

— Вот оно что, — сообразил Макс. — Похоже, так на них и вышел наш шляпник — заявился на чёрный рынок..

— Всё, я звоню в банк и требую весь список клиентов с фамилиями на тот день! — не вытерпела Анастасия. — Макс, достань список региональных сотрудников «Астола».

— Весь? — удивился Макс. — Я могу, но мы в нём утонем надолго.

— Не надо весь. Вот, я скинула на твой терминал список отделов и управлений, которые нам нужны.

Сказано — сделано. Через пять минут Настя действительно

начала во всю препираться со служащими из банка по поводу их системы безопасности, попутно обсуждая абсолютно все раздражающие её в её работе возникающие проблемы. Ещё через десять минут на другом конце канала связи люди сдались под её напором и таки в итоге выслали ей список клиентов, которые приходили в банк в тот день. Одновременно Макс попросил Сергея раздобыть ему список сотрудников «Астола» по необходимым критериям, и уже через полчаса у следственной группы были оба списка.

— Вот он, — сказал Дима, проглядывая список клиентов. — Временная метка совпадает, это наш шляпник! Колгоморов Виктор Алексеевич.

— Колгоморов, значит, — Макс стал лихорадочно тыкать в своём настольном терминале по множеству кнопок.

— Что? Ты его знаешь?

— Нет, конечно. Зараза! Это не он.

— Ты уверен? — Дима снова сверил временные метки на фотографии шляпника в банке со списком клиентов. — Здесь нет ошибки.

— Уверен, — кивнул Макс. — Колгоморову Виктору восемьдесят два года, а этот хоть и лысый, но максимум тянет лет на пятьдесят.

— Я бы сказала, тридцать — тридцать пять, — поправила его Настя.

— Тем более.

— Выходит, он подделал ГИН, — сделал вывод Дима.

— Или взломал систему и поменял свои данные с Колгоморовым, — предположила Настя. — Я бы скорее опиралась на это, мы уже знаем, что он — хороший взломщик.

— Тогда что же он не удалил свою фотографию? — спросил Дима.

— Система безопасности банка бы заметила несостыковку, — пояснил Макс. — Там учитывается всё, начиная от количества ГИНов и фотографий клиентов и заканчивая показаниями весовых датчиков в полу. Всё не вычистить, гораздо проще поменять свои данные с кем-нибудь другим. Что он и сделал.

Настя проглядела оба списка кратким взглядом.

— Знакомых фамилий не вижу, — зачем-то сказала она. — Запустим программу поиска совпадений.

Через пару секунд они уже взирали на результат: сформировался новый список.

— Что, всего один? — изумился Дима. — Там же в обоих списках их было много.

— Григорий Потёмкин, — зловеще проговорил Макс. —

Начальник засекреченного отдела корпорации «Астол».

Он встал со стула, вышел из-за стола и, полный решимости, направился к выходу из кабинета, по пути проверяя уровень заряда батареи пистолета.

Его впереди ждали правосудие и справедливость!

Глава 10

Снова шёл дождь, и снова Макс был за рулём, лично управляя автомобилем, не доверяя бортовому компьютеру делать это. Дороги были пустынны — да и кто же будет куда-то ехать в предрассветные часы? Все сейчас спят в своих постелях, отдыхают, набираются сил для нового рабочего дня. Для других рабочих дней не было уже давно, одни только ночи. А для третьих эта ночь не закончится никогда.

Максом овладело чувство справедливости, если не сказать мести, которые он готовился сейчас свершить. Ему предстояло отправить на тот свет человека, преступника, маньяка, который ради коммерческого благополучия своей компании убил четверых и наверняка сейчас готовился убить ещё кого-то. Майор испытывал жуткое негодование по поводу того, что раз за разом, несмотря на все потуги со стороны государства, правоохранительных органов и его личных усилий такие моральные уроды появляются снова и снова. Это означало, что текущая система ещё не совершенна. Но от этого Максу не было плохо, отнюдь! Он искренне радовался и торжествовал, поскольку именно ему выпал шанс если не убить, то хотя бы отправить на казнь другими руками ещё один неблагонадёжный элемент современного общества. Плохо было то, что он ехал к этому Потёмкину не один, на заднем сидении в суровом молчании находились его коллеги по следственной группе. И если он начнёт провоцировать Потёмкина на убийство полицейского, то его коллеги неправильно это поймут. Настя как прокурор может даже составить обвинение на Макса.

Анастасия сейчас всеми силами пыталась получить санкцию на арест Потёмкина по подозрению в убийстве и ещё одну — на обыск жилого блока. Но это было сложно сделать, поскольку до сих пор не было установлено орудие убийства. Как она надеялась, обыск блока позволит разрешить данную загадку. И Макс знал, что она очень торопится получить обе санкции прежде, чем они вломятся в блок Потёмкина, иначе дело рискует рассыпаться в прах так же, как и дело Петрова. Ситуация один-в-один. Но тогда выходит, что если у группы будут все необходимые санкции, то Макс не сможет собственноручно пристрелить Потёмкина, он не будет иметь на то права. Только в случае самообороны, на который, если честно, он и надеялся. Потёмкин просто обязан оказать сопротивление при аресте!

Дмитрий, этот зелёный новичок, салага, был ещё одной проблемой. Макс не знал, как поведёт себя этот слюнтяй в

критической ситуации, останется ли он профессионалом, или же бухнется в обморок. Случиться может всё что угодно. Но он точно будет заступаться за Потёмкина, не позволять прикончить его на месте. И если во всех других ситуациях гуманизм Димы вызывал у Макса странный интерес, то здесь он явно был лишним. И что тогда? Вырубить салагу первым же выстрелом, на минимальном заряде? Поваляется минут пять в сторонке, полежит, а когда очухается, будет уже поздно. Да, пожалуй, так и следует поступить. Хотя Настя может неправильно понять, и ей объяснить будет сложно.

«Эх!», — досадно подумал майор. «Всё опять упирается в прокурора! А вот Дмитрий — хоть и салага, каких поискать, но он словно бы обладает теми качествами, которых не достаёт мне. Быть может, из нас двоих что и получится».

— Вон его дом, — сказал Дима, тыкая пальцем в приближающийся дом по правой стороне.

— Вижу, — кивнул Макс.

Машина слегка притормозила и свернула на узенькую дорогу между домами. Макс остановился возле самого входа в дом, перегородив подъездные ступеньки так, чтобы любой выходящий тут же наталкивался на машину.

— Командую я! — безоговорочно заявил Макс.

Никто, собственно, возражать и не стал. Настя прекрасно понимала, что в полевой работе у Макса опыта гораздо больше, чем у неё, а Дима вообще никогда никем не хотел командовать.

Макс на секунду задумался, кого с собой брать? Пистолета кроме него никто не носил с собой, а в машине запасная пушка была только одна. С одной стороны, Макс был уверен, что Настя не психанёт и не забьётся в угол, на неё можно положиться в этом плане. Но при этом он отлично помнил, как она умеет стрелять — совсем никак. Наверное, она смело могла бы претендовать на звание человека, который стреляет хуже всех. Она — прокурор, бумажная крыса, и воевать она не может. С другой стороны, Дима уже не первый год работает в полиции, а это означает, что все ежегодные экзамены по стрельбе он сдаёт как минимум на «тройбан», следовательно, стрелять он может. Но все стрельбы проходят в спокойной обстановке, без малейшей угрозы для стреляющего. А здесь он уже трясётся как осиновый лист на ветру.

Максу нравилось это сравнение, в частности, потому, что у него под окнами дома росла голограммная осина, и он видел, как трясутся пожелтевшие листья осенью под дуновениями холодных ветров. Конечно, их тряску рассчитывал довольно сложный алгоритм, снимающий показания с датчиков окружающей среды,

но выглядело всё реалистично. До тех пор, пока кто-то не заразил систему вирусом, и вместо листьев дрожать стали свисающие с веток земляные черви. Вечно какой-нибудь урод испортит хорошую вещь!

Но парня проверить надо.

— Настя, остаёшься здесь, — Макс сообразил, как ему следует поступить. — Если он пробежит мимо нас, то ты его остановишь.

— Голыми руками? — засомневалась она.

Максим приложил ладонь к приборной панели автомобиля, система считала его термограмму и отпечатки и открыла бардачок.

— Вот, — Макс протянул ей уменьшенную копию своего пистолета. — Не такой убойный, как мой, да и заряда батареи там только половина, но на одного говнюка хватит.

— Поняла.

— Салага! За мной.

Они все трое вышли из машины под тихо капающий дождь. Настя тут же поёжилась от холода и поплотнее укуталась в своё коричневое пальто, попутно включив на нём режим обогрева, но ни Дима, ни Макс на холод не обратили внимания.

— Он живёт на третьем этаже, так что мы быстро, — предупредил Макс Настю, поглядев при этом вверх на окна. — Будь наготове. Салага…

— Хватит так меня называть, — возмутился Дима. — Надоело уже!

— Заткнись и слушай, — Макс пропустил его реплику мимо ушей. — Третьей пушки у меня нет, так что будешь связистом.

— Ясно, — сказал Дима. — Буду предупреждать Анастасию в случае изменения ситуации.

— И не трясись как девчонка! — Макс одобрительно хлопнул его по спине, но тот лишь ещё больше занервничал. — Идём.

— Макс, — крикнула им в спины Настя. — Санкций ещё нет!

— Плевать.

Они вошли в тёмный подъезд. Царство тьмы и зла, здесь пахло плесенью и сыростью, а над головой мигала светодиодная лампочка. Макс решительно пробирался сквозь толщи тьмы, Дима пытался следовать за ним, но заметно трусил. Ему стало немного легче, когда Макс достал из кобуры свой пистолет и снял его с предохранителя — ряд светодиодов на пистолете немного осветил окрестные стены.

— Странный дом для начальника секретного отдела крупной корпорации, — шёпотом заметил Дима. — Здесь всегда так?

— Это один из первых блочных домов, — вспомнил Макс. —

Вся система водоснабжения сгнила, должно быть, оттуда и запах и мигание лампы.

Через несколько метров они подошли к лифту и лестничной площадке. Дом был действительно старый, поскольку сейчас никто в целях пожарной безопасности не строил лестницы рядом с турболифтами, стараясь их разносить как можно дальше друг от друга. Макс с сомнением посмотрел на лифт, а потом на свой пистолет.

— Разделимся, — сказал он. — Ты — в лифт. Жди десять секунд, потом вызывай.

— Это плохая идея, — неуверенно прошептал Дима.

Но Макс уже скрылся на лестнице. Он осторожно, но быстро ступал на пыльные металлические ступеньки, которые, должно быть, лет тридцать никто не мыл. Пистолет он всё время держал на весу, готовый в любой миг нажать на пусковую кнопку и отправить первый, минимальный по мощности заряд. При этом он всё время повторял у себя в голове: «салага, не глупи!».

Когда он поднялся на третий этаж, он в полутьме коридора сначала увидел стоящего неподалёку от него Диму и чуть не выстрелил в него, и только потом уже заметил, что у его ног что-то лежит. Что-то большое, тёмное, мешковатое и подозрительно напоминающее человеческое тело, лежащее на боку.

«Зараза! Ещё одного трупа не хватало», — подумал Макс.

Дима осторожно наклонился к телу и пощупал пульс.

Макс тихо подошёл к нему и спросил шёпотом:

— Что там?

— Господи! — дёрнулся Дима, слегка подпрыгнув на месте. — Что пугаешь?

Макс не дождался, пока Дима ответит, и сам наклонился посмотреть на тело. Сначала приложил пальцы к сонной артерии на шее, после чего сунул руку под куртку лежащему и приложил её к груди.

Мёртв.

Макс тихо выругался, после чего осторожно перевернул тело лицом вверх.

— Какого хрена?! — громко удивился он, глядя на его лицо.

Это был мужчина. Лет тридцати пяти на вид, с кругловатым лицом и припухлыми синюшными губами, голубыми глазами и идеально ровными белыми зубами в приоткрытом рте. Одет он был в домашний банный халат и мягкие тапочки, видно, вышел из своего блока в общий коридор и так обратно не вернулся. Следов крови, равно как и ранений, нигде не было видно, и на первый взгляд причина смерти не была ясна. Но случилось это явно совсем недавно, по крайней мере, в течение последнего часа

— труп ещё не начал остывать. А в коридоре довольно холодно. Но при этом у него посинели губы и кожа под ногтями на пальцах, а в воздухе возле его головы витал слабый запах мандаринов. На лице застыла маска страха и внезапного осознания, что его жизнь внезапно оборвётся через пару секунд. Он выбежал из блока позвать кого-нибудь на помощь, но не успел ничего сделать и умер через пару шагов.

А ещё он был совершенно лысый, нет даже бровей и ресниц.

— Думаю, это Потёмкин, — разочарованно протянул Макс. — Был им.

— Десятый бит! — выругался Дима. — А я думал, что он — убийца.

Макс резко вскочил и посмотрел в сторону открытого входа в блок Потёмкина.

— Оставайся здесь, — приказал он Диме. — Вызывай бригаду судмедэкспертов, а я блок проверю!

Настоящий убийца, кем бы он ни был, сейчас мог находиться ещё здесь, и Макс это прекрасно понимал, равно как и то, что он, скорее всего, хватается сейчас за соломинку. Потому что в противном случае они теряют все нити расследования, больше не за что зацепиться, поскольку единственный подозреваемый сейчас валяется позади него, похоже, отравленный каким-то ядом. Преступник становится более изобретательным, пытается запутать свои следы, ввести в заблуждение. Использует различные средства умерщвления.

Потёмкин жил в подблоке типа «Б», но судя по вещам, в одиночестве. Несколько комнат, холостяцкий диван, холодильник, полный еды быстрого приготовления, но при этом такой стоимости, которую Макс себе не мог позволить. Небольшой спортивный уголок из беговой дорожки и универсального тренажёра, здоровенный и дорогой цифровой проектор, подсоединённый к терминалу, а так же коллекция древних пластинок и самый настоящий граммофон. Большой шкаф с одеждой, среди которой преимущественно костюмы и рубашки, а так же целая куча всяких шляп. А на кухне возле раковины два стакана, один из которых со странным осадком.

И никаких следов присутствия ещё одного человека, по крайней мере, внешних.

Спустя минут десять приехала бригада медиков, осмотрела Потёмкина и, признав, что тот действительно умер от редкого яда под названием «цитрусовая смерть», привезённого с одной из недавно основанных исследовательских колоний, увезла его в морг. Приехала другая бригада, снимать отпечатки, взламывать личные данные через терминал жертвы и искать другие следы

настоящего убийцы.

— Дадите рекомендации? — спрашивал кавказец по имени Иосиф — начальник бригады. — Что нам искать в первую очередь?

Макс молчал, стоя к нему спиной и сурово смотря, как по окну стекают редкие мелкие капли так и не затихшего дождя. Ему казалось, что он знает ответ на этот вопрос, но стоило ему открыть рот, как все слова тут же пропадали. У него не было ничего, никаких догадок.

— Прежде всего снимите отпечатки с бокалов и стаканов, — выручил его Дима.

Он тоже выглядел подавленным и растерянным, но его спасали инструкции полицейских, которые ещё не совсем стёрлись в его памяти. А вот Макс с ужасом для себя признал, что толком и не помнит многих пунктов, поскольку на момент зубрёжки быстро признал их ненужными для себя. Впервые за очень долгое время его алгоритм следования собственным правилам, которые практически всегда соответствовали инструкциям, дал сбой.

А Дмитрий его выручил. Не Анастасия, а именно Дмитрий. Пусть и в такой, казалось бы, мелочи, но благодаря этой мелочи он может вновь от чего-то оттолкнуться и начать думать.

— Проверьте тот стакан, откуда он выпил яд, — велел Дима. — И проверьте по максимуму личные контакты через Сеть за последние сутки как можно быстрее.

— Сделаем, — кивнул Иосиф и отошёл раздавать приказы.

Дима встал рядом с Максом и принялся наблюдать за Иосифом. Тот быстренько раздал указания своим подчинённым, после чего вместе с Анастасией уехал по каким-то делам в её офис. Сначала Дима удивился, что начальник бросил своих подчинённых, но потом понял, что руководство его здесь больше не нужно, бригада действовала вполне самостоятельно — начальник просто обозначил приоритеты. А в конце, видимо, будет собирать все найденные улики воедино и передавать их следственной группе. Поэтому Дима раньше его и не видел.

А Макс тем временем ухватился за фразы, которые произнёс его коллега. Яд, стакан, отпечатки. Быть может, что отпечатков и не будет, преступник явно очень осмотрителен, он бы не допустил такого промаха. Но одно дело убивать через Сеть, вызывая обширные разрывы сосудов головы, для этого ведь не требуется личное присутствие, или же при помощи взломанного суррогата, но совсем другое — яд. Почему он рискнул и не воспользовался одним из предыдущих способов? Надоело? Или действительно решил схитрить, запутать следствие? В таком

случае, ему это почти удалось.

Яд, запах мандаринов, синева в губах и под ногтями.

Макс, ухватившись за идею, торопливо вышел сначала в коридор, затем спустился вниз и вышел на улицу. Встал под тихим дождём и поднял голову вверх, снова взглянув на окна блока Потёмкина, где сверкали огни приборов бригады по поиску улик.

— Ты что-то нашёл? — с надеждой спросил последовавший за ним Дима.

Макс снова промолчал. Он вживался в роль убийцы, пытался поставить себя на его место. Эмоционально? Нет, у Макса это никогда не получалось, но вот если попытаться проследовать по цепочке логически связанных мыслей и действий — вполне. Если преступник не был идиотом, а достаточно сообразительным человеком, то его действия были вполне предсказуемы.

Преступник вошёл в здание, он наверняка знал, где живёт Потёмкин — это не так уж и сложно узнать даже для начинающих хакеров. Других входов в здание нет, даже пожарных — и лифт, и лестница выводят в единственный коридор. Камеры видеонаблюдения? Сломаны, конечно же, причём давно, а больше никаких датчиков здесь не встречается.

Макс подошёл к турболифту и задумался, встав перед любезно открывшимися ему дверями.

Каждый вызов лифта фиксируется в журнале, можно попробовать узнать время последних посещений. Турболифтом в ночные часы далеко не часто пользуются, даже если здание имеет высокую плотность населения.

— Проверь журналы лифта, — приказал Макс Диме. — Вызовы за последний час, ищи с первого на второй, третий, четвёртый и пятый этажи. И спуски с обозначенных этажей тоже.

— Хорошо, — кивнул тот и тут же принялся ковыряться в своём наручном терминале.

Нет, Макс сомневался, что убийца будет подниматься на лифте — третий этаж ведь, да и никакой фиксации в системе. Значит, лестница. Жаль, что пройдя по ней в первый раз, он не смотрел под ноги, а теперь уже поздно — там собственных мокрых следов хоть отбавляй.

Они поднялись на третий этаж по лестнице, прошли несколько метров по скучному и унылому коридору, сплошь покрытому металлом и пластиком, и подошли к двери в подблок Потёмкина.

Убийца прошёл здесь, позвонил в дверь. И Потёмкин ему открыл, как же иначе тогда бы он отравился? А из этого можно сделать вывод, что Потёмкин его знал, ведь не стал же он бы

открывать дверь незнакомому человеку глубокой ночью, ведь так? Убийца вошёл внутрь, попросил попить чего-нибудь согревающего — на улице всё-таки прохладно. Один пить не захотел, а когда Потёмкин на секунду отвернулся, подлил или подсыпал яд в его стакан. И спокойно вышел в коридор. Потёмкин слишком поздно сообразил неладное, почувствовал сильное недомогание, догадался об отравлении, добрался до коридора. Скорее всего, увидел в последние секунды своей жизни убийцу, и это застыло на его посмертной маске. А убийца убедился, что тот сдох, после чего спокойно вышел наружу и ушёл.

Макс шаг за шагом проделал этот путь, после чего вернулся обратно в подблок Потёмкина, прошёл на кухню, достал один из чистых стаканов и налил из крана пахнущую очистителями от бактерий и ржавчины воду. С подозрением принюхался, попробовал на вкус, но пить не стал — побрезговал и сплюнул в раковину, поставил свой стакан рядом с двумя другими, точно таким же, только на том, что был с лёгким синеватым осадком, на боковых стенках виднелась голограмма «Улика». Да и опасно это было — пить в доме только что отравленного человека.

— И как, есть идеи? — Дима взял стакан Макса и принюхался к нему, после чего понюхал соседний стакан, с ядом.

Макс посмотрел сначала на Диму, после — на стакан, вгляделся в синеватый осадок.

Рядом стоял один из членов бригады, искавшей улики — биохимик Алексей.

— Анализ провели? — спросил у него Макс, указав на осадок.

— Да, — ответил тот. — Отпечатки только жертвы на обоих стаканах, как и по всему подблоку. Яд — «цитрусовая смерть». Добыта из молодого силвинского ползуна, оттуда и такой осадок — яд не созрел полностью, поэтому и такое количество было использовано.

— И жертва не заметила изменений во вкусе напитка? — изумился Дима.

— И не должна была, — ответил Алексей. — Там апельсиновый сок был, а яд имеет вкус цитрусовых, оттуда и название, сама синева появляется только через двадцать минут после контакта с кислородом — процесс окисления. У яда взрослых особей такого осадка нет.

Дима задумался:

— Странно. Убийца всё время выставлял себя умным человеком, а тут прокололся на такой фигне? Он не мог достать яд взрослой особи что ли? Мы бы тогда его ещё очень долго искали…

— Да не прокололся он, — возразил Макс, хотя и мысленно

согласился с Димой. — Мы же по-прежнему не знаем, кто он такой и как его найти, иначе бы меня здесь не было. Да и цель свою он выполнил — Потёмкин мёртв.

Какая-то мысль никак не давала ему покоя. Что-то ему не нравилось, но что — он понять не мог, что-то на самой границе сознания.

— А знаешь, что странно? — внезапно произнёс Дима. — Я заглянул в гардеробный шкаф и не нашёл ни одной шляпы-федоры.

— В смысле? — нахмурился Макс, продолжая пялиться на ядовитый осадок в стакане.

— В прямом. Имею ввиду, что там есть шляпы, но они, как бы тебе объяснить… другого фасона, да! Там есть всякие — и ковбойские, и цилиндры, и даже треуголки как у пиратов, но нет федоры.

— Не понял. Какая разница? Может, он их не любит, тебе то что?

— Да просто странно это. В банк он приходил именно в федоре. У Индианы Джонса тоже федора.

— Потерял, выкинул, сжёг, — начал перечислять Макс.

— Может быть, но это ещё не всё, — пояснил Дима. — Я мельком глянул его фотографии — шляпы он в реальности носил больше по приколу, ну на вечеринках, праздниках всяких и так далее, но так он одевал их редко. Согласись, что человек, носящий сомбреро на улице выглядит очень странно, зато федора выглядит официально, подходит под костюмы. А в тот день, когда он в банк приходил, было довольно жарко для осени, и был он там в самое пекло. А у лысых голова потеет заметней, чем у не лысых, тем более, если человек в шляпе. Просто странно это как-то.

Дима помотал головой, отгоняя нелепые мысли от себя, но Макс впитал всё сказанное им и начал усиленно формировать у себя в воображении новые сценарии. И, наконец, к нему пришло озарение! Нет, даже не озарение, скорее догадка, основанная на одних лишь косвенных подозрениях, но он твёрдо намеревался её проверить, хотя это было чертовски опасно.

Макс решительно сунул палец в отравленный стакан, собрал им немного похожего на кашицу осадка и, поднеся массу ко рту, облизал палец.

— МАКС! — у Димы глаза на лоб полезли, когда он это увидел. — Господи, Макс, ты что творишь?!

— Майор, это же яд! — воскликнул Алексей.

Они вместе подскочили к Максу и начали обеспокоенно метаться вокруг него, заставляя его промыть рот, проблеваться и

хоть как-то попытаться себя спасти после ничем не оправданного поступка. Но Макс лишь сурово смотрел на них и сидел как истукан, не поддаваясь ничему. В конце концов он встал через минуту тормошения и заявил:

— Хреновые из вас эксперты по ядам. Салага! Живо за мной!

Глава 11

— Что ты имеешь в виду? — в недоумении спросил Дима. При этом он одновременно печатал сообщение своей матери о том, что завтра он снова не сможет к ней приехать из-за работы. — Это был не яд?

Они стремительно неслись по автостраде, ловя лобовым стеклом мелкие капли дождя. Макс при этом попеременно тихо ругался то на них, что они загораживают ему дорогу, то на медленно работавшую систему очистки стекла, то на самого себя — за глупость и невнимательность.

— Яд, — нехотя ответил Макс. — Самый натуральный, чтоб его!

— Но… — Дима замялся и многозначительно посмотрел на него.

— Почему я жив, ты это хочешь спросить? — усмехнулся Макс. — Я так и знал, что вы все только и ждёте, пока я сдохну. Хрен вам, не дождётесь!

Он резко вывернул руль влево, обгоняя еле тащившуюся по сравнению с ними машину под управлением городской транспортной системы. Дима в опаске вжался в кресло и вцепился в дверную ручку — больше держаться было не за что.

— Я вовсе не хочу… — начал возражать Дима, но Макс угрожающе посмотрел на него, и тот тут же заткнулся.

— Не тот яд, — через мгновение пояснил Макс. — Я знал же, что всё надо лично проверять, но нет — доверился этим балбесам, думал, что они знают своё дело. Это не «цитрусовая смерть», а нечто, очень на неё похожее. Яд галадрийского скорпиона, с той же колонии, что и силвинский ползун. Вызывает кому, настолько похожую на смерть, что её не фиксирует никакое оборудование, но через час эффект проходит, и жертва приходит в себя.

Дима нахмурился:

— Откуда ты знаешь?

— Пару дней назад читал статью о ядах.

— Но ты уверен, что не ошибся?

— Да! Во-первых, я всё ещё жив, а во-вторых, у «цитрусовой смерти» оттенок осадка ближе к фиолетовому, а не к синему. Поверить не могу, он обманул меня!

Дима хлопнул себя по лбу:

— То есть, мы сейчас направляемся в морг?

— Точно. И молись, чтобы Потёмкин не сбежал. Хотя, мы уже на месте.

Здание городского морга находилось практически в центре района. Это была пристройка к городской больнице, небольшая, одноэтажная сверху, но имевшая несколько подземных уровней с холодильниками. Белое неброское здание с большими окнами и практически полным отсутствием систем охраны — правильно, ведь мертвецы сбегать не умеют, а живым они больше не нужны, тем делать здесь нечего. Сбоку виднеется большая кирпичная труба с закопчённой верхушкой — крематорий, но хотя вся труба скорее декоративная, ибо никто не позволит сжигать трупы в старых угольных печах, слишком уж грязное это дело для атмосферы. Поэтому трупы лежат в холодильниках некоторое время, достаточное для прощания родственников или закрытия уголовных дел, после чего консервируются и переправляются на орбитальный транспортный док. Оттуда их переправляют на бесхозные участки Луны, где уже и происходит сжигание. И никаких захоронений.

Внутри у поста охраны дремал дежурный. Когда мимо него проскочили два полицейских, он даже не проснулся, чем заработал неодобрительный взгляд Димы и поток грязных ругательств со стороны Макса. Будить его они не стали — не было времени. В тёмных коридорах при их приближении загорался свет, активируемый датчиками присутствия, а видеокамеры фиксировали их появление.

Макс на ходу достал свой пистолет и тут же снял его с предохранителя. Дима же захватил из машины запасной ствол и тоже держал его наготове, хотя и не снимал с предохранителя — мало ли, вдруг тот случайно выстрелит. Попутно Дима прикрепил карточку с полицейской голограммой к себе на нагрудный карман пиджака, чтобы уж у проверявших видеозаписи людей вопросов возникало поменьше.

Они пробежали ряд административных кабинетов и по лестнице спустились на первый подземный уровень. Несмотря на то, что все холодильники были герметичными, здесь было ощутимо холодней. И довольно жутковато, хотя свет работал исправно. Видно атмосфера кладбищ и моргов никогда не изменится, какие технологии не применял бы там человек. Белое остаётся белым, холодное — холодным, а мертвецы по-прежнему молчаливо ждут, пока их тела не уничтожит окончательно, а там уже не важно, время и разложение, или же человек.

— Это должно быть… — Макс, пробегая мимо каждой из дверей, поглядывал на маркировки на них. — Где-то…

Возле одного из очередных кабинетов он и остановился. «Судебная медицина, посторонним вход воспрещён», — гласила тусклая голограмма на пластиковой двери.

Дима тут же снял карточку со своего кармана и провёл ей по считывателю сбоку от двери. Раздалось кряканье, и считыватель высветил красным: «в доступе отказано».

— Зараза, — ругнулся Макс. — Отойди.

Дима послушно сделал шаг в сторону.

Макс выстрелил средним по мощности разрядом в считыватель. Тот заискрился, задымился и тут же почернел. Но дверь открылась, очевидно, кто-то хапнул кусок бюджета и закупил самые дешёвые запорные механизмы.

А за дверью торопливо одевался Потёмкин, живой и невредимый, только изрядно продрогший от холодильника, из которого он только что вылез. Позади него в нижнем ряду с левой стороны сиял чёрным квадратным провалом сам холодильник. Одежду Потёмкин брал из разорванного мешка с надписью «вещественные доказательства». Штаны, носки и тапочки он уже нацепил, а вот пояс халата завязать не успел, поэтому его атлетически сложенный торс был виден обоим полицейским, которые тут же отметили это в голове. Потёмкин слабаком не был.

— Хрень! — воскликнул он, увидев Макса и Диму.

— Сдавайся! — чересчур громко воскликнул Дима.

И он для пущего эффекта направил пистолет в его сторону, но дрожащий ствол выдавал с головой его волнение, и Потёмкин это заметил.

Зато Макс не нервничал, напротив, он был предельно собран и сосредоточен.

— Ладно, ладно! — Потёмкин улыбнулся и провёл рукой по гладко выбритой черепушке. — Ты только не нервничай, парень, ты же не хочешь, чтобы кто-нибудь пострадал, верно?

— Э, нет, — Дима не распознал сразу риторический вопрос.

— Зато я хочу, — прорычал Макс. — Полиция не ведёт переговоров с такими, как ты! Лучше бы ты принял настоящий яд!

Потёмкин тут же посерьёзнел. Он сообразил, что из этих двоих Макс был старшим по званию, и, следовательно, лучше общаться именно с ним, чем с этим изрядно трусящим юнцом.

— О, ты тоже читал ту статью про новые яды с колоний? — с придыханием спросил он.

При этом он снова слегка улыбнулся и немного наклонил голову вперёд, словно показывая, что он отдаёт себя в их полное распоряжение. Руки он тоже приподнял, но не сильно высоко, на уровень плеч, чтобы не сильно уставать.

Макс этим удовлетворился, осознавая своё полное превосходство над ним, но вот Дима просёк, что Потёмкин с ними играет, словно чувствует себя истинным хозяином положения.

— Согласитесь, дорогой Максим, — произнёс Потёмкин. — Это был достаточно умный ход, и Вы смогли его разгадать.

— Ты меня знаешь? — нахмурился Макс.

Этот разговор нравился ему всё меньше и меньше. И даже несмотря на то, что оба пистолета сейчас находятся у него и Димы, Потёмкин стоит слишком близко, чтобы можно было безопасно вести прицельную стрельбу. Но отойти не получится, позади только узкий коридор, а через дверной проём стрельба будет ещё хуже.

— Тебя многие знают, — уклончиво ответил Потёмкин.

— Ты арестован по подозрению в четырёх убийствах, — Дима решил взять инициативу в свои руки. — Повернись спиной, встань на колени и заложи руки за голову!

— Хорошо, господин полицейский.

Убийца нарочито медленно стал поворачиваться и становиться на колени.

Дима обрадовался и подошёл к нему прежде, чем Макс крикнул «стой!».

Поздно.

Потёмкин лихо развернулся и, не вставая с колен, ударил Диму пяткой в область трахеи, после чего нанёс ещё один удар в живот, уже рукой. Тот отшатнулся и закашлялся.

— В сторону, идиот! — вскричал Макс.

Он пытался прицелиться в противника, но толстый лейтенант его почти полностью загораживал.

Дима услышал и попытался попятиться, но Потёмкин ухватился за пистолет у него в руках и с силой потянул на себя. Дима не отпустил. Тогда убийца провёл сложный приём, как-то хитро дёрнув в сторону руку Димы с пистолетом, поводил ею там и, резко встав с колен, лихо развернул Дмитрия спиной к себе. Рука у того неестественно вывернулась, и он начал шипеть от боли в вывернутом кистевом суставе, но пистолета по-прежнему не выпускал. Потёмкин при этом держал его за кисть так, что тот не мог освободиться или даже попытаться ослабить боль.

Майор нащупал на пистолете маленькую кнопку возле большого пальца и нажал не неё, санкционируя снятие блокировки с пистолета.

К пушке в его руках тут же подключился оператор из полиции. Он вмиг оценил ситуацию через встроенную в пистолет камеру и выдал разрешение на казнь. Угроза жизни полицейскому — не шутка.

— С дороги, Максим, — мягко проговорил Потёмкин, глядя прямо на Макса. — Я знаю, что ты — отличный стрелок, но подумай об этом парне. Он ведь ни в чём не виноват. Я просто

уйду, даже обещаю, что трупов больше не будет.

— Пошёл ты! — выплюнул Макс.

Потёмкин немного сдвинул кисть Димы, его рука выгнулась ещё больше, и тот коротко вскрикнул от боли.

— Я ведь ему руку сломаю, — с нажимом сказал убийца.

— Сдавайся, — Макс его словно бы не слышал. — И вместе мы засадим твоего нанимателя.

— Что? — нахмурился Потёмкин.

— Нанимателя, — повторил Макс. — Ты же киллер. И ты — не настоящий Григорий Потёмкин. Он, дай угадаю, уже пару недель как мёртв. Но ты мне не нужен, ведь ты простой исполнитель, я даже могу пойти на кое-какие поблажки, только дай свои показания.

— А ты умнее, чем я думал, — лже-Потёмкин замер, прекратив выворачивать руку Диме. — Но всё равно дурак, если решил, что я сдам Измайлова.

Макс слегка дрогнул, уловив имя. Но виду не подал.

— Он ведь тебя уже сдал, — продолжил блефовать Макс. — Иначе бы нас здесь не было. Но у нас против него ничего нет, и мы не можем наказать мерзавца. С твоей помощью…

— Этот сукин сын меня сдал? — клюнул киллер. — Да я сейчас его в его башне…

В этот момент случилось сразу две вещи.

Киллер взбесился и одним движением резко опустил кисть Дмитрия, одновременно выхватывая пистолет. Раздался еле слышный хруст, Дима завопил от боли и выпустил пистолет, затем начал оседать на пол.

Макс словно этого и ждал. Едва его коллега, да что уж там — напарник, присел буквально на пару сантиметров, Макс выстрелил в лысую круглую голову киллера. Тот уклониться не успел и, словив башкой довольно сильный разряд, тут же ничком свалился на пол рядом со стонущим Димой.

Новичок вытаращил глаза на Макса, его рот раскрылся в немом вопросе.

Макс спокойно подошёл к ним, наклонился и пощупал пульс у киллера.

— Живучий засранец! — Макс с отвращением пнул лежащего в беспамятстве киллера. Затем подобрал выроненный запасной пистолет и протянул его рукоятью вперёд постанывающему Диме. — Вот, ты обронил. Если он дёрнется — поджарь ублюдку мозги.

Развернулся и вышел из комнаты.

— Ты куда? — крикнул ему вслед Дима. — А я? А он? Что мне с ним делать?

— Стереги, чтобы не сбежал, — Макс остановился в дверях. — А я навещу того, кто во всём виноват.

«Вот как выходит», — думал Макс, возвращаясь к служебному автомобилю. Благодаря его мелким подозрениям и подозрениям Дмитрия, этого зелёного копа, вырисовывается совершенно новая ситуация. Они с головой нырнули в дело и достигли дна, которое в итоге оказалось бумажным, фальшивым. И стоило чуть-чуть пораскинуть мозгами и понять, что под ними фальшивка — и под ногами у них разверзлась бездна, из которой прямо на них смотрело чудовище.

Измайлов. То-то он Максу сразу не понравился.

Макс миновал так и не проснувшегося охранника, вышел на улицу и сел в машину. Разбрызгав пару луж, машина быстро выехала обратно на шоссе, а оттуда уже на скоростную автостраду, ведущую в соседний район.

Небо было тёмное, мрачное, полностью обложенное облаками и непрерывно плачущее пресными мелкими слезами. Вокруг царила тьма, приходилось ориентироваться по встроенному навигатору, чтобы на скорости не вылететь в кювет — фонарей на трассы уже давно никто не ставил, просто не зачем было, ведь нынче мало идиотов, которые управляют автомобилем самостоятельно, а не при помощи автоматизированных систем. Горизонт тоже был чёрным, и в нём только смутно угадывались очертания низеньких фабрик, натыканных между двумя районами города. И вдалеке двумя факелами светились башни «Астола». Честно говоря, на фоне «УайтТауэр», «ДаркТауэр» не было видно, и её можно было обнаружить только по парящему в воздухе над ней голограммному символу корпорации.

Первым препятствием для Макса стала внешняя оградительная зона. В прошлый раз они практически без проблем миновали её потому, что их прибытие было санкционировано тем же Измайловым, а сейчас Макс намеревался устроить сюрприз. Хоть его и брали периодические сомнения, что Измайлов будет в такой поздний час у себя в кабинете, но ему приходилось опираться на слова киллера. Ведь тот, когда услышал, что Измайлов его сдал, тут же решил отправиться в башню и разобраться в ситуации, следовательно, можно было сделать вывод, что именно сегодня у Измайлова появилось какое-то неотложное дело. Во всяком случае, Макс имел непозволительную для себя роскошь надеяться, что Измайлов будет у себя.

Нисколько не затормозив, Макс на полном ходу влетел в слабо светящуюся синюю стену и, ощутив её лёгкое сопротивление, прорвался через ограждение. Стена тут же

окрасилась в красный тревожный цвет, вся электроника в автомобиле вырубилась, а по самой машине прошёл электрический разряд. Майор вцепился в руль и возблагодарил инженеров, спроектировавших служебный автомобиль таким образом, чтобы подобные воздействия не возымели никакого эффекта на сидящих внутри. Но автомобиль умер и теперь катился по дороге на одной только инерции. Проехал ровно половину расстояния до чёрной башни и остановился уже надолго.

Следовало торопиться — сигнала тревоги хоть и не слышно, но Макс не сомневался, что охранники уже отреагировали на вторжение и отправили патрульных дронов. Дверь, управляемая электроникой, не хотела поддаваться, поэтому Макс нажал аварийную кнопку аварийного разблокирования стекла двери. Высадив его ударом ноги, он вылез наружу и побежал в сторону расположившегося неподалёку сада с фонтаном. Здесь будут искать не сразу, по инструкциям дроны должны сначала обследовать место проникновения, а потом уже разыскать и саму машину, так что в запасе у него немного времени было, чтобы перевести дух и подготовиться.

И действительно, едва он спрятался за выключенным на ночь фонтаном, как он разглядел в ночной тьме мощный фонарь охранного дрона, а когда тот приблизился к саду, то и его самого.

Дрон был метровым блестящим цилиндром с множеством прорезей-защитных панелей. Посажен он был на пару обычных динамических гусениц (примечание: динамические гусеницы способны адаптироваться под сложный ландшафт, в том числе, и под лестницы), с левого бока у него торчал высоковольтный излучатель-шокер, а заместо башки — шарик размером с кулак видеокамеры с посаженным сверху светодиодным фонарём и дециметровой антенной-прутиком.

Максу сегодня везло, ему попался дрон старой модели, которого он знал как обезвредить быстро и сравнительно бесшумно. Он выждал момент, когда дрон приблизится и повернётся в другую сторону, попавшись на старый трюк с бросанием камня, быстро прицелился и первым выстрелом на максимальном заряде сжёг ему антенну и попутно всю систему коммуникации. До сих пор не отменённое разрешение на убийство, разблокировавшее максимальную мощность выстрела, позволило это сделать. Дрон отреагировал на угрозу и живо отъехал в сторону, одновременно повернувшись в сторону нападавшего. Фонарь выхватил из тьмы голограмму полицейского управления и прикреплённую на ворот кожаной куртки карточку, а затем и всего остального полицейского, считая

пистолет у него в руке.

— Угроза, — проскрежетал дроид. — Угроза, майор Бор, укажите источник угрозы.

По стандартному протоколу безопасности он не имел права атаковать людей с полицейским удостоверением после их идентификации. Ведь согласно логике большинства разработчиков подобных систем, если после выстрела обнаруживается полицейский при исполнении, то значит, что рядом как минимум есть ещё один человек — преступник, и дроид обязан ему помочь в пределах своей охраняемой зоны.

— Прямо перед тобой, дубина! — Макс быстро выстрелил в дрона сразу тремя зарядами максимальной мощности.

На беду дроида, ситуация сейчас была далеко не стандартная.

Все три выстрела попали чётко по узловым точкам дроида — двум верхним углам и небольшому выступу на днище между гусеницами — силовым блокам. Это вызвало мгновенную перегрузку систем, и дроид, издав слабый писк, ушёл в перезагрузку системы.

Макс воспользовался моментом и, приблизившись к жестянке, принялся лихорадочно снимать защитные панели, пытаясь добраться до электронной начинки. Побив все рекорды по скорости разборки внешних защитных панелей, он сделал ещё два выстрела во внутреннюю часть корпуса, туда, где обнажилась ходовая часть, после чего смело сунул руку по самое плечо внутрь и нащупал небольшую идентификационную плату в верхней передней части корпуса. Отсоединил все провода от неё, затем отщёлкнул крепежи и, надавив изнутри на неё, вытащил её вместе с таким же по размерам куском корпуса.

Всё, теперь у него есть пропуск внутрь здания! И, что самое главное, дроид загрузится через минуту, сообразит, что у него не хватает идентификационной платы, благодаря которой его распознавали охранные системы корпорации, и попытается передать эти сведения на центральный охранный сервер. Но антенна сгорела вместе с системой связи, поэтому он предпримет попытку возвращения на базу, но расплавленная ходовая не позволит ему сдвинуться даже на сантиметр. При всём при этом аварийный передатчик робота исправен, и он уверенно шлёт данные на сервер о том, что робот успешно загрузился, но никуда не двигается. Пока оператор сообразит, что что-то не так, и пошлёт второго дроида, Макса будет уже не остановить.

Поле зрения внешних видеокамер Макс обходил за километр, по крайней мере, старался это делать. Но даже если его всё-таки одна из них успела заснять на видео, то мгновенно сработает

алгоритм ответной реакции, и охрану известят о присутствии нарушителя. Никаких больше сигналов тревоги не будет, никаких завываний сирен и красных лампочек — Макс узнает о тревоге в последнюю очередь. Конечно, о наличии или отсутствии всяких тепловых или электромагнитных датчиков он и понятия не имел, а если бы имел, то ничего бы не смог сделать.

В результате он спокойно и быстро добрался до одного из боковых служебных входов в башню и торопливо ткнул идентификационной платой в соответствующий дистанционный считыватель. Сработало, система приняла данные и открыла дверь, Макс вошёл внутрь. Служебный коридор и последовавший за ним холл были темны по большей части, лишь пол подсвечивался холодными белыми лампами. Пост охраны оказался пуст — охранники вышли наружу, проверять причины срабатывания датчиков. С одной стороны, Максу снова нереально повезло, но с другой — самостоятельно он отсюда точно не выберется, если что-нибудь не придумает.

Макс подошёл к служебному турболифту и снова ткнул вырванной платой в считыватель. Двери лифта отъехали в сторону, пропуская его внутрь. Макс вошёл, но не услышал привычного вопроса системы о пункте назначения — правильно, система же считала его дроидом. Пришлось вызывать ручную панель и искать из длинного списка нужный кабинет.

— Вон он! — услышал Макс, когда разглядел искомый адрес в списке. — Стоять!

— Стою, — пробормотал Макс, тыча пальцем в кнопку.

Двери начали медленно закрываться. Охрана, сообразив, что нарушитель на них не реагирует, открыла пальбу из пистолетов, здорово напоминавших полицейские, только меньше размером и мощностью зарядов.

Макс скривился — нежелательные осложнения. Он вжался в боковую стену, прикрывшись закрывающейся дверью, пару раз выстрелил наугад, не глядя, минимальными зарядами. Дверь наконец-то закрылась, и лифт резво полетел вверх. От творящегося вне кабины не доносилось никаких звуков.

Всё это произошло за какую-то пару секунд, хотя полицейскому показалось иначе.

До нужного этажа он едва доехал. Лифт остановился и уже начал было открывать двери, как с центрального пульта охраны поступил сигнал блокировки.

— Зараза!

Макс протиснулся в узкую щель между стеной и дверью, мысленно поблагодарив себя за то, что он следит за фигурой. Весьма вовремя — едва он оказался по другую сторону, двери

лихо закрылись, куда быстрее, чем обычно, и лифт умотал вниз.

Больше ему на пути препятствий не попадалось. Он благополучно добрался до кабинета Измайлова и, вышибив плечом хлипкую декоративную дверь, вошёл внутрь. И на секунду ослеп — за большим, во всю стену окном виднелась соседняя «УайтТауэр», горевшая в ночи не хуже новогодней ёлки. И на фоне этой башни в полутьме за своим столом сидел Измайлов, спокойный и уверенный в исходе дела.

Поначалу Макс подумал, что тот не знал о приближении вторженца, но Измайлов явно не был удивлён.

— Меня известили, что кто-то прорвался в башню, — словно читая его мысли, пояснил Измайлов. — И, признаюсь, это неожиданно. Хотя не скажу, что уж совсем неожиданно.

Макс не ответил. Он отошёл в сторону, к стене, чтобы ему в спину из коридора никто не выстрелил, и направил пистолет на по-прежнему сидящего за своим столом Измайлова, ещё не решив, стрелять он будет в половину мощности или же на полную катушку.

— Ты арестован, — спокойно сказал он. — По подозрению в организации убийств четырёх человек.

— Да ну? — усмехнулся Измайлов. — Может, у тебя и ордер на арест есть?

— Ордер будет, — заверил его Макс. — А пока я обязан поместить тебя под стражу, чтобы ты никуда не сбежал.

— Не имеешь права, — возразил Измайлов. — Лучше сдавайся сам, а то сейчас сюда прибежит охрана…

Макс в ответ на его слова захлопнул болтавшуюся дверь и свалил один из двух небольших шкафов со всякой ерундой вроде спортивных кубков таким образом, чтобы верхушка шкафа подпирала дверь, а низ упирался в стену.

— Подождёт, — уверенно заявил он. — А теперь, гнида, ответь мне на два вопроса: неужели убийство четверых невинных человек стоит какой-то там вшивой разработки?

— Невинных? — возмутился Измайлов. — Эти твои невинные люди собирались устроить…

В дверь позади Макса кто-то очень сильно ударил. Затем за ней послышались голоса охранников, пытавшихся выяснить ситуацию внутри кабинета.

Измайлов оборвался на полуслове. Он внезапно сообразил, что пытается оправдаться перед каким-то вшивым полицаем, имеющим далеко не самую кристально-чистую репутацию.

А ещё под столом у него был собственный пистолет, и отнюдь не шоковый.

Раздался выстрел, внешнюю стенку стола разворотило, но

пуля благополучно прошла мимо Макса — держа пушку под столом, не так-то просто целиться. И пуля, попав в дверь и прошив её насквозь, угодила в одного из стоявших по ту сторону.

Макс тут же выстрелил в ответ, пытаясь уйти от второго выстрела боевого пистолета и отскакивая в сторону, но Измайлов нырнул под стол. Он вытащил пистолет из пазов и, выглянув из своего убежища, выстрелил в Макса ещё раз. Тот вовремя успел уклониться, но оказался зажат в углу.

За дверью раздались крики, после чего на дверь обрушился целый град выстрелов из шокового оружия. В обычной ситуации такие выстрелы не причиняют никакого ущерба неживому, но когда их летит почти целый рой в одну точку, сухое дерево, пусть и покрытое защитным лаком, начинает дымиться и обугливаться. Несколько секунд, и в двери образовывается небольшая дырка, пропускающая через себя все последующие выстрелы. Которые полетели в Измайлова.

— Идиоты! — кричал он.

Он на секунду запаниковал и выглянул из своего укрытия слишком далеко, тут же словив выставленной рукой один из зарядов. Очевидно, тот был не очень сильным, отчего его руку начало трясти в судороге, и в результате пули полетели во все стороны.

Макс чудом уклонялся от случайных пуль, а те летали повсюду — врезались в стены, тонули в мебели, пропадали за дверью, рикошетили он большого окна. Но вот одна из них оставила небольшую трещину на стекле, и через миг уже всё стекло покрылось мелкой паутиной.

Сейчас или никогда! Иначе этот придурок прикончит всех в округе.

Макс проскочил под очередным выстрелом, едва не поймав спиной один из шоковых разрядов, обогнул стол и бросился на Измайлова, одновременно пытаясь выстрелить тому в голову мощным зарядом, чтобы надолго его обездвижить. Но промахнулся, поскольку тот совладал с судорогами и вернул себе контроль над рукой.

Треснула дверь — охранники её доломали. Их было около пяти или шести, они быстро вбегали через пролом в комнату, заполоняя её, все были вооружены, и все изрядно нервничали.

— Вон он! — крикнул один из них.

— Не стре… — начал кричать в ответ Макс.

Но кто-то из них, должно быть, испугался огнестрельного пистолета Измайлова и решил от греха подальше обездвижить и высокого начальника. А у того, к слову, вид был угрожающий.

— Что вы творите?! — заорал он, увидев, что на него тоже

направляют оружие.

— Отставить!!! — разрывая глотку, крикнул Макс, предугадав развитие событий.

А то было скверным.

Его не послушали.

Двумя слабыми выстрелами охранники заставили Измайлова попятиться и споткнуться о Макса. И Измайлов, оступившись и уже начав терять чувствительность, врезался спиной в потрескавшееся стекло, проломил его своей тяжестью и вывалился наружу.

А следующими двумя выстрелами, уже более мощными, охрана отправила Макса в долгий нокаут.

Глава 12

— Допрыгался?

Вопрос прозвучал хлёстко, словно пощёчина. Хотя, это даже не вопрос был, скорее утверждение, упрёк в его адрес.

Макс сидел на узкой скамейке-лежанке и хмуро смотрел на отчитывающего его шефа. Они находились довольно близко друг к другу, достаточно для того, чтобы Макс заметил, как у полковника Константинова от злости пульсирует жилка на лбу, но явно слишком далеко на взгляд самого шефа, поскольку он хотел как следует врезать Максу, но сделать этого не мог.

Макса передали с рук на руки в обезьянник прямо в его же отделение и заперли в крохотной, два на три метра, камере с узким окошком в бетонной стене, не менее узкой кроватью, на которой он, конечно, не помещался, индивидуальным туалетом посреди комнаты и тремя силовыми стенами, от которых у Макса волосы электризовались и били статикой.

Майор даже представить себе не мог ситуации, благодаря которой он окажется по ту сторону закона. Он считал, что он всегда будет находиться на страже Закона, а теперь этот Закон готов обрушить на него всю свою мощь. Обвинения против него звучали как никогда серьёзно: незаконное проникновение на частную охраняемую территорию, порча корпоративного имущества, противодействие группе быстрого реагирования. И, что много хуже — убийство по неосторожности гражданина Измайлова. Если за три предыдущих пункта он запросто мог отделаться очередной беседой с психологом, да ещё и крупным штрафом за сломанного им охранного дрона, то последнее не просто поставит крест на его карьере. За одно только последнее ему светит как минимум пожизненная работа на рудниках. Хотя, при условии, что он — полицейский, отправивший на эти же рудники чёртову прорву народа, ему в порядке исключения могут предложить работу на танкере, перевозящим радиоактивную руду, иначе его попросту прикончат другие заключённые. Но надеяться на это он не мог, поскольку многие чиновники и даже его собственное начальство не питают к нему доброжелательных чувств. Полицейский, может, он и отличный, но он прекрасно понимает, что от него слишком много проблем возникает. И от него постараются избавиться точно.

— А я тебе говорил! — Константинов, невысокий седой мужчина за шестьдесят с большим, как у беременных, животом, расхаживал туда-сюда вдоль силовой стены. — Говорил, чтобы ты вёл себя потише, не рыпался и строго соблюдал все правила. Ну

ничего, ты потерпи до суда, а потом уже успокоишься. На рудниках.

Макс привстал:

— Обвинения сфабрикованы, — уверенно заявил он.

— Не понял, — оскалился шеф и встал вплотную к силовой стене. — Ты на что это намекаешь, рожа твоя наглая? Хочешь сказать, что вчера тебя не было в башне «Астола»? И этот… как его там… выпал из окна сам? Из окна с ударопрочным стеклом, которое даже тараном не поцарапаешь? Или ты хочешь сказать, что это нам всем померещилось? Отвечай!!!

— Был я там! — взорвался Макс. — У Измайлова был пистолет, огнестрельный, с боевыми пулями! Из-за них и потрескалось стекло.

— Потрескалось, говоришь? — шеф злобно и недоверчиво на него посмотрел. — Ты понимаешь, что несёшь?! Может, у тебя мозги спеклись от выстрелов охранников?

— Я знаю, что это стекло не могло потрескаться, — пробасил майор. — Оно должно гнуться, но я знаю, что я видел! Пуля…

— Не было там никакого пистолета! — крикнул на него шеф. — Мы всё обыскали, вылизали всю территорию вдоль и поперёк, даже кабинет его проверили. Ни пушки, ни пуль, ни следов от них. Ни-че-го!

— Видеозапись…

— На которой ты вламываешься в его кабинет, разносишь ему окно его же шкафом, а после выбрасываешь Измайлова на улицу словно мусор, попутно расстреляв его из табельного, чтобы не орал. И пулевых ранений не было у охранников. Всё, приплыл ты! Финиш, конечная!

— Зараза!

Макс тут же просёк, что его подставили. И не просто так, а весьма грамотно. Подкупили охранников, убрали раненых куда подальше, изменили видеозаписи камер наблюдения, избавились от Измайлова и обвинили во всём него. При этом все его показания не подтверждаются ни одной уликой, пистолета и пуль тоже нигде нет. Выходит, что он — лжец, а все вокруг — пай-мальчики. Уроды!

И Измайлов начал что-то говорить про жертв, что они якобы что-то собирались сделать, вроде как по смыслу нехорошее, а он, герой такой, пытался их остановить. Но не договорил.

Ладно, все выше обозначенные факты можно принять во внимание, но одна вещь его очень здорово смущала. Можно предположить, что есть некто, кто стоит за всем этим, кто не желает выходить из тени и принимать на себя всю ответственность, готовый прикончить всякого препятствующего

ему и даже подставить невиновного. Он внезапно узнал, что Макс что-то пронюхал и решил наведаться к Измайлову посреди ночи. Не трудно догадаться, зачем полицейский с не самой хорошей репутацией срочно бросает все дела и без ордеров летит на всех парах в охраняемую башню. Предпринял меры, быстренько устранил Измайлова, прежде чем тот выдал все секреты, подчистил вокруг, прибрался и свалил всё на этого копа. Это допустимо, чтобы быть реальным, даже весьма вероятно. Но какого хрена тогда получилось так со стеклом? Оно не должно было потрескаться от обычной пули!

Природная способность видеть заговоры повсюду любезно предложила ответ. От Измайлова хотели избавиться независимо от прихода Макса. Ударопрочное современное стекло заменили на обычное, дешёвое, выплавленное по технологии, которой уже несколько сотен лет. А Макс просто подвернулся под руку.

Макс в приступе задумчивости сел на жёсткую неудобную кровать и подпёр подбородок кулаком.

— Вот! — торжественно протянул шеф. — Вот она, мысля-то как попёрла! Ты наконец-то начал осознавать, в какую глубокую задницу ты залез. Вот сиди здесь и смотри вверх, может, и увидишь сфинктер над башкой! Только через него ты всё равно не пролезешь.

Шеф окинул взглядом силовую стену и осторожно тронул её пальцем. Синяя полупрозрачная стена тут же дала искру, и он резко, с возгласом, отдёрнул палец.

— Надёжная, — пробормотал он, уходя прочь. — Этот козёл никуда отсюда не денется…

Вскоре шаги удалились, и Макс уже было подумал, что он остался в гордом одиночестве, но его размышления прервали из соседней камеры.

— Ну и засранец у тебя твой начальник, папаша! — с чувством сказал парень, вставая со своей койки.

Он был высокий, худой, в мешковатой одежде, с длинными прямыми как спагетти светлыми волосами и с шапкой на башке. Двигался он немного боком, словно пританцовывал. Но больше всего Максу запомнилось его лицо: обычное, не обременённое излишками интеллекта, но при этом при каждой фразе обязательно что-то театрально выражавшее.

— Панк? — попытался опознать субкультуру Макс.

— Ась? — удивился парень, вытянув лицо. — Не, я на хип-хопе вишу. А ты за что сюда попал? Вот честное слово, папаш, первый раз вижу копа в его же застенках!

— Меня подставили, — чётко ответил Макс и растянулся на своей койке, демонстрируя, что чесать языком у нет никакого

желания.

Парень постоял-постоял, подумал, стоит ли продолжать разговор, после чего пришёл к отрицательному выводу и вернулся на свою койку, тоже лёг на неё. Но прошла буквально минута, и он сдался:

— Что-то ты молчаливый какой-то.

— Какой есть, — буркнул Макс.

— Ладно, я тогда буду болтать за двоих! Вот ты сказал, что тебя подставили, ну и так уж получилось, что я слышал твой разговор с этим пузаном. И вот что я тебе скажу: нас всех здесь подставили! Хотя, кроме тебя и меня здесь никого нет…

Макс закатил глаза. Очередной идиот, которому не хватило мозгов не нарушать закон, талдычит о том, что он якобы не виноват. И что мозги ему чистить будут вовсе не за его провинность, а за чужую, а он просто оказался не в том месте и не в то время. Он беленький и пушистый, он никого не убивал, не грабил и не насиловал. Хотя, на убийцу этот парень не похож, а их Макс повидал за годы службы предостаточно. Парень был кем угодно, но не убийцей. Хотя, есть ещё целая кипа других тяжких преступлений, за которые полагается смертная казнь или практически полное стирание личности.

— … вот представляешь, — продолжал тем временем говорить неугомонный парень. — И после того, как я выпил всего литр пива и захотел в туалет, этот дегенерат-бармен заявил, что толчок для клиентов сломан, а в свой он не пустит! Вот козлина, да? Опоил, значит, меня сначала этот бес коварный, а потом стал мучить угрозой разрыва мочевого пузыря! А если бы он реально лопнул? Меня прижало прям капитально, будто неделю не ссал! А он, типа, упёрся рогом и ни в какую! Я уже сижу, чую, как плотину прорывать начинает… Ну и выбежал на улицу за угол. Там места не особо было, так что я ткнулся в первый попавшийся закуток, где кошаков поменьше, расстегнул ширинку и начал поливать какую-то стену. Меня ка-а-ак током шибанёт! Из шланга реально дым пошёл, отвечаю! Я думал, что всё, накрылся он, стал жареной колбаской. Ну, я валяюсь, значит, под той стеной, над ухом что-то завывает, гляжу — бармен выбегает. Выпучил свои жабьи глазки на меня, трёхэтажным матом поливает, а я же не слышу ни фига, а в туалет всё ещё хочется! Ну, я и полил его пижонские брюки с ботинками. Так он меня избил и заяву накатал «о нанесении морального и материального вреда»! Ну не урод он, а? Папаш?

Парень замолчал и уставился на Макса в ожидании ответа. Макс этого, конечно не видел, но зато спустя некоторое время ощутил на себе его выжидающий взгляд, поднял голову с кровати

и ответил только ради того, чтобы тот от него отстал:

— Согласен.

При этом Макс ответил вполне честно, поскольку он считал, что в данной ситуации бармен просто обязан был пустить его в свой туалет. Разрыв мочевого пузыря — не шутки. Другое дело, что этот парень мог вполне нагородить ему с три короба, выставить себя в лучшем свете, жертвой обстоятельств, а вовсе не их инициатором.

— Во, чёткий мужик! — довольно оскалился парень. — Меня Андрюхой звать, если что. А тебя, слышал, Максом, да? Макс, Макс, Макс… Максим, Максимка, Макселло, во! Будешь Макселлой, ты же не против, да? А то есть у меня уже один знакомый Макс, надо вас как-то различать. Тоже чёткий пацанчик, но он мне денег должен, падла, целый месяц не отдаёт.

— Андрей, — Макс подал голос.

— Не-не-не, — тут же запротестовал тот. — Только не Андрей, так меня батя называл! Скотина редкостная! Он бил меня часто в детстве ни за что, а потом и вовсе ушёл в магаз за сигаретами, когда мне было четырнадцать. Видать, до сих пор их где-то ищет, я его с тех пор не видел, ну и хрен с ним, без него проще. Зови меня Андрюхой! Но только не Дроном и не Андроном, ненавижу этих жестянок! И не Эндрю, а то звучит так, будто я из этих… ну ты понял.

— Андрюха! — Макс не выдержал. — Ты когда-нибудь заткнёшься?

Прозвучало это очень грубо, резко, но на Андрюху это не произвело должного эффекта.

— Так тоска же смертная! — обиженно воскликнул он. — Я тут всю ночь один, как лось из Самарского зоопарка, просидел! Мужик, имей совесть, дай наболевшее высказать!

— О Господи, — Макс закрыл лицо ладонями.

В общей сложности Андрюха пытал Макса своей неугомонной и весьма эмоциональной болтовнёй ещё полчаса. Одни короткие и бессмысленные истории следовали за другими, некоторые оживлённый Андрюха даже показывал в лицах, Макс словно сидел в театре одного актёра. И ему постоянно казалось, что у этого парня шило в заднице — его невозможно было угомонить без применения силовых методов, но, к сожалению Макса, этого сделать он не мог из-за полупрозрачной силовой стены между ними. А врезать очень хотелось.

Андрюха бы пытал его ещё дольше, но тут внезапно появился Дмитрий. Выглядел он измученным, измотанным и заезженным, к тому же, ему на руку наложили гелевый гипс зелёного цвета, и оттого, что это больше походило, словно он опустил руку в желе,

Дима стыдился своего ранения. К тому же он чувствовал себя не очень уверенно, поскольку сменил привычный серый пиджак, в который не пролезла загипсованная рука, на бежевую бесформенную куртку. Масла в огонь ещё подлил Андрюха:

— О, Макселло! Этот пончик, кажись, к тебе.

— Я не пончик, — пробормотал Дима, вплотную подходя к силовому барьеру.

— Да ладно, не обижайся! — тут же отмахнулся Андрюха. — Я сам в детстве был больше похож на бегемота, чем на… э, ничего в голову не лезет! Короче, я весил под сто двадцать кило, ну вы прикиньте, да? И когда похудел и подрос, то батюня сразу перестал меня бить. Слушай, а может, поэтому он и свалил, а?

И Андрюха, внезапно осознав правду жизни, в задумчивости присел на свою кровать. И замолчал.

Дима одновременно с этим вызвал консоль на своём наручном терминале и, наконец-то получив доступ к управлению силовым барьером, снял его вокруг Макса.

— Быть того не может! — поразился Макс.

— Что? — Дима засмущался ещё больше от такой реакции его коллеги. — Ты ведь даже и подозревать не мог, что я смогу освободить тебя?

Но Диме было чертовски приятно сейчас. Макс всегда при нём был холодным, язвительным, ненавидящим всё и всех, а тут…

— Он замолчал! — выдохнул Макс, мигом вставая с койки и выходя в коридор. — А насчёт освобождения я не сомневался. Я же честный полицейский, а правда всегда побеждает в итоге. Закон справедлив ко всем.

— Эй, ты уже уходишь? — Андрюха вышел из ступора. — А я, значит, опять один остаюсь? Сволочи вы!

— Не волнуйся, — мягко сказал Дима, проглотив чувство обиды. — Я видел, что на тебя уже выписывают штраф и готовят документы об освобождении.

— Е-е-есть! — радостно гаркнул тот. — Да, детка! Так мы их всех!

Андрюха по-настоящему пустился в пляс.

Дима и Макс, не став наблюдать за Андрюхой, спокойно и гордо вышли из здания-пристройки к полицейскому участку на улицу и направились к подземной парковке. Дима полагал, что Макс будет очень благодарен ему, что он хоть как-то выразит свои эмоции по поводу его быстрого освобождения, но не тут-то было. Он только задал вопрос, когда они сели в исцарапанный служебный автомобиль:

— Как тебе это удалось?

Лицо Димы расплылось в улыбке:

— Это не только моя заслуга. Анастасия тоже немного помогла, но, да, благодаря мне ты пока что свободен. Я тут поднял кое-какие свои связи в верхах…

— Пока что? — нахмурился Макс.

— Угу. Анастасия благодаря показаниям того киллера, Станиславом Панкратовым его зовут кстати, смогла выписать ордер на арест на Измайлова на то время, когда ты пробирался к нему, то есть, до момента смерти, и это тебя и спасло. А так же то, что я попросил отца своей подруги освободить тебя под мою ответственность. Он — полковник Афанасьев, руководитель моего бывшего участка, а у него двоюродный брат — какой-то генерал в самой верхушке МВД.

— Попросил? — удивился Макс. — Всего-то? Постой, я думал, что это он тебя упёк сюда.

— Он, — согласился Дима. — Ну, я его не просто попросил. Видишь ли, с его дочерью я продолжаю встречаться, так что кое-какие рычаги давления у меня есть.

Макс, выгнув левую бровь, посмотрел на Диму.

— А я считал тебя порядочным человеком, — усмехнулся он. — Что же ты тогда не улучшил своё положение?

Дима потупил глаза.

— Это как-то неправильно, просить для себя. Уж очень похоже на шантаж получается. А ради тебя — это уже благородное дело, ведь ты же невиновен?

— А ты сомневаешься во мне? — с вызовом спросил Макс.

Однако фраза про «неправильно — просить для себя» заставила его невольно зауважать Диму. Пусть всего на секунду, но всё же.

— Нет! — поспешно ответил Дима. — Иначе бы не стал этого делать. Но я должен тебя предупредить — тебе нельзя покидать город, поскольку в отношении твоих действий заведено служебное расследование.

— Ясно, — кивнул майор. — Я и не собирался.

Он немного поразмыслил молча, после чего убеждённо добавил:

— А ты — идиот.

— Да ладно тебе говорить! — обиделся Дима, поняв, о чём он. — Тем более, здесь не так уж и плохо.

— Ты ещё здесь ничего не видел, — заявил Макс.

Он не усмехнулся, не улыбнулся, а именно констатировал, словно это было неизбежным фактом, и будто бы мнение его коллеги всенепременно и довольно скоро изменится. И от этого Дима нервно сглотнул.

— Поехали уже куда-нибудь, — проворчал Макс. — Надоело здесь стоять.

Глава 13

Сейчас.

Новая рабочая неделя начиналась не очень хорошо. Придя на работу в понедельник вечером, Макс надеялся, что Константинов уйдёт домой как обычно, но тот, к его разочарованию, специально решил задержаться. Людям ни в чём нельзя доверять, и Макс в очередной раз повторил это себе.

— Явился, значит, — Константинов злобно посмотрел на вошедшего в его кабинет Макса.

— Явился, — не стал отрицать Макс. — Надо работать.

Он, никого не спрашивая, подошёл к столу своего начальника и уселся на стул для посетителей.

— Работать, значит? — недовольно буркнул Константинов. — Вот, полюбуйся, во что встала твоя работа!

Он на своём настольном терминале вызвал уже засмотренный им самим до дыр отчёт о происшествии в «ДаркТауэр» пару дней назад. Развернул на весь экран и повернул окно приложения в сторону Макса.

Макс и без этого прекрасно знал, что написано в этом отчёте, но под яростным напором своего шефа решил взглянуть хоть для вида. Ничего хорошего там не было.

— Штраф в пятьдесят тысяч кредитов! — не дожидаясь ответа, рявкнул Константинов. — Официальная жалоба в администрацию города на работу полиции. Официальное расследование в отношении тебя по превышению служебных полномочий. И это не говоря уже о трупе, что ты оставил после себя там!

— Пятьдесят тысяч? — задохнулся Макс.

— За уничтоженного охранного дрона, — пояснил Константинов.

У старого полковника ещё с утра барахлило сердце, а тут ещё этот чёртов придурок припёрся сюда! Хоть бы вид сделал виноватый, но нет, майор просто не прошибаем. Конечно, это и вызвало у полковника полиции обострение.

Константинов поспешно достал из ящика стола банку с таблетками, высыпал в ладонь сразу три штуки и, подойдя к бойлеру с водой, налил стакан жидкости и принял лекарство. Практически сразу же ощутил, что ему стало куда лучше — современные таблетки действовали куда быстрее, чем двадцать лет назад. А если бы он работал пятьдесят лет назад, то его уже бы везли в реанимацию, если не в морг. Но, к сожалению,

полностью вылечиться стоит куда больше, чем раз в несколько месяцев пить таблетки, всего лишь заглушающие симптомы.

— Та консервная банка стоила куда меньше, — проговорил Макс.

— Меньше, — согласился Константинов, устало садясь обратно за свой стол. — Но я побеседовал с юристами «Астола» и попросил их увеличить штраф.

— Что?! — возмутился Макс, привстав из-за стола.

Константинов не испугался, только лишь усмехнулся:

— Ты раздолбал служебную машину и теперь должен будешь возместить ущерб. Своими методами я не мог стрясти с тебя деньги, но вот при помощи «Астола», как видишь…

Макс потерял дар речи. Он знал, что его начальник — та ещё скотина, да и отношения между ними двоими были куда хуже, чем между боссом и любым другим полицейским. Но чтобы вот так?

— Ты и так в жопе, Макс, — довольно произнёс Константинов. — Я вообще думал, что тебе мозги поджарят, давно уже пора, но благодари своего напарника — был бы отличным парнем, кстати, если бы не был тряпкой. Но тебя освободили под подписку «о не выезде» и завели служебное расследование. И я даже знаю, кто именно тебя будет проверять. Не хочешь узнать?

— Не интересно, — холодно произнёс Макс.

Больше ему здесь было делать нечего, поэтому он встал и решительно пошёл к выходу.

— Ты куда это собрался?! — тут же рявкнул на него шеф. — Я ещё не закончил!

— Зато я закончил, — буркнул майор.

Он подошёл к двери и коснулся ручки, но на какую-то секунду опоздал — Константинов успел заблокировать дверь изнутри через терминал.

— Выйдешь, когда я позволю!

Макс устало обернулся. Придётся играть по его правилам.

— Ладно, — сдался он. — И кто же ведёт расследование?

Шеф широко и искренне улыбнулся:

— Копьёв Андрей Васильевич, майор из спецотдела.

Макс вздрогнул.

О Копьёве ходило множество легенд, и, кажется, после каждого его дела рождалась новая. Это был честный полицейский. Настолько честный, что у большинства, считавших себя такими, сводило челюсти от зависти. И от страха, что однажды Копьёв начнёт приглядываться к ним. Все, кто встречался с ним лично, описывали его подозрительно

одинаково: высокий, худой бледный мужчина в возрасте около шестидесяти, с тонкими чертами лица, водянистыми презрительно смотрящими глазами, острым торчащим носом и тонкой линией-нитью рта. Постоянно одет в болотного цвета костюм с коричневым широким галстуком. Общается всегда вежливо и почтительно, но настолько холодно, что многие уже начинаю подозревать его в том, что он вовсе не человек, а робот. Неудивительно, что именно эта легенда стала наиболее популярной, поскольку её поддерживали ещё и другие замеченные детали. Копьёв славился как матёрый профессионал, на куда более высоком уровне по сравнению с Максом; любое дело, за которое он брался, он всегда доводил до конца, чего бы это ему ни стоило. Вгрызался зубами в мясо и зарывался с каждым мигом всё глубже и глубже, и оторвать его уже было нельзя до тех пор, пока он не доходил до самой сути. Работал он медленно, но тщательно и неотвратимо, и всегда, во всех его делах по их окончанию расследуемые наказывались, даже если при этом все окружающие были уверены в невиновности их знакомого. Копьёв всегда находил пятно на репутации абсолютно любого полицейского. А расследовал дела он только внутренние, и, безусловно, здесь у него был талант от бога.

Копьёв имел ещё три очень примечательные черты характера, хотя, скорее это назовёшь природными способностями. Первая — он никогда не пользовался портативными терминалами, да и вообще предпочитал работать с любой техникой как можно меньше, но при этом он имел просто феноменальную память. Один раз мельком прочитав какую-нибудь заметку, он запросто мог воспроизвести её хоть через минуту, хоть через год. Именно из этого таланта и родилась легенда о том, что Копьёв имеет кибернетическое происхождение, а вовсе не биологическое. Но при этом он всё же носил с собой древний бумажный блокнот и карандаш, которые всегда изготавливал на заказ в силу их малой распространённости. Также всегда при нём были шоковые наручники и полицейский пистолет той же модели, что и у Макса, но по слухам с разблокированными возможностями летальных выстрелов. Быть может, у него была и нанотатуировка, ведь никто и никогда не видел его раненым или больным.

Вторая способность — Копьёв в абсолютно любой ситуации был спокоен как скала. Одно и то же выражение лица на все случаи жизни, даже самые невероятные. Этот факт поддерживал легенду о роботе всеми силами.

И, наконец, третья особенность — Копьёв встречался с фигурантами своих расследований всегда в самую последнюю очередь. Инициировалось расследование, он прибывал на место,

выяснял обстоятельства, беседовал с косвенными свидетелями, составлял собственную картину произошедшего. И только после этого начинал опрашивать основных свидетелей, проверять основные улики и дорабатывать свою теорию. И в самом конце, когда он уже уверен в своих выводах, он единственный раз встречается с главной фигурой в расследовании.

Приговор он выносил сам, сам же и приводил его в исполнение. Большим вопросом было то, сколько же во всего его расследованиях оказалось невиновных в итоге людей — ведь виновных, вне всяких сомнений, было куда больше, причём настолько, что первые тоже становились легендами, но такими, в которые никто не верил.

Такова была репутация Копьёва. Его знал весь мир.

А ещё он был кумиром Макса, пускай он никогда в этом и не признается. Но поэтому Макс столько и знал про него. Он следил в Сети за каждым новым слухом про него, прекрасно понимая, что большинство из узнанного им — наглая ложь. Но хоть что-то из этого должно было быть правдой.

— Ясно, — буркнул Макс.

— Всего лишь? — выгнул бровь Константинов. Он явно ожидал другой реакции, более бурной.

— Ещё что-нибудь? — не скрывая раздражения, спросил Макс. — Мне нужно закончить расследование.

— Да, — Константинов вспомнил ещё кое что. — Твоё предыдущее расследование официально закрыто.

— Не понял, — нахмурился майор.

— А что тут непонятного? — искренне удивился полковник. — Всё, финиш, прикрыта лавочка. Прокурорша ваша мне отчёты все передала, убийца арестован и казнён. Улики все есть, показания тоже, да и виновного нашли. Группу я расформировал уже, а этого… как его… Потапова…

— Потапенко, — тут же поправил его майор.

— Не важно, — поморщился полковник. — Напарник он твой. На него тут тоже особое распоряжение пришло из его предыдущего участка по поводу его работы… так что вы — два сапога пара. Он-то может и исправится со временем, а вот ты теперь до самой пенсии будешь мелкую административку расследовать. Если, конечно, переживёшь встречу с Копьёвым. Всё, катись отсюда! Для тебя как раз работёнка появилась подходящая…

Константинов разблокировал дверь через свой терминал, и Макс наконец-то смог выйти из логова местного дьявола. И он, ни с кем больше не начиная разговоров, в прескверном расположении духа, направился прямиком в свой кабинет.

Вся его карьера полетела псу под хвост! В самом худшем варианте Копьёв не найдёт ничего в его недавних действиях такого, что могло бы его хоть как-то оправдать, и казнит на месте собственноручно. Когда? Чёрт его знает, но он наверняка либо на пути в Новую Самару, либо уже в городе. Но ведь такой профессионал, как он, должен заметить, что улики против Макса подделаны, так что самый худший вариант не является при этом самым вероятным. Но ни Дима, ни Настя, ни даже сам Макс не смогли найти никаких других улик. Всё было подчищено до идеального блеска, и если бы не то, что видел Макс, то…

Дима уже задавал Максу правильный и весьма уместный вопрос: а вдруг Макс был одурманен каким-нибудь ядом или галлюциногеном? Но, во-первых, Макс уверен в том, что помнит, а во-вторых, следы любого постороннего вещества в организме легко найти. А его проверили вскоре после того, как в «ДаркТауэр» прибыла полиция с бригадой судмедэкспертов. Соответственно, последовал и второй вопрос: а вдруг Максиму подменили память? Это Макс не исключал, ведь он пробыл какое-то время без сознания, но, как он считал лично, недостаточное для того, чтобы проделать всю процедуру подмены памяти настолько гладко, чтобы он ничего не заподозрил. Да и всё равно это бы породило новый вопрос: а кому это было нужно?

Кто-то всё-таки есть, кто в курсе инцидента в «Астоле», в курсе того, что Измайлов решил нанять киллера, и в курсе проведённого расследования полиции. И это не просто какой-то там хакер, который смог взломать немудрёные полицейские брандмауэры и обойти шифрование каналов связи. Это человек, имеющий ресурсы, достаточные для того, чтобы не заниматься всяким взломом. Зачем, ведь можно напрямую взаимодействовать с людьми, подкупать или угрожать? А раз у этого человека есть ресурсы, то поймать его будет не просто. Значит, теперь он — главный злодей этого расследования, верно? Несмотря на то, что Константинов прямо сказал, что оно закрыто, Макс будет вести его до самого конца — его или же своего собственного. Но неофициально, во всяком случае, пока он не добудет весомых доказательств.

До своего кабинета Макс не дошёл. Он в коридоре услышал, как из соседней комнаты, зала отдыха, доносятся звуки громко работающего телевизора. Виртуальный диктор говорила, что в им в студию новостей пару часов назад прислали какую-то видеозапись, которую она собирается сейчас продемонстрировать. Максу это было не интересно, но вот чересчур громко работавший телевизор его раздражал.

В зале находилось несколько его коллег — тут и Дмитрий,

которому всего час назад сняли гипс, и хакер Сергей, и начальник бригады Иосиф, и даже его старый напарник Никита. И телевизор смотрели только трое из них — все, кроме снова спящего Серёги, которому, казалось, шум нисколько не мешает. «Почему он дома не спит?» — возмущённо подумал Макс.

— Эй! — громко воскликнул он, когда вошёл в зал. — Какого хрена он у вас орёт на весь этаж?! Сделайте тише!

— Макс, подойди, послушай, — сказал Дима, но потише всё же сделал.

— Зачем? — недовольно спросил он. — У меня дел по горло.

— Мне кажется, что это важно.

Макс вздохнул. Он не любил смотреть телевизор, да и вообще из сетей эфирного вещания пользовался только радио, да и то изредка (его приучил к этому Никита — он радио обожал, особенно когда по нему крутили джаз). Но разок потерпеть можно две минуты. И если за эти две минуты там не произойдёт ничего важного, то он выскажет Диме всё, что он думает о нём и этом телевизоре.

Подошёл, встал рядом с диваном напротив телевизионной панели на стене, но не сел.

Тем временем на экране уже включили видеозапись. Там с важным видом стоял мужчина в строгом костюме-тройке, но было отчётливо заметно, что ему неудобно в нём, не его это стиль одежды. Лет сорока, худой и узкоплечий, с длинными для мужчины русыми волосами с проседью на висках, слегка небрит. Взгляд холодный, изучающий, но сам он заметно волнуется, хотя и успешно справляется с этим.

— Дорогие Новосамарчане! — поздоровался мужчина.

Макс заметил, что он читает приготовленную речь с суфлёра — его взгляд слегка двигался вправо-влево.

Снизу на экране появилась строка: Евгений Воробьёв, представитель движения «Спрут». В правом углу экрана виднелась эмблема этого движения — медная монета с несколько непонятным рисунком на ней. То ли действительно осьминог, то ли взрыв, но больше похоже не дерево с вывернутыми корнями.

— Я — представитель движения «Спрут», — продолжил Воробьёв. — Некоторые вас уже знают, но для большинства горожан мы — довольно новая организация. Но появились мы не просто так. Всех нас объединяет одна идея: пересмотр современного общества. Мы считаем, что современный этап развития человечества с постепенной полной автоматизацией и информатизацией процессов производства, сферы услуг и других направлений ошибочен и в корне не верен. Сегодня человек стал слишком сильно полагаться на вычислительную технику, которую

он когда-то изобрёл, и это рано или поздно приведёт его в тупик. Уже сейчас в основных производственных сферах человеческий труд заменён на труд машин. Машины производят машины, машины управляют нашим транспортом, они делают нам еду, они обеспечивают нам связь между городами по всей планете, а так же в пределах Солнечной системы. Человечество сейчас большей частью только потребляет, заместо себя оно создаёт новую цивилизацию — цивилизацию машин и программ, и ничем хорошим это не закончится, в литературе и искусстве множество примеров. Нет, я не призываю вас отказаться от всех благ цивилизации и основать общество каменного века. Я призываю ограничить сферу влияния информационных и автоматизированных технологий, переложить на машины только то, что человеку выполнять опасно, а остальное оставить за собой. Один раз человечество уже поплатилось за бездумное использование технологий клонирования и генной инженерии, так давайте же вместе не допустим повторения подобной трагедии. Вступайте в наше движение, перечисляйте средства, если вы не равнодушны! Мы будем рады любой помощи.

— И это ты посчитал важным? — скривился Макс. — Какая-то секта!

— Это — часть нашего нового задания, — пояснил Дима. — Администрация города несколько обеспокоена этим движением, и в каждом районе было приказано провести независимые проверки.

Изображение на экране сменилось, и там появился лысый мужик с длинной бородой и в чёрной рясе. В его левой руке лежал чёрного цвета пухлый толмут с изображённым на нём большим перевёрнутым золотистым треугольником. Точно такой же треугольник, только уже из позолоты находился у него в правой руке.

— Покайтесь! — мужик в рясе стал гневно сверкать глазами с экрана. — Покайтесь! Грядут страшные времена. Совсем скоро! Древний демон, чьё имя звучит так же, как имя породившего его, поднимает голову! Скоро он наберётся сил и найдёт союзников, и тогда он зальёт город кровью! Город захлестнёт волна насилия, погаснет свет, и на улицы выплеснется волна хаоса, и все неугодные демону подохнут на месте по одной только его мысли. Покайтесь!!! Красный дым закроет небо над городом…

— Это ещё что? — нахмурился Макс. — Вы что за канал смотрите?!

— НСКОД (примечание: Новосамарский Канал Общественных Движений, известен своей толерантностью к религиозным мотивам, спиритическим сеансам, а так же благосклонностью к

разного рода общественным движениям, большинству из которых законодательно запрещено выступать где бы то ни было ещё), — ответил Никита Сергеевич. — Эти двое ещё нормальные, тут десять минут назад вообще каких-то упырей показывали… совсем отмороженные, я бы не раздумывая их посадил в обезьянник и отправил на чистку мозгов от всякой фигни. А ты-то чего нос воротишь, ты же верующий?

— Это разные вещи! — взорвался Макс. — Верить в то, что Вселенная создана по подобию информационной системы колоссальных размеров и верить в Конец Света и всяких демонов! Идите в жопу все! И звук убавьте, не то я приду сюда уже с пистолетом!

Он резко развернулся и вышел в коридор. Подошёл к двери своего кабинета и, открыв её, сел за свой стол и принялся гневно думать обо всём и обо всех. Его жутко бесило то, что другие пытаются периодически высмеять его веру… хотя, какая это вера? Бог — программист? Да, многие постулаты выглядят логичными, как например то, что Вселенная управляется единым ядром, однажды созданным, а к нему постепенно дописываются новые модули и исправляются ошибки. А не просто представляет собой множество невесть откуда появившихся законов, однажды пришедших в равновесие. Но Макс в это не то чтобы верит, а скорее готов одним из первых признать это как факт, как только обнаружится хоть малейшее доказательство. Истинным верующим он не был, не является и никогда не будет. Он не соблюдает постов, жрёт всё подряд, ведёт далеко не примерную жизнь. И убивает людей. На роль верующего скорее сгодится Дима, он мягкий и податливый, ему можно внушить всё что угодно, да и в остальном он гораздо более подходит на эту роль. Он, поди, даже молитвы наизусть знает. Но чёрт, почему тогда Диму не задевает, когда его высмеивают, а вот Макс при этом готов голыми руками разорвать обидчика?!

День выдался паршивым. Максу захотелось выпить, пока никто не видит. Но своей кружки он не нашёл на привычном месте — на подоконнике. Он стал искать её, и его взгляд скользнул по соседнему столу.

— Какого..?

Второй стол был самым обычным, без встроенного допотопного терминала. Стандартный прочный пожаростойкий пластик серого цвета. Обычно он был завален (но в строгом порядке!) деталями от различных электроприборов и оборудования, в основном магнитными замками и запасными деталями для пистолета. Макс любил во всём этом ковыряться в свободное время, изучая их устройство и принципы работы,

запоминая, где что можно взломать за секунду голыми руками, а где — за минуту с использованием инструментов.

Но тут появилось несколько новых деталей. Уголок стола был тщательно и аккуратно очищен от деталей, сдвинутых в сторону на достаточно скромное расстояние. К столу был приставлен стул, явно принесённый откуда-то из других помещений. И на спинке этого стула висел больших размеров серый пиджак с заплатками на локтях.

Внезапно дверь отъехала в сторону, и в кабинет вошёл Дмитрий, держа в руках две кружки, одна из которых была Максу подозрительно знакома.

— Вот, я её отмыл, — довольно произнёс Дима, протягивая девственно-чистую кружку Максу. — Вернее, её отмыл автомат.

Макс молча взял её, осмотрел, признал действительно чистой. Поставил на стол, после чего привстал со стула и угрожающе спросил:

— Ты что делаешь в моём кабинете?

— Я… — тут же растерялся Дима.

Он ожидал слов благодарности, а такого.

— Я… — повторил он. — Теперь это наш кабинет. Меня же назначили твоим напарником, тебе полковник Константинов разве не говорил?

Макс про себя выругался.

— Да, что-то такое упоминал, — ответил тот. — Ты что с моим столом сделал? Где плата подавителя вибраций?

— Что? — не понял Дима. — Ну, мне же нужно где-то сидеть, ведь так? А, так ты говоришь про ту синюю пластинку с разорванным бочонком? Так я её выкинул в дезинтегратор, а то от неё уж больно кислым воняло. Не надо было? Извини, я не знал…

— К-как — с разорванным бочонком? — опешил Макс. — Зараза, всё-таки взорвался кондёр! Ты хоть руки-то вымыл после того, как выкинул её? Балда, там же токсичный электролит!

— Вымыл, — испугался Дима. — Два раза мыл антисептиком, эта штука плохо отмывалась.

— Иди и вымой ещё три раза! — приказал ему Макс.

— О Господи! — не на шутку разволновался его напарник и тут же убежал к умывальнику.

Макс с облегчением выдохнул, после чего плюхнулся обратно на свой стул. Достал из верхнего ящика уже начатую полулитровую бутылку дешёвого бренди, налил немного в кружку и выпил. При этом мысленно поразился своей находчивости, как это он ловко обманул салагу и вышвырнул его на пять минут из кабинета.

Теперь можно было начать работать.

Глава 14

Он молча стоял возле большого панорамного окна и смотрел на то, как по осенней Волге бегают мелкие белые барашки волн. Здесь, в заброшенных кварталах Старой Самары в это время года было не в пример куда теплее, чем в Новой, которая была дальше от реки километров на двадцать. Вода в реке ещё не остыла, в отличие от воздуха, но из-за постоянного ветра всё равно было холодно. Ветер был сырой, он пробирал до самых костей, как тепло ни одевайся. Поможет, разве что, космический скафандр, но он, увы, оставил свой дома.

Сразу было видно, что это — мужчина высокой породы. Высокий, статный, всегда с идеально уложенными густыми тёмно-русыми волосами с благородной проседью. Голубые глаза смотрят пристально, но тепло и доверительно, хотя в полутьме заметно, что радужка слегка светится — явно имплантаты. Одет с иголочки, классический костюм сшит на заказ из настоящей, дорогостоящей ткани, а не повсеместной синтетики. Поверх костюма длинный бежевый плащ, на ногах блестят свежим лаком классические туфли из натуральной кожи, а в руках под цвет плаща фетровая шляпа известного бренда, стоящая раз в десять больше, чем получает средний горожанин Новой Самары.

Собственно, мужчина не был из этого города. Любой новосамарец сразу бы заметил, что от него за версту несёт некоей инаковостью. То ли по его одежде это было заметно, то ли по излишне галантному поведению, то ли по манере говорить. В отличие от большинства проживающих на территории бывшей России, даже среди крупных бизнесменов, в его речи отсутствуют требовательные, порой откровенно быдловатые нотки. Да и на русском он говорил идеально, без акцента, хотя его телохранитель знал, что он может не менее хорошо изъясняться и на английском, и на китайском, и на эсперанто. Он по большей части говорил спокойно, а когда ему было что либо нужно, то он либо просто это брал силой, но чаще предпочитал работать чужими руками. В основном, сделки на его условиях, но и без грязного шантажа порой не обходилось. Хотя, он всё же старался действовать в определённых рамках, избегая ненужных жертв — его профессия обязывает.

Можно было бы с уверенностью сказать, что он — представитель исчезающей профессии главаря преступной группировки, в простонародье — мафии. Но нет. Те, с кем ему приходилось тесно общаться по разного рода делам, знали, что он из правительства, какой-то важный чиновник из Министерства

Внутренних Дел. Но ни имени, ни чина, ни вообще любых контактных данных никто не знал, даже его телохранитель, по совместительству ещё и личный секретарь. Собственный ГИН он просто обязан был иметь, ведь у него же есть ДНК, но терминалами тот никогда не пользовался, ничего не подписывал и нигде не регистрировался — всё это выполнял его телохранитель. Видеокамеры и системы распознавания его тоже не узнают, его нет в базах, а все оставленные им данные таинственным образом вскоре пропадают. Единственное что — благодаря датчикам веса можно было узнать, какая у него масса. Всегда ровно восемьдесят килограмм.

Настоящий человек-загадка, неизвестная переменная. Собственно, у него на груди и была закреплена пластиковая карточка, самая обычная, без электроники, на которой и был нарисован большой чёрный крестик.

А вот охранник у него был куда более заметный. Двухметровый шкаф с бритой головой, квадратным подбородком, выступающими надбровными дугами скандинавского типа и глубоко посаженными крохотными глазами. Чёрный свитер, налезший бы и на быка, туго обтягивал его мускулистый торс, а коричневая кожаная куртка, больше похожая на парус от яхты, топорщилась по бокам от плохо спрятанной пары боевых пистолетов.

Он производил впечатление тупой силы, беспрекословно выполняющей абсолютно любые команды его хозяина. Его обычный взгляд пугал даже храбрецов, а трусливых и вовсе доводил до икоты. Подумать страшно, что будет, если его разозлить.

Позади них скрипнула дверь, и в большое пустое офисное помещение вошла группа людей. Они все были разные — высокие, низкие, полные, худые, ботаники, качки, металлисты, панки… Всех их объединяли две вещи. Первая просто бросалась в глаза — у каждого либо на груди, либо на рукавах или на головных уборах был изображён один и тот же рисунок. То ли взрыв, то ли вывернутые корни дерева, то ли действительно спрут, только почему-то вниз головой.

Группа людей уверенно подошла к ним и почтительно остановилась в пяти метрах, натолкнувшись на предупредительный взгляд телохранителя. Всю уверенность тут же сдуло гулявшим в помещении сквозняком.

Спустя секунду из этой небольшой группы вышел второй объединяющий фактор, сделал пару шагов вперёд и, незаметно подрагивая под взором телохранителя, окликнул мужчину-загадку.

— Я так полагаю, это Вы хотели со мной поговорить? — осторожно спросил Воробьёв.

Мужчина обернулся. Окинул изучающим взглядом собеседника и дружелюбно улыбнулся. Затем посмотрел на компанию у него за спиной.

— Вижу, Вы пришли с друзьями, — произнёс он.

Голос у него оказался сиплый, но с приятными обертонами.

— Вы тоже не в одиночестве, — заметил Воробьёв. — Опасаетесь за свою безопасность?

— Не более чем Вы, — заверил он. — Геннадий, в основном, играет роль моего помощника. Правая рука, так сказать, хотя, по правде он заменяет мне обе руки. У Вас же есть помощник? Как-никак, триста семьдесят восемь человек в Вашем движении.

Воробьёв в изумлении выгнул бровь. Точного количества людей не знал даже он. Но вопросов решил не задавать.

— Есть, — подтвердил Воробьёв. — Тимур Толоконников, по всем вопросам можете обращаться к нему.

— Спешу Вас разочаровать, — покачал головой неизвестный. — Боюсь, что я располагаю привилегией общаться с Вами лично, без посредников. Вы не против, если мы немного пройдёмся, а то я не люблю обсуждать важные вопросы, стоя на месте. Мы же деловые люди, а не заговорщики в подворотне. Гена, подержи шляпу.

— Можно и прогуляться, — согласился Воробьёв.

Мужчина отдал Геннадию свою шляпу и, заведя руки за спину, двинулся вдоль окон, медленно и важно шагая. Осанку он держал идеальную, в отличие от его чуть сгорбившегося собеседника, но при этом не поднимал высокомерно голову, а даже наоборот — почтительно склонил её на бок.

Толпа провожатых собралась было двинуться вслед за своим главным, но вставший столбом Геннадий тут же вытянул в протесте здоровенную ручищу и покачал головой. Никто не рискнул ему возражать.

— Видите ли, мне многое известно о вашем, как вы утверждаете, движении, а так же о Вас лично, — произнёс неизвестный. — Я даже знаю, что вы собираетесь вскоре провернуть. Не в точности, конечно же, но приблизительную картину я знаю.

— Вот как? — снова удивился Воробьёв.

Тот факт, что совершенно незнакомый человек знал обо всех их истинных, не публичных планах, наводил на очень тревожные мысли. И он не сомневался, что тот знает именно истинные их намерения. Локальная революция.

И ему этот разговор стал нравиться всё меньше и меньше.

Воробьёв очень не любил, когда кто-то пытался воздействовать на него силой, пытаться шантажировать, а этот мужик явно пришёл не путёвку в санаторий в качестве жеста одобрения ему дать.

— Не скажу, что я одобряю ваши действия и методы, — признался неизвестный. — Но цели у вас благородные. Собственно, я не собираюсь вам мешать.

— Тогда что Вы хотите? — не выдержал Воробьёв.

— Огласки. Видите ли, мне так же известно, что к Вам лично в руки попала одна очень ценная для некоторых людей разработка. Проект «Хеймдалль». Я хочу, чтобы Вы рассказали народу об этом проекте, кто его создал, зачем, и какие испытания проводились. Обнародовали данные и выложили в Сеть в общий доступ, чтобы любой желающий мог с ним ознакомиться.

— Да Вы — безумец! — ужаснулся Воробьёв. — Если это обнародовать, то любой желающий сможет применить «Хеймдалль» в своих целях. Массовые убийства, совершенно неконтролируемые, их невозможно будет расследовать и найти убийц!

— Отнюдь, — мягко возразил неизвестный. — Вам следует внимательней ознакомиться с исходниками, и тогда Вы поймёте, что проект так и не был завершён. Принцип действия реализован полностью, а вот ни спускового алгоритма, ни механизма распространения так и не было написано. Это не патрон, а пока всего лишь пуля без пороха и сосуда для него. Чтобы его применять по назначению, нужно ещё много чего сделать, но чтобы придумать защиту — всего лишь опубликовать исходники. Противодействие появится само.

— Не понимаю, — нахмурился Воробьёв. — Если Вы столько знаете, то почему сами всё не сделаете?

— Не могу, — развёл руками тот. — Я — фигура не публичная, меня никто не знает, и если я сделаю публикацию, то она просто бесследно пропадёт. Вы — другое дело, но не сейчас, а когда реализуете часть своих планов и станете более заметным и известным. Идеальная кандидатура, и Вы понимаете, почему.

— Из-за того, что мы делаем, — догадался Воробьёв.

— К тому же, у меня нет исходников, — добавил неизвестный. — Они только у Вас и в недрах «Астола».

— Но… э…

— Зовите меня «Мистер Икс».

— Да, Мистер Икс. Я могу передать Вам исходники.

— Нет, это бессмысленно, я уже объяснял почему. Так Вы сделаете то, о чём я прошу?

Воробьёв задумался. С одной стороны, если он лично опубликует данные по проекту «Хеймдалль», то «Астол» его потом

живьём съест. Он наживёт себе смертельного врага, и тогда уж точно не доживёт до Нового Года. Но с другой стороны, этот Мистер Икс вроде бы и прав, а если ещё и правильно преподать ответ, то можно остаться в выигрыше. К тому же, он ведь и так скоро станет вне закона. Враги государства, особенно революционеры, долго не живут.

— Сделаю, — согласился Воробьёв. — Но при двух условиях.

— Конечно, конечно, — кивнул Мистер Икс. — Я и не сомневался в этом.

— Первое: я произведу огласку там, где захочу и тогда, когда сам сочту нужным. Без какого-либо давления с Вашей или чьей либо ещё стороны. В свою очередь я обещаю, что данные увидит максимальное количество народа, и момент будет выбран наиболее к этому подходящий из возможных.

— А второе?

— Мы сильно ограничены в средствах, — признался Воробьёв. — И это ставит под угрозу обе цели.

— Не продолжайте, — остановил его Мистер Икс. — Поскольку я изрядно осведомлён о вашем движении во всех его планах, то я взял на себя смелость заранее об этом побеспокоиться. Я даже знаю, какая сумма Вас устроит. Средства уже выделены и переведены в криптовалюте, так что за их и свою безопасность по этому поводу не беспокойтесь. Но все необходимые покупки совершите сами, думаю, Вы знаете, где и как. Геннадий сейчас Вам объяснит, как получить средства.

— Вы не перестаёте меня поражать, — заметил Воробьёв.

— Тогда договорились, — Мистер Икс крепко пожал ему руку.

Он был рад тому, что теперь у них развязаны руки, а это, вне всякого сомнения, будет способствовать скорейшему выполнению их планов. Но его не покидало чувство, что Мистер Икс чего-то не договаривает.

Ощущение было такое, будто он только что заключил очень выгодную сделку, но вот только его оппонентом оказался сам Дьявол.

* * *

Когда Макс в новостных сводках натолкнулся на заметку о пожаре в дата-центре, он мгновенно всё понял. Официальной причиной возгорания стала неисправная проводка и недавнее подтопление помещения из-за дождя. Но Макс нутром чуял, что это не так. Он буквально схватил растерявшегося Дмитрия за

шкирку и потащил за собой в подземный гараж, к служебным машинам.

— Вот блин! — тихо возмутился тот, когда увидел, что единственной свободной машиной является именно исцарапанная на прошлой неделе.

Электронику в ней хоть и восстановили после происшествия в «Астоле», но вот внешний вид то ли забыли подправить, то ли оставили специально. Макс подозревал второе.

— Она хоть на ходу? — спросил Дима.

— Должна быть, — ответил Макс.

Машина ехала прекрасно, но с одним крупным недостатком — теперь на ней ручное управление было заблокировано, и снять блокировку можно было только при возникновении экстренной ситуации с подачей официального запроса. Например, в грозящей аварии, но как может произойти авария, если всё вокруг управляется автоматикой? Автоматизированные системы контролировали абсолютно всё — расстояние между бортами автомобилей, давление в покрышках, уровни заряда батарей в электродвигателях, плотность трафика на дорогах, расчёт оптимальных маршрутов. Даже стеклоочистители и фары ближнего и дальнего света включались автоматикой, но включались они скорее для удобства пассажиров, ведь на управление транспортным средством они никак не влияли.

Блокировку же явно сделали специально для того, чтобы контролировать передвижения майора. На всякий случай.

Дата-центр располагался в подвале невысокого офисного здания посреди торгово-развлекательного квартала. Когда из узких как бойницы окон подвала повалил дым, местные рабочие тут же вызвали бригаду пожарных. Тепловой датчик внутри почему-то не сработал, поэтому, когда прибыла бригада, спасать правительственные сервера было уже поздно. Пожарные просто отключили электричество у всего здания, чем вызвали бурное недовольство у трудяг, и дождались, пока внутри всё выгорит, контролируя пламя лишь снаружи, чтобы оно не перекинулось на верхние этажи. Подвал сгорел быстро, и это была одна из основных причин, почему пожарные не стали рисковать собой ради чужой техники. Вторая причина — правительственные сервера, располагавшиеся внизу, всего лишь дублировали данные на другом дата-центре, выступали в качестве резервного хранилища, так что его внезапная утрата никого толком не обеспокоила. Даже полицию никто не стал вызывать, хотя у одного из пожарных при осмотре помещения возникло подозрение, что виновата вовсе не затопленная проводка. Но, поскольку он был новеньким в бригаде, и кроме него никто

подобных выводов не сделал, то он побоялся высказываться об этом.

В результате, когда Макс с Димой приехали на место, пожарных уже не было, а аварийная бригада ремонтников спешно восстанавливала сожжённые провода.

Ещё одним примечательным фактом оказалось то, что как раз в этот момент мимо проходили несколько подростков со значками-голограммами с изображением «Спрута». Едва завидев стены подпалённого здания, они спокойно подошли к нему и прямо на самом видном месте прикрепили небольшое плоское устройство размером с таблетку. Закрепили и, завидев подъезжавшую полицейскую машину тут же дали дёру.

— Эй, почему они убежали? — Дима вылез из машины и проводил их взглядом.

— Наверняка какую-нибудь пакость сделали, — поморщился Макс.

Внезапно таблетка на стене дала искру, после чего пропала в сизом облаке, вырвавшимся и неё же.

— Это ещё что? — рука Макса рефлекторно дёрнулась к пустой кобуре.

Через секунду облако сдуло ветром, и на снова появившейся стене они заметили полуметровый в поперечнике сиреневого цвета символ «Спрута».

— Граффити, — произнёс Дима.

— Гений, — съязвил Макс. — Это что-то новое, я такого раньше не видел.

Он смело подошёл к рисунку, обмазал руки гелем для снятия улик и осторожно коснулся свежей краски. Потом попробовал потереть пальцем стену и даже попытался поцарапать изображение ногтём.

— Сухая, — зло произнёс он. — Крепко сидит, сволочь. Хрен с ней, пойдём вниз, разведаем.

— Зачем? — не понял Дима, но всё же двинулся вслед за напарником. — Что мы здесь ищем?

— Справедливость.

Дима нахмурился, но переспрашивать не стал. Если Максу надо будет, то он расскажет, а если нет — то, значит, не надо и ему, это всё не важно.

Воздух в подвале всё ещё пах подгорелым пластиком, да и от внутренней поверхности стен ощутимо веяло теплом, но дыма здесь уже не было. Бригада ремонтников ходила без противогазов, значит, здесь уже безопасно. Они покосились на полицейских, но Дима тут же показал полицейскую голограмму, и у тех вопросов больше не возникало. Ремонтники выполняют

свою работу, а полицейские — свою. И хорошо если никто никому не будет мешать.

— Кто здесь старший? — громко и требовательно спросил Макс.

— Ну, я, — поднял руку мужчина с круглой и блестящей лысой головой. — А чего надо-то?

В этот момент он осматривал вырванный им самим кусок обгорелого провода.

— Где источник возгорания? — прямо спросил Макс.

— Дык, в руках держу, — бригадир потряс куском провода в воздухе.

— И? — протянул Макс, ожидая продолжения.

Бригадир почесал свободной рукой затылок.

— А дьявол его разбери! — признался он. — Изоляция была повреждена, строительный брак, знамо дело. Ну и подтопило после недавнего дождя, вот он и полыхнул.

— Но..? — Дима уловил сомнение в его голосе.

Бригадир пожал плечами:

— Я же сказал уже, что тут непонятки какие-то. Не могла эта сопля спалить весь подвал! Он в стену намертво вмурован был, и прикрыт сверху специальным листом полиматериала, который ни черта от такой искры не загорится. Чуть-чуть оплавится, да, но не насквозь же!

— Может, большой ток шёл в это время? — предположил Дима.

— Это тебе не ЛЭП, пацан! — возмутился бригадир. — Если бы здесь шло больше шестнадцати ампер, то провод бы разорвало напрочь, но, как видишь, он целый!

— Значит, всё-таки напалм, — пробормотал Макс.

— Что? — не понял бригадир.

— Благодарю за помощь, — Макс не стал отвечать. — Можете продолжать работать.

— Полагаю, больше мы вас не побеспокоим, — добавил Дима.

Они оба сразу же вышли на улицу. Дима тут же поёжился от холода, даже Макс решил застегнуть обычно расстёгнутую куртку. Майор при этом отошёл в сторону, снова приблизившись к метке «Спрута» на стене.

— Ты думаешь, здесь был поджог? — спросил его Дима.

— Да, — кратко ответил Макс.

— Тогда мы должны найти виновного.

— Да.

— И завести уголовное дело.

— Нет.

— В смысле?

— Садись, в машине всё объясню.

Макс ещё раз окинул задумчивым взглядом символ на стене, после чего торопливо вернулся в автомобиль и вбил новый адрес в бортовой терминал. Машина тронулась и, выехав на улицу местного масштаба, вклинилась в равномерно размазанный по всей дороге поток других машин, нарушив весь порядок. Автоматизированная система тут же сработала, просчитала новые данные, и ряд едущих автомобилей нормализовался обратно. Идеальный порядок.

— Это Петров, — уверенно сказал Макс. — Я точно знаю.

— Откуда? — засомневался тот.

— Он уже пытался спалить этот дата-центр. Я его поймал в прошлый раз, но не хватило улик доказать, что это именно он сделал. И он на суде отделался только паршивым штрафом, даже без чистки мозгов, подкупил судью. Не наигрался ещё, раз решил довести дело до конца.

Дима на секунду задумался, прикидывая варианты.

— А тебе не кажется, что это немного надуманно? — засомневался он.

— Кто из нас двоих должен быть скептиком? — рявкнул в ответ Макс. — Ты или я?

— В смысле? — не понял тот.

— Ты же мой напарник! А мои напарники всегда предлагали мне фантастические и нелепые объяснения, из которых я и выбирал наиболее реальное, если оно было лучше моего. Таков порядок! Один всегда фантазёр, а другой — скептик. Только с тобой почему-то всё с ног на голову.

— Ну, хорошо, — протянул Дима. — Нужен фантастический вариант? Как тебе нападение пришельцев? Прилетели на летающей тарелке, скопировали все данные по беспроводной связи и невидимым микроволновым лучом подожгли оборудование.

— Ты идиот, — заявил Макс. — Не до такой же степени!

Но Дима не обиделся. Он уже начал привыкать к неосторожным словам его напарника и научился распознавать, когда тот ругается серьёзно, а когда просто ворчит. Хотя, он не был уверен, что сможет долго выдерживать подобные нападки.

Через двадцать минут они уже стояли у жилого блока Петрова. Поскольку они туда не имели права войти, а без очередной санкции владелец дома напрочь отказался пускать их внутрь, Макс решил всё сделать по-своему. Не зря же он столько времени потратил на то, чтобы изучить принципы действия стандартных замков на подобных дверях! Вот знания и пригодились.

Пистолета у него пока не было, и запасной из машины он брать не имел права. Зато на его напарника подобные ограничения не накладывались.

— Как только сниму панель, сразу стреляй пятью СЭЗами (примечание: Синусоидальные Энергетические Заряды, единица измерения мощности выстрела энергетического оружия) вот сюда, — Макс ткнул пальцем в правую среднюю часть небольшой квадратной панели возле двери. — Там будет красный светодиод. НА ДВА САНТИМЕТРА выше, понял? Повтори.

— Пять СЭЗ, красный светодиод, — с заминкой кивнул Дима. — На… три сантиметра выше…

— НА ДВА! — раздражённо рыкнул майор. — Я тебе на японском что ли объясняю?

— На два, на два, — поспешно согласился лейтенант.

Он вызвал голографический интерфейс пистолета и снизил максимально возможную мощность выстрела с двадцати СЭЗ, которые были способны моментально вырубить человека электрошоком на пару часов, до просто болезненных пяти. Конечно, уровень мощности можно было регулировать ещё и силой нажатия на пусковую кнопку, но Дмитрий был не таким мастером в стрельбе. Предпочёл перестраховаться.

— Готов? — спросил Макс. — Три, два, один!

Он резко дёрнул на себя заранее ослабленную крышку панели, и тут же рядом с его пальцами пролетел бледноватый голубой разряд. Сверкнула искра, Макс, получив в пальцы побочный разряд, отдёрнул руку. Из панели пошла тоненькая струйка дыма.

— Я тебе куда сказал стрелять, дубина?! — возмутился майор.

Его задетую ладонь слегка трясло от мелких судорог.

— Прости! — виновато потупил глаза Дима. — Похоже, у этого пистолета система корректировки наведения барахлит.

— Ты уверен? Может, это у тебя руки не из того места растут?

— Вообще-то я на стрельбах набираю девяносто баллов в меткости, — заверил его Дима.

Макс отпустил крышку панели, развернулся к двери и попробовал её отодвинуть вручную. Дверь туго, но поехала в сторону — система блокировки была сожжена выстрелом.

— Но ведь не сто, — сказал он.

Они вошли внутрь. В блоке было темно, но через окна пробивался свет расположенного по соседству торгового центра, так что ориентироваться можно было относительно беспроблемно. Блок был небольшим, тип «В», и захламленным

повсюду разбросанными вещами, как это обычно бывает у неряшливых людей. У Макса возникло странное желание навести здесь порядок.

— Откуда ты знал, что это сработает? — спросил Дима про дверь.

— Прочёл об этом фокусе в гайде на подобные замки, — пояснил Макс, оглядывая комнату. — Это аварийный способ открыть дверь.

— Надо будет запомнить, — пробормотал лейтенант. — Выходит, в этих инструкциях всё-таки встречается что-то полезное.

— А ты думал, их пишут просто так? — усмехнулся майор. — Только делать нужно всё максимум за три секунды, иначе тебя самого током ударит на уровне восемнадцати СЭЗ. И сигнализация сработает. Я уже кучу народа на этом переловил, брал ещё тёпленькими. Всё, кончай болтать, надо работать.

И они углубились в поиски улик. Но, как оказалось, их просто здесь не было. У Макса вообще быстро сложилось такое впечатление, что Петров заглядывал в свой блок только один раз — сразу же после нападения на него возле его дома. Собрал некоторые вещички, разбросав остальные по всей площади, устроив беспорядок, и свалил куда подальше. И где его теперь искать, майор не представлял.

— Терминал не защищён, — тем временем Дима подошёл к вмонтированному в стену модулю терминала. — Может, там что найдём?

На том действительно не было установлено ни одной системы защиты от несанкционированного доступа — пользуйся не хочу. Дима немного поднапряг память и вспомнил, как вызывать общие системные лог-файлы, посмотрел, когда данным терминалом последний раз пользовались.

— Ты прав, — разочарованно сказал он после всех манипуляций. — Петров действительно появился здесь сразу же после нападения на тебя. В терминале осталась запись о том, что он вошёл в блок, использовав свой ГИН и отпечаток ладони. И через двадцать две минуты вышел, с тех пор больше не появлялся.

— Я так и думал, — зло сказал Макс. — Этот парень меня бесит всё больше и больше.

— Может, подать его ГИН в розыск? — предложил Дима. — Без него он и шагу в городе не сделает.

— У нас нет основания, — покачал головой Макс. — Но мысль здравая. В общем, принесёшь Серёге бутылку хорошего вискаря и вежливо попросишь об одолжении — пусть последит там за Сетью, может и заметит его ГИН. Половину денег я тебе

дам, а так же точные указания о том, где его купить, чтобы на подделку не нарваться.

— Хорошо, — кивнул Дима. — Но почему я?

— Не задавай глупых вопросов! — отрезал Макс.

Он при этом вспомнил, что в последний раз они с Серёгой поспорили немного по пустяковому поводу (по крайней мере, он таковым показался Максу), и после этого Серёга категорически отказался выполнять просьбы личного характера майора. Макс даже подумать не мог, что при этом он оказался на краю пропасти. Стоило ему тогда немного перегнуть палку, и Серёга бы подложил ему свинью в виде подменённого ГИНа и информационной бомбы на его терминале в кабинете. Ничего уголовного, но и без того начавший лысеть Максим бы потерял за пару дней ещё целую копну волос. А восстановление волосяного покрова нынче стоит очень дорого. Сегодня вообще всё дорого, кроме еды. Той как грязи.

— Я знаю, где нам стоит искать Петрова, если он не убрался из города, — заявил Макс, когда они вернулись в автомобиль. — В кварталах Старой Самары.

Дима, до этого расслабленно сидевший в удобном и безопасном кресле, тут же весь напрягся. И нервно сглотнул.

— Расслабься, — успокоил его майор. — Пока я не верну свой пистолет, я туда ни за что не сунусь.

Глава 15

— Ну что, нравятся новые инструменты? — Тимур одобрительно хлопнул по спине ближайшего соратника.

— Э… да, — неуверенно ответил тот, едва не упав с узкой скамейки, на которой он сидел. — Не плохие.

— Не плохие? — хмыкнула его соседка, бритоголовая девица лет двадцати пяти. — Да у меня в спецназе, когда мы террористов на лунной станции обезвреживали, и этого не было!

Парень нервно хихикнул:

— В спецназе? Ты?

— Не веришь? — тут же возмутилась она в ответ. — Да я тебе сейчас руку сломаю в пяти местах, ты даже моргнуть не успеешь!

— Эй, не надо! — испугался парень. — Она мне сегодня ещё пригодится.

— Потише там! — Воробьёв не выдержал и постучал по внутренней переборке между кабиной и кузовом грузовика, в котором они ехали.

— А ну заткнулись! — Тимур, главный помощник Воробьёва, принялся утихомиривать загалдевшую молодёжь. — И дружно признали, что наши покупки — высший класс!

— Ну, не высший, — слегка поморщившись, возразил толстый мужчина с противоположной скамейки. Он демонстративно потряс в воздухе портативным сканером уязвимых узлов, выполненным из прозрачного оргстекла: — Эта шняга, конечно, куда лучше той, что вы мне дали до этого, но я знаю, сколько она стоит на чёрном рынке. За эти же деньги у официального дилера можно было купить четыре таких же!

— Вот иди и покупай у этого своего дилера! — рявкнул на него его сосед — лысый карлик в жёлтом комбинезоне уборщика. — А мы посмотрим, как тебя копы схватят и отправят на мозговыжималку.

Если до этого момента вся публика в грузовике изрядно нервничала, то эта фраза, пусть на миг, но позволила им немного расслабиться.

Сегодня они впервые выезжали на крупное дело, стартовая линия, отправная точка, как выразился в недавней речи Воробьёв. Он посчитал правильным сказать несколько слов по этому поводу. Он прекрасно понимал, что до этого момента все члены их движения хоть и были идейными, но первое же серьёзное дело может многое изменить. Появятся трусливые и двуличные люди, лицемеры и прочие, кто может помешать их планам, причём в их же рядах. По любому хоть кто-нибудь, да проорёт сегодня, едва

раздадутся завывания сирен, что он в гробу всё это видал, и свалит в самый неподходящий момент. И в силах Воробьёва, их лидера, было попробовать уменьшить число таких людей, правда, он понятия не имел, как. Он не был по натуре лидером, никогда не ходил никуда первым и всегда ориентировался на окружающих, только после них уже действовал сам. Но в нем родилась Идея, и ему пришлось переступить через себя ради неё. Собрать вокруг себя людей и попытаться стать их вдохновителем. Получилось, конечно, не так хорошо, как он по наивности полагал, но и людей в его движении не было так мало, чтобы он стал фаталистом.

Воробьёв решил лично проконтролировать их старт. Настоящий, а не тот, что был до этого в Сети и в СМИ. Люди у него есть, а благодаря сделке с Мистером Икс появились ещё и средства, так им необходимые. Воробьёву казалось, что удача сама плывёт ему в руки. В конце концов, он делает правое дело! И цель весьма благородная. А раз уж у него появилось всё перечисленное благодаря откровенно счастливому стечению обстоятельств, то это означает, что сами небеса благоволят ему. Хотя он был закоренелым атеистом, да и в удачу не верил, но именно это убеждало его в том, что у них не может не получиться.

Но всё равно следует быть предельно осторожным, особенно в самом начале. Именно поэтому он и его ближайшие помощники сопровождают добровольцев в двух грузовиках. На них это действует самым благоприятным образом, да и ему так спокойнее.

Два серых грузовика без опознавательных знаков следовали по ночной дороге по направлению к одному из расположенных на окраине зданий. Никто даже не предполагал, что на предпоследнем этаже этой десятиэтажки развёрнуто несколько крупных серверов, хранящих резервные данные по городской системе слежения за общественным порядком. Никто, кроме правительства и тех нескольких охранников, которые там сейчас дежурили. Никто, кроме «Спрута».

Первое серьёзно дело. Не громкое, об этом даже не упомянет ни одно СМИ, но это всего лишь первый шаг. Шаг над бездной. А всё движение начнётся уже после. Все последующие этапы понесутся друг за другом, не давая никому передышки, чтобы противодействующие силы даже опомниться не успели, когда станет слишком поздно. Они готовились к этому долго, очень долго, особенно в последние несколько дней, когда заполучили подходящее оборудование. Вооружились, натренировались, продумали и проработали все последующие шаги, так что теперь

осталось только начать действовать.

Двенадцать человек. Воробьёв надеялся, что столько хватит.

Искомое офисное здание вынырнуло из череды прочих домов внезапно, сколько Воробьёв ни приглядывался. Оно оказалось куда старше, чем он рисовал в своём воображении — построенное явно ещё до принятия новых нормативов по блочному строительству. Панельное, обложенное красным кирпичом, стоящее более пятидесяти лет здесь, на бывшей границе Старой Самары, от которой уже почти ничего не осталось. Но построенное на совесть, даже не кажущееся ветхим. Почти весь первый этаж, а так же боковая стена увешаны голографическими проекторами, множество мелких фирм с самыми нелепыми названиями — их можно изучать очень долго, и не менее долго смеяться над чужой фантазией. Но девятый этаж никто афишировать не будет, хотя если покопаться в Сети, то можно узнать, весь предпоследний этаж занимает некая «Служба резервирования и криптографии». Но благодаря старым добрым инсайдерам, а так же нескольким успешным взломам правительственных систем им удалось добыть большинство адресов, где «Спрут» планировал появиться в ближайшее время.

Первый грузовик, с Воробьёвым, смело остановился у центрального входа, а второй развернулся и встал прямо у въезда на парковку. Благодаря металлическому забору, окружавшему здание, теперь на его территорию не могла проехать ни одна машина — только пешком.

— Начинаем, — с небольшой заминкой сказал Воробьёв.

Народ из обоих грузовиков высыпал на улицу — сначала те, что были налегке, следом их товарищи с рюкзаками, где скрывалось купленное оборудование. Самая громоздкая часть приборов осталась во втором грузовике — стационарные глушители связи, генераторы помех, а так же передвижной вычислительный кластер, стоящий больше обоих грузовиков, вместе взятых.

— Двое — к чёрному входу! — раздавал приказы Тимур. — Ещё один — к той калитке. Следите, чтобы никто не входил и не выходил. Ну, вы знаете, как поступать, если кого увидите.

Он задумчиво оглядел двор, после чего подошёл к кабине первого грузовика и постучал по двери.

— Как только они все войдут, — обратился он к водителю. — Припаркуй свой катафалк так, чтобы он перегородил весь центральный вход.

— Ровно не получится, — заметил водитель. — Лестница перед входом мешает.

— Плевать, машину мы бросим. Как припаркуешь — тут же

занимай место во втором грузовике. Обратно поедем в тесноте, так что места нужно бронировать заранее. И ещё: перед своим уходом заглянешь в свою фуру. Под правым сидением возле кабины нащупаешь небольшую пластиковую коробку с одной-единственной кнопкой. Нажмёшь её, понял?

— Это то, что я думаю? — обеспокоенно спросил он.

— Да. Не дрейфь, там таймер.

— С-сделаю, — всё равно испугался водитель.

Группа людей из шести человек, среди которых был и Воробьёв, натянули на головы чёрные синтетические маски во весь череп и активировали защитные голограммы. Их внешности моментально изменились, люди приняли облики наиболее подходивших им по комплекции знаменитых политических деятелей прошлого: Владимир Ленин, Мао Цзедун, Максимилиан Робеспьер, Джордж Буш, Гай Юлий Цезарь и Арман Жан дю Плесси де Ришельё. Они оглянулись друг на друга, и, убедившись, что у всех действуют голограммы, двинулись ко входу в здание.

Центральные двери услужливо разъехались в стороны, пропустив их внутрь, но турникет с силовым полем, установленный сразу же после дверей, стал первым препятствием. Без ГИНов сотрудников здания они не могли пройти дальше, но Цезарь достал из рюкзака Ленина небольшой красный цилиндр размером с мизинец, сломал его пополам и тут же бросил в турникет. Сверкнула слабая голубая вспышка, и вся электроника турникета мгновенно отключилась от локального электромагнитного импульса, а обугленный цилиндр упал на пол и откатился куда-то в сторону.

Они вошли в небольшой внутренний холл и тут же свернули налево, к лестнице — турболифт сейчас автоматом заблокировался.

Одновременно снаружи Тимур вошёл в кузов второго грузовика и сел за пульт управления аппаратурой. Едва группа политиков скрылась внутри здания, он тут же запустил все имеющиеся глушители связи и генераторы помех, попутно выставив на старых электронных наручных часах таймер на пятнадцать минут. Именно столько было нужно им, чтобы беспрепятственно смыться отсюда.

— Мы внутри, — раздался у него в ухе голос Воробьёва. — Ришельё вырубил единственного охранника. Как погода?

— Как будто ядерную бомбу взорвали, — тут же отозвался Тимур. — Из-за этих глушителей даже стая птиц заблудится, если будет мимо пролетать. Надеюсь, мне рядом с этими штуковинами не надо одевать свинцовые трусы.

— А что с первым грузовиком?

Тимур выглянул на улицу.

Первый грузовик успешно перегородил центральный вход так, что мимо него прошмыгнёт только мышь, да и то в качестве кибернетического дроида с гибким скелетом. Водитель умудрился снести хлипкие перила по бокам лестницы и свесить колёса по её обе стороны, оставив в клиренсе узкую щель. Сам же водитель, успев включить таймер внутри своей фуры, облюбовал соседний участок стены без окон. Оставив на ней крупное граффити, изображавшее символ «Спрута», с довольным видом направился прямо к Тимуру.

— Как положено, — сухо ответил Тимур. — У вас одиннадцать минут, после чего возвращайтесь.

— Справимся за десять с половиной, — заверил его Воробьёв. — Ребята бодро работают.

* * *

— Вы не понимаете, что мы не можем их поймать, — раздражённо повторил Макс.

Его задолбало пять раз объяснять одно и тоже.

— Но вы должны! — продолжала настаивать на своём пенсионерка в коричневом пальто и чёрной шапке-котелке. — Вы же полиция! За что мы платим налоги?! Неужели ничего нельзя сделать?

— Максимум — это вандализм, — майор ткнул пальцем на граффити на стене. — За это я могу их привлечь к ответственности, но мне нужно знать, кого именно. У вас видеокамера над подъездом работает?

— Нет, мы отключили её полгода назад, — пенсионерка виновато потупила глаза. — Ненужные траты, она никогда не была полезной.

— Зря вы так, — укоризненно заметил Дима. — Вот ради таких случаев они и стоят.

Но на его реплику пенсионерка отреагировала с неожиданной яростью:

— Мы лучше знаем, как управлять нашим домом! Что вы вообще в этом понимаете?! Так вы будете их ловить или нет?

— Будем, — испугался Дима.

Макс неодобрительно на него посмотрел, после чего торопливо добавил:

— Но только после того, как у нас будут хотя бы фотороботы вандалов. Вы видели их?

— Нет.

Макс мысленно хлопнул себя по лбу. Ну сколько можно! Как ему работать, если ему для этого не дают ничего, а имеющееся ещё и отнимают? Тут ещё эта… милая старушка качает права так, будто владеет половиной города.

Пенсионерка увидела что-то за спинами полицейских и уверенно указала туда пальцем:

— Да вон эти сектанты!

Они обернулись. На противоположной стороне улицы поперёк плотного потока спешащих с увеселительной прогулки домой рабочих шла маленькая группа людей из трёх человек. Одеты они были в одинаковые рваные джинсы, на толстой светящейся при каждом шаге подошве кроссовки и зелёные балахоны с одетыми на головы капюшонами. У всех троих за спинами болтались небольшие бело-синие рюкзаки, полупустые. Буквально повсюду висели либо голографические значки, либо просто нашивки с символом «Спрута». Шли они неторопливо, но уверенно, никуда не сворачивая и рассекая поток идущих на них, словно камень реку. Они переговаривались друг с другом несколько оживлённее окружающих, но ничего сверхъестественного в этом не было — обычные студенты после вечерних занятий. И, на взгляд Димы, ничего предосудительного они не делали и не собирались.

— Чего встали?! — возмутилась старушка. — Ловите их, уйдут же!

Макс было дёрнулся, но Дима быстро его остановил и указал на точно такую же группу молодых людей на их стороне улицы. Эта состояла целиком из девушек, да и одеты они были не так развязно, но символы «Спрута» тоже были неизменны. Их группа стояла немного в стороне от всех людей, в переулке между домами, и усердно топтала свои наручные терминалы.

— А, может, эти? — предположил Макс.

— Я не знаю, — растерялась пенсионерка. — Да ловите их всех, наверняка кто-то из них и виноват!

Макс мысленно усмехнулся: способ варварский, но верный. Если пересажать всё население города, то все преступники точно окажутся там, где им положено быть — на промывке мозгов. Или в шахтах. Но, во-первых, все полицейские города просто утонут в этом дерьме, не успев его разгрести и за тысячелетие, а во-вторых, в обезьяннике камер не хватит и на сотню человек, даже если их всех посадить друг другу на головы.

— Так нельзя, — покачал головой Дима. — Презумпция неви…

Внезапно сработал его наручный терминал. Входящее

сообщение. Он, не договорив, закатал рукав пиджака и ткнул горящую красным кнопку.

— Макс! — его взгляд стал обеспокоенным. — Срочный вызов в двух кварталах отсюда. — Вооружённое проникновение в офисное здание.

— А причём здесь мы? — удивился Макс. — Пускай ЧОПы (примечание: частные охранные предприятия) этим занимаются!

— Там правительственные серверы, — прочёл в сообщении Дима. — ГБР (примечание: группа быстрого реагирования) уже выехала, но наше участие тоже необходимо прямо сейчас.

— Зараза! — возмутился Макс.

На самом деле он обрадовался. Пенсионерка уже изрядно ему надоела, ещё с минуту общения с ней, и он сам бы её лично доставил в обезьянник.

— Эй, куда?! — взвизгнула старушка, когда Дима и Макс сели в машину.

— Извините, срочный вызов! — виновато ответил Дима.

— Ну и фиг с вами, сама разберусь, — пообещала она в ответ и сразу же направилась к группе девчонок.

Срочный вызов действительно стал для них спасением, причём, не только от агрессивной старушки и угрожавшей разборкой с местными представителями зарождавшейся субкультуры. Сообщения о появившихся на стенах улиц граффити, а так же множества мелких групп странных молодых (и не очень) людей с нарастающей периодичностью стали поступать со всего района. Да и в других районах тоже, Дима узнавал. На Диму и Макса повесили разбираться со всем этим, изменили график работы так, что они теперь были на работе практически круглосуточно, лишь изредка прерываясь на сон и отдых. Сверхурочные сверхурочными, но погрязли они в этом изрядно, а в помощь людей им почти нисколько не послали — все были заняты другими расследованиями. Осенью, как обычно, участились карманные кражи. Унылые разговоры со знающими законодательство и свои права людьми, бессмысленные поездки по разным кварталам только ради того, чтобы полюбоваться на одинаковое везде изображение. Только изредка им удавалось поймать виновных — кое-где частные видеокамеры в жилых домах всё-таки работали, да и расторопные граждане, бывало, ловили с поличным хулиганов. Но всё было без толку — штраф за такого рода вандализм небольшой, ну разве что можно было ещё заставить отмывать стены… Так что поступивший вызов действительно стал глотком свежего воздуха.

— ГБР ещё нет, — без эмоций прокомментировал Макс, когда они подъезжали к месту вызова.

Чтобы это выяснить, ему пришлось немного покопаться в бортовом терминале автомобиля. ГБР досюда ехать было куда дальше, так что не раньше, чем через пять минут, их можно было и не ожидать.

— Сами разберёмся, — к ужасу Димы добавил он. И, чтобы окончательно довести парня, приказал: — Хватай пушку.

Он вовремя заметил стоящий у единственного въезда грузовик и, моментально сообразив, что туда лучше не соваться, перехватил у системы управление автомобилем.

— Ты ув-верен? — заикнулся Дима.

— Я стрелять не могу, не пройду авторизацию, — тут же ответил Макс. — А задержать их мы должны до приезда остальных.

— Связь сдохла, — через секунду заметил Дима.

— Глушите…

Макс не договорил. Едва они приблизились к боковому проходу в сплошном заборе, как машина слегка подпрыгнула, на что-то наехав. Высоченный Макс ударился башкой о крышу машины и зло выругался. Одновременно раздался тихий хлопок, и вся электроника в машине сдохла.

— Что?! — возмутился Макс. — Опять?!

Автомобиль проехал ещё несколько метров и, почти успев остановиться, врезался в забор. Пассажиров дёрнуло вперёд, но спасли сработавшие на случай отключения гравикомпенсаторов старые добрые ремни безопасности, так что на этот раз обошлось без травм.

— Что это было? — ошарашенно спросил Дима, потирая то место на груди, куда врезался ремень безопасности.

— Электромагнитная мина, — Макс лихорадочно оглянулся.

Вовремя.

Из-за калитки с правой стороны по соседству с ними показался мужик в чёрной одежде и в такой же чёрной маске. На груди у него гордо красовался символ «Спрута», а лежащий в руке пистолет уверенно смотрел в их сторону. К счастью Макса, тот оказался шоковым, с виду таким же по мощности, какой был у него некоторое время назад, не гражданский. А это означает только одно — он его купил на чёрном рынке за приличную сумму.

Макс расслабился: даже если тот выстрелит и попадёт в машину, то им ничего не будет, поскольку на такие случаи автомобиль имеет защитный контур. Если только этот идиот-напарник не…

— Пистолет! — воскликнул Дима и отворил свою дверь, намереваясь выскочить с левой стороны.

— Стой, дебил! — успел выкрикнуть Макс.

Ну как, успел. Дверь Дима открыл, но вылезти — не вылез.

Разряд угодил аккурат в правое боковое стекло, где сидел Макс. Тот его не заметил, но зато вполне ощутил, как по всей машине этот разряд растёкся. И если бы не открытая дверь, то внутрь бы он не проник.

Их скрутило, нещадно тряся от электрического разряда, но тот потерял большую часть своей мощи из-за большой площади покрытия автомобиля. Уже через две секунды Макс достал из бардачка запасной пистолет и кинул его Диме. Тот, к радости Макса, не растерялся, мгновенно схватив пушку и, вмиг пройдя идентификацию, выскочил наружу и первым же выстрелом попал в напавшего на них. Тот пошатнулся, растерянно отошёл на пару шагов назад, но быстро очухался и спрятался за калиткой. Спустя секунду до них донёсся его крик — он предупредил товарищей о прибытии полиции.

Тут же над их головами раздался ещё один хлопок, куда более громкий, но звучащий более глухо, словно через подушку. Макс и Дима подняли взгляды. В окнах девятого этажа что-то дважды сверкнуло голубой вспышкой, после чего раздался ещё один хлопок, и из окон на улицу повалил дым.

Напавший воспользовался моментом и ловким выстрелом отправил Диму в глубокий нокаут, тот даже пикнуть ничего не успел.

— Дьявол! — ругнулся Макс.

Он выполз через левую дверь наружу и, схватившись за пистолет в руке напарника, проорал в него:

— Угроза безопасности полицейскому!

— Максим Бор, — тем временем твердила система опознавания в оружии. — Ошибка аутентификации, доступ запрещён.

— Заткнись! — Макс в ярости стукнул пистолетом о траву под ногами. — Угроза безопасности полицейскому, дубина ты пластиковая! Код двадцать семь дробь два!

— Принято, — тут же отозвался пистолет. — Доступ разрешён. Об этом факте будет уведомлён администратор безопасности.

Макс не стал прятаться за автомобилем — не любил он этого, хотя и признавал эффективным. Лучше встретить противника лицом к лицу, это всегда производит на них должное впечатление. Он перекатом оказался возле багажника машины и, встав во весь рост, решительно пошёл прямо к выглядывавшему из-за калитки преступнику.

Тот не растерялся, но немного удивился: неужели нынче

полицейские так тупы? Фильмов не смотрят, в виртуальных играх не сидят? Выстрелил и, к своему удивлению, промазал, угодив в траву чуть ли не на метр правее Макса. Зато тот вскинул в ответ пистолет и тут же послал ответный разряд на максимальной мощности. Голубой шарик угодил точно в голову его противнику, тот снова растерянно отошёл на пару шагов назад и потряс головой, словно ударился ей.

Макс нахмурился и посмотрел на индикатор мощности выстрела. Двадцать СЭЗ — неужели противник настолько твердолобый, что ему этого мало? Ну ладно, полицейский всегда готов дать добавки.

Сразу три последовавших друг за другом разряда на той же мощности тут же уложили бандита на землю, как и положено было их предшественнику. При этом пистолет в руке Макса предупреждающе звякнул: батарея работала на пределе, и для следующего разряда на той же мощности нужно было немного подождать.

Дойти до калитки Макс не успел. Оставалась какая-то жалкая пара метров до лежащего без сознания бандита, как из-за калитки выскочили сразу два его товарища. Все мгновенно оценили обстановку и открыли пальбу. Вот только Макса подвёл пистолет — он успел выстрелить всего один раз, да и то без толку, поскольку на его нового противника тот подействовал чуть сильнее щекотки. Зато сразу два средних по силе разряда, прилетевших в полицейского, вырубили его на полчаса.

Уже падая на землю, он угасающим зрением успел увидеть приближающуюся машину ГБР и далёкие полицейские мигалки.

Глава 16

— Бегом в грузовик! — командовал под приближающееся завывание сирен Воробьёв. Он, как и остальные из его группы, был по-прежнему скрыт чужой голографической личиной. — Того от калитки тоже тащите, и быстрее, быстрее — они сейчас будут уже здесь!

Наконец, все члены «Спрута» залезли в тесный кузов грузовика, даже своего товарища в беспамятстве бережно уложили на пол (сидеть было негде, многие и так стояли практически вплотную друг к другу).

— Всё, это все! — крикнул Тимур Воробьёву и потащил его за собой в кабину. Едва они залезли внутрь, он скомандовал водителю: — Газуй, иначе через двадцать секунд мы отсюда никуда уже не уедем! И выключи весь свет, чтобы нас не заметили!

Водитель не стал переспрашивать, просто быстрым движением пальца по сенсорной панели увеличил обороты двигателя, и грузовик довольно тяжело тронулся с места. Скорость он набирал натужно, будучи откровенно перегруженным, а огни полицейских мигалок быстро приближались.

— Не успеваем, — обеспокоенно заметил Воробьёв-Робеспьер.

— Сворачивай туда, — приказал Тимур водителю.

Он указал на сухой кустарник, росший вдоль обочины дороги. Грузовик с треском проделал в сплошной стене сушняка небольшую брешь, после чего поехал по довольно большим колдобинам, уподобившись яхте, попавшей в шторм на реке. Трясучка оказалась сильной, их непрерывно болтало в разные стороны, а позади за стенкой, в кузове, кого-то тут же укачало. Пару раз они чуть не перевернулись, но водитель знал своё дело и в последний момент выворачивал руль, спасая положение.

А потом сзади что-то громко ухнуло, и ночное небо на секунду окрасилось в фиолетовый. По всему грузовику пробежали крохотные статические разряды, кто-то вскрикнул, получив ощутимый удар током, а электроника на приборной панели опасно взвыла о том, что вокруг них спятило электромагнитное поле.

Но через секунду всё стихло.

— Пронесло, — облегчённо выдохнул Воробьёв, отключив на себе защитную голограмму.

— На пять метров ближе, и конец, — подтвердил Тимур, посмотрев в боковое зеркало.

Там в тёмном поле в некоторых местах загорелся сушняк, вспыхнув от пробежавших искр. Им действительно повезло оказаться на самой границе сработавшей электромагнитной бомбы в оставленном грузовике, хотя Воробьёв счёл это почти идеально выверенным по времени планом. Временные промежутки и впрямь были подогнаны впритык друг к другу, запаса во времени не было совсем. Всего пятнадцать минут на то, чтобы успеть проникнуть в защищённое помещение и уничтожить всё оборудование. Через десять минут в ЧОПе сработало предупреждение о том, что охраняемый объект долго не выходит на связь, и необходимо его проверить. А по стандартным протоколам они ещё и полицию вызвали. Они должны были приехать не раньше, чем через эти самые пятнадцать минут, но какая-то группа не особо ленивых полицейских оказалась гораздо ближе. Неучтённый фактор, но всё обошлось. Предусмотрительность всегда спасает в таких случаях. Предусмотрительность, а так же полученные от Мистера Икс средства.

Воробьёв сделал себе пометку в уме «поблагодарить Мистера Икс». Но это были не все благодарности, которые он должен был сегодня раздать. Конечно, поблагодарить за первую серьёзную и, что важнее, успешно проведённую операцию следует всех, кто принимал в ней участие, но с одним человеком он хотел поговорить подольше.

Спустя десять минут они наконец-то выехали на ровную дорогу, а ещё через десять — на трассу. Полчаса неторопливой из-за большого веса езды, и они уже въезжали на территорию временной базы в одном из заброшенных зданий на берегу Волги.

Их встречали с фанфарами, празднично и красочно, но не громко. Никто не хотел привлекать теперь к их временному месту дислокации излишнего внимания соседей, хоть здесь официально никого и не было километров на десять вокруг.

Растрясшийся, заблёванный народ с радостью вывалился из тесного грузовика, встречающие их радостно хлопали по их спинам, давали чистящие спреи и бокалы, полные дорогого шампанского.

Тимур тут же кинулся проверять целостность оборудования внутри кузова, его работоспособность и чистоту внешнего вида (хотя на последнее не стоило и надеяться из-за кое-чьих некрепких желудков).

Воробьёва тоже уже поджидали. Здоровенный светловолосый голубоглазый детина (не настолько здоровый, как Геннадий) со странным для здешних краёв именем Рюд уже держал в руках лист прозрачного пластика с выведенным на него отчётом по

прошедшей миссии. Воробьёв Рюда ценил за то, что тот, помимо своей комплекции, был ещё и не глупым человеком, средней подкованности в сетевых технологиях, но вот характером он не вышел. Они часто спорили по пустякам, во многих вещах не соглашались при разработке планов операций, и если бы не авторитет Тимура, то компромисса бы никто никогда не достигал. И это несмотря на то, что Воробьёв был и формально и фактически их лидером.

— Не чисто сработали, — упрекнул Рюд, протягивая отчёт Воробьёву.

— По факту всё обошлось, — возразил тот.

В отчёте говорилось, что несколько резервных серверов правительства успешно рухнули, и общая система оголилась перед последующими мероприятиями на целых несколько дней. Вернее, так оно и будет через несколько часов, когда ещё две группы проделают то же самое в других местах города. Визуального эффекта, правда, пока никакого не будет, но лодку раскачивать они уже начали. Потом останется только дунуть, и сработает эффект домино.

— Чистой воды везение, — скривился Рюд. — Ты знаешь, кто был тот коп, который уложил одного из наших?

— Какая разница? — отмахнулся Воробьёв. — Один полицейский, пусть и работающий чуть лучше других, погоды нам не сделает.

— Это был Макс Бор, — продолжил тем временем Рюд. — Вам сильно повезло, что у него сейчас на работе кое-какие неприятности, и он лишён права носить оружие. И что он не успел ничего сообразить.

— Он — всего лишь полицейский, — Воробьёв грубо впихнул ему обратно отчёт по операции. — И всё.

— Если он за нас возьмётся, то он много крови нашей попьёт, — вновь попытался убедить его Рюд. — Лучше от него избавиться сразу…

— Нет! — решительно возразил Воробьёв. — Никаких «избавиться»! Мы же не террористы какие-нибудь.

— А я тебе убить его что ли предлагаю?! — возмутился в ответ Рюд. — Я могу организовать его похищение. Продержим его в надёжном месте пару недель, пока всё не закончится, а потом отпустим. Или лучше его подставить, он и так подозревается в одном убийстве, так что это без проблем. Прочистят ему мозги…

— Нет! Я тебе запрещаю делать что-либо с ним до тех пор, пока я сам не прикажу!

Тимур заметил их перепалку и выглянул из грузовика. Рюд поймал на себе его взгляд и тут же затих.

— Ладно, — сдался он. — Но я всё равно буду приглядывать за ним.

— Нет, — продолжил гнуть своё Воробьёв. — У нас других забот полно.

Рюд не ответил. Молча развернулся и ушёл, но про себя подумал, что уж лучше он будет действовать за спиной у Воробьёва, чем не перестрахуется. Так надёжнее.

А Воробьёв тем временем перевёл дух. Он сходил в туалет, облегчился, вымыл руки и ополоснул лицо — немного побаливала голова, но ничего страшного. Просто небольшая усталость. После чего он вернулся в общий зал и, усевшись за самый обычный пластиковый стол, окинул взглядом помещение в поисках того, кто был ему нужен.

Скрывавшийся под личиной Ришельё новичок отыскался сразу — он единственный, кто предпочёл избегнуть общей похвалы и одобрительных кивков, попросту отойдя в сторону ото всех и уткнувшись в свой наручный терминал. Воробьёву было лень его звать, поэтому он просто пялился на него до тех пор, пока тот его не заметил.

— Иди сюда, — позвал его жестом предводитель.

Ришельё подошёл.

— Садись, если хочешь, — Воробьёв указал на свободный стул слева от себя.

Тот пожал плечами и послушно сел.

Некоторое время они молча изучали друг друга, после чего Воробьёв первым не выдержал:

— Ты хорошо поработал сегодня. Может, немного жёстко обошёлся с охранником, но зато идея с огнём оказалась как нельзя кстати.

— Спасибо, — Ришельё сухо и несколько притворно улыбнулся, но Воробьёв никогда не умел распознавать таких деталей. — Был рад оказаться полезным.

— Ты ведь новенький, да?

— Да, пару дней назад пригласили.

— И как у нас? Нравится?

Ришельё оглядел веселящуюся толпу.

— Нормально. Только разреши сказать: я думаю, не время ещё веселиться. Ведь много чего ещё нужно сделать.

Воробьёв усмехнулся: их мысли совпали.

— Согласен, — сказал он. — Я слышал, что до вступления в наши ряды ты уже успел показать себя на этом поприще.

— Было дело, — уклончиво сказал Ришельё в ответ. — Но там не всё так гладко было.

— Здесь тоже. Если бы не ты, то мы бы сейчас не радовались

так. В общем, ты хорошо показал себя, так что проси чего хочешь. В разумных пределах, конечно.

Ришельё, не задумываясь, тут же проговорил:

— Хочу участвовать в следующем этапе. Он же будет на днях, верно?

Воробьёв выгнул бровь:

— Рвёшься в бой? Что же, похвально. Ладно, место в группе я тебе обеспечу. А что когда будет, сообщу позже, нужно сначала завершить этот этап. Надеюсь, за сегодняшнюю ночь управимся.

— Я могу идти? — Ришельё привстал со стула.

— Только две вещи: сними голограмму, я хочу видеть твоё лицо. И назови себя, чтобы я знал, кому резервировать место в группе.

Ришельё пожал плечами и, нажав пару кнопок на наручном терминале, снял с себя маскировку. Под ней оказался худой парень между двадцатью пятью и тридцатью с короткими чёрными взъерошенными волосами. Если бы те были прилизанными, то он вполне бы сошёл за послушного маменькиного сынка какой-нибудь чиновницы низшего ранга. А так он всего лишь немного отошёл от этого образа, но на бунтаря по-прежнему внешне не тянул. Но это внешне.

— Игорь, — представился парень. — Петров Игорь Игоревич.

* * *

Макс хмуро смотрел на то, как клубы дыма вырываются из оплавленных окон девятого этажа. Весь этаж сгорел. Если бы он так глупо не попался, то всё вышло бы иначе. Конечно, этаж было уже не спасти, но зато у них на руках было бы хотя бы несколько нападавших. А так — они забрали даже того единственного, кого он с таким трудом сразил.

Вокруг него крутились какие-то люди вроде ГБРовцев, в очередной раз бесполезных пожарных, а так же прочего люда. Владельцы офисов на соседних этажах тоже были здесь, но, в отличие от небольшой группы толстяков из правительства, они были практически спокойны — их заверили, что огонь не перекинется с девятого этажа никуда.

Майор прекрасно понимал, что он ничего бы не успел сделать, даже если бы они прибыли на две или даже пять минут раньше. Преимущество было не на их стороне, все козыри у напавших. У них было незаконное оружие, куча глушащей всякие сигналы техники, а так же неизвестное количество людей. Ну уж точно больше тех трёх, которых он видел. Как минимум ещё

должен быть один водитель, стоявший в это время наготове, и никак не меньше парочки в самом здании. И кто-то всё должен был координировать, хотя, этим мог быть любой из тех, кто был не в здании. Бандиты явно отлично подготовились, у них был чёткий план. И тщательно выверенный по секундам, если вспомнить, что ГБРовцы и другие полицейские рассказали про рванувшую электромагнитную бомбу в оставленном грузовике. Бандиты отлично знали, когда им пора сматываться так, чтобы заманить под удар преследователей, но при этом самим выйти из зоны поражения. Чуть раньше — и полицейские бы непременно их догнали. Чуть позже — и они бы валялись сейчас здесь, связанные и обысканные.

Взгляд Макса опустился вниз, на нарисованный на стене символ «Спрута».

Причём здесь «Спрут»? Рисунок явно свежий, но насколько — полчаса или три часа — невозможно сказать. Не будет ли майор идиотом, если свяжет бандитов с этим символом?

— Ты тоже думаешь, что здесь есть связь? — спросил у него из-за спины подошедший Дмитрий.

Майор довольно прищурился. Когда надо, этот парень выдаёт верные мысли. Хотя толку при этом от него нет, поскольку Макс и без него думает об этом же. Сказал бы чего-нибудь новенького тогда.

— Не уверен, — нехотя признался Макс.

Нехотя потому, что он очень не любил быть в чём-то не уверенным. Ситуации должны быть однозначными, а ответы — чёткими, без множественности вариантов.

Если учесть, что в последнее время эти символы появляются где ни попадя, то наиболее вероятным вариантом будет…

— Не думаю, — добавил через секунду Макс. — Большее, на что стоит рассчитывать — козлы решили воспользоваться чужой символикой.

— А я не согласен, — покачал головой Дима. — Ты не думал, что это мог быть «Спрут»? Вдруг они решили изменить свои методы?

— Мелкое сборище сектантов? — улыбнулся Макс. — Ну да, держи карман шире.

— Не похоже на них, согласен. Но мы ведь так и не узнали, что было на сгоревших серверах. Представители «Службы криптографии» заверили, что там не было ничего такого, что они не могли бы восстановить из других мест. Но за последние несколько дней это уже не первый случай, где у правительства что-то было уничтожено. Вспомни сгоревший дата-центр!

— Здесь тоже огонь, — сказал Макс. — Петров вполне мог

приложить к этому руку.

— Может быть, — Дима отвернулся от дымящегося здания. — Но одно не исключает другого.

Из улик у них был только оставленный напавшими грузовик с детонировавшей электромагнитной бомбой. Хорошего в этом было только одно: бомба сама по себе не наносила никаких повреждений, кроме сожжённой техники, так что можно было попытаться выяснить, кому принадлежал этот грузовик. Но внутри не было никаких отпечатков пальцев или иных следов ДНК или улик. Со всех деталей и приборов были стёрты либо переписаны серийные номера на фальшивые, а кузов и иные опознавательные знаки оказались перекрашены с предварительным полным удалением старой краски. Спустя половину суток с большим трудом удалось восстановить старый серийный номер двигателя и найти владельца. Но тот ещё месяц назад подал заявление об угоне по дистанционному каналу связи, которым он пользовался для управления всеми своими грузовиками, так что и здесь всё заглохло.

Зато стало известно, что за прошедшую ночь неизвестными, действовавшими по той же схеме, было выведено из строя ещё несколько резервных серверов различных городских правительственных служб. Ничего страшного на первый взгляд, поскольку все жертвы заверяли, что пострадали только резервные данные, и что они их восстановят при необходимости за несколько часов. Да, имущество жалко, убытки по материальной части большие, но правительству во все времена было на это плевать. Все эти убытки — капля в море мирового правительственного фонда. Никто даже и не заметит, что где-то не хватило денег из-за перераспределения средств. На каждом из пострадавших мест обнаруживались брошенные грузовики со сработавшими бомбами, кое-где сапёры обнаруживали ещё и мины вроде той, на которую напоролись Макс с Димой. Но ничего более.

С наступлением рассвета всё стихло, и вплоть до заката больше ниоткуда не поступало сообщений о новых нападениях. Полковник Константинов, равно как и другие его коллеги в остальных районах Новой Самары не чесались по этому поводу практически никак.

— Временный акт агрессии, — заявлял Константинов на вопрос Димы. — Вот увидишь, шкет, завтра всё утихомирится, а послезавтра уже никто и не вспомнит об этом. А теперь дуй работать, у тебя восемь новых заявлений о появлении граффити.

Рутина отвлекала не только их, она не давала нормально работать всем полицейским средних и низших званий. Конечно,

это была их работа, но на появление или исчезновение граффити они никак не влияли. Изредка только кого-то ловили и сажали в казематы, но толку с этого не было никакого.

Поэтому перед окончанием дневной смены Макс собрал всех полицейских в зале для отдыха и провёл совещание по поводу ночных происшествий. Для верности даже пригласил Анастасию как прокурора — авось и она чего скажет.

— Ничего не могу сказать по этому поводу, — проговорила она. — По крайней мере, «Спрут» чист перед законом. Хотя за последние несколько недель они хорошо потратились на оборудование для создания собственной корпоративной сети и одного мелкого вычислительного кластера, но ничего сверхъестественного в этом нет. Другие религиозные и идейные, кхм, организации часто делают также.

— На сколько они потратились? — поинтересовался Дима.

— Примерно пятнадцать тысяч кредитов, — с готовностью ответила она.

— Фигня, — поморщился Макс. — С такими средствами не организовать угон нескольких грузовиков по удалёнке.

— Подтверждаю, — поднял руку хакер Серёга. — Вычислительной мощности не хватит.

— Чую своими дырявыми венами, что самое весёлое ещё впереди, — хихикнул Никита.

— Тебе всё равно на пенсию через несколько дней, старый хрыч! — хлопнул его по спине Серёга. — Всё равно по Сети будешь всё наблюдать, как ни вертись.

— Думаю, в свете последних событий меня задержат на работе ещё ненадолго, — улыбнулся в ответ тот.

К слову, он оказался прав, но об этом несколько позже.

А пока же, они стали дожидаться ночи. Все чувствовали, что что-то такое произойдёт, это ощущение сидело у всех в печёнках. Не может банда (вне всяких сомнений, действует именно банда, а не просто какая-то группа преступников), провернувшая столько за одну только ночь, остановиться на достигнутом. Они ведь даже ничего и не достигли, так, пощекотали кое-кому нервы.

Но ночь прошла спокойно к общему удивлению. Не то, чтобы в городе вообще царила мёртвая тишина, как перед бурей, просто обычная ночь с совершенно рядовыми правонарушениями.

А вот с наступлением утра…

Макс спокойно спал в своей кровати у себя дома, когда к нему на домашний терминал поступил входящий вызов. Мелодия звонка отличалась от обычной, а это значит, что звонят ему по срочному делу. Он продрал глаза, ощутил, что у него от изменения режима сна болит башка, а потом посмотрел на

пляшущее в ярко-красном обрамлении перед глазами окно входящего соединения. В окне символ полиции, а в поле данных о другой стороне отображается фотография Дмитрия.

«Да», — промелькнула в голове Макса мысль. Этот бы не стал будить его по пустякам, он вообще отличается до противного редкой вежливостью и ненавязчивостью.

— Ответить, — хриплым голосом скомандовал Макс.

Система приняла команду, и окно изменилось, отобразив данные о текущем соединении: скорость потока данных, время разговора и местоположение собеседника. Тот был совсем недалеко от дома Макса.

— Ну, — буркнул майор, с хрустом разминая позвоночник.

— Извини, что разбудил, — произнёс виноватым тоном напарник.

Макс закатил глаза: зараза, если разбудил уже, так зачем тратить время на извинения? Хотя, стоит признать, что Максу есть чему поучиться у него.

— Тут такое творится… — продолжил тем временем Дима. — Короче, я уже почти возле тебя. Одевайся и спускайся вниз.

— Что случилось? — насторожился Макс.

— Идём на войну.

Вызов прекратился.

Макс потряс головой: война? Выглянул в окно, но там всё было как обычно, ничего не изменилось. Всё те же дома, те же блики рассветного солнца, тот же шпионящий с биноклем сосед в доме напротив. А вот на западной стороне города что-то горит — видно тоненькую струйку рассеянного дыма.

Паникёр.

Макс быстро ополоснул лицо, почистил зубы ультразвуковой щёткой, выпил стакан кефира и одел свою привычную кожаную куртку. Потянулся было за кобурой по привычке, но ощутив её невесомость, тут же всё вспомнил и, плюнув на неё, вышел из своего блока.

Дмитрий действительно ждал его внизу на машине (всё той же самой, исцарапанной и с уже дважды сожжённой и восстановленной электроникой). Вместе с ним на заднем сидении находился зевающий Серёга. Едва Макс сел на своё привычное сидение спереди справа, как Дима активировал новый маршрут на бортовом терминале, заодно включив полицейскую сирену с мигалкой. Крыша автомобиля снаружи тут же попеременно засветилась синим и красным.

— Ночная банда выспалась, — вместо приветствия сказал Серёга. — Два часа назад упало два из трёх серверов модулей слежения за общественной безопасностью.

— Упали? — нахмурился Макс. — Ну так подняли бы.

Серёга развёл руками:

— Они… хорошо упали. Один с тридцатого этажа, а другой с крыши сорокадвухэтажки. Вдребезги. А теперь атакуют третий.

— Макс, у тебя нанотатуировка рабочая? — спросил Дима.

— Да, я вчера вывел всех мёртвых нанитов и сделал инъекцию новых. В каком смысле «атакуют»?

— В прямом, — ответил Серёга. — Человек десять, все вооружены шоковыми пистолетами и ЭМ-гранатами. У двоих заметили хакерское оборудование.

— Зараза!

Дымящееся здание быстро приближалось. Направлялись, как Макс и предполагал, они явно к нему.

— Константинов согласился вернуть тебе пистолет, — Дима протянул Максу его пушку.

— Первая хорошая новость, — обрадовался Макс.

Он взял пистолет, проверил заряд батареи и уровень выходной мощности — всё было в порядке. Внезапно он ощутил себя так, будто до этого ходил голым, а тут наконец-то оделся.

К удивлению Макса, здание оцепили, но спецназа нигде не было видно. Только брызжущий во все стороны пеной изо рта Константинов, с десяток полицейских из рядового состава вперемешку с охранниками из здания, да большая толпа зевак, собравшаяся со всего квартала. И пресса — Долговязова со своим оператором.

Их прибытие не осталось незамеченным последними. Самих репортёров не пустили за ограждение, но летающая шарообразная видеокамера успешно прорвалась вовнутрь. И была встречена сначала неприличным знаком, который показал Серёга, а затем пистолетом Макса. Шар предпочёл поскорее убраться обратно.

— Где спецназ? — спросил Макс, подойдя к Константинову.

— Опоздает, — заявил тот. — Эти свиньи кинули нас, подстроив нападение на здание Верховного Арбитражного Суда.

— На другом конце города, — сообразил Дима. — Умно.

— Пойдёшь в авангарде, — Константинов ткнул пальцем-сарделькой в грудь Макса.

— Ты спятил?! — воскликнул тот.

— Я тебе пукалку твою вернул? Вернул! Вот иди и делай то, что у тебя получается лучше всего. Перестреляй этих засранцев, прежде чем они завершат начатое!

Бодаться было бесполезно. И он был прав, Макс это понимал.

— Я могу помочь? — предложил свою помощь Дима.

В руке он сжимал заряженный на полную катушку запасной

пистолет из машины.

— В арьергард, — одновременно сказали Макс и Константинов.

— Я дам тебе пятерых, но много от них не жди, — продолжил Константинов. — По сравнению с ними даже твой напарник-щенок выглядит матёрым волком. Второй этаж, там на месте разберёшься, чего и куда. Их десять человек, все вооружены шоковыми…

— Знаю, — оборвал его Макс. — Что я должен делать?

— Не дай им уничтожить сервер! Делай что хочешь, можешь лезгинку перед ними станцевать — мне плевать. Главное, чтобы сервер не упал, ты понял? Лично на нарах иначе сгною!

— А нельзя просто подождать? — спросил Дима.

Его отнюдь не радовала мысль сунуться внутрь этого дома. Семеро против десятерых — расклад не в их пользу.

— Балбес! — Константинов постучал его по лбу. — Ау, дома есть кто? Ты думаешь, они будут сидеть и ждать, не будут трогать сервер? Пошли вон!

Пятеро бойцов добровольно-принудительного порядка уже ждали их у входа в офисное здание. Выглядели они издали грозно, но вблизи даже Дмитрий засомневался, что они знают, из какого конца пистолета правильно стрелять.

— Может, предложим им сдаться? — спросил Дима у Макса. — В смысле, здание же окружено. Вон, смотри, Серёга уже ковыряется в их грузовике. Им никуда не деться отсюда!

— Не вариант, — отрезал Макс.

Угроз Константинова он не боялся. Но и провалить операцию тоже не хотел. Конечно, система слежения за общественной безопасностью — это не жизненно необходимая система, но без неё эффективность действий всех правительственных структур вроде полиции, пожарных и скорой помощи упадёт в разы. Прекратят поступать данные со многих датчиков и камер города, алгоритмы предсказания критической ситуации окажутся бесполезными. Город ослепнет. Новую, конечно, всегда можно развернуть, но на это уйдёт целая прорва времени.

— Готовы?

Макс не стал тратить время на сборы или подбадривающие реплики.

Ему никто не ответил. Плевать.

— Я первый, — заявил Макс. — Без меня ничего не делать! Если кого увидите — стреляйте, потом разберёмся, гражданский или нет. Но аккуратно! В павших не надо стрелять несколько раз, не хватало нам ещё вызвать сердечный приступ кому-нибудь. За мной!

Первый этаж оказался полностью пустым. Они прошли холл, пост охраны, миновали отключённые турболифты и подошли к лестницам. Народ позади Макса дышал жарко и тяжело, словно курильщики после сорокакилометрового марафона. Дмитрий старался выглядеть внешне уверенно, чтобы часто оглядывающиеся полицейские знали, что тылы надёжно прикрыты.

Они прошли лестницу и, только поднявшись на второй этаж, встретились с противником. Двое в маскировочных обличьях Мартина Лютера Кинга и Михайло Ломоносова заметили их первыми.

— Граната! — заорал Макс.

Мимо него пролетел металлический шарик ЭМ-гранаты размером с бейсбольный мяч. Кинг и Ломоносов тут же спрятались за дверными косяками.

— У нас гости! — крикнул один из них.

Граната ударилась в полицейского за спиной Макса и застряла у него в складках одежды и многочисленных ремнях бесполезного в данном случае бронежилета. Началось столпотворение, и Макс, правильно оценив обстановку, бросился очертя голову вперёд, в дверной проём. Прямо напротив лестницы виднелась открытая дверь местного туалета, туда Макс и прыгнул. В воздухе развернулся и всадил в опешившего от такой ретивости Ломоносова разряд в двадцать СЭЗ. Приземлился на кафельную плитку и проехал ещё пару метров, скрывшись за дверным косяком, отделявшим умывальник от кабинок.

Со стороны лестницы раздался громкий секундный треск, а затем грохот падающих тел.

«Дебилы!» — зло подумал Макс. «Да я и сам дурак, не предупредил их. Так глупо попасться»!

— Чёрт, больно, — следом донёсся до него голос Ломоносова. — Апчхи!

— Какого хрена? — удивился Макс.

Двадцати СЭЗ хватит и слона уложить (примечание: правда, этого никто не проверял — вымерли они)! А эта скотина только чихнула! Если в прошлый раз можно было сослаться на бракованный пистолет, который хрен знает сколько провалялся без действия в бардачке машины, то пистолет майора был исправен. Уж не нахимичил ли Константинов с его пушкой чего?

— Предоставьте его мне, — раздался новый, но подозрительно знакомый голос.

Откуда-то издалека донёсся ещё один выкрик:

— Всё, я закончил! Сматываемся отсюда.

Макс вскочил на ноги и, прижавшись к стене, направил

пистолет на дверной проход. Они сматываются, значит определённо пойдут через эту лестницу! А тут он. Пять выстрелов в секунду должны точно хоть кого-нибудь уложить, а там уже насколько хватит батареи.

— Лови, дружище! — крикнул довольный знакомый голос.

По полу что-то покатилось. Что-то круглое, металлическое. И остановилось, ударившись в ботинок Макса.

Он опустил взгляд.

Конечно, это была граната, но не ЭМ, а какая-то самодельная, помятая, будто её делали в чьём-то гараже. В нос ему ударил запах напалма.

— ХРЕНЬ!!! — заорал Макс, бросившись к единственному окну в туалете. — Давай, падла, открывайся!

Створки неохотно поддались, Макс отошёл на пару шагов назад и прыгнул в образовавшуюся щель. Окно тут же вслед за ним захлопнулось.

А потом граната взорвалась. Туалет объяло адским пламенем ярко зелёного цвета, оно быстро сожрало весь пластик внутри помещения, буквально испарив его. В следующую секунду оплавило стекло и вырвалось на улицу, лизнув воздух прямо над летящим в пропасть Максом.

Падать оказалось недалеко и сравнительно мягко — на густой слой газона и свежего дёрна, но больно всё равно было. Макс уже не молод, чтобы так сигать из окон, и если бы не татуировка с уже активировавшимися нанитами…

Он с болезненным выдохом ушибленных рёбер перевернулся на спину. Огня в оплавленном и обугленном окне больше не было. Оттуда прямо на него смотрели сразу двое: некто под личиной кардинала Ришельё и дуло его самодельного портативного огнемёта, с которого капала зелёная горючая жидкость.

— Ты! — яростно прохрипел Макс.

Он даже с его подсевшим зрением увидел, как сжимается палец Петрова на спусковом крючке.

— Оставь его, мы не убийцы! — кто-то из его сообщников весьма вовремя остановил Игоря.

— Он хуже бешеной собаки! — возразил Петров. — Я давно мечтаю его прикончить!

— Оставь, я сказал! Уходим!

Петров недовольно опустил огнемёт.

Макс в ожидании замер, пытаясь незаметно нащупать куда-то подевавшийся пистолет.

Лицо Ришельё-Петрова расплылось в улыбке:

— Хрен с тобой! — он махнул на майора рукой. — Живи, мы

ещё увидимся. А вот тебе прощальный подарок, чтобы ты не скучал!

И он, полный радости, кинул Максу ещё одну ЭМ-гранату, предварительно выждав две секунды до подрыва.

— Зара..! — начал было ругаться майор, но не успел даже закончить фразу.

Его снова вырубили. В очередной раз за последнюю неделю. Похоже, это вскоре станет его очередной привычкой.

Глава 17

Он открыл глаза, как ему показалось, тут же. Но из-за соседнего дома уже показалось солнце, готовящееся войти в зенит, так что пролежал он тут прилично. Болели ушибленные рёбра, чесалась татуировка с нанитами так, словно вместо мелких роботов там оказались вши. Побаливала застуженная спина — земля уже успела остыть после лета, а слой искусственного газона нисколько не спасал. Практически над ухом кто-то на кого-то орал, вокруг мельтешили какие-то люди, но никому не было дела до Макса.

Он с кряхтеньем принял вертикальное положение, осторожно ощупал спину — синяки точно есть. Но ничего, вот выведет из крови уничтоженных взрывом ЭМ-гранаты нанитов (где-то с половину от общего количества), сделает новую инъекцию — и всё как рукой снимет. Хотя и половина должна отлично справиться, если бы не сдохшие. У них сейчас буквально война идёт, оттуда и зуд. А поскольку выжившие наниты заняты безрезультатным уничтожением своих же трупов, то они не могут приступить непосредственно к его излечению.

Макс ненавидел ЭМ-гранаты. Лучше попасть под град выстрелов шоковых пистолетов, чем под одну-единственную гранату. После пистолетов, по крайней мере, наниты остаются невредимыми.

Он встал на ноги. Из-за перегрузки нервной системы от взрыва мир слегка покачивался и имел очень нечёткие очертания, но слегка помятый организм быстро с этим справился.

Макс оглянулся. Оцепление по-прежнему было на месте, равно как толпа зевак за ним и целый батальон различных репортёров и просто блоггеров с личными видеокамерами. Приехал спецназ, но из-за закончившегося представления они оказались не к месту, поэтому просто скучали в сторонке. Дима лежал по-прежнему без сознания, его отнесли в машину скорой помощи. Его и ещё троих полицейских из тех, что были с ними. Двое других, судя по всему, совсем недавно пришли в сознание и теперь выслушивали гневные возгласы начальника. Константинов с самого утра находился не в духе, а когда Макс завалил операцию, то совсем взбесился, ему медики даже успели вколоть успокоительное. Максу иногда казалось, что у того на него уже выработался иммунитет.

Полковник заметил, что главный виновник наконец-то очнулся, и решил переключить всё своё внимание на него. Двух нерадивых полицейских он отпустил на все четыре стороны,

секундным действием отправив их в неоплачиваемый отпуск на две недели при помощи своего терминала. Те, к слову, не то чтобы огорчились.

Он молча подошёл к почёсывающему татуировку Максу и молча уставился на него, словно ожидая, что тот первым начнёт разговор. Макс идиотом не был, поэтому молчал в ответ.

— Я тебя внимательно слушаю, — Константинов, тщательно выговорив каждый слог, многозначительно посмотрел на подчинённого. — Где отчёт по прошедшей операции?

«Издевается», — зло подумал Макс.

— Операция завершилась неудачно, — недовольно буркнул он.

— НЕУДАЧНО?! — Константинов истерично расхохотался. — Он сказал «неудачно»… Совсем охренел… Ой, не могу, сейчас лопну!

И тут же вмиг стал предельно серьёзным.

— «Полный провал» — это по твоему то же самое, что «неудачно»?! — рявкнул он на него, брызгая слюной. — Мало того, что они сделали вас как котят, так ещё и безнаказанно смылись через канализационный люк в подвале! Как ты меня достал! Ну, ничего, я сейчас быстро с тобой разберусь…

Он, уткнувшись в свой терминал, продолжил бормотать себе под нос:

— Одним махом… Долго ты у меня в печёнках сидел! Вот только найду твой профиль, и все мои проблемы закончатся…

— Их было больше, — сказал Макс. Он не оправдывался, он констатировал факты. — И они оказались лучше вооружены, чем мне сказали.

— Лучше вооружены, значит..? Как будто ему про ЭМ-гранаты никто ничего не говорил…

— В жопу ЭМ-гранаты! — взорвался Макс. — Там был Петров! С огнемётом! И они были все экипированы в какие-то защитные костюмы против шокового оружия…

— Не неси бред! — крикнул на него Константинов. — Какие ещё защитные костюмы, ты совсем из ума выжил?!

— Ну, либо защитные костюмы…

Макс увидел свой пистолет возле ботинка шефа. Поднялся, взял его в руки и тут же выстрелил двадцатью СЭЗами в полковника. На секунду лицо того вытянулось в удивлении, но только лишь на секунду. Сверкнула голубая молния, и толстый, набитый гневом полицейский предпенсионного возраста мешком с картошкой рухнул на траву.

— …Либо моя пушка барахлит, — закончил Макс. — Но как мы только что убедились — она полностью исправна.

— Молодец, мужик! — услышал он чей-то вполне одобрительный возглас.

Сразу за этим последовали редкие и какие-то нерешительные аплодисменты. Видно, некоторые оказались благодарны за эту его выходку.

Майор, вполне возможно, который скоро станет бывшим, только хмыкнул и прямым ходом направился искать Серёгу. Тот наверняка должен ему поведать, где можно найти пушку, раза в три мощнее его табельного оружия, раз уж оно стало бесполезным.

* * *

Современные канализации ничем не отличались от тех, которые были ещё в двадцатом веке. Гигантская река нечистот, текущая к колоссальному заводу по очистке сточных вод. Конечно, с открытием технологии дезинтеграции можно было сливать всё это дерьмо в здоровенный бак для последующего уничтожения, но так город быстро бы лишился пресной воды, которую можно было переработать и снова пустить в ход, да и энергетические затраты на уничтожение подобной реки внушат ужас любому. Да и на экологию бы это дурно влияло, дезинтеграция всё-таки не идеально чистая технология. Поэтому все нечистоты стягивались постепенно в несколько широких туннелей, в которые бы поместились суборбитальные шаттлы при необходимости, а затем быстро текли к группе отстойников, размещённых как раз на границе заброшенных домов Старой Самары.

Нельзя не отметить, что воняло здесь так, что даже самые современные носовые фильтры справлялись с запахом далеко не полностью. Ну и все прелести внешнего вида отнюдь не радовали глаз.

Идти им приходилось достаточно медленно, поскольку находясь по колено в слабом потоке фекалий, изрядно разбавленных водой, ноги то и дело поскальзывались. Весь пол был в какой-то клейкой и слизистой массе, которую вода не была в состоянии смыть, да и стены сплошь поросли мхом, так что в качестве опоры они так же годились крайне плохо. Хорошо хоть фонарики у всех были закреплены на голове и включены.

— А я думал, что дерьмо по трубам плывёт, — с отвращением глядя себе под ноги, заметил Ломоносов.

— Ха! Держи карман шире! — громко воскликнул Кинг. — Из-за того, что мы едим всякую дрянь в виде полуфабрикатов,

наше говно растворит любые пластиковые трубы. А камню на всё плевать.

— Растворит?! — ужаснулся идущий позади них Ганди с большим заплечным рюкзаком. — А как же мои ноги?! Надо было предупреждать, чтобы я скафандр захватил с собой!

— Тише вы! — шикнул на них его сосед Пётр Первый. — Разорались тут. Здесь акустика отличная, кабы погоня нас по ней ни вычислила.

— П-погоня? — заикнулся Ломоносов и резко обернулся, осветив всю группу своим фонариком.

— Да успокойся ты! — Пётр Первый поднял руку, прикрываясь ладонью. — И в глаза не свети, а то так ослепнуть не долго. Нет никакой погони, и не будет! Мы же специально пошли здесь поэтому! Или ты думаешь, что хоть кто-нибудь из этих толстых легавых сунется сюда?

Ломоносов поразмыслил и согласился. Движение вновь продолжилось.

— Плевать на погоню, — довольно прогудел темнокожий Кинг. — В моей маскировке есть плюс. Смотри. Оп!

Он сделал шаг в сторону, чтобы выйти из света чужих фонарей, и выключил свой. Вонючая тьма мгновенно поглотила его.

— А я тоже так хочу! — обиделся его товарищ. — Скинь мне образ, а?

— Сам виноват! — усмехнулся Кинг, вновь вернувшись в колонну и включив обратно фонарик. — Хотел быть толстым русским учёным? Получи. Тем более что терминалов у нас нету, так что хрен тебе, не выйдет скинуть!

Все коротко хихикнули от их перепалки. Сказывалось недавнее нервное напряжение, им сейчас покажи обычный палец и потряси им в воздухе — и тот засмеют.

Не смешно было только Петрову.

— И хватит болтать, — добавил Пётр Первый. — А то во рту уже неприятный привкус появился.

Следующие минуть пять было слышно только тихое хлюпанье воды от их шагов, да изредка чья-нибудь сдержанная брань — упасть было очень легко, но им пока везло, и дело до конца не доходило. Наконец, пройдя расстояние, как им показалось, равное одной астрономической единице (примечание: сто пятьдесят миллионов километров, среднее расстояние от Земли до Солнца), они вышли из тесного узкого тоннеля в большой, метров пять в поперечнике, но зато с бортиками, ширины которых хватало для человека. С огромным облегчением взобрались на него.

— Вот, опрыскайте этим ноги. Отличная штука!

Ганди снял с плеч рюкзак и достал оттуда три небольших баллончика с чистящим спреем. Тот действительно проявил чудеса буквально через секунду после применения: одежда и обувь немного подсохли, а налипшая грязь осыпалась на пол мелкой коричневой пылью.

— А освежителя воздуха у тебя нет, случаем? — поинтересовался между опрыскиваниями Ломоносов.

— Сюда целый танкер нужен, не меньше, — заметил Кинг. — Кончай брызгать, весь баллон, поди, извёл уже! Мне оставь немного…

— А вы слышали, что под «Астолом» в канализации снова видели аллигатора? Мы как раз скоро мимо одного из его офисов будем проходить, — заметил кто-то под шумок общей перепалки.

Но Петрову было не до болтовни. Вот он провёл в «Спруте» уже две успешные операции, и эффект от последней будет гораздо сильнее, чем от всего того, что он творил самостоятельно или вместе со своими дружками (которые теперь после чистки мозгов право от лева еле отличают), суммарно. И, как он понимал, это было только начало. Так им объяснял Воробьёв, их лидер, этот напыщенный попугай с замашками либераста. Идеи у них обоих хоть и совпадали, но, проведя только две операции, Петров начал думать, что для него «Спрут» — только временная попутка. На каком-то этапе придётся сойти с этого лениво набирающего скорость поезда, взять штурвал в свои провонявшие напалмом руки и рулить… куда?

Он не знал. Он привык плыть по течению, ориентироваться на вспыхивающие события и обстоятельства словно на маяки в туманном море, ловко лавируя между скалами и рифами.

Чего это его вдруг понесло на морскую тематику? Моряком он, вроде, никогда себя не считал, хотя его батяня всегда силком затаскивал его с собой на их яхту, и они сплавлялись вниз по течению, огибали давно облысевшие Жигулёвские горы и возвращались назад. Не важно.

Ему было скучно одному. Теперь он обрёл компанию, но та оказалась далеко не такой, какой он её ожидал увидеть. Ему хотелось больше драйва, больше захватывающих ощущений. Ему хотелось увидеть лицо Макса Бора в тот момент, когда тому под ноги прикатилась «Машенька». Маша — его первая девушка, и именно поэтому он назвал свою первую поделку с настолько обожаемым им огнём «Машенькой». Граната «Машенька», что может быть романтичнее? О да, Игорь считал себя романтиком. Хотя он себя ещё много кем считал, кем при этом не являлся.

«Машенек» у него было ещё много. По сути, это было глупое

устройство — скруглённая жестяная банка, покрытая герметиком, чтобы залитая внутрь под небольшим давлением крайне горючая жидкость не вытекала наружу. Сенсорный «пятачок» — спусковой механизм, считывающий только его отпечатки пальцев. Хотя его он всегда может отключить. И плавающая внутри крохотная микросхема с радиомодулем и двумя оголёнными контактами для искры. Просто, невзрачно, но чертовски эффективно и почти безотказно. Если вдруг одна граната не срабатывает (к сожалению Игоря, электронщик из него был плохой, и от ошибки в схеме он никак не избавился), то всегда можно бросить вторую. Вторая подорвётся и оплавит первую, в результате получится целых два взрыва. Сначала неприятно, но потом зато в два раза больше веселья!

Он хотел вновь и вновь видеть перед собой лицо Макса, когда на него смотрело дуло его огнемёта, на боку которого небрежно, но с любовью было выцарапано «Вика». Собственно, все свои изобретения он называл женскими именами, которые для него имели какое-нибудь значение. Ему говорили те немногочисленные люди, которым он их демонстрировал, что он — ненормальный. Его это только забавляло. Ведь он хотел быть не таким как все, очень хотел.

Именно поэтому он и вышел на «Спрут» и Воробьёва лично, без труда связав кое-какие инциденты в городе с идеологией этого движения. В цифровую эпоху, когда младенцы быстрее учатся выходить в Сеть, чем разговаривать или ходить, Воробьёв и его друзья показались ему именно такими же, как и он сам. Другими, не такими, как вся остальная серая масса. Нет, хипстеров сегодня полно, но вот тех, кто действительно хочет что-то изменить, днём с огнём не сыщешь. А он нашёл.

По крайней мере, так ему показалось сперва. Восторг от первой проведённой совместной операции, его личного испытательного срока, да ещё и в присутствии самого Воробьёва быстро прошёл. Та операция была проведена настолько чётко и слаженно, настолько близко к плану, что Игорю даже тошно становилось. В нём не было изюминки, хотя были и сюрпризы в виде ЭМ-бомбы. Игорю даже дважды позволили выпендриться: первый раз — вырубить охранника, а второй — помочь открыть дверь в серверную комнату. Но это было не то. В плане не было души, и составившие его люди действовали так только потому, что считали это правильным, а не потому, что им этого хотелось.

Да, вот оно, главное различие между ними. Та маленькая деталь, которая ему не нравилась, и которую он не мог обнаружить несколько суток. Он голову сломал, почему же ему не понравился Воробьёв и большинство в его окружении. И вот, стоя

посреди лениво текущего потока человеческих фекалий, он наконец-то понял.

Воробьёв действует без души, не даёт воли эмоциям, ставит себя в какие-то нелепые этические рамки, а остальные пляшут под его дудку. Игоря отделяла всего миллисекунда от того, чтобы одним-единственным залпом прикончить осточертевшего ему Макса Бора, но ему не позволили. Остановили. Именно поэтому «Спрут» и проиграет эту начатую им войну. Сил противостоять правительству им не хватит, и то, когда оно проснётся и расшевелится, попросту снесёт всё их движение и навсегда сотрёт из истории. Правительство это может, уже проделывало подобное множество раз — сделает снова. Их единственный шанс был в том, чтобы провернуть всё максимально быстро, и Воробьёв это прекрасно понимал. Но понимания мало. Если не приносить никаких жертв, не запачкать рук, то невозможно выиграть ни одну битву, не говоря уже про войну. Вот Игорь многим пожертвовал и чего добился? Сейчас он свободен! Избавился ото всех устройств, которые могли отслеживать его действия и передвижения, вычеркнул насколько мог своими силами свои данные из всех правительственных и частных систем, а что не смог — удалил «Спрут» уже после их знакомства. Сбежал из дома, в конце концов! Для Системы он стал невидимкой, ни один датчик (кроме его собственных) не сможет распознать его личность без повторной идентификации, которую делают каждому в момент рождения. Он свободен! Он волен творить всё, что захочет. И, что самое главное, он не связывает себя никакими глупыми рамками, в отличие от людей, которые его сейчас окружают.

Но не все из «Спрута» были отвратительны ему. Игорь вспомнил перепалку между Воробьёвым и его подручным по имени Рюд, явно приехавшим из Западной Европы. Он и некоторые другие его товарищи действительно отличаются ото всех остальных. Игорь всегда симпатизировал европейцам. Если тем когда-либо что-либо нужно было, они просто это делали, не отвлекаясь ни на какие предрассудки. Это русские отличались безосновательным гуманизмом, хотя при этом и были подвержены максимализму в своих решениях. Долгий период рабовладельческого строя, последовавший за ним кровавый двадцатый век с таким тираном, как Сталин (хотя про его заслуги тоже не стоит забывать). Затем краткая передышка в полвека в виде демократии, и в самом конце, во время Третьей Мировой и чуть-чуть после неё, снова монархия и вынужденное рабство перед завоевавшей её Европой. Россию вечно бросало в разные стороны, и путь для страны всё время выбирал народ, кто бы что

ни говорил. Другое дело Европа! Жестокость викингов, затем Святая Инквизиция, и в завершение трижды поднимавший голову нацизм. Конечно, идея нацизма, да и как всё остальное перечисленное, было противно Игорю, но он восхищался завидным упорством, с которым Европа снова и снова начинала войны по одним и тем же поводам. Это было как…

Тут Игоря прошиб пот. Ведь ответ на так и не прозвучавший вопрос «что ему делать дальше» лежал на поверхности, стоило только немного копнуть, сковырнуть с него оболочку. Почему бы ему не создать свою банду с блэк-джеком и хакерами? Некоторые члены «Спрута» точно согласятся перейти под его флаги, стоит ему только правильно и вовремя всё предложить! Хотя… Зачем создавать что-то своё, когда можно использовать в своих целях то, что уже имеется? Заставить гнить эту организацию изнутри, а самому тем временем словно паразит расти в её кишках до определённого момента.

— Ты, я вижу, очень доволен нашими результатами? — внезапно высветил его лицо из тьмы Пётр Первый.

— Не то слово, — кивнул Игорь.

Он в своём воображении уже предвкушал, как он будет руководить этой стаей болванов. И когда это только в нём проснулись диктаторские замашки? Раньше за собой он подобного не замечал.

— Подожди ещё немного, — Пётр Первый одобрительно похлопал его по спине. — Мы только лишь подготовили почву для дальнейших действий.

— Я подожду, — рот Игоря расплылся в улыбке. — Но только не долго. Ненавижу ждать.

* * *

— Ты кто такой? — с сильным акцентом спросил его усатый армянин в шофёрской фуражке. — Давай, до свидания!

И грубо указал пальцем на выход из переулка.

А Макс очень не любил, когда ему кто-то грубит. Хотя, даже ему иногда казалось, что список ненавистных ему вещей бесконечен.

Он тут же схватил армянина за этот палец и одним движением вывернул ему кисть так, что тот упал на колени перед полицейским.

— Ай-ай, отпусти! — запищал тот.

— Повторяю свой вопрос: как мне найти Вано? — с нажимом спросил Макс.

— А, так ты к Вано? — «сообразил» армянин. — Отпусти, брат, и я провожу тебя к нему! Здесь недалеко, да!

— Вот так бы сразу.

Макс отпустил его кисть и позволил встать. Армянин хотел было злобно посмотреть на своего обидчика, но тут ему в лоб ткнулось дуло шокового полицейского пистолета. Передумал.

— Пойдём, брат, — армянин выпрямился и, разминая вывернутую кисть, пригласил Макса за собой. — Здесь за углом.

И действительно, стоило им через десять метров свернуть за угол дома, как они натолкнулись сразу на двух качков, похожих друг на друга как две капли воды. Вид у них был угрожающий, и, судя по всему, армянина они прекрасно знали, в отличие от того, кого тот привёл за собой.

— Ты искал Вано? — улыбнулся армянин. — Они оба — Вано!

И он тут же отпрыгнул в сторону, уступая дорогу своим двум товарищам.

— Смешно, — сощурился Макс.

Одна секунда — и оба «Вано» уже валяются у него в ногах, будучи лишёнными сознания зарядами по пятнадцать СЭЗ. Макс бы не задумываясь пустил в них все двадцать, так как не был уверен, что на двух таких слонов хватит пятнадцати, да и перспектива, что те очухаются через тридцать секунд и воткнут ему по ножу в спину тоже не радовала его. Но заряд батареи следовало экономить, так как Макс не знал, со сколькими ещё друзьями армянина ему придётся разобраться прежде, чем ему наконец дадут нужного человека.

Бедный армянин, увидев это, окончательно сдулся. Если у него и оставались какие-то тёмные намерения, то больше он их не показывал. Особенно этому способствовал чувствительный пинок в бочину остроносой туфлей Макса.

Делать было нечего, пришлось армянину действительно вести дорогого гостя к тому, кого он требовал.

Вано торговал всякими «серыми» устройствами уже довольно давно, но бизнес у него всё никак не налаживался. То полиция нагрянет, и придётся тем давать взятку — а это прощай трёхмесячный доход (даже не прибыль). То местная шпана поднимет голову и сама отнимет эти деньги, а потом, опять же, придёт полиция и накостыляет им, но денег-то не вернуть! Да и современные системы защиты в этих самых устройствах стало в последнее время ему тяжело взламывать и перепрошивать сами устройства под новых владельцев. Делал-то он всё, можно сказать, в одиночку. Его дружбан Ашот хоть и лез из шкуры, чтобы ему угодить, старался искать нормальных клиентов и не

приводить ему всякую шваль, но надеждой его мира он всё же не был (примечание: имя «Ашот» с армянского переводится как «надежда этого мира»). Только дела пойдут в гору, как снова случится какая-нибудь беда! Даже грабили его пару раз. Спасали только редкие анонимные клиенты, плативше надёжной криптовалютой, которую без воли их владельца никто украсть не мог. Правда, в последнюю неделю его дела значительно улучшились благодаря кое-каким клиентам, Вано даже смог нанять своих кузенов-близнецов, чтобы те обеспечивали ему дополнительную охрану, так, на всякий случай.

Какого же было его удивление, когда к нему в приёмную ввалился несколько помятый и с нервно дёргающимся глазом Ашот, а вслед за ним незнакомый хмурый худой мужик с не по возрасту морщинистым лицом и весьма хмурым взглядом.

— А где..? — заикнулся было Вано.

Макс молча показал ему свою пушку, в которой тот мгновенно распознал стандартное табельное полицейское оружие. После чего полицейский демонстративно убрал пистолет в кобуру, но ту решил не застёгивать — мало ли, вдруг тут ещё кто ошивается. Да и тыкать в лицо продавцу пистолетом как-то не вежливо, того и гляди, цену ещё накрутит незаметно. Если не испугается.

— Понятно, — грустно вздохнул Вано.

Его прихожая, как и маленький рабочий кабинет (был ещё большой, основной — но в другом месте), располагались в подвале одной из местных трущобных высоток. Самодельная стена из листовой стали в сантиметр толщиной надёжно разделял эти два помещения от особо ретивых. Все операции проходили через зарешеченное окно с выдвигаемым в обе стороны ящиком.

За этим окном Вано, грузинская версия Константинова — такой же старый и такой же толстый — и стоял. Но, к величайшему сожалению Вано, сходство на этом и заканчивалось, правда, ни тот, ни другой об этом, конечно же, понятия не имели.

— Сколько? — грузин уже прикидывал в уме, сколько он сможет отстегнуть копу, чтобы тот свалил.

Вроде бы, тот был один, значит, сильно много не возьмёт. Хотя, он может оказаться просто посыльным, а ещё четыре его коллеги ждут сейчас около выезда из переулка.

— Я — клиент, — тут же ответил Макс. — И я один, если ты об этом.

— А… ну да, — не растерялся тот. — Ашот, будь добр, пригляди пока за переулком.

Армянин был несказанно рад этому указанию. Не успел Макс моргнуть, как того и след простыл.

— И что угодно дорогому… — продавец замялся, намекая на то, чтобы полицейский себя назвал.

— Ты меня за идиота держишь?! — тут же рявкнул Макс.

Вано грустно вздохнул. В данном случае Макс действительно был идиотом, поскольку любая скрытая камера могла запечатлеть его лицо, а система распознавания уже без труда вычислит всё остальное. Но при этом сам Вано не был дураком, он прекрасно знал, что стучать на редких клиентов не стоит. Особенно сейчас, когда в городе, похоже, начинает твориться нечто странное. Недавние инциденты, освещённые в СМИ, могут как вызвать ажиотаж на его продукцию, так и вовсе избавить его от покупателей. К тому же озверевший полицейский запросто мог снова потом прийти сюда и проделать с ним всякие плохие вещи. А рисковать не хотелось.

— Без имён, — равнодушно пожал плечами Вано. — Так что Вам угодно? Ищите что-то конкретное или просто осматриваетесь? У меня отличный ассортимент! Вот совсем недавно пришла новая прошивка на HT-408h (примечание: самая популярная на данный момент модель наручного терминала). Всего за один час и пятьсот кредитов я могу отучить Ваш терминал от проверки лицензий инициируемых прило…

— В задницу! — решительно отказался Макс.

Он снова достал свой пистолет и приложил его боком к решётке в окошке между ними. При этом желудок продавца в отчаянии сжался, но Вано быстро успокоился — полицейский и не думал в него стрелять.

— Ты же знаешь, что это? — прямо спросил Макс. — Его характеристики?

— Конечно! — подтвердил тот. — Это стандартный излучатель модели…

— Мне нужно что-нибудь помощнее.

— Помощнее? — переспросил Вано. — Хм, теоретический выход на двадцать пять СЭЗ… В принципе, я могу сменить прошивку и поставить собственный репульсор, это должно добавить ещё три-четыре СЭЗ, дальнейшее уже зависит от степени износа…

— Нет, ты не понял, — в очередной раз оборвал его Макс. — Не три дополнительных единицы. А в три раза больше!

— В три? — у Вано глаза на лоб поехали.

Похоже, у копа крупные неприятности, раз ему нужно настолько мощное оружие. Оно у Вано, правда, было уже давно, но он надеялся отдать этот ствол особому покупателю за круглую сумму. Но того всё не было и не было, а из-за хранения такого мощного оружия у него уже были неприятности. Одно дело —

нелегально торговать шоковыми пистолетами, сравнимыми по мощности с полицейскими, и совсем другое — оружие с выходной мощностью выше пятидесяти СЭЗ. Да и достать его было тяжело.

Выходит, особый покупатель всё-таки пришёл.

— Что-нибудь вроде «Шершня», — со знанием дела добавил Макс.

Вот подлец! Он даже модель угадал! А человеку, требующему военный карабин, либо отказываешь сразу, поскольку у того явно не всё в порядке с головой, либо даёшь требуемое, потому что в ином случае просто так тому такое оружие не нужно.

Вано постоял пару секунд, после чего удалился со словами «сейчас принесу». Вернулся спустя минут пять, Макс даже заскучать успел. Держал он в руках чёрный воронёный карабин длиной сантиметров в пятьдесят со слабо светящейся узкой искривлённой красной полосой, идущей от круглой рукояти и заканчивающейся там, где из корпуса выглядывало на несколько сантиметров круглое дуло. Чуть выше рукояти сзади расположился складываемый приклад — самый обычный, из не проводящего ток металла.

— «Шершень-12», — представил карабин Вано. — Пятьдесят два СЭЗ пиковая мощность, стандартный выстрел — пятнадцать СЭЗ. От одного до пятнадцати СЭЗ регулировка осуществляется усилием нажатия на пусковую кнопку, от пятнадцати и выше — её удержанием.

— И сколько времени нужно, чтобы выдать весь полтинник?

— Две секунды, начиная с момента нажатия. Из электроники только строгая привязка к владельцу, контроль осуществляется через снятие термограммы с ладони, так что использование перчаток не рекомендуется…

— Я знаю это всё, — снова оборвал его Макс. — Давай, начинай привязку. Сколько с меня?

Вано улыбнулся:

— Думаю, мы договоримся.

Спустя полчаса хмурый больше обычного Макс вышел из переулка и подошёл к поцарапанной полицейской машине. Заскучавший Дима обрадовался, увидев его. А затем увидел у него в руках два странных свёртка, один длинный, другой раза в два короче. Как только Макс сел в машину, он тут же протянул короткий свёрток напарнику.

— Это тебе, — сказал он.

— Тут есть новости, — Дима с любопытством взял свёрток и принялся разглядывать его в попытке угадать содержимое. — Передавали по полицейским частотам, что «Спрут» нанёс новый удар.

— И что на этот раз? — буднично поинтересовался майор. — Очередной никому не нужный резервный сервер?

— Если бы, — вздохнул Дима.

Он начал осторожно разворачивать свёрток. Из-под тряпки тут же вылез древнего вида охотничий двуствольный обрез с серым исцарапанным дулом и неудобной рукоятью, обшитой дешёвым коричневым пластиком. Никакой видимой электроники, даже вместо привычной пусковой кнопки торчит древний крючок. И сбоку на правом стволе какая-то надпись на китайском, видно, наименование модели.

— Что это за барахло? — удивился Дима. — На вид оно старше тебя раза в два. Подожди, оно огнестрельное?!

— Не ори! — болезненно поморщился Максим. — Башка болит. Нет, конечно! Энергетический обрез, самодельный, правда. Ну да, старый, сделан из одной из первых моделей китайских охотничьих ружей. Но самое главное — Вано сказал, что у него общая мощность выпускаемых зарядов на пяти метрах равна примерно сорока пяти СЭЗам! Да, нет привязки к пользователю, так что смотри не потеряй, когда будешь прикрывать мне спину! Что там с новостями, ты не закончил?

— Я… — Дима ошарашенно смотрел на обрез. — Я не буду из него стрелять! Сорок пять СЭЗ!!! А если попадётся кто-нибудь без брони? Он же умрёт на месте!

Макс вздохнул: в такие моменты этот парень здорово его бесил.

— У него разброс большой, — сдерживаясь, проговорил он. — Будешь стрелять до того, как кто-то подойдёт к нам на эти пять метров. Зато будешь перекрывать сразу большую площадь одним выстрелом! Все, кто без защиты, будут держаться подальше, а кто всё-таки подойдёт…

— Значит, он защищён, — сдался Дима. — Хорошо.

«Что-то он легко сдался», — промелькнуло в голове майора. Это было не к добру.

— Так что там передавали? — повторил он свой вопрос.

— «Спрут» обрушил систему управления транспортом во всём городе.

— Что? Когда?

— Пять минут назад. В СМИ ничего про это не было пока ещё, но первые сообщения про столкновения автомобилистов и образовавшиеся пробки уже появились. Тридцать пострадавших в разных частях города, и это только за пять минут. Скорая помощь с трудом добирается до мест аварий.

— И дальше будет хуже, — у Макса рефлекторно сжались кулаки. — Зараза! Ненавижу этих уродов!

— Константинов передал мэру распоряжение подготовиться к возможному введению чрезвычайного положения в городе. Во всей полиции объявлена круглосуточная боевая готовность.

— Значит, я вовремя купил пушки.

И Макс улыбнулся в предчувствии, что он скоро накажет засранцев, устроивших всё это. Теперь они будут играть почти на равных.

Глава 18

Вот он, рассадник лжи и лицемерия! О да, придя сюда вновь, Игорь увидел своих «товарищей» новым взглядом, свежим, не затуманенным пропагандой. Они делают вид, что сражаются за благое дело, что их цель возвышена, и что им приходится многим жертвовать. Но он-то видит их насквозь. На самом деле почти половина из них состоит в «Спруте» по любой из трёх причин: потому что это круто — состоять в банде, наверное, единственной на всю Землю; потому что их привели сюда их друзья, а вся эта возня со взломами и уничтожениями правительственных систем и серверов только лишь большой затянувшийся прикол; и просто потому что им больше некуда податься. Оставшаяся половина делилась на разного рода отбросов, хотя среди них и попадались идейные люди, действительно болеющие за их общее дело. Вот они-то и были костяком, а остальные — тупое мясо, которое при случае легко можно пустить в расход, чтобы самим остаться на плаву. Правильные люди.

А вот самому Игорю приходится сейчас носить маску, притворяться таким же, как и все остальные, не выделяться из толпы. Ждать, пока посеянные им семена дадут первые ростки. Хоть он и ненавидел ждать, но игра в маскарад ему нравилась, он легко мог примерить практически любую личину на себя. Ему никогда не составляло продумать довольно полноценные образы, личности и факты из их якобы когда-то существовавшей жизни. Это было весело, но довольно быстро эти его «личности» надоедали ему. Как правило, это заканчивалось обычной сменой круга общения, компании. Недавно так он уже сделал, и новая личина ещё не успела ему надоесть. Но его здорово бесило то, что ему придётся её носить до тех пор, пока его план не даст достаточно плодов.

— Хорошая работа, — Воробьёв одобрительно кивнул ему, когда Игорь и его группа только-только вернулись с прошедшей операции.

Игорь снова выделился, продемонстрировал недюжинный интеллект и смекалку, когда они пытались вломиться в серверную комнату центра слежения за общественным порядком. Он в «Спруте» был всего несколько дней, но уже успел сделать себе хорошую репутацию, заработать имя. Непосредственно работавшие с ним высоко ценили его, а остальные считали обычным выскочкой. И очень хорошо, что теперь репутация начинает работать на него — тот инцидент, когда Игорь столкнулся с Максом, захотев прикончить полицейского,

благополучно замяли. Его товарищи успешно списали это на расшатавшиеся нервы, оно и понятно — он довольно молод по сравнению с большинством других участников «Спрута». Какой здесь средний возраст? Тридцать пять? Сорок? Да, где-то так, остальные по сравнению с ним просто старики, почти все бесполезные ему.

На момент падения системы управления транспортом Игорь также находился во временном штабе движения. Он под прикрытием проявления инициативы пожелал остаться здесь, хотя на самом деле ему некуда, да и незачем было идти куда-то ещё. Он предложил свои услуги как начинающего хакера, и его поставили на подхват, если вдруг что-то пойдёт не по плану, но всё обошлось. К тому же, во время проведения этой операции штаб движения был наполовину пуст, и здесь можно было оглядеться и получше поболтать с некоторыми персонажами, проработать почву, так сказать. И, судя по всему, первая рыбка на его заброшенную удочку уже клюнула.

Рюд.

— Есть разговор.

Да, он вот так вот взял и подошёл к нему, всем своим видом показывая, что разговор окажется для Игоря не самым приятным. Из-за этого некоторые уже начали перешёптываться. Но Игорь знал, что на самом деле Рюд хочет сообщить ему нечто очень важное, ведь он заранее предупредил его об этом, попросил остаться в штабе.

Игорь любил подобные штуки — когда целое множество независящих друг от друга причин приводят его в одну точку. Это попахивало фатализмом, предопределением его судьбы, но он против не был.

Они в суровом молчании прошли несколько коротких коридоров, попетляли по подвальным помещениям, затем поднялись на починенном обычном шахтовом лифте на второй этаж. Остановились у массивной железной двери.

— Хочу показать тебе одну штуку, — сказал Рюд. — Это в сейфе.

Он достал из кармана длинный сложный замковый ключ с крохотным чипом встроенной электронной цифровой подписи — доставшийся вместе с сейфовой комнатой им от предыдущих владельцев сувенир. Древний как китайские тапочки способ защиты на современный взгляд, но всё ещё достаточно действенный в силу того, что большинство просто не знают, как такой замок взломать — у него нет не то что порта для беспроводного подключения, похоже, встроенная электроника вообще не поддерживает никакой вид связи.

— Зачем? — старательно делая равнодушный вид, спросил Игорь.

— Ты, вроде, нормальный парень, — пояснил европеец. — Не носишь розовые очки, как остальные, особенно Воробьёв.

Он вставил ключ в скважину и провернул его. За дверью что-то щёлкнуло, после чего дверь плавно отошла от дверного косяка на несколько сантиметров.

— Тем более, что его сейчас нет здесь, — продолжил Рюд. — Помоги дверь открыть, она тяжёлая. Я вообще считаю, что он неправильно поступает, скрывая это ото всех.

— Это? — Игорь оказался больше не в силах сдерживать любопытство.

Что же это там такое их святой лидер скрывает от практически всех своих друзей?

Они отодвинули массивную железную дверь толщиной в ладонь (бомбоубежище, не иначе) и вошли внутрь крохотной комнаты. Та долгое время была погребена под толстым слоем пыли, который совсем недавно практически весь убрали, оставив только по углам тёмные, въевшиеся в пол комки. Прямо по центру комнаты, под свисающей на проводе с потолка давно устаревшей лампой накаливания стоял квадратный пластиковый стол, обычно используемый на дачах, верандах и балконах для барбекю, шашлыков и обычных перекусонов на природе. А на этом столе лежал чёрный футляр из-под очков.

Рюд подошёл к нему, аккуратно взял в руки и раскрыл, достав оттуда идеально круглый кусок стекла размером с мелкую монету.

— Ты знаешь, что это? — спросил он, подняв стекляшку к лампочке над головой.

Под её светом внутри стекляшки отобразилось хитрое переплетение красных нитей. Сверкнули и тут же исчезли, едва Рюд опустил стекло и бережно и аккуратно убрал обратно в футляр.

— Промышленный носитель памяти, — задумчиво ответил Игорь.

— Принадлежавший «Астолу», — добавил важную деталь светловолосый европеец. — Ты что-нибудь слышал про проект «Хеймдалль»?

— Нет, а должен был?

— Не думаю, я так, на всякий случай спросил. В общем, первоначально его разрабатывали как программный модуль, который бы обеспечивал считывание психики человека непосредственно во время его контакта с виртуальностью. Модуль должен был внедриться во все терминалы и системы на уровне

ядра системы, чтобы его оттуда уже нельзя было выковырять.

— И кто заказчик? — задал вопрос Петров. — Неужто Министерство Внутренних Дел?

— В яблочко! Я знал, что ты догадаешься. Они пытались заставить программу привязываться к конкретному ГИНу, чтобы можно было собирать различные статистические данные…

— …И впоследствии оперировать ими, — закончил за него Петров. — Ещё одна сторона контроля над обществом, вот козлы, а! Но даже моих скромных познаний в области программирования хватает, чтобы утверждать, что это весьма трудноосуществимо. Неужели у них получилось?

— Нет, конечно, — усмехнулся блондин. — Чтобы у программистов «Астола» в кои-то веки получилось то, что они планировали создать? Не смеши меня! Но у них получилось кое-что поинтереснее. Помнишь, некоторое время назад в Сети и в СМИ появилось несколько сообщений об убийствах?

Игорь немного поднапряг память: обычно всё то, что он узнавал из СМИ, не задерживалось у него в голове дольше, чем на пять минут. Ну или до тех пор, пока он не забьёт себе голову чем-нибудь более важным.

Однако убийства сейчас были настолько редкими, что каждое из них вызывало в обществе шумиху, ажиотаж, жажду узнать об обстоятельствах как можно больше. И именно поэтому он помнил.

— Да, вроде бы, — неуверенно произнёс он.

Рюд удовлетворённо кивнул.

— Но при этом нигде в СМИ не упоминалось, как именно убили этих горожан, — заметил он. — Нигде! Даже в блогах. Полиция, конечно, кое-что знала, но они также ничего не нашли. Но благодаря небольшой утечке, нам удалось узнать обстоятельства этих дел. У жертв вызвали обширный инсульт практически всех сосудов головы — даже не мозга, а именно головы. То есть, кровь лилась отовсюду — изо рта, ушей, глаз, носа. Даже через кожу сочилась.

— Жестоко, — безэмоционально проговорил Игорь, хотя в глубине души восхитился этим методом.

Чуть-чуть потому, что он был слегка кровожадным, но больше потому, что данный способ убийства был изощрённым, продуманным. Это как искусство, им можно восхищаться, а можно и презирать.

— Одна из жертв вышла на нас непосредственно перед своей гибелью, — продолжал тем временем европеец. — И передала украденную ею копию проекта «Хеймдалль». А потом умерла. Мы с Воробьёвым так думаем, что это «Астол» их выкосил всех как

раз из-за этого проекта. Но, что более важно — он их убил этим же проектом!

Игорь опешил:

— Вот как? Ты уверен?

— Абсолютно. Мы изучили проектную документацию на этом носителе. И Воробьёв тут же принял решение спрятать копию проекта и никому её не показывать.

— Совсем? — удивился Игорь. — Но это же примерно то, чего «Спрут» и добивается, по крайней мере, частично. Почему бы не огласить сведения, не уличить правительство в том, что оно создало ещё одно средство уничтожения?

— До поры до времени отложили, — признался Рюд. — Но когда — решит сам Воробьёв.

Игорь задумался.

«Спрут» точно вскоре проиграет, это аксиома, даже доказывать ничего не надо. Воробьёв потерпит поражение, и потянет за собой на дно всех, кто следовал за ним до этого. Единственный вопрос — чего добьётся движение за этот, без сомнений, короткий промежуток времени. Игорь это понимал. Рюд это понимал. И Воробьёв, естественно, тоже.

«Хеймдалль». Жертвы были убиты дистанционно, посредством Сети, это следует из сказанного Рюдом. «Астол», бесспорно, продолжит свои разработки, и кто знает, к чему это приведёт. Но что если..?

— А если мы используем «Хеймдалль» в своих целях? — озарённый этой мыслью, спросил Игорь.

Недосказанные проблемы его собственного плана до этого кружились у него над головой. А теперь он почувствовал, как тучи над ним рассеиваются, небо очищается, и в нём остаются висеть только несколько серых облачков. Мелкие препятствия, не более.

— Поэтому я и решил тебе рассказать про него, — довольно оскалился европеец. — Ты — парень смышлёный, и понимаешь, что к чему. Как работает этот мир.

— Мне нужна копия, — несколько нетерпеливо потребовал Игорь.

Ему уже не терпелось заглянуть внутрь программного кода этого проекта.

— Сделаю, — тут же согласился его новый друг.

— Но нас двоих будет мало для этого.

— Ты, я слышал, уже подыскал парочку надёжных ребят из этого сброда.

— Откуда ты это знаешь?

Последний вопрос Игорь задал слишком резко. Он считал,

что он действовал аккуратно, скрытно, таким образом, чтобы никто не смог прознать. Петров хотел показать собранных им людей друг другу уже после того, как те бы окончательно перешли под его знамёна. Так было надёжней, ведь если у человека хватило смелости практически в одиночку противостоять всем, рисковать своей жизнью, своей свободой, то коллектив синхронно мыслящих товарищей подарит ему крылья.

— Не боись, — усмехнулся Рюд. — Я — тот, кто отвечает в этом движении за безопасность. По крайней мере, похоже, единственный, кто действительно о ней беспокоится.

— Ну хорошо, — Игорь немного успокоился. Но только самую малость. — Но действовать будем на моих условиях! Иначе у нас ничего не получится!

— Ладно! — Рюду это не сильно понравилось. Но он предпочёл уступить: — По рукам! Всё равно из меня никудышный начальник получится.

— Вот и правильно, — Игорь с большим удовольствием улыбнулся, обнажив зубы. — Тогда надо торопиться. Разговаривал тут я с одним хорошим разработчиком…

* * *

Макс хмуро оглядел беснующуюся толпу перед ним. Несмотря на то, что они с Дмитрием приехали сюда со включёнными сиренами и работающими мигалками, на них никто не обратил внимания.

За прошедшие несколько часов после поломки системы управления транспортными потоками положение на дорогах сильно ухудшилось. Полицию завалили сообщениями о сотнях мелких аварий и даже нескольких крупных. Народ настолько привык к работе автоматики в их автомобилях, что когда та отключилась, они на краткое время впали в ступор. После чего большинство умеющих водить автомобили вручную решили «Хрен с ней, с системой! Так доеду!». Практически полное отсутствие логики, где и как будет доехать правильней, большинство ехало там, где им казалось поближе и покороче. В результате абсолютно все ключевые дороги города оказались забиты вставшими в пробку машинами насмерть. Вот уже полчаса ни один автомобиль на Калугинском шоссе, соединявшем собой Волжский район с сектором «Астола», не сдвинулся с места ни на сантиметр. Светофоров нигде не было, конечно же, последний из них остался в Старой Самаре, ведь новым дорогам и системе управления транспортом они были не нужны. Зачем, если система

работает гораздо эффективней?

Но система рухнула, артерии города мгновенно закупорились. Автомобили в силу малого умения и полного отсутствия опыта вождения у водителей царапали друг друга, стукались и даже в исключительных ситуациях таранили. За пару часов больницы успели забиться хлынувшим потоком пострадавших.

Но и этого было мало. Если кто-то долбанул своей недорогой машиной престижный автомобиль, внезапно остановившийся перед ним, и при этом оба водителя оказались в состоянии выйти из них, то мгновенно вспыхивал конфликт. А если при этом получивший удар автомобиль въехал в стоявшую машину перед ним, а та по цепочке в следующую (по принципу домино), то конфликт перерастал в общественный беспорядок.

Так на этом проклятом перекрёстке и случилось. Серенький невзрачный минивен впечатался в зад вставшего в конец пробки шестиместного белого лимузина, тот в результате слегка тронулся с места и долбанул стоявший перед ним жёлтый автобус. У минивена и лимузина при толчке гравикомпенсаторы сработали как надо, а в автобусе, похоже, их работу давно не проверяли, и несколько пассажиров получили по синяку или ушибу. С одной стороны, будь они поодиночке, то ничего бы не случилось — ну, ударился, ну, ругнулся, и всё. А вот когда рядом с тобой точно такой же «раненый», а позади него ещё два десятка, последний из которых таки заметил, из-за чего их долбануло — тогда этот последний мгновенно указывает на виноватого. И разгневанный народ высыпает из автобуса на улицу, но теряется и начинает бить сам себя.

— Это ты меня толкнул! — кричал кто-то из толпы. — У меня из-за тебя башка трещит!

— Сам дурак! — летело в ответ. — Надо было держаться за поручни!

— Какие, к чертям, поручни?! Я зря что ли двадцать лет эти гравикомпенсаторы монтирую?

— Руки бы тебе вырвать за такую работу!

— Так вот из-за кого мы пострадали! Бей его!

— Кого?

— Да какая разница? Главное, чтоб не меня…

И в таком духе. Человек тридцать свалилось в единую кучу, облепив со всех сторон три пострадавших транспортных средства, и било друг другу морды. Из вставших за ними машин выглядывали любопытные люди, кто-то пытался дозвониться до полиции и скорой помощи, кто-то снимал на видео, а кто-то побежал разнимать дерущихся. Конечно, они быстро вливались в

драку и только усугубляли её.

— Идиоты, — мрачно заметил Макс, взобравшись на крышу их служебной машины.

— Полностью с тобой согласен, — подтвердил Дима. — Неужели нельзя было решить всё мирным путём?

В отличие от своего напарника, он не рискнул вылезать из машины. Здесь он чувствовал себя в относительной безопасности. К тому же, он сообщал диспетчеру через бортовой терминал, что они прибыли на место, и описывал ситуацию.

— Всем стоять! — крикнул в толпу Макс, но его приказ утонул в общем гуле. — Эх, сюда бы ЭМ-гранату. Штук десять, чтоб на всех хватило.

— Или большую электросеть, — предложил лейтенант, вспомнив ощущения от взрыва такой гранаты.

— Нет, — поморщился Макс. — Слишком гуманно для них.

Его бы воля, он бы сейчас взял и расстрелял толпу из его табельного пистолета, или взял бы обрез у Димы, который, кстати, денег за него пока ещё не вернул. Никаких переговоров, уговоров и прочих соплей. Они нарушают — значит, виноваты; раз виноваты, значит — наказать!

Макс оглянулся на напарника. Нет, пухлому парню это не понравится, надо попробовать ещё раз.

— Внимание, толпа нарушителей! — гаркнул он, набрав предварительно в лёгкие побольше воздуха. — Если вы через пять секунд не сдадитесь и не ляжете лицом вниз, то я открою огонь на поражение из своего табельного оружия! Время пошло!

Если его кто и услышал, то не обратил внимания. Мало ли какой там дурак влез на крышу машины и начал орать про применение силы? Не до него, тут кулаки во все стороны летят!

— Что ж, я дал им шанс, — пожал плечами Макс.

За обрезом ему было лень тянуться. К тому же, это было незаконно.

Он вытащил пистолет из кобуры, выставил на панели предел выходной мощности на семь СЭЗ — ровно столько, чтобы самые чувствительные вырубились на несколько минут, а самые стойкие к электричеству почувствовали очень болезненные, но отрезвляющие уколы.

— Получайте, засранцы!

И он открыл огонь по толпе, лихорадочно нажимая пальцем на пусковую кнопку и дёргая ствол в разные стороны, чтобы перекрыть со всех сторон пришедшую в ужас толпу. Никто не должен был сбежать.

* * *

— Народ негодует, — заметил Тимур, одновременно отправляя в рот остатки кекса.

— Ну, так мы этого и добивались, — кивнул Воробьёв. — Кстати, а почему здесь так холодно стало? Такое ощущение, что за окном минус двадцать! Вроде, рано ещё для морозов.

— А и вправду, — с удивлением признал Тимур.

В отличие от своего начальника и одновременно близкого друга, холод он ощущал в меньшей степени — помогал горячий чай. Сам Воробьёв же просто сидел напротив Тимура за небольшим обеденным столиком в своём кабинете и ёжился от холода.

— Зря я от горячего отказался, — пожалел он. — Нет, не понимаю! Отопление работает или нет?

— Должно, — ответил Тимур. — Я лично врезался в общегородскую сеть неделю назад. Тогда всё работало.

— Мы же за него не платим, может, они и отключили его?

— Не держи меня за идиота, их систему защиты от нелегального подключения и ребёнок обойдёт, она же совсем картонная! По возросшему потреблению тоже не могут вычислить, здесь линии старые, утечки на каждом углу. Скажи спасибо полузаброшенному корпусу «Астола» в паре кварталов отсюда — если бы не они, город бы просто отрубил эту линию за ненадобностью.

Воробьёв нахмурился:

— Так может, они и отключили?

— Вряд ли, — Тимур потянулся за вторым кексом. — Утром корпус точно работал, я мимо него проходил. Тебе чаю отлить немного? А то у тебя нос посинел.

— Давай.

Воробьёв залпом выпил парящую на холоде жидкость (Тимур плеснул её на самое донышко бокала — у самого мало осталось), после чего не вытерпел и встал со стула. Подошёл к окну, пощупал батарею.

— Холодная. — сказал он. — Градусов пятнадцать, она даже комнату остужает, получается.

— Быть не может! — воскликнул Тимур. — Какого хрена?!

Он тоже подошёл к окну и пощупал батарею.

— Проклятье! Неужели термический бак в подвале накрылся?

В коридоре раздались чьи-то шаги. Воробьёв торопливо, пока проходящий мимо них не скрылся, подбежал к двери в коридор и обнаружил за ней идущего с беззаботной улыбкой Петрова. Он был одет в свою уличную куртку, похоже, только что пришёл.

— О, добрый день, — остановился он у двери.

Они пожали друг другу руки. Рука у Игоря оказалась приятно

тёплой для замёрзшей жилистой кисти Воробьёва. Хоть так можно погреть её.

— Привет, — сказал Воробьёв. — Ты вниз?

— Э… ну да.

— Будь другом, принеси две кружки чая, да погорячее.

Тимур, словно перед этим прочтя мысли своего друга, уже протягивал оба бокала Игорю. Тот помялся секунду, но кружки взял.

— Хорошо, — согласился он. — Что-нибудь ещё?

— Да, — кивнул Воробьёв. — Не знаешь, что за фигня творится с отоплением? На улице не двухсотый день (примечание: календарная система в середине двадцать первого века изменилась, так как Григорианский календарь был признан не эффективным. С тех пор применяется система позитивного тринадцатимесячного календаря, в котором все месяцы по дням равны двадцати восьми и начинаются всегда с понедельника. Двухсотый день — примерно девятнадцатое Июля по Григорианскому календарю)!

— А, — сообразил Игорь. — Так это моя идея! Мы с Рюдом её реализовали сегодня утром. Внедрили червя на городскую ЦСТС (примечание: Централизованная Система Теплового Снабжения).

— На фига? — возмутился Воробьёв. — В наших планах ничего подобного не было! Что за самодеятельность?!

Улыбка на лице Игоря угасла.

— Я лишь хотел проявить инициативу, — спокойно ответил он. — Я посчитал, что благодаря таким мерам в этом городе каждый заметит, как сильно он стал зависеть от всей этой автоматики. Уж ни это ли мы пропагандируем — отказ от автоматизации большинства процессов? И не этого ли мы хотим, чтобы все поняли, какую мысль мы несём? Все, а не только те, кто выходит на улицы. В Новой Самаре пять процентов жителей покидают свои дома только раз в месяц! А вы оба знаете, что такое пять процентов от нескольких миллионов? Это те, кого бы вы без меня обошли своим вниманием!

— Но из-за тебя мы теперь вынуждены мёрзнуть! — рявкнул Тимур. — Впредь обо всех подобных действиях ты должен предупреждать нас обоих заранее, ты понял?

— Понял, — сокрушённо буркнул Игорь. — Сейчас чай принесу.

И он решительно удалился.

Воробьёв некоторое время смотрел ему вслед, после чего вернулся вместе с Тимуром к обеденному столику. Сел напротив него и сказал:

— А он дело говорит.

— Что, ты даже не будешь меня ругать за то, что я на него накричал? — удивился тот.

— Нет, а зачем? — удивился Воробьёв. — Ты же прекрасно знаешь, что мне на подобные вещи всегда плевать было.

— Вот поэтому-то ты и не женат, — усмехнулся Тимур. — Для тебя что остывшая батарея, что живой человек — одно и то же.

— Ты утрируешь, — смутился Воробьёв. — Но парень всё равно молодец, хоть и не предупредил нас. Я как-то упустил отопление и эти пять процентов хикки из виду.

Тимур обеспокоенно посмотрел в сторону коридора.

— Очень надеюсь, что после этого Игорь нам не плюнет в чай.

Глава 19

— Как меня всё это заколебало, — проворчал Макс, устало плюхнувшись на диван в комнате для отдыха.

Никита Сергеевич, до этого момента наслаждавшийся игравшим по радио акустическим блюзом, сделал радио потише, чтобы не мешать.

— Что именно? — Дмитрий аккуратно присел рядом.

— Всё это, — майор кивнул головой в сторону окна. — «Спрут». Проклятые пробки на дорогах. Спятившие люди, которым не терпится набить друг другу рожи, дай только повод.

— Безнравственность, — философски заметил Дима. — Контроль ослаб, а мозги жиром заплыли. Плюс ещё этим мелкие поджоги по всему городу действуют им на нервы. Они постепенно теряют доверие к властям, поэтому и выходят на улицы устанавливать свои порядки. Слава Богу, что всё более-менее мирно проходит.

— Уж я бы показал им настоящий контроль, — зловеще пробормотал Макс. А потом рявкнул: — Да когда же отопление дадут? Задолбало руки морозить! Третий день уже нету!

— Говорят, что на ЦСТС какого-то червя нашли в локальной сети, — встрял в разговор Никита Сергеевич, которого из-за последних событий никак не хотели отпускать на заслуженную пенсию. — Послезавтра обещали вернуть цивилизацию в дома.

— Цивилизацию, да? — хмыкнул Максим. — Уж лучше бы я сидел с теплом, но без Сети.

— Это ты. Не я, заметь.

Это в комнату вошёл Серёга. Он из всех (ну разве что ещё Дмитрий) был единственным, кто особо не мёрз. Но вид у него был усталый и обеспокоенный.

— Сеть тупить начинает, — раздражённо сказал он. — За последний час каждый десятый сетевой пакет не доходит у нас. И это с учётом применения помехоустойчивого кодирования, так что боюсь даже представить, какая бы была связь без него. К тому же появились какие-то странные рывки при видеотрансляции. Такое ощущение, что центральные узлы передачи данных не справляются с нагрузкой. Но это невозможно!

— Почему? — удивился Дима. — Насколько я знаю, инфраструктура Сети у нас в городе не менялась уже лет как двадцать, да и в других городах, собственно, тоже. Запасы в ширине каналов гигантские должны быть.

— Вот и я о том же! — недоумевал Серёга. — К тому же, со всеми этими технологиями сжатия траффик наоборот ослаб за те

же двадцать лет. Я специально сегодня смотрел статистику. На десять процентов падение! А тут как будто всё начало забиваться. Совсем как…

— На дорогах? — предложил Макс.

Даже он с его скудными познаниями в области информационных технологий понял его сравнение. Пробок на дорогах тоже очень давно никто не видел. Собственно, почти с тех самых пор, как запустили автоматизированную систему управления транспортным потоком (ну, ещё необходимо вспомнить про пять лет её оптимизации).

— Верно, — после заминки подтвердил Серёга. — Хотя я хотел сравнить с… а, не важно!

— Может, здесь тоже кто-то начудил с какой-нибудь Центральной Системой Маршрутизации? — предположил Никита Сергеевич.

— Старик, откуда у тебя в голове взялся этот бред? — поморщился айтишник. — Из учебника по истории? Ну, так загляни туда же — маршрутизация как технология умерла в конце двадцать первого века! В Сети нет никакого центра! Есть только отдельно взятые сервера да системы, делающие определённые вещи, как, например, та же система подачи тепла, но никаких Центров Управления. Принимающее устройство, передающее устройство, да между ними у…

Он запнулся. Секунду стоял, покачиваясь и лихорадочно соображая, пытаясь сделать вывод из так и не законченного им предложения. А потом кинулся к телевизору на стене, подключился к нему через свой наручный терминал и вывел на голографический экран карту города.

— Кто тут говорил про поджоги? — громко и резко спросил он. Его глаза требовательно сверкали, словно от него сейчас утаивали жизненно необходимую информацию. — Я ещё в коридоре услышал конец вашего разговора! Кто?

— Вроде как я, — Дима неуверенно поднял вверх руку.

Серёга тут же подскочил к нему, взял его левую руку и, чуть сдвинув манжет рубашки дальше по руке, ткнул пальцем в его наручный терминал. Тот тут же высветил красное окошко-предупреждение о несанкционированной попытке доступа.

— Надо же, кто-то всё-таки читает к ним инструкцию, — Серёга тут же сделал шаг назад от своего коллеги. Немного успокоился, хотя его дыхание всё ещё оставалось тяжёлым. — Хех, защитился. В общем, Дим, наложи на мою карту города новым слоем места возникновения пожаров.

— Все? — удивился тот. — Я не знаю, их может быть очень много. К тому же, у меня нет доступа к базе данных пожарного

отделения — нужно делать официальный запрос.

— Какие вспомнишь, — махнул рукой Серёга. — Давай за последние сутки… нет, за последние трое суток.

Дима посидел, подумал где-то с минуты две, а потом потыкал в своём терминале и наложил новый прозрачный слой на карту Новой Самары, обозначив несколько адресов жирными чёрными точками.

— Всего четыре? — разочарованно протянул айтишник.

— Ты забыл ещё три.

Макс встал с дивана и уверенно ткнул пальцем в несколько домов возле Центрального Парка.

— Здесь, здесь и здесь, — твёрдо сказал он. — Ровно трое суток назад с перерывом где-то в час.

— Ого, — поразился его памяти Никита Сергеевич. — Видать, эти пожары сильно тебя чем-то зацепили.

— Петров, — твёрдо и кратко пояснил Макс, возвращаясь обратно на диван.

В этой комнате его понял только один человек — Дима. Для остальных же, что Петров, что Сидоров, что Пупкин — без разницы, сплошь незнакомые фамилии, ассоциирующиеся с вымышленными персонажами из школьных задачек по математике. Как говорится, у Иванова было два литра авиационного керосина, а у Петрова три. Вопрос: кто кого победит, если у Петрова есть граната с напалмом, а у Иванова отец — влиятельный федеральный прокурор?

— Я знаю несколько, — тоже решил поучаствовать Никита Сергеевич.

Он показал на карте ещё две точки, одну неподалёку от здания полиции, а вторую…

— Разорви меня горгулья, только не возле памятника Гагарину! — воскликнул Серёга. — Теперь мне всё ясно!

— А что там было возле этого памятника? — нахмурился Дима. — Я живу неподалёку, там возле этой точки метров на пятьдесят нет ничего. Фонтан с дельфинами, беговая дорожка, несколько скамеек…

— Под землёй, — ответил Серёга, пальцем указав на пол у себя под ногами. — На том месте зарыт один из основных городских ретрансляторов. И в других местах пожаров — тоже. Вот упыри, а? Неймётся им!

— Ретрансляторы? — переспросил Макс.

— Смотри, — Серёга перехватил управление телевизором обратно и наложил ещё один слой поверх этих двух. На городской карте тут же появилось множество, около сотни, различной величины синих точек — ретрансляторов. Почти все самые

крупные точки совпали с чёрными отметками. — Рассматривай ретрансляторы как узловые точки связи. Если вывести из строя один, пусть даже самый крупный, то ничего не будет. Нагрузка перераспределится на оставшиеся. Эти упыри из «Спрута» выжгли несколько основных, но не все. Из-за этого перебои и начались.

Полицейские молча смотрели на карту с синими и чёрными точками. А потом Никита Сергеевич спросил:

— А что будет, если они выведут из строя все узлы? Мы лишимся связи?

— Все они не выведут, — заверил его Серёга. Он постучал пальцем по корпусу своего наручного терминала. — Эти штуковины способны сами организовывать Сеть, соединяться друг с другом. К тому же, есть переносные ретрансляторы. Конечно, они маломощные, да и радиус действия у них на открытом пространстве всего две сотни метров без падения производительности, но достаточно будет хоть одному с терминалом быть в зоне его действия, чтобы обеспечить доступ к…

Он запнулся. Хлопнул себя по лбу:

— Так вот чего они добиваются! Хотят отрезать нас от Всемирной Сети, её ресурсов, оставив нам только возможность связываться друг с другом.

— Надо сообщить Константинову! — вскочил Дима и тут же убежал к начальнику.

— Не дрейфите, это очень трудно осуществить! — заверил оставшихся двух своих коллег Серёга. — Эта сотня ретрансляторов — те, о которых я знаю. В общем доступе процентов девяносто из них, про оставшиеся узнал из утёкшей информации из корпоративных сетей. Так что есть ещё как минимум две-три сотни других корпоративных ретрансляторов. Тот же «Астол» — у него независимая Сеть, если что — поделится. Да и военные ретрансляторы должны быть тоже.

— А я и не волнуюсь, — усмехнулся Макс. — Пока у меня есть, где поспать да что поесть — плевал я на все эти ваши сети с высокой колокольни. Подумаешь, не будет некоторое время телевидения. Ну и фиг с ним! А порядок мы на улицах наведём.

— Ты уверен? — засомневался хакер. — Сколько сейчас семей заказывают доставку продуктов на дом через Сеть? Три четверти или четыре пятых? Представь, что будет, если хотя бы пару дней они этого лишатся.

— Пожрут на улице, — отмахнулся Макс. — Забегаловок пруд-пруди, на каждом углу стоят.

— Ага! И в каждой из них очередь на десять минут сейчас. А что будет, если хотя бы половина из этих трёх четвертей выйдут

на улицы, чтобы поесть? Где ты столько еды возьмёшь? И это — только одна из тысячи вещей, что мы делаем через Сеть! Здесь надо будет уже армию вызывать, чтобы держать всё более-менее под контролем.

— А я вот волнуюсь, — снова встрял в разговор Никита Сергеевич. — Радио замолчало. Это ведь не хорошо, да?

В зале на несколько секунд воцарилась мёртвая тишина.

— Ресурс не доступен, — равнодушно пожал плечами Макс, сбрасывая оцепенение. — Всё равно от твоего трыньканья на балалайках уши вянут.

— Замолчало не только радио, — заметил Серёга, ковыряясь в своём наручном терминале. — «Вне зоны действия Сети». Быть не может! Пора вызывать армию в город!

Он сорвался с места и побежал вслед за Дмитрием, докладывать Константинову.

Макс и Никита проводили его взглядами, после чего в гробовом молчании уставились на так и оставшуюся на экране карту города.

— Кофе будешь? — спросил Макс у старого друга. — Погреться?

— Тогда с коньяком, — согласился тот. — Пятьдесят на пятьдесят.

* * *

Игорь гордо оглядел своих товарищей, тех, кого ему удалось с таким трудом собрать. Каждый был беззаветно предан делу и трудился на благо их компании в поте лица вот уже несколько дней. Конечно, в этом небольшом помещении в полуразрушенном здании неподалёку от штаба «Спрута» их поместилось немного, но много их и не нужно было. Только самые преданные ему (хотя в этом плане он не был уверен в них на сто процентов — предавшие Воробьёва, почему они так же не могут предать его?), и только самые талантливые из сетевых программистов из отобранных им людей. Те, кому он мог доверить такое важное дело.

Каждый из них понял самостоятельно, что ни Воробьёв, ни «Спрут» далеко не уедут на своём энтузиазме. Каждый из них, побеседовав всего ничего с Игорем, признал в нём единомышленника и настоящего лидера (правда, некоторых в этом плане Игорь убедил силой). Каждый из них был готов сделать всё необходимое, когда придёт время.

Конкретно сейчас группа разработчиков заканчивала очень

важное дело. Петров практически сразу же после той беседы с Рюдом про проект «Хеймдалль» получил его копию, после чего уединился и залез с головой в программный код и документацию. Он увидел недостаток проекта и смог придумать примерный способ его устранения, но у него не хватило умения. Он не был крутым программистом. А те, кто сейчас сидел здесь — были. Они помогли ему довести до конца проект, переписать его код под собственные нужды и немного облегчить, чтобы его было проще распространить. Он и не доверил программный код в его целом виде своей команде — просто раздал необходимые куски и сказал, что конкретно нужно сделать. И они сделали, а он потом сшил все эти куски воедино. Не спал целых двое суток, разбираясь в коде проекта.

Результат его впечатлил даже несмотря на то, что он пока ещё не проверил работоспособность проекта. И все последние сутки он и его команда занимались тем, что помогали проекту «Хеймдалль версия два» распространиться по Сети. Самостоятельный алгоритм распространения у проекта, вернее, уже вируса, был, причём довольно простенький, написанный лично Игорем, но из-за последних действий «Спрута» по уничтожению узлов передачи данных и попытке обрушить Сеть в Новой Самаре лучше было помочь вирусу распространиться как можно быстрее.

Им хватило ума переписать весь код вируса таким образом, чтобы автоматические поисковые системы «Астола» не обнаружили их утёкший программный модуль. Благо, весь код оказался коротким. Игорь не переставал удивляться этому:

— Просто поразительно! — с придыханием произнёс он, когда они с Рюдом сидели и обсуждали их общие планы пару дней назад. — От такой убийственной штуковины я ожидал увидеть длиннющий код с миллионами строк. А оказалось, что его целиком можно прочесть и вникнуть всего за два с половиной часа!

— Всё гениальное — просто, — усмехнулся Рюд.

— Действительно гениальная вещь, — подтвердил Игорь. — И при этом была создана случайно! Видать, Судьба действительно существует, раз человечество всё продолжает изобретать простые и эффективные способы убийства самого себя.

— Это просто случайность! — поморщился его собеседник. — Никакой Судьбы здесь нет, не верь во всякую чепуху!

— Такая же случайность, как и открытие деления атомного ядра, — заметил Игорь. — И изобретение пороха. Блин, мужик, даже технологию прочистки мозгов изобрели тоже случайно! Они же хотели создать первый человеко-машинный интерфейс, а

получили ещё один способ превращения человека в овощ и контроля над обществом. Через пару дней мы закончим с модификацией кода и начнём его распространение. Необходимо, чтобы он был везде, абсолютно во всех системах и терминалах мира! Я хочу дать шанс обществу хоть один раз отомстить властям.

— Благородно, — одобрил Рюд. — Но как ты собираешься это сделать?

— Увидишь, когда придёт время, — туманно ответил Петров. — А пока у нас есть две проблемы, вернее, препятствия. Первая — это код, его модификация, но мы уже близки к разрешению. А ко второму препятствию приступим сразу же после этого. Да, и мне понадобится твоя помощь в этом.

— Объясняй, я внимательно слушаю.

* * *

Неделя подходила к концу. Очень насыщенная событиями неделя. Периодически вспыхивали мелкие пожары, уничтожавшие узлы передачи данных по Сети, в результате чего нагрузка на оставшиеся функционировать ретрансляторы возрастала. Город был заполнен невесть откуда взявшимся гигантским количеством автомобилей, на которых практически никуда невозможно было уехать — пробки. Пробки забили все дороги, не только основные, но и стандартные межквартальные. Город встал. Повсюду была слышна брань и ругань, сыпались вопросы по поводу «куда смотрят полиция? Где она вообще?», но на них никто не отвечал. Нагрузка на Сеть однажды дошла до того, что повторила ситуацию на дорогах, и ряд электронных услуг, в том числе правительственных, перестал функционировать — слишком большие задержки. На другом конце канала просто никто не мог ответить — ни человек, ни машина. Среди населения усилились негативные настроения, появились волнения, периодически вспыхивали драки, причём, по самым разнообразным поводам. Кому-то не хватило еды (и это в двадцать втором веке при складах, ломящихся от тонн практически бесплатной еды «Wootz», которую за вкус, а так же из-за схожести написания в шутку прозвали дровами). Еды-то полно на складах, но кто и как её должен был теперь доставлять, когда вся автоматика сдохла, и забились дороги — не понятно. Раньше всё регулировалось через Сеть, а грузовой транспорт был беспилотным (хотя места для водителей и были предусмотрены).

Власти боролись с этим как могли. Восстановили работу

заброшенной ветки монорельса, чтобы горожане могли хотя бы между районами нормально добираться, сделав при этом проезд бесплатным. Открыли по всему городу прокаты велосипедов, сегвеев и трициклоподов на гравитационных подушках. Срочно обучили несколько бригад регулировщиков, однако большинство водителей всё равно не понимали, что те показывают. Открыли вакансии в полиции, пообещав на контрактной основе дать много денег и кучу других «плюшек» вроде личного автомобиля, семейной туристической поездки на Марс и т. д. Правда, на всё это народ плевать хотел.

Администрация города официально обратилась к крупнейшим фирмам и корпорациям города с требованием предоставить во временное пользование их корпоративные ретрансляторы, дабы обеспечить функционирование нескольких важнейших услуг для города. Полным ходом шло восстановление системы управления транспортным потоком, но внезапно оказалось, что самая актуальная копия не доступна, и имеется только одна из первых версий, практически не отлаженная. К тому же в ней не были предусмотрены новые построенные улицы, а их добавление тоже требует времени. И поэтому ждать работоспособную систему раньше конца следующей недели никак нельзя. Хотя Сеть всё равно работает с перебоями, даже правительственные ретрансляторы, так что толку от этой системы не будет.

Всё упиралось в Сеть. «Спрут» знал, что делал. Он совершил предварительный подкоп под современную информационную инфраструктуру города, незаметно и быстро ослабил её, выгрыз всё нутро. А потом цепочкой мелких, но болезненных ударов всё обрушил.

Сейчас на каждом десятом человеке был хотя бы один символ «Спрута», будь то голографическое изображение над головой, живая татуировка, раскрашенная куртка, шапка или бандана, или даже самый обыкновенный нагрудный значок, правда, из пластика, а не жести. Фасады домов сплошь разукрашены граффити с символикой движения. Сайт движения — чуть ли ни единственный ресурсом в Сети, куда можно было попасть без проблем. Каждый двадцатый горожанин наизусть заучил речи, которые произносил Воробьёв в своих видеопосланиях. Его знали в лицо, он стал чертовски знаменит. Для стариков и просто взрослых людей он был сродни террористу, бандиту, который нарушил старый порядок, существовавший годами. Его проклинали, постоянно поминали недобрым словом, винили во всех бедах и злодеяниях, которые сейчас творились на улицах. И они были правы, ведь именно он всё это устроил. Но при этом

почти вся молодёжь, да и несколько людей старшего поколения, в основном из интеллектуальной элиты, признавали его правоту. Пускай неприятным способом, не лишённым недостатков, но Воробьёв постепенно добивался своего — показывал современному обществу его ущербность в зависимости от информационных технологий. Он практически ввергнул за несколько суток один из крупнейших и относительно благополучных городов в пучину хаоса и беспорядка, а скоро и беззакония. Человек настолько привык к поддержке информационных технологий в большинстве процессов своей деятельности, что теперь даже без одной-единственной вещи — Сети — не мог даже поесть толком. Приходилось рано вставать и занимать места в бесконечных очередях за тем немногим, что оставалось в прилавках. Хорошо хоть тепло восстановили, но именно это событие стало последней каплей.

Собирались митинги, сообщества и группы, которые шли на приём в городскую администрацию с предложениями дизавтоматизировать некоторые процессы, вновь вернуть ручной труд. Пару раз даже высказывались предложения построить новое общество, основанное на самых современных технологиях, но при этом с полностью ручным трудом. Конечно, всё это рубилось на корню.

Но Воробьёв улыбался эти дни. Он ощущал, что он совсем близко подошёл к своей цели, и их до сих пор никто не остановил — не смогли, хотя и пытались. Вот что значит тщательно подготавливаться! Но он также прекрасно понимал, что момент его триумфа ждёт его буквально за углом, что он несётся ему навстречу со скоростью света. И теперь самое главное — не проморгать. Произнести самую важную речь его жизни, обеспечив при этом условия, чтобы каждый в этом городе, а также по максимуму и в других городах, услышал его, внял ему и последовал его идее.

Но перед этим необходимо было сделать финальный рывок — выполнить свою часть сделки с Мистером Икс. Воробьёв не знал, одобряет ли тот сейчас его действия или нет, следит ли он за ним или же спокойно нежится на пляжах Эдема с местными полуголыми девицами. Но нарушать данные обещания не ходило в привычках Воробьёва, к тому же, он не видел в этом смысла. Почему бы и нет? Ведь это наоборот поспособствует его успеху, выгодно оттенит правительство и облагородит его самого! Тем более что за устроенное им ему всё равно светит смертная казнь. Правительство обязательно поймает его и повесит на него все беды, причиной которых он стал. Это неизбежно, ему просто некуда деваться.

Механизмы правительства всегда были неповоротливы, медлительны, инерционны — и многие этим пользовались. Воспользовался и он. Создал шумиху, под которую провёл практически всё, что задумывал. Но он уже видел, как над ним зависло невидимое лезвие гильотины. Осталось только протрубить в фанфары и под торжественный фейерверк сдаться властям, отдав себя в полное их распоряжение. Он может сбежать из города, но не сможет покинуть планету ни при каких обстоятельствах. А на планете его найдут обязательно, это в городе он может затеряться на некоторое время. Если он останется здесь, то протянет ещё несколько дней благодаря множеству заброшенных зданий и подземных туннелей в Старой Самаре, куда пока никто не суётся. Но Рюд и Тимур ему уже сообщили, что в город для подавления беспорядков собираются вызвать армию, а те-то уж точно прочешут весь город. Не спрятаться.

Так, значит, действительно осталось только выйти на публику с гордо поднятой головой. Но сначала он должен организовать трансляцию видео, в котором он опубликует данные по «Хеймдаллю».

* * *

Здесь собралось много народу. Не очень большое старое производственное помещение было забито до отказа. Воробьёв не хотел шумихи по поводу своей сдачи, но, похоже, его товарищи по движению считали иначе. Тимур заканчивал возиться с внешним видом Воробьёва, подготавливая его к последней видеотрансляции в live-режиме. Рюд показывал отчёт по проведённой им работе — распространению на большинство терминалов и серверов мира небольшого вируса, который позволил бы вести не закрываемую трансляцию на все устройства, которые только способны показывать видеопоток (то есть, на девяносто девять процентов устройств). При этом он сдержанно нахваливал проявившего в очередной раз инициативу новичка Петрова Игоря.

— Молодец, парень, — Воробьёв крепко пожал ладонь Игорю. — Не перестаю тебе удивляться.

— Стараюсь изо всех сил, — искренне заверил тот, скромно улыбнувшись.

— Ты оказался очень ценен в этой команде, — продолжил Воробьёв. — Если бы не ты, то ничего этого бы не случилось. Ты уже несколько раз спасал нас всех, пусть и не всегда явно.

Серьёзно! Ты, похоже, самый ценный кадр в нашем движении, и я рад, что мне удалось с тобой хоть немного поработать.

— Звучит так, словно ты собрался помирать, — поморщился Тимур. — Жень, не переборщи с похвалой, а то Игорь совсем разомлеет!

При этих словах Петров собрал всю свою волю в кулак, пытаясь не сорвать с себя играемую им сейчас роль. И ему это удалось.

— Если бы у тебя не было проблем с законом, то ты бы непременно стал высокооплачиваемым сотрудником в какой-нибудь престижной компании, — добавил Воробьёв. — Я был предпринимателем некоторое время назад, и я знаю, что из себя представляет большинство современных работников. Это тупые…

— …и ленивые идиоты, знаю, — закончил за него предложение Игорь.

— Я рад, что собравшиеся здесь люди не такие! — громко выкрикнул Воробьёв.

Тимур одобрительно кивнул: эту фразу, как и некоторые другие, он специально подготовил для своего друга, чтобы тот выучил их и произнёс в нужный момент. Воробьёв не особо хотел этого делать, не видел смысла. Ему казалось, что своими действиями он и так всё прекрасно демонстрирует, что им ещё надо? Но Тимур был непреклонен.

Воробьёв и Тимур переглянулись.

— Пора, — твёрдо сказал лидер движения. — Камера работает? Как тебя… Андрюха?

Парень, примерно того же возраста, что и Петров, один из совсем недавно вступивших в «Спрут», показался из-за стоявшей на треноге круглой шарообразной металлической камеры. Это был двухметровый худой парень в мешковатых бежевых штанах с ширинкой на уровне колен, кучей всяких надетых джемперов с замками и капюшонами, а так же с торчавшими из-под вязаной вручную шапкой в зелёную полоску с пушистым помпоном и свисавшими как спагетти длинными светло-русыми волосами.

— Ща всё будет, братюнь! — заверил его Андрюха, показав два поднятых больших пальца. — Только отполирую глаз у моего блестящего железного яичка.

Говорил он очень быстро, подкрепляя практически каждое своё слово активной мимикой и каким-нибудь театральным движением.

— Э… — растерялся Воробьёв. — Что?

Андрюха хлопнул себя ладонями по штанам, мол, точно, этот старпёр же ни слова не понял из моей болтовни!

— Говорю, надо объектив протереть, — тщательно и с явным

трудом подбирая понятные слова, повторил Андрюха. — Пять сек, папаш!

Он улыбнулся, обнажив неровные желтоватые зубы, явно настоящие, и обеими руками указал на объектив, при этом показав, как именно он собирается его протирать.

— Да протирай уже! — закатил глаза Тимур. — Время идёт! Ох, где вы этого клоуна только взяли?

— На улице ошивался, — тут же ответил Игорь. — Хотел попасть к нам. Ну, я и не стал ему отказывать, тем более, что он был до ужаса настойчив.

— Готово, пацаны, — Андрюха скорчил довольную рожу. Только, чур, не брызгать фонтаном слюней в этот глазик, ага? Хотя, чего я беспокоюсь? Это же не моя камера! Фиг с вами, изображайте верблюдов сколько душе угодно…

— Заткнись! — рявкнул на него Тимур. — Пятнадцать секунд до начала. Всем соблюдать тишину!!!

Толпа их соратников тут же затихла, прекратились тихие перешёптывания, всё замерли. Было слышно только, как парочка простывших отчаянно пытается шмыгать носом потише.

Воробьёв встал прямо напротив камеры и мысленно прокрутил всё, что он собирался сейчас сказать. Бросил вопросительный взгляд сидящему в пяти метрах слева от него оператору терминала — готов ли код «Хеймдалля» для огласки? Получил утвердительный кивок и успокоился. Тимур встал от Воробьёва по правую сторону, сделав при этом ещё шаг назад. Так его будет видно в объективе, но всё внимание будет ловить именно Воробьёв. Рюд невозмутимо отступил в сторону, чтобы не попасть в кадр. Игорь потоптался на месте и робко спросил:

— А можно последнюю услугу?

Тимур хотел было рявкнуть на него, что тот не сохранил установившуюся тишину, но Воробьёв остановил его жестом.

— Какую? Только быстро.

— Десять секунд! — прошипел Тимур.

— А можно мне встать по левую сторону от тебя? — Игорь с мольбой посмотрел на лидера движения.

— Уверен? — нахмурился Воробьёв.

— Пять секунд!

— Абсолютно.

Воробьёв кивнул: почему бы и нет? Парень действительно много сделал. И теперь хочет получить толику славы. Конечно, для него тогда обратной дороги не будет, раз уж он засветит своё лицо перед столькими людьми, но Игорь, судя по его уверенному выражению лица, прекрасно это понимает.

Игорь быстро подскочил к Воробьёву, развернулся лицом к

камере и встал позади лидера на одном уровне с Тимуром.

— Три, два, один, — отсчитал Тимур. — Включай!

— ОК, — принял команду Андрюха. — Та-а-ак… сейчас отсюда вылетит птичка… стоп, это, кажись, из другой оперы. Где же…

Тут он издал странный звук, больше похожий на посапывание спящего человека, только с голосом. И призвуком отчаяния.

— Включай давай! Что ты копаешься?

— Где у этого ведра кнопка? — взволнованно пропищал Андрюха.

— СИНЯЯ!!! Кто-нибудь, помогите ему…

— Ух-ху! Нашёл!!! — радостно вскинул руки Андрюха и демонстративно нажал длинным тонким пальцем на горящую синюю точку.

— Есть соединение! — доложил тут же оператор терминала. — Около пятнадцати миллиардов клиентов.

Кто-то в зале присвистнул и тут же получил подзатыльник от соседа.

Воробьёв собрал волю в кулак, вдохнул побольше воздуха в лёгкие и начал свою речь. Сначала он представился, объяснил, кто он, откуда, какое движение представляет. Проговорил кратко основные лозунги «Спрута», процитировал некоторые фразы в адрес движения, которые он услышал на улице от обычных горожан и которые ему понравились. Представил Тимура и Игоря. Затем последовательно рассказал, как он организовал подготовку к проведённым в Новой Самаре действиям, как и в каком порядке осуществлялся его план и, что самое важное, подвёл итоги всей деятельности «Спрута».

Он начал волноваться, это чувство накатывало на него волнами, то отпуская, то подбираясь к глотке и впиваясь в неё зубами. Но присутствие за спиной его товарищей помогало ему в данный момент.

— А теперь я перехожу к самой сути моего последнего послания, — торжественно проговорил Евгений Воробьёв. — Из надёжного источника, а именно нескольких бывших сотрудников корпорации «Астол», чьи имена вы сейчас можете видеть на своих экранах, мы получили…

Он запнулся: от волнения у него пересохло в горле. Перевёл дыхание, продолжил:

— Мы получили исходные данные, в том числе программный код и большую часть документации по незавершённому проекту «Хеймдалль». Данный проект разрабатывался в недрах корпорации «Астол» по заказу Министерства Внутренних Дел Земли. Согласно первоначальной заявке, этот проект должен был

стать новым программным модулем, распространённым на все терминальные устройства сначала Земли, а затем и в остальных колониальных поселениях и станциях. Он должен был вступать в тесное взаимодействие с человеческой психикой…

Он снова запнулся. В горле запершило сильнее, он прокашлялся. Его бросило в жар, заболела голова. Должно быть, из-за той выходки Петрова с отоплением он всё-таки простудился.

Тимур позади него аккуратно и тихо прочистил горло, тонко намекая на затянувшуюся паузу.

Ладонь Игоря легла на плечо Воробьёва, мол, всё в порядке, соберись и продолжай.

— Он должен был вступить во взаимодействие с человеческой психикой в тот момент, когда человек входил бы в виртуальную среду, — с трудом закончил предложение Воробьёв. Ему пришлось сделать серьёзное волевое усилие над собой. — Правительство хотело таким образом усилить контроль над обществом. В момент входа в виртуальную среду программный модуль должен был считать с человека его психику. Модуль должен был отправить собранные данные, а специалисты объединили бы их в статистику. И этой статистикой они могли управлять, мягко корректировать психику каждого отдельно взятого гражданина в момент входа в виртуальность — тот бы даже этого не заметил, так как изменения были бы незначительными.

Внезапно у него по горлу внутри начало течь что-то горячее. Неужели сопли так быстро появились? Десять минут назад он чувствовал себя прекрасно, а теперь у него было ощущение, что в нём уже неделю бушует лихорадка.

Стало трудно дышать, волосы взмокли, закружилась голова, а уши наполнились пронзительным звоном. Он закашлялся, уже больше не в силах сдерживаться, прикрыл ладонью рот. Рядом с ним кашлял его друг Тимур, неожиданно согнувшийся в три погибели. Выглядел он не лучше. Видать, вирус они подхватили вдвоём.

Воробьёв захотел прервать видеотрансляцию, отойти ненадолго, наведаться к врачу, так как он чувствовал, что вот-вот сляжет в койку. Но до этого мягкая ладонь Игоря словно налилась металлом, сжав его ключицу так, что усиливающаяся головная боль на время заглушилась. Игорь не позволял ему уйти, заставляя продолжать.

— Но… у них ничего не… вышло, — кое-как выдавил из себя Воробьёв.

Мир закружился вокруг него безумной каруселью, предметы поплыли перед глазами. Ноги подкосились, не в силах больше

удерживать тяжёлое тело, и Воробьёв упал на колени, уперев руки в пол.

— Что происходит? — донёсся до него обеспокоенный голос из заволновавшейся толпы соратников.

— Я…

Его резко и внезапно вырвало. Вырвало сгустком крови.

— Но у них получилось кое-что другое, — продолжил за него Игорь, улыбнувшись в камеру своей самой обворожительной улыбкой. — Совершенно уникальнейшая вещь! Слепок оружия, который я со своей командой взял за основу и довёл практически до совершенного состояния. Мы почти создали шедевр, чудо инженерной мысли! Дорогие зрители, вы только взгляните на обожаемого вами лидера, гражданина Воробьёва!

Игорь наклонился к Воробьёву и бережно обнял его за плечи, заботливым тоном спросив:

— Ты неважно выглядишь, приятель. Может, тебе прилечь?

Он слегка подтолкнул Воробьёва, и тот послушно окончательно свалился на пол в лужу собственной крови. Глаза ему заливал кровавый туман, звон в ушах усиливался, заглушая все остальные звуки, ровно до тех пор, пока внутри его черепа что-то не лопнуло. Ему показалось, что у него в голове только что взорвали бомбу; он почувствовал, как из ушей потекло что-то очень горячее. Он полностью оглох.

— …, - попытался произнести он.

— О! — обрадовался Игорь. — Смотрите, его губы шевелятся! Он хочет что-то произнести… вам, наверное, не видно… оператор! Болван, опусти камеру вниз!

Андрюха нервно сглотнул, но послушался — ему кто-то за его спиной тонко намекнул болезненным ударом в правую почку, что лучше подчиниться. Слегка изменил ось наклона видеокамеры и сфокусировался на истекающем кровью Воробьёве. Рядом с тем корчился в агонии его друг.

Кто-то из толпы не вытерпел и решил броситься на Игоря, но его запал быстро погасили храбрым ударом сначала в спину в основание шеи, а затем ещё одним ударом по затылку. Ещё несколько героев из других участков толпы из трёхсот плотно стоящих друг к другу человек тоже легли, практически не сдвинувшись ни на метр. Игорь и Рюд вместе с остальными заговорщиками всё тщательно рассчитали, рассеяв в толпе надёжных людей. Так что оставалось только смотреть на происходящее — никто больше не хотел вмешиваться, рисковать своей шкурой.

— …

— Что? Я не слы-ы-шу-у! — наигранно протянул Игорь.

Ему нравилась его новая маска, и её ему теперь хотелось носить гораздо дольше остальных. Ему хотелось долго-долго играть новую роль, тем более что он столько ради неё сделал! Вот он, первый триумфальный момент из многих! Он теперь в центре внимания, он в сердце сцены!

Может, ему действительно надо было пойти в актёры?

— Наверно, тебе что-то мешает говорить, — Игорь демонстративно задумался, приложив палец к губам и устремив взгляд в потолок. — Да, похоже, хлещущая из тебя кровь залила твои голосовые связки. Надо тебе помочь!

Он сунул руку в карман и достал оттуда обломок какой-то металлической планки с зазубренным концом. Сел на корточки рядом с Воробьёвым и, не церемонясь, перерезал ему горло. Вернее, попытался — ножом это сделать не так-то просто, мешают различные хрящи и кости, если не знать, где и как — обязательно в них попадёшь. Он попробовал ещё раз, потом попытался пилить. Кровь хлестала во все стороны, бедный Воробьёв продолжал хрипеть, пытаясь дышать.

— Живучий какой! — пробормотал Игорь, наконец добив своего бывшего главаря. — Ой, я, кажется, испачкал свой любимый свитер.

Он встал и оглядел себя. Одежда действительно оказалась забрызгана чужой кровью.

— Полагаю, он хотел произнести «Хеймдалль», — задумчиво предположил Петров. — Да, думаю, он хотел сказать именно это. А свитер безнадёжно испорчен!

Он после этих слов тут же снял с себя и свитер, и тоже пропитанную красным белую футболку, бросив их прямо на Воробьёва. Тимур рядом с ним слабо пошевелился.

— А его друг, похоже, всё ещё жив! — восхитился Петров. — Какие крепкие парни! Наверно, мне правильно говорили «Гоша! Займись спортом! Укрепишь здоровье». Вань, дай вон ту баклажку возле стены.

Ему протянули пятилитровую пластиковую канистру грязно-серого цвета. Игорь отвинтил крышку и за секунд десять вылил всё её содержимое на умершего Воробьёва и всё ещё живого Тимура. Достал из кармана штанов дорогую зажигалку в металлической упаковке, запалил её и бросил перед собой. Вспыхнуло зелёное химическое пламя, и по помещению разлился едкий запах реактивов, из которых была сделана зажигательная смесь. Тимур в последний раз пошевелился, открыв рот для того, чтобы закричать, но обширный инсульт добил его раньше.

— Обожаю запах свежего напалма по утрам, — с удовольствием процитировал новорождённый лидер движения.

Ему внезапно захотелось произнести что-то умное, так сказать, подвести черту под проведённым представлением. Он подошёл к камере поближе и, заглянув прямо в объектив, поучительно произнёс:

— Дети, если вы сейчас нас смотрите — а я знаю, что смотрите — знайте, что дядя Игорь против курения! Тимур, вон, курил. Видите, что с ним стало? И ещё одно: «Хеймдалль» теперь мой с потрохами, и хрен вы что со мной сделаете! Завтра вечером я вам это докажу. Пока-пока!

Шокированный Андрюха и без дополнительных указаний понял, что пора отключать камеру. Нажал на большую красную кнопку, разорвав соединение, и замер в ожидании. Что теперь с ними со всеми будет, с теми, кто сейчас находится в этой зловонной комнате? Власть в «Спруте» за каких-то пять минут перешла в совершенно другие руки, и, вне всяких сомнений, новый лидер пойдёт несколько другим путём.

Игорь довольно оглядел толпу. Его взгляд наталкивался на его товарищей, ожидающих его распоряжения, ловящих каждое его слово или жест. Это было чертовски приятное чувство. Но куда приятней было смотреть на остальных, на тех, с кем он не успел переговорить один-на-один, на тех, кто теперь боялся за свою жизнь как никогда раньше.

— Господа-товарищи! — он важно встал перед ними, подняв подбородок и заведя руки за спину. — Я за эти несколько дней уже успел со многими из вас пообщаться и узнать некоторых из вас. Выбор у вас простой: либо присоединяйтесь ко мне, либо же идите прочь. В первом случае я обещаю вам свою поддержку и помощь в абсолютно любых желаниях и просьбах, а в ответ вы помогаете мне навести в городе порядок. Во втором случае я клянусь, что ни я, ни мои соратники не причинят вам вреда, и вы спокойно уйдёте отсюда туда, куда захотите. Так, кто со мной — подходите ко мне ближе, а кто нет — можете уходить прямо сейчас. Двери не заперты.

Толпа не отреагировала. Очень похоже, что Игорь над ними просто издевается, ведь тех, кого он хотел привлечь на свою сторону, он уже привлёк. А остальные — балласт. Но он стоит и ждёт их решения, поэтому…

— В гробу я это всё видала! — отчаянно воскликнула какая-то девушка из задних рядов.

Она резко развернулась, подошла к двери, вышла на улицу и громко хлопнула за собой дверью. Грохот эхом пролетел по всему помещению и утонул в загалдевшей и зашевелившейся толпе. Из недавнего выступления они толком ничего не поняли, кроме двух вещей: власть в «Спруте» резко сменилась, и с новым главарём

лучше не связываться — парень двинут на всю катушку. Чуть меньше половины людей ломанулись к выходу, началась давка, кому-то отдавили ноги, а затем и руки. Люди спешили убраться отсюда как можно дальше и как можно быстрее.

Игорь наблюдал за ними с улыбкой. Пускай, пускай уходят. Такие люди ему не нужны, они — глупцы, идиоты и слепцы, не способные увидеть ничего дальше своего собственного носа. Он тут такое им показал, да и Воробьёв столько времени распинался перед камерой — а эти дураки так ничего и не поняли. Игорь им предоставил шанс встать у руля и действительно изменить существующий жизненный уклад, а они чуть ли не плюнули ему в лицо. Но они ему безразличны.

Тем более что, как он сейчас видел, его предположения насчёт практически всех конкретных личностей сбылись. Предположения о том, кто уйдёт, а кто останется. Всё-таки Игорь оказался хорошим психологом, раз смог увидеть это, ему даже не надо было с большинством из них разговаривать. Актёр и психолог — отличное сочетание! Но огонь ему нравится больше всего, в нём есть что-то завораживающее, что-то древнее, магическое, вызывающее трепет перед ним в его душе.

— Андрюха! — Игорь заметил, что новичок тоже решил смотаться. — Что, тебе со мной не весело?

Тот замер — под шумок свалить не получилось. Поморщился, немного вжал голову в плечи, словно боялся, что её отсекут, и повернулся к Петрову.

— Понимаешь, какое дело, братан… — с наигранным сожалением произнёс он. — Я бы, конечно, хотел остаться и досмотреть шоу до его финала, но раз уж сейчас антракт… короче, я забыл выключить дома утюг! Ага.

— Какой ещё утюг? — не понял Игорь. — Забей на него, без тебя всё погладится! Ну ладно, раз уж не хочешь остаться в компании моих ребят, то силой удерживать я тебя не буду…

— Круто, чувак! — довольно оскалился Андрюха.

Он, приподняв ширинку штанов повыше, торопливо засеменил к уже освободившемуся выходу — все, кто хотел уйти, ушёл. В помещении осталось чуть больше половины от прежнего состава.

— … но ты должен выполнить мою просьбу, — крикнул ему в спину Петров. — Ты же не хочешь мне отказать?

В этот момент Андрюха впервые за свою жизнь пожалел, что он более не носит спортивные штаны. Ему очень захотелось дать дёру, но в этих панталонах он бы споткнулся уже метра через два — ноги в них широко не расставишь.

— О, Алёна, ты решила остаться? — изумился Игорь,

внезапно заметив неподалёку от себя толстую женщину лет сорока. — Признаюсь, не ожидал!

Алёна только развела руками. Игорь некоторое время посмотрел на неё, но решил попозже с ней разобраться, и снова переключился на застывшего в нескольких метрах от спасительного выхода Андрюхи.

— Поди сюда! — позвал его Игорь. — Хотя нет, давай я сам подойду. Так будет быстрее, раз уж ты торопишься.

Он быстрым размашистым шагом подошёл к нему и попросил:

— Будь добр, дай сюда свой наручный терминал.

Андрюха вздрогнул.

— Зачем?

— Хочу написать на нём записку, которую ты должен будешь доставить лично одному человеку. Я знаю, что ты отсюда прямиком к нему направишься, так что тебе это не составит труда.

Андрюха сдался. Закатал рукав своего балахона и протянул руку Игорю. Тот удовлетворённо кивнул и за пару секунд настрочил в приложении-напоминалке текст сообщения. После чего самолично вернул рукав на место и одобрительно похлопал по спине вздрогнувшего парня. Развернулся обратно к толпе и воткнулся взглядом в Алёну.

— Нет, — помотал он головой. — Нет-нет-нет. На тебя мы никак не рассчитывали. Оператор! Быстрый режим.

— Слушаюсь, — с готовностью ответил оператор терминала и начал что-то быстро строчить на нём.

Андрюха сжался в комок. Вот он, выход, рядом, всего два шага. Даже дверь открыта! Но ему подсказывала его интуиция, что не стоит уходить, не спросив дозволения. А ещё она ему подсказывала не оборачиваться.

После слов Игоря люди инстинктивно отступили от Алёны сначала на шаг, затем на ещё один, и ещё, и ещё, в итоге образовав вокруг неё широкое кольцо пустого пространства. Алёна сама ещё не поняла, что сейчас будет, но зато поняли все окружающие. Быть может, она и не хотела этого понимать, ведь человек имеет нехорошее свойство отрицать приближающуюся беду до тех пор, пока та не даст ему как следует по башке. Или вызовет обширный инсульт.

В этот раз всё закончилось куда быстрее, чем с Воробьёвым и Тимуром. Она не корчилась, не пыталась ничего сказать напоследок. Вот её глаза внезапно расширились от осознания, что она — уже труп, хотя всё ещё дышит. Секунду спустя изо рта потекла струйка пузырящейся крови, а ещё секунду дальше — уже

всё её лицо было в крови. Мозг умер мгновенно, превратившись в фарш, а массивное тело ещё пару мгновений стояло на месте, словно всё было в порядке.

Она упала на запылённый чужими ботинками металлический пол с характерным для падающего мяса шлепком, расплескав на добрый метр вокруг себя собственную кровь.

Андрюха вздрогнул при этом, и, несмотря на то, что он ничего не увидел, его воображение против его воли нарисовало ему всё то, что произошло у него сейчас за спиной.

— Не бери в голову, приятель, — искренне посоветовал ему Игорь. — Мы бы всё равно не сработались. Всё, свободен!

И он буквально вытолкнул Андрюху на улицу, после чего быстро запер за ним дверь на электромагнитный замок.

Андрюха с большим облегчением выскочил на морозный воздух и побрёл по тёмным улицам. Только что выпавший первый снег пушистым ковром устилал всю округу, он слегка хрустел под его ногами и шелестел, когда парень проходил мимо, взвиваясь вслед за ним в воздух. Но он не обратил на это никакого внимания, он до сих пор не мог поверить тому, что он выжил.

Когда он свернул за угол улицы, он ещё больше засомневался в том, что ему удалось уйти от этого маньяка — вся улица была усыпана окровавленными трупами тех, кто ушёл за несколько минут до него.

Игорь соврал.

Глава 20

Несмотря на то, что они сидели сейчас у всех на виду, местечко оказалось достаточно укромным. Во всяком случае, и Макса, и Дмитрия устраивало то, что им во время этого небольшого перекуса не смотрят в рот пятьдесят голодных прохожих. Макс был хмур, как всегда, а вот Дима куда грустнее обычного — заболела его мать. Затянувшаяся простуда перетекла в воспаление лёгких. Конечно, современная медицина быстро поставила её на ноги, но не это ввергло Диму в депрессию. Он корил себя за то, что за последний месяц он так и не смог к ней приехать, всё время что-то не клеилось.

Кафе, где они решили остановиться и перекусить, располагалось на самом краю Волжского района, неподалёку от Старой Самары. Дома здесь были невысокие, народу проживало тоже не очень много из-за расположенных буквально за холмом целого заброшенного города, но в целом здесь оказалось неожиданно чисто и достаточно уютно. Даже повсюду нарисованные граффити «Спрута» встречались здесь не так часто, как в любом другом месте, отчего практически не мозолили глаза. А ещё, самое главное, здесь не было очередей, хотя стол оказался свободен только один. Но полицейским больше и не было нужно.

Пока Макс торопился занять последний свободный стол и отвоевать один дополнительный стул у соседей, которые на него просто свалили куртки, Дима выстоял очередь у терминала, принимающего заказы. Он выбрал практически последнее, что там оставалось — два Wootz в пол-литровых стаканчиках, один со вкусом банана и шоколада, а второй — клубничный. Дождался, пока дроид разольёт ему остатки питательной жидкости и добавит туда вкусовые синтетические добавки, после чего прошёл к столику.

За те пару минут, что он там отсутствовал, один из двух незанятых стульев занял подозрительно знакомый парень. Выглядел этот парень не важно — длинные светло-русые волосы спутались, мешковатая одежда в некоторых местах чернела свежей грязью, да и сам парень заметно дрожал от холода. Это было странно, поскольку это утро выдалось солнечным и относительно тёплым для этого времени года — целых «плюс пять» по Цельсию. Со столькими слоями одежды он никак не должен был замёрзнуть за пару десятков минут, если только…

— Доброе утро, — вежливо и тихо поздоровался Дима, узнав в парне Андрюху.

Он сел за последний свободный стул и поставил на стол оба напитка.

— Д-д-доброе? — простучал зубами Андрюха. — Лучше бы оно б-было тёплым! Градусов тридцать, нап-пример.

— Не положено, — сурово буркнул Макс. — Осень. Ты что хотел? У нас времени мало, так что выкладывай всё строго по фактам, без подробностей.

— О, банановый! — обрадовался Андрюха, заметив пластиковый стакан с жидкостью. — Тёпленький!

И, не спрашивая ни у кого разрешения, схватил стакан и приложился к нему. Тёплая густая жидкость, по консистенции больше напоминавшая пюре, радостно влилась ему в глотку и ухнула в пустой желудок. Андрюха за какую-то пару секунд выдул две трети стакана, после чего поставил его обратно на стол и принялся отогревать руки.

— Эй! — возмутился Дима. — Это был стакан Ма…

Но Макс со словами «ненавижу бананы» уже взялся за клубничный. Словно соревнуясь в скорости поглощения питательной жидкости, он за то же время выпил весь стакан. Одновременно Андрюха добил и свой.

Дима возмущённо посмотрел на них, стараясь пристыдить взглядом, но, конечно же, никого он им пронять не смог. Открыл рот, чтобы выразить знак протеста, но понял, что это бесполезно, да и поздно уже. Оглянулся на дроида, посмотреть, есть ли у того в запасе ещё на одну порцию этой жижи, после чего разочарованно выдохнул. Его живот тоже пробурчал что-то недовольное. Дима взял с себя обещание в следующий раз быть расторопнее и немного наглее.

— Тебе послание, папаш, — смачно отрыгнув, проговорил Андрюха.

Он активировал на своём терминале приложение-напоминалку и вывел маленькое голографическое окошко над рукой так, чтобы Максу было удобно его прочесть. Там, на чёрном фоне горела всего одна-единственная коротенькая строчка. Строчка, не предвещавшая ничего хорошего.

— «Я слежу за тобой», — прочёл Дима одновременно с Максом. — Что это значит, от кого это?

— Вы вчерашнюю трансляцию, что ли, не видели? — удивился Андрюха.

— Тихо ты! — шикнул на него Макс, мгновенно всё поняв. — Не здесь, пошли в машину.

— А кто её не видел?.. — растерянно пробормотал Дима.

От воспоминаний, как через его наручный терминал воспроизвелось то видео со смертью в прямом эфире двух

человек, у него всё внутри съёжилось.

Они спрятались подальше от посторонних ушей, сев в полицейскую звуконепроницаемую машину.

Едва последний из них закрыл дверь, Андрюха эмоционально воскликнул:

— Я всю ночь прошлялся фиг знает где! Окоченел так, как, по-моему, даже в Якутии никто не мёрзнет, даже на Крайнем Севере теплее, должно быть, было этой ночью!

— А ты не мог зайти в какой-нибудь торговый центр или ещё куда? — спросил Дима. — Постой, или ты был там? В логове «Спрута»? Ты всё видел, получается, своими глазами?

— В яблочко! — подтвердил Андрюха. — И теперь до самой моей кремации не забуду! Как у этого Голубёва…

— … Воробьёва, — тут же поправил его Макс.

— … кровища полезла изо всех щелей! — закончил фразу тот, при этом изобразив на себе, откуда именно потекла кровь. — Я, значит, думал, раз в городе такая хрень начала твориться, то не лучше ли будет притереться на суровые времена к тем, кто это затеял? Без труда нашёл их, есть у меня один знакомый, помог в этом, чтоб ему икалось до старости! Короче прихожу, ну они и спрашивают меня, мол, что я могу да умею, а я и выкладываю, что я такой суперспециалист и вообще на все руки и ноги мастер.

Дима хотел задать какой-то вопрос, но Макс остановил его, помотав головой и подняв палец вверх. Во-первых, Андрюха сейчас и так рассказывал всё, а во-вторых, его попросту понесло от пережитого, эмоции требовали выхода, и останавливать его не стоило. Себе дороже.

— Привели в какую-то древнюю хибару пустую с высоченным потолком, там, значит, была уже куча народа, не знаю, человек триста точно. Я как увидел этого Воробьёва, он весь такой важный, напыщенный как попугай стоял, ну так и понял, что лучше сразу примелькаться перед ним, зарекомендовать себя. И, короче, заметил это чёртово металлическое яйцо, чтоб его короткое замыкание сожгло к чертям! Сдуру ляпнул, что я — клёвый оператор, что ни одна прога автофокусировки не сравнится со мной. Ну, этот психованный и приставил меня к камере. А я же ничего в них не понимаю!

Макс только хмыкнул при этих словах. Кто бы сомневался. Пускай, что он знал этого Андрюху в совокупности всего несколько часов, большую часть из которых он был в отключке. Но зато тот ничего не скрывал, даже наоборот болтал без умолку. Открытая книга, всегда легко догадаться, чего от него ждать даже настолько не разбирающемуся в людях брюзге, как Макс.

— Кое-как отснял всё, что там случилось, ну вы видели. А

потом, значит, этот сумасшедший предложил всем встать под его знамёна или уйти прочь немедленно. Тут-то я и понял, что моя героическая эпопея пошла на корм рыбам, не успев даже начаться. Стал сваливать с остальными, понадеялся, что раз этот псих пообещал никого не трогать из тех, кто уйдёт, то он так и поступит. И ведь что: у него глаза были такие честные-честные, он ими заставлял себе верить!

— Подожди-подожди! — всё-таки остановил его Дима. — «Спрут» разделился? Сколько людей ушло? Сколько их там вообще было?

— Да я же говорил, сотни три точно, большое стадо такое, — Андрюха закатил глаза — не любил повторять дважды сказанное. — А сколько ушло? Да… половина, наверное.

— И он пообещал их не трогать? — прищурился Максим. — Взял и пообещал? И отпустил?

Андрюха открыл рот, но ничего не сказал — слова застряли на какое-то мгновение у него в горле. Но он быстро совладал с собой и, слегка запнувшись, спросил:

— Так… так вы ничего не знаете?

— Не знаем что? — не поняли полицейские.

— Он убил их! Убил их всех! Выпустил сначала на улицу, дал отойти на сотню метров до первого перекрёстка, а потом разом прикончил полторы сотни человек!

— Полторы сотни??? — не поверил Дима.

— Разом??? — удивился Макс.

— Да! А я о чём вам только что говорил?! Я из-за этого боялся идти к людям — а вдруг меня тоже прикончат? Он ведь и мне пообещал, что не тронет меня! Да я в штаны наложил по-настоящему, их выкинуть пришлось по дороге!

— Где трупы? — кратко спросил Макс. — Дим, выведи ему на бортовом терминале карту окрестностей, пусть укажет точное место.

Дима послушался.

— Да вот где-то здесь, — Андрюха неуверенно начертил небольшой кружок на карте.

— Где — здесь? — это не понравилось Максу. — Ты обвёл четыре десятка домов!

— Откуда я знаю?! Там всё одинаковое, фиг поймёшь, куда идти, чтобы выйти в цивилизацию! Да и тем более — там полторы сотни гниющих мертвецов и море кровищи! Вы настолько слепые, чтобы не найти сто пятьдесят тел? Да их со спутника видно должно быть!

— Видно-то должно быть, — согласился Дима. — Да вот только мы не можем увидеть сам спутник, Сеть всё ещё тупит. И,

тем более что его надо именно навести на это место, чтобы из других городов кто чего-нибудь бы заметил.

— Двадцать второй век, блин! — раздражённо хлопнул себя по штанинам Андрюха. — А живём как при царе Горохе.

— Я не могу отправить запрос на патрулирование, — с сожалением сказал Дима. — Здесь Сеть не ловит, только межтерминальная связь на пару кварталов.

Макс только махнул рукой:

— Ну и забудь про них тогда! Мёртвым ничем не поможет то, найдём мы их или нет. Да и Петров со своей бандой наверняка уже переселился куда-нибудь подальше, и отыщем мы его только при помощи целого полка пехотинцев. Но я лично не думаю, что нам пришлют этот полк, скорее всего, выделят одну роту с полным комплектом техники для подавления восстаний — и все дела. Меня больше волнует то, что теперь Петров может убивать разом большое количество человек.

— Воробьёв говорил про какой-то проект «Хеймдалль», — продолжил за него цепочку размышлений Дмитрий. — Проект «Астола». И если связать наше прошлое дело об убийстве Купцовой и остальных со вчерашними трупами, то, получается…

— Что Купцова и остальные украли «Хеймдалль», — закончил Макс. — Петрову удалось его как-то модифицировать, расширить возможности…

— Это до каких же пределов? — ужаснулся Андрюха. — И что теперь — если он, значит, чихнёт или пёрнет, то снова подохнет ещё сто пятьдесят человек?

— Или больше, — хмуро заметил майор.

— Или больше, — с ужасом выдохнул лейтенант. — И мы не знаем, как это можно остановить! Судя по тому видео, весь процесс смерти занял от силы минуты две-три…

— Хрен там! — тут же возразил Андрюха. — Этот гад умеет растягивать время убийства. При мне он прикончил какую-то толстуху всего за две секунды! Да он приказ об убийстве отдавал дольше, чем та бедняжка умирала! Просто чик, — Андрюха щёлкнул пальцами, — и по полу словно тонну помидор размазали. Так что теперь, братья-акробатья, я от вас ни ногой! Но в почётные ряды полиции вступать не буду, меня же весь мой двор на смех поднимет!

Оба полицейских тут же начали возмущаться по этому поводу, пытаясь выпинуть этого клоуна из машины, но тот упёрся как баран — и ни в какую. Вцепился железной хваткой в ручки на боковых дверях и растянулся всем телом на заднем сидении, не позволяя двигать себя с места. И при этом ещё орал «Помогите! Хулиганы зрения лишают!». Естественно, пришлось его оставить в

машине, тем более что сразу на все три терминала (бортовой, Димин и Андрюхин) по межтерминальной связи пришло срочное сообщение.

— «Массовая незаконная демонстрация у здания мэрии», — прочёл Дмитрий. — «Усиливаются волнения в народных массах. Просьба всем участникам разойтись до тех пор, пока не были предприняты соответствующие меры. Всем полицейским города немедленно прибыть к зданию мэрии для урегулирования конфликта. Остальным гражданам воздержаться от посещения данного района до дальнейшего распоряжения. Советник по безопасности администрации городского округа Новая Самара, Хотейко Семён Павлович».

— Выезжаем, — скомандовал Макс, мгновенно включая двигатель и выдвигая из приборной панели раскладывающийся руль. — Лейтенант, включить сирену!

— Есть включить сирену! — тут же отозвался Дима.

Из-за такого быстрого переключения на официальные обращения он по привычке даже попытался втянуть живот в себя. Опомнился через секунду, когда услышал сидящего сзади Андрюху:

— Ой, мужики, а можно я? Можно я включу сирену?

Андрюха с каким-то нелепым детским восторгом посмотрел поочерёдно на них обоих.

Макс закатил глаза — этот парень не выносим.

— Ладно, — согласился Дима.

Он вывел панель управления ботовым терминалом на спинку своего сидения.

— Жми большую красно-синюю кнопку, — одновременно пояснил он.

— Готово, командир!

Окружающее автомобиль пространство мгновенно окрасилось в цвета полицейской сирены. И, судя по тому, как проносящиеся мимо них прохожие на тротуаре не только обращали на них внимание, но при этом ещё и шарахались в стороны, хватаясь за головы и прикрывая уши, звуковое оповещение звучало как никогда громко. Едущие впереди них редкие автомобили уступали дорогу, отъезжая в сторону. Это было первой же вещью, которую втолкали в головы современных водителей сразу после обрушения системы управления городским траффиком. Слышишь позади себя оглушительное завывание? Уступи дорогу!!! А если у тебя звуконепроницаемый салон, то яркую красно-синюю мигалку во всю крышу машины ты заметишь, даже если будешь глазеть в противоположную сторону. Хотя, гражданским лицам запрещено иметь салон, коэффициент звуконепроницаемости которого выше

значения в пять десятых.

— Какая временная метка отправки сообщения? — спросил Макс, внимательно смотря на дорогу и лавируя между автомобилями.

Хоть тех было на окраине не так много, как в центре, но ехали полицейские всё равно не так быстро, как было положено по инструкции.

— Э… одиннадцать минут назад, — через паузу ответил лейтенант. — Долго же шло оно. Похоже, все резервные каналы связи тоже забиты.

— Это ж как надо было всё загадить, чтобы три строчки текста шли одиннадцать минут? — поразился Андрюха. — Вы знаете, мужики, а ведь Воробьёв был в чём-то прав. Даже без одной Сети весь город оказался в глубокой… Подождите! А что означает фраза «урегулирование конфликта»?

— А то ты не знаешь, — проворчал Дмитрий.

Эта фраза ему очень не нравилась, ничего хорошего в ней не было. Смысл был такой, что народные волнения начали усиливаться, и бурление негодования скоро достигнет критической отметки. Прошло уже достаточно много времени с тех пор, как «Спрут» начал активно действовать, и никто не заметил, чтобы ответные меры правительства и полиции принесли хоть какие-то результаты. Более того, вчера вечером стало ещё хуже, когда в прямом эфире Петров заставил всех смотреть на то, как он захватывает власть внутри банды. И ведь даже отключить нельзя было эту трансляцию, программисты банды постарались на славу! Так что приходилось смотреть, как два человека умирают прямо у тебя на глазах, даже отвернуться некуда было — терминалы повсюду. Петров знал, как заявить о себе всем. И этот митинг у мэрии — признак того, что у горожан заканчивается терпение. А ведь стоило ещё подумать о том, насколько сильно подхлестнёт рост преступности вчерашнее видео. Пускай даже в виртуальности можно встретить зрелище и похлеще, но там зритель всегда знает, что происходящее — выдумка, а здесь… здесь можно и не отвертеться. Нельзя нажать на кнопку, чтобы выйти в реальность.

Удивительно было только одно: почему горожане ждали так долго? В смысле, они посмотрели вечернюю трансляцию, затем спокойно легли спать, выспались и с утра бодрячком организованно направились на площадь перед мэрией? Ну хорошо, чтобы организовать большое количество участников, много ума не требовалось, но почему утром? Все знают, что всю последнюю неделю мэр даже домой не приходит, ночует прямо на работе! Можно же было и сразу пойти выплёскивать гнев!

Дмитрий тряхнул головой. Похоже, опыт общения с Максом, видящим угрозы и заговоры повсюду, даёт о себе знать. Но появившаяся цепочка мыслей так и не покидает голову, она засела в ней и принялась грызть мозг. И Дима знал, что конкретно сейчас это очень не вовремя. Полицейских в городе всего ничего, и если народа на митинге окажется слишком много для них, и если митингующие будут разгневаны настолько сильно, чтобы в один прекрасный момент прекратить выкрикивать гневные лозунги и сделать первый шаг вперёд по направлению к зданию мэрии, то придётся применить силу. А отвлекаться при этом никак нельзя, следует сохранять трезвую голову. Бешеную толпу очень сложно удержать, не то что утихомирить. Попадёшь под раздачу — считай, каюк. И ведь, что самое обидное: виновных потом найти невозможно будет.

— Не нравится мне это, — проворчал Макс, когда они выехали на автостраду, ведущую в Аглинский район и, соответственно, к зданию мэрии.

— Что именно? — поинтересовался Дима. — Тебе много чего не нравится.

— Например, банановый Wootz, — поддакнул Андрюха. — Ты, наверное, единственный в этом городе, кому он не нравится!

— Вся эта дистанционщина, — не обратил на болтуна внимания майор. — Раньше «Хеймдалль» убивал только при подключении к виртуальности, а тут я даже не знаю, откуда ждать удар.

— Любая электронная штуковина может быть опасна, — согласился Дима, с недоверием посмотрев на свою руку с браслетом-терминалом.

Андрюха проследил его взгляд и присвистнул:

— Лопни моя печень! Да ведь верно же!

Он одним движением отстегнул свой наручный терминал и, прежде чем кто-нибудь что-нибудь сказал, открыл окно и выкинул чёрный браслет на трассу прямо под колёса автомобиля, несущегося прямо за ними. Естественно, браслет в секунду превратился в кучу раздавленного и бесполезного пластика.

При этом Андрюха добавил:

— У всех мертвецов была одна общая вещь — этот чёртов пластиковый ошейник! Выкиньте свои немедленно!

— У меня нету, — тут же отозвался Макс.

— Заело, не могу расстегнуть, — с ужасом выдохнул Дима.

— Живее, вдруг он и тебя сейчас… того… отдистанционит!

— Не могу… дешёвка, не надо было экономить… всё! — и лейтенант наконец-то выкинул и свой терминал в окно.

Тот жалобно хрустнул и развалился от удара на несколько

частей, не понадобилось на него даже наезжать никому.

— Идиоты, — усмехнулся Макс. — А с бортовой техникой что делать?

— Выпрыгнем немедленно! — взвизгнул Андрюха.

— Может, хотя бы остановимся? — Дима с надеждой посмотрел на напарника.

— Нет уж, доедем сначала до площади. А совсем мы от этих терминалов не избавимся. Да и «Шершень» свой я не брошу, я на него кучу денег потратил!

— Будем надеяться, что для убийства нужен непосредственный контакт, — неуверенно проговорил Дима.

Через несколько минут они въехали в Аглинский район и утонули в его высоченных громадных домах, но ненадолго. Через километр свернули направо и въехали в район с частными домами. Им повезло — траффик оказался здесь хоть и плотный, но никто нигде не стоял, все машины двигались. Правда, когда до площади перед мэрией оставалось ехать всего пару минут, их везение кончилось. Пробка, причём мёртвая. Глупый народец как мёд на мухи поехал смотреть, как будут разгонять митинг, но уже прибывшие туда другие полицейские заставляли всех поворачивать назад, выставив силовые барьеры. И, конечно же, не обошлось в таких манёврах без аварий.

— Ура, выходим! — обрадовался Андрюха, едва Макс припарковал машину на обочине и выключил сирену.

Он тут же выскочил наружу, хотя и пожалел — в салоне было куда теплее, чем на улице. Погода выдалась хоть и солнечная, но кратковременное потепление после первого снегопада оказалось настолько коротким, что про него можно было смело забыть. Изо рта шёл густой пар, а до этого влажные от растаявшего снега дороги уже начали затягиваться тонким слоем льда.

Дима, выходя из машины, наступил в лужу, с лёгкостью слона проломив тонкую плёнку льда, и замочил правую ногу по щиколотку. Макс же и вовсе поскользнулся и упал.

— Пять тысяч лет цивилизации, — глядя на то, как подскочивший к майору Дмитрий помогает подняться, громко прокомментировал Андрюха. — Мы даже телепортироваться научились! А нормальной обуви, которая бы не скользила по льду, так и не изобрели.

— Забери с собой запасной пистолет, — приказал напарнику Макс. — И обрез из багажника вместе с моим «Шершнем».

— А можно и мне? — услышал заветные слова Андрюха.

— Ни за что! — разом гаркнули полицейские.

— Ну и хрен с вами, — обиделся тот.

Следующие несколько часов прошли бурно, быстро, и для

многих непонятно. Последнее — потому что пришлось много кричать, бегать туда-сюда и стрелять во всякого, кто хотя бы выкрикивал слово против, не говоря уже и про тех, кто лез на полицейских с кулаками.

На площади собралось много народу, откровенно сказать, она была забита полностью, даже камню не было где упасть (в силу отсутствия оружия Андрюха порывался закидать «позорных бунтовщиков» камнями, благо, не нашёл). Полиция растянула множество ограждений и кучу силовых барьеров в проходах между домами, окружавшими площадь, а сами расположились на крышах близлежащих небольших административных зданий. При этом многие полицейские с завистью косились на свёртки за спинами Макса и Димы, смутно подозревая, что там находится. Но никто и слова поперёк не сказал, даже Константинов. Все понимали, что это — пусть и варварское решение, пользоваться боевым оружием, но оно может оказаться необходимым.

Толпа сообразила слишком поздно, что её окружили, и что теперь даже при всём желании, безнаказанно смотаться никто бы не смог из-за барьеров. Те били током всякого, кто приближался к ним на метр, не говоря уже про смельчаков, пытавшихся взять их с разбега — таких вырубало фиолетовым разрядом мгновенно.

Константинов носился с крыши на крышу, раздавая указания всем своим подчинённым и наблюдая за ситуацией на площади сразу с северной и восточной стороны. Западную и южную контролировал начальник полиции Промышленного района, не постеснявшись стрясти с корпораций и компаний под его крылом пару десятков охранных дронов — в полиции Промышленного района практически не было полицейских как таковых, пустой штат. А прямо в центре площади посреди негодующих масс оборонялась окружённая собственным силовым барьером мэрия, также защищаемая группой толстых ленивых полицейских Аглинского района с бывшим начальником Димы во главе. Несколько групп с разных сторон уже предпринимали попытки прорваться сквозь барьер, но безуспешно — у мэрии барьер был сильный, прекрасно останавливающий всех, кто желал через него прорваться, даже при условии, что желающих одновременно было с дюжину с каждой стороны. Такие штабелями падали на живой, выращенный вручную лучшими самарскими садовниками вечнозелёный газон.

Когда толпа не вняла очередному предупреждению полиции, что все протестующие будут наказаны метким выстрелом пяти СЭЗ в лоб, Макс решил сдержать обещание и открыл беглый огонь прямо по центру толпы. Несмотря на то, что тот же Константинов уже наверняка в десятый раз повторял обещание, никто до этого

так и не начинал стрелять, понадеявшись, что всё разрешится мирным путём. Но матёрому копу Максиму Бору хватило одного только взгляда на собравшихся на площади, чтобы отбросить в сторону все надежды и предрассудки. Этих козлов предупреждали, просили разойтись? Просили. Пускай теперь сами расхлёбывают.

Вслед за Максом через пару секунд открыл стрельбу и Константинов, в кои-то веки согласившийся со своим подчинённым, что тянуть больше нельзя. А потом и остальные полицейские. Протестующие кинулись в разные стороны, началась давка, поэтому в самые проблемные места полицейские дроны-гранатомётчики стреляли ЭМ-гранатами, подрывая их прямо в воздухе, чтобы не поранить никого довольно тяжёлым металлическим шаром, падающим сверху, словно пушечное ядро. Больше всего повезло тем, кто был возле полицейских силовых барьеров у выходов из площади. Чтобы прорваться через них, пускай и крича от боли, достаточно было и семи одновременно пробежавших через него человек (примечание: у силовых барьеров без применения дополнительных источников энергии разряд по мощности ограничен, поэтому равномерно распределяется между нарушителями), поэтому когда через него ломанулся сразу целый поток людей, ему лишь осталось слабо огрызаться на них. Пускай он никого и не вырубал, но зато больно было каждому.

Конечно же, в адрес полиции, а также администрации города и лично мэра посыпалось много бранных и матерных слов, фраз и даже целых предложений. Какой-то придурок долго кричал о том, как он ко всем относится, где он кого видел и кого, как и на чём вертел, каждый раз ловко уворачиваясь от выстрелов шокового оружия. Пришлось на него одного потратить целую гранату, которых, кстати, осталось не так уж и много.

А практически под самый конец, когда даже Андрюха прекратил веселиться по поводу такого безнаказанного расстрела «как в тире!», Константинову пришло целых два срочных донесения. Первое было о том, что в брошенных кварталах Старой Самары нашли сто шестьдесят семь мёртвых тел, истёкших кровью. Видать, неотправленное вовремя сообщение с наручного терминала Димы всё-таки внедрилось в забитый канал связи, и кого-то отправили проверить. А второе…

— Взломали базу персональных данных, — Константинов был просто взбешён. — Нас отвлекли. СНОВА!!!

— Чьих данных? — попросил уточнить майор.

— Моих! — сквозь зубы прорычал Константинов. — Твоих! Его! И его тоже! И даже тех придурков внизу!!! Твою мать,

неужели ты думаешь, что у нас много баз данных с персональными сведениями?! Конечно же, государственную, а ты думал чью?!

— У «Астола» есть подобная база на своих сотрудников, — встрял Дима.

— Если бы взломали их, я был бы только рад. Но нет же!

— И сколько утекло?

— Два миллиарда записей, прежде чем удалось отрезать взломщиков, — появился из-за спины хакер Серёга. — Качали сразу с сотни серверов, тем самым обошли защитный механизм в виде распределённости сведений. Чёрт, я даже не думал, что это возможно! Там такая мудрёная комплексная система защиты, что у лучших программных аналитиков мира головы кругом идут уже лет десять. Академик Озёров действительно был гением, раз смог создать такую защиту!

— Видать, тот психованный нанял десятка два этих ваших Озёровых, — усмехнулся Андрюха. — И что он будет делать с двумя миллиардами людишек? Продаст на лунные шахты, чтобы те ему в ядре Луны виллу построили с бассейном?

— Значит так, — Константинов разом прекратил начавшуюся болтовню. — Навести внизу порядок! Объявить по городу… хотя, к чёрту, теперь уже по всей Земле… чрезвычайное положение?.. Хрен с ним, сам всё сделаю! Короче, объявляйте «Спрут» международными террористами! Я хочу, чтобы каждая андроидная собака на улицах знала, кто это такие и что они сделали! А я пойду звонить министру обороны, теперь-то уж он не отвертится от нас…

Глава 21

Проведённая операция по краже персональных данных Игоря полностью устраивала. Более того, именно ей он сейчас гордился больше, чем любой другой вещью. Пускай они скачали лишь часть базы, но это были не случайные записи со всего мира, а целенаправленно собранные, относящиеся к людям, проживающим преимущественно в Европе и Средней Азии, считая бывшую Россию. К тому же, дело было не столько в этих самых записях, содержащих ГИНы, по которым можно опознать и, следовательно, убить любого человека в пределах этого списка. Его небольшой команде удалось взломать систему, доселе достаточно долгое время считавшейся не взламываемой! Да он бы даже возликовал, если бы им при этом удалось утянуть всего одну-единственную запись, ведь важен сам факт!

Но это также навевало грустные размышления о том, кого же Игорь собрал в собственной организации, которую уже объявили террористической. Конечно, всегда хорошо иметь под боком отменных специалистов, которым, быть может, повезло в первый и в последний раз в их жизни — от этого они гениями не станут. Но, с другой стороны, лидер должен быть лидером во всём, во всяком случае, не отставать от своих подчинённых более чем на голову. А сейчас Игорь почувствовал сквозь ликование, что разница между его умениями и умениями любого из его команды разработчиков колоссальна. Это было чертовски не хорошо. Если вдруг лояльность хотя бы одного из них в таком опасном деле окажется под сомнением, то это может привести к краху, даже к гибели Игоря. Хотя он проверял — в этой базе его записи нет, Великий Рандом умудрился пропустить эту строчку, а удалить самого себя оттуда самостоятельно у Игоря бы никогда ни при каких обстоятельствах не хватило мозгов. Слишком круто. Это не из городских форумов удалять профили!

Новое убежище ему тоже не нравилось. Какие-то заброшенные подвальные помещения в старой насосной станции, и цепь туннелей, ведущих под землёй непонятно куда. Внимание к себе «Спрут» вчера привлёк неимоверное, так что в ближайшее время следовало ожидать прибытия вооружённых правительственных формирований в город. Они могут оказаться достаточно умны, чтобы найти Игоря в течение трёх суток, попросту прочесав весь город. И если толпу озлобленных и отлично вооружённых людей на поверхности видно за километр, то с подземными туннелями напряжёнка, особенно если большинство из них уходят вниз особенно глубоко и

переплетаются со старой системой сточных вод. Она уже не действует, но диаметр прогнивших за два столетия ещё советских времён труб достаточен, чтобы внутри них мог поместиться человек практически в полный рост. И контролировать туннели было очень сложно. Слишком мало людей, особенно тех, кому можно было хоть как-то доверять. Причём, большую часть из них Игорь намеревался посадить операторами за терминалы, чтобы выполнять его оперативные приказы.

К тому же, сидеть церковной мышкой было не в его стиле. Тем более, в какой-то насосной станции. Они террористы или нет? Это в двадцатом веке террористы сидели во всяких катакомбах, молясь, чтобы на них сверху не сбросили миротворческий ядерный заряд. Сейчас же эпоха информационного терроризма, а информационные террористы могут себе позволить находиться и в более комфортабельных местах.

Хотя, подходящее как по параметрам, так и по статусу место было. Но его нужно было отвоевать, предварительно обеспечив свою безопасность. Это в данный момент только несколько тупых полицейских догадываются, что может сделать «Спрут» благодаря «Хеймдаллю» и украденным персональным данным.

Нужна демонстрация. Публичная, но не такая, как в прошлый раз с Воробьёвым, это скорее был акт самоидентификации, самоутверждения. Игорь уже заявил о себе на весь мир, и публика теперь начинает гадать, чего же следует ожидать от нового лидера. Да, он показал себя жестоким, но ведь в истории было множество отличных лидеров, которые завоевали народное признание именно путём вытягивания кишок из противников. Отрубанием голов, повешением, расстрелом — способов было много. И если Игорь сейчас же не заручится народной поддержкой, всё равно — под эгидой страха или же любви, если он не успеет прикрыться быдлом как живым щитом, то его быстро сотрут в порошок. Необходимо показать, на что теперь способен «Спрут», показать, как далеко могут протянуться его убийственные щупальца, продемонстрировать, что в любой миг он может убить сколько угодно людей лишь одним движением пальца.

И способ для этого есть только один.

К следующей трансляции Петров подготовился более тщательно. Всё утро и весь день он изучал украденные персональные данные, выявляя потенциальных кандидатов на убийства. Долго и тщательно приглядывался к именам, пытаясь понять, знает ли он их или нет. Даже нашёл имя и ГИН того старика-полицейского, который причинил ему столько

неприятностей, вывел его данные в отдельную заметку и сделал так, чтобы он мог прикончить его всего двумя нажатиями кнопки — передачей данных в Сеть и запуском вредоносного кода. Игорь также приказал купить для себя в городе подходящий костюм, чтобы в прямом эфире он щеголял не голым окровавленным торсом (это плохо влияет на рейтинги, по его словам), а хорошо сшитым костюмом-тройкой. У него даже возникла идея достать где-нибудь себе пижонскую трость-зонтик, но он быстро отказался от этого. Если его вчерашнее появление в прямом эфире было чистой воды импровизацией, он поначалу ведь не хотел показываться в кадре, но в последний момент передумал, то второй раз следовало всё сделать правильно. Хотя… Если возомнить себя человеком искусства, то можно снова понадеяться на импровизацию, как это делают они. Или не делают? Во всяком случае, что-то прям серьёзно планировать и прорабатывать Игорю никогда не нравилось. Это убивало весь полёт фантазии, кидало ему удавку на шею, поводок, от которого нельзя было отвязаться.

— Вот список, — за несколько минут до эфира Петров показал список имён Рюду и операторам. — Это точно сработает?

— Вот и узнаем, — Рюд пробежался взглядом по именам. — А у тебя на многих зуб имеется.

— Узнаем? — Игорь выгнул бровь. — Одного «узнаем» недостаточно!

— Не кипятись, — тут же успокоил его блондин. — Здесь много имён. И если учесть, что большинство этих людей работает именно через терминалы, то всё сработает как положено. Ну, если умрёт не сто процентов, а семьдесят-восемьдесят, то тоже будет неплохо.

— Семьдесят? — изумился Игорь. — Девять бит! Тогда срочно расширь список вдвое, я хочу, чтобы указанных мной зацепило точно.

— Это не помо…

— Плевать! Впихни кого угодно, хоть твоих бывших соседей, мне всё равно. Только проследи, чтобы из наших никто не попался.

— Возьму на прицел Симбирск (примечание: в две тысячи сто сорок восьмом году Ульяновску в честь юбилея основания города путём народного голосования вернули историческое название).

— Почему Симбирск?

— А нечего по десять раз города переименовывать туда-сюда.

Игоря данный довод удовлетворил, хотя и показался надуманным. Конечно, название играет большую роль, но уж больно заморачиваться на этот счёт не стоило. Ему вот больше по душе было название «Омега», если сравнивать со «Спрутом» —

гораздо символичнее. Тут и море ассоциаций, и ощущение некоей завершённости, словно они подводят и ставят всех перед фатальными фактами. Но сейчас менять название уже не имеет смысла, ведь и символику придётся тоже заменить. Кто их тогда узнает на улицах?

Игорь оделся в костюм, немного подумал, снял пиджак и на его спине вывел при помощи граффити-приспособлений символ движения. Оделся и вышел в коридор, прошёл мимо пары ржавых дверей, пролез под какими-то капающими трубами и вошёл в небольшое помещение с множеством древних пультов для отслеживания давления в трубах. Низкий потолок, серые бетонные стены, еле отчищенные от толстого слоя мха, и грязный пол в левой половине комнаты тщательно завешаны ярко-зелёной тканью. В правой половине прямо на пульты поставили сетевое оборудование и несколько терминалов, за которыми уже сидели специально обученные всего за один час ребята, задача которых была прочесть список фамилий и нажать на несколько кнопок, посылая команду активации копий «Хеймдалля» в Сети. По центру комнаты поставили на штатив круглую камеру, предварительно отмыв её от случайно попавших в прошлый раз капелек крови и активировав режим голографической проекции.

Игорь подошёл к девушке с жёлто-фиолетовыми слабо светящимся при здешнем тусклом освещении ирокезом на голове. Девушка как раз занималась финальной настройкой камеры.

— Какой пейзаж ставить на фон? — тут же спросила она его. — Тут большая коллекция.

— Давай какой-нибудь городской пейзаж, пусть думают, что я совсем рядом с ними, — ответил Игорь, оценивая фигуру девушки. — Тебя как звать? Ирина, вроде бы?

— Ирэн, — поправила она его.

— Да, точно.

— Есть «Площадь Мира и Свободы» со статуями голубей.

Игорь поморщился:

— Не люблю птиц, но ради символизма самое то.

Ирэн нажала на голографической панели пару кнопок. У камеры отъехала маленькая панель, показалась чёрная трубочка опрыскивателя. Система камеры распылила перед собой облако специальных нанитов, и те тут же с готовностью бросились лететь ко всему зелёному перед ними. За секунду покрыли невидимым слоем специальную проекционную ткань и остатки мха и плесени, после чего включили свою главную функцию — визуальную проекцию выбранного шаблона, визуально в точности повторяя его в выделенном пространстве комнаты. В помещении разом посветлело, потолок окрасился в цвет вечернего неба с кроваво-

красными редкими облачками, а на стенах отобразились сначала фоновые здания в отдалении, затем зелёный газон с пересекавшимися каменными мощёными дорожками, после чего прямо по центру перед камерой вырос метровый постамент квадратной формы. На нём вырисовалась табличка с объяснением, почему голуби считаются символом мира, а уже в самом конце появились и сами гипсовые голуби в натуральную величину. Два довольно отъевшихся голубя были запечатлены скульптором в момент их полёта, обе птицы сжимали в клювах лавровый венок.

Игорь встал по правую сторону от памятника, не выдержав любопытства и потрогав монумент. Под пальцы тут же попал выстроенный прямо в воздухе каркас из голографических нанитов. На секунду памятник замерцал в месте под его пальцами, но едва он отдёрнул руку, как повреждённые наниты тут же заменились новыми.

— Надеюсь, они не сожрут мой костюм, — улыбнулся Игорь. — В поисках ресурсов для репликации. Занятная штуковина! Так, парни, Рюд принёс список?

Все операторы дружно ответили, что да.

— Отлично! — Игорь убрал пылинку с левого рукава, после чего посмотрел на часы на своём наручном терминале. — Осталась минута, но раз уж все готовы, то, пожалуй, начнём пораньше. Ирэн!

— Три, два, один, мотор! — отсчитала Ирэн и включила трансляцию.

На секунду Игорь растерялся. Он уже открыл рот, но внезапно понял, что позабыл абсолютно обо всём, что он собирался сказать. В его голове не было ничего, кроме всего двух мыслей — для реализации первой было пока рановато, минут через пять только, а вторая твердила, что раз уж он открыл рот, то надо что-то сказать.

— Привет! — поздоровался Игорь с камерой, подняв правую ладонь.

Ирэн нахмурилась — что за фигня?

— В общем, я вчера вам что-то пообещал, — Игорь решил ухватиться за эту ниточку и проверить, куда она его приведёт. — А, не важно! В общем, я хочу передать привет всем жителям прекрасного города Новая Самара и пожелать им долгих лет жизни, крепкого здоровья и честности по отношению друг к другу. Последнее особенно важно в свете произошедших событий, а также того, что будет дальше.

Всё, Игорь нащупал цепочку рассуждений, дальше всё должно пойти как по маслу. Плевать, что он испортил своё появление,

которое должно было быть эффектным с первой же секунды. Дальше он исправится.

— Как вы поняли, я и мои друзья перехватили руководство движением «Спрут». Сделано это было по многим причинам. Прежде всего, потому что прежние руководители были слепы, недальновидны и наивны, а также крайне эгоистичны на пути достижения целей движения. Гражданин Воробьёв, который, кхм, трагически скончался вчера от моей руки, привёл не только всё движение в тупик, он ещё и ввергнул наш прекрасный город в пучины хаоса, беспорядка и преступности. Мы не могли просто так стоять и смотреть на то, что он делал с городом. В свою очередь я заявляю, что я в качестве нового лидера собираюсь придерживаться прежних целей движения «Спрут», а именно демонстрации обществу того, насколько опасны стали современные информационные технологии, а также насколько может быть фатально зависеть от них так, как зависим мы от них сейчас.

Игорь посмотрел сначала на Ирэн, затем на операторов. Девушка знаками показывала ему, что он своей болтовнёй только ходит вокруг да около, и что надо переходить к сути вопроса. Операторы же молча сидели вполоборота к нему, ожидая в любой момент получить команду на исполнение вредоносного кода.

Петров понимал, что в этот раз импровизация его немного подвела, но теперь уже поздно. Раз уж он выбрал такой метод подачи информации, при котором сначала долго подготавливается почва, и только в финале вываливается суть его речи, то следует довести всё до конца именно так. Хотя, конечно, можно снова надеть маску психопата — такому всё прощается.

— Поскольку проект «Хеймдалль» был заказан нашим дорогим и любящим нас правительством у небезызвестной своим лояльным отношением к собственным сотрудникам корпорации «Астол», — Игорь решил добавить ехидства в свои слова, — то я лично решил предоставить обществу уникальную возможность. Совершенно беспрецедентную, такого действительно ни разу ещё не было в истории человечества! Модифицированный проект «Хеймдалль» теперь находится в моём полном распоряжении, но я хочу предоставить вам, дорогие зрители и горожане нашего города, воспользоваться им по своему усмотрению. С его помощью вы можете убить абсолютно любого человека с почти стопроцентной гарантией! Любого, всё равно, окажись им один из надоевших вам бездомных роддеров под окнами вашего дома или же товарищ Запечкин, возглавляющий отдел администрирования системы управления городским дорожным траффиком.

Игорь почувствовал, как он от нервов начинает потеть. Хотя,

это может быть из-за костюма-тройки, ведь в нём он сейчас хоть и выглядит презентабельно, но откровенно напоминает кочан капусты. Несколько слоёв одежды в тёплом подвальном помещении — не самый удачный выбор. Но ладони у Петрова действительно заледенели, значит, и нервы здесь тоже играют свою роль. Надо непременно потом расслабиться как следует.

— Короче! — Игорь взял корову за вымя. — Даю вам сутки на размышление! После чего вы должны будете вновь собраться на площади перед городской мэрией завтра в девятнадцать ноль ноль и дружно выкрикивать имена тех, кого вы хотите прикончить. Чем больше ваших глоток будут выкрикивать одни и те же имена, тем больше шансов, что мы вас услышим и убьём именно названных людей! Я не запугиваю вас, я даю вам шанс отомстить правительству, которое столько лет сидит на вашей шее и сосёт вашу кровь! Всю ответственность мы берём на себя, так что не бойтесь, никто вас не накажет за простое выкрикивание имени, ведь Законом это не запрещено! У меня только одно условие: этот человек должен находиться на Земле и желательно быть гражданином Российской Республики, чтобы нам было проще его найти. В свою очередь мы обещаем, что покажем на ваших терминалах момент убийства этого человека, дабы вы смогли убедиться, что мы выполняем обещания. А теперь я перехожу к финальной части моего послания. Демонстрация наших возможностей!

Игорь посмотрел на операторов.

— Друзья, активируйте расставленные нами по городу ретрансляторы, чтобы наши команды успешно дошли до адресатов. И внедрите в поток видеотрансляции фамилии выбранных нами людей.

А теперь вновь на камеру:

— Сейчас вы видите список людей, личности которых не нуждаются в дополнительном озвучивании тех злодеяний, которые они успели натворить. Большинство из этих людей вам прекрасно известно.

Здесь Игорь покривил душой: примерно половина списка была людьми, к которым сам Петров имел множество претензий, но эти люди при этом не были ни знаменитостями, ни политиками. Обычный народ, который умудрился чем-то насолить однажды парню, который изобрёл вирус третьего поколения (примечание: вирус первого поколения причинял вред только программной части, второго — уничтожал аппаратуру, третьего соответственно стал способен убивать людей). Но здесь сработает психология, что каждый из зрителей подумает «Я не знаю некоторых из этих людей, поскольку я не смотрю инфу от

СМИ, но парочка знакомых есть; должно быть, мои соседи знают их».

— Операторы, — Игорь широко улыбнулся. — Теперь вы у штурвала этого корабля. Всем пока, наслаждайтесь зрелищем!

Операторы тут же активировали команду и послали её во вновь функционирующую Сеть, пусть и временно. Ирэн выключила камеру и показала Петрову поднятый большой палец, мол, всё отлично! Прошла долгая секунда ожидания, а потом все имеющиеся в комнате терминалы высветили изображения людей из списка. Поскольку их было достаточно много, изображения сгруппировались в громоздкую таблицу с мелкими картинками, но Игорь без труда смог увеличить любую из них на своём терминале и проследить за тем, как человек на другом конце за несколько мгновений истекает кровью и умирает. Прошло десять секунд, и входящий видеопоток оборвался.

Дело сделано.

— Всё! — Игорь торжественно хлопнул в ладоши. — Ребятки, готовимся к ещё одному переселению, я присмотрел апартаменты получше. В последний раз!

Он подошёл к Ирэн и обнял её за талию.

— Дорогая, — промурлыкал он. — Я жду тебя у себя через пять минут. И захвати с собой двух подружек посимпатичнее.

О да, с нервным напряжением он сейчас разберётся.

* * *

Окровавленное по-осеннему маленькое вечернее солнце выглянуло в узкий просвет между двумя полуразрушенными от времени кирпичными двухэтажными домами. Ржавые облака тонкой цепочкой тянулись на юг, словно стремились улететь вслед за редкими перелётными птицами из числа тех, что ещё оставались в живых без лесов. Бежать, бежать подальше от этого проклятого несуществующим богом города! Ибо между двумя этими домами под ними прямо на истерзанном климатом древнем асфальте лежали мёртвые люди. Не так много, как в прошлый раз, не полторы сотни, а всего дюжина, двенадцать человек с окровавленными лицами. Их кровь блестела в лучах закатного солнца, она благодаря им приобрела особенно маслянисто-красный оттенок. Но её было далеко не так много, как должно было быть. Что интересно, некто положил мертвецов, выстроив их в два ровных ряда по шесть человек, при этом зачем-то вытянув им руки по швам.

— Я не понимаю, — лейтенант полиции Дмитрий Потапенко

задумчиво почесал затылок.

— А чего тут понимать-то? — удивился стоявший за полицейским ограждением Андрюха.

Ему, естественно, никто не позволил пройти на место преступления, так он скучал за силовой синей стеной и пытался пускать кольца паром, идущим изо рта.

— Зачем? — в отчаянии спросил Дима. — Зачем такая жестокость? Зачем он вообще убил столько людей, как можно быть таким?

— Ну грохнул он их, что с того? — пожал плечами Андрюха. — Я же говорил, что он полный псих. А теперь, как мы успели убедиться, ещё и последняя сволочь и свинья. Прикончил своих же программистов, которые дважды оказали ему неоценимые услуги — дописали этот ваш «Хеймдалль» и взломали базу с персональными данными.

— Поэтому-то он их и прикончил, — задумчиво проскрипел Макс. — Он не хочет делиться властью. Команда таких талантливых программистов ему уже не нужна, свои функции они выполнили. Видно, стали для Петрова очень опасными, вот он их и устранил.

— Кровь ещё не замёрзла, — Дима осторожно пальцем потрогал несколько крупных капель у себя под ногами. — Температура сейчас минусовая. Принесли их совсем недавно.

— С чего ты взял? — засомневался Андрюха. — При скольких градусах вообще кровь замерзает?

— Не помню, — наморщил лоб Дима. — Но вон та лужа уже заледенела. Ночью будет хороший мороз, видишь, какие облака на небе?

Андрюха поднял голову и присвистнул.

— Красотища! — восхитился как ребёнок он. — Аж дух захватывает! Блин, Диман, я, оказывается, так редко смотрю вверх в небеса! А всё из-за этих дурацких высоток, всю голубизну неба загораживают…

Макс медленно обошёл оба ряда мертвецов, на каждом шагу вглядываясь в искорёженный асфальт под ногами.

— Их носили втроём, — сделал он вывод, остановившись возле напарника. — Там, там и там есть следы ботинок, я нашёл только три одинаковых пары.

— Только три? — Дима окинул взглядом те места, где только что прошёл Макс. — Следов, вообще-то, много.

— У меня идеальный глазомер, — заверил его Макс. — Я с десяти метров отличу сорок второй размер от сорок второго с половиной. Разных пар обуви точно было не больше трёх. Это вблизи вижу плохо.

Андрюха, услышав это, присвистнул.

— Так вот кто всем белкам мира глаза перестрелял, — догадался он. — Они ослепли и вымерли.

Дима в растерянности открыл рот, а Макс, лишь взглянув на напарника, неодобрительно бросил Андрюхе:

— Чужая смерть — не предмет для шуток. Особенно если речь идёт о вымирании целого вида.

— Ладно-ладно, папаш! — Андрюха тут же поднял руки, словно Макс намеревался его за неудачную шутку пристрелить. — Не кипятись, я же не со зла. Неприятно рядом с таким количеством мертвецов стоять, вот я и пытаюсь разрядить обстановку! Вот честное слово, мне так сыкотно не было, даже когда мы с парнями нашли старое городское кладбище, а мы тогда провалились в чью-то могилу и не могли выбраться до самого утра. У меня со страху даже желудок разговаривать сейчас начал, вон, слышишь, как недовольно урчит? Мужики, может, действительно пойдём отсюда, а? Я реально кушать хочу, поми… нет, раз уж ты не любишь шуток про смерть… я бы слона съел, во! Ах ты, чёрт, это ведь тоже убийство, тем более что слоны тоже вымирают! Ну не виноват я, что они дохнут все! Но если я не поем, то я реально коньки отброшу! Да что же это меня всё на смерть да убийства тянет, а? Братцы, давайте…

— Да заткнись ты! — не вытерпел словесного поноса Дима. Подумал, добавил: — Пожалуйста. Извини.

— Да ничего, братан! — Андрюха только махнул рукой. — Я привык к этому, так что не обижаюсь уже лет с восьми, я тогда впервые получил в лобешник за то, что я много болтаю. А врезал мне брат, я приставал к нему с вопросами про…

— Тьфу! — взорвался Макс. — Вы ещё обнимитесь. Ну что вы как бабы, а? Смотреть тошно! Вот сейчас приедет патруль, тогда и поедем…

— Не-не-не! — запротестовал Андрюха. — В машину я не сяду, это же самоубийство! А вдруг этот Петров меня запомнил? Тем более то сообщение, которое он тебе передал через меня — да ты же у него в прицеле! Стоит тебе приблизиться к любому терминалу ближе чем на два метра, как бах! Пятьдесят тысяч миллионов вольт впиваются в твой мозг и поджаривают его до состояния противной хрустящей головёшки… хы, прикольно! Голова, головёшка…

— «Хеймдалль» не так убивает, — возразил Макс. — Обширный инсульт…

— Да какая разница?! Прикончит же! Так что пешком. Ну, или на общественном транспорте, но до него, опять же, придётся идти обратно к остановке, а это минимум двадцать минут, а там

ещё ждать после вызова, пока приедет машина, а это тоже не мало. Так что мы теряем время, господа! Блин, я только сейчас сообразил — на остановке ведь тоже терминал! Это что же получается, что и через него нас могут ликвидировать? Не, я так не играю, я же сдохну всё время пешком ходить! Опа, меня опять на смертоубийства понесло…

— На тех терминалах нет функции идентификации личности, — заметил Макс. — Я изучал год назад их устройство, там не заложено это аппаратно.

— А если инициировать через него полицейский запрос, то машина приедет быстрее, — добавил Дима. — Да и данные о местоназначении не зафиксируются.

— Уговорили, — быстро сдался Андрюха. — Ну что, пошли?

— Надо дождаться прибытия патрульной машины, — напомнил Дима.

— Ну, блин!

Андрюха сунул руки в карманы своего верхнего балахона, пытаясь их там отогреть — перчаток он, в отличие от полицейских, не носил.

— О, печенька! — возликовал он, вытаскивая на свет половинку печеньки из сдобного теста.

Он тут же отправил её в рот, прожевал и приготовился было проглотить, как кое-что вспомнил. Слегка наклонился в сторону и смачно плюнул плохо прожёванной печенькой на асфальт, при этом воскликнув:

— Твою мать, эта та печенька, которая у меня в этой куртке ещё с Октоберфеста лежит!

Дмитрий, невольно проследив за тем, как плюётся их новый друг, в отвращении поморщился и поторопился отвернуться. Макс же был равнодушен, как всегда.

— Не гигиенично есть печенье без упаковки, которое полтора месяца пролежало в грязном кармане, так что правильно сделал.

— Полтора месяца? — Андрюха выплюнул ещё один кусочек печеньки. — Папань, я на Октоберфест уже два года не летал!

Макс, услышав это, опешил, а Дима наоборот рассмеялся.

— А вот и патрульные! — обрадовался Андрюха, первым услышав завывание приближающихся сирен патрульной машины и катафалка судмедэкспертов. — Всё, валим!

Глава 22

— Игорь, ты занят? — Рюд постучал по только что открытой им металлической двери.

— А разве не видно? — задал риторический вопрос Петров.

Естественно, занят Игорь оказался не особо. Он просто сидел и думал, стоит ли ему упаковывать его огнемёт и оставшуюся канистру с напалмом в один ящик, или же нет. Проблема была в том, что это довольно опасно, его огнемёт не был стопроцентно надёжным, и класть их рядом — всё равно что садиться на пороховую бочку чтобы покурить. Но с другой стороны, это была последняя канистра с напалмом, неприкосновенный запас, а изготовить новую партию хоть было и не сложно, но довольно долго по времени. Мало ли что может произойти по пути? Конечно, у него было и другое оружие, не говоря уже про сотню вооружённых людей, которые готовы встать между своим боссом и его врагами (во всяком случае, Игорь на это надеялся), но по части персональной защиты лучше полагаться только на себя. Даже Рюду он не доверял полностью.

Честно сказать, Игорю уже изрядно поднадоело постоянно переезжать с места на место. Едва он запоминал дорогу по этим запутанным коридорам до ближайшего туалета, как им снова приходилось переезжать. Нет, кочевой образ жизни не по нраву ему пришёлся. Но есть надежда, что этот переезд будет последним.

— Есть важное дело, — прямо сказал европеец. — Безотлагательное.

— Ну что ещё? — недовольно спросил Игорь. — У тебя член не стоит? Ну, так возьми шоковую пушку и сделай пару выстрелов в пах, говорят, помогает!

Рюд шутку не оценил. На взгляд Игоря он вообще был какой-то мрачный и слишком серьёзный всё время. Хотя он был именно профессионалом своего дела, но конкретно Петрову больше нравилось работать с творческими людьми, чем с подобными махровыми специалистами.

— Мистер Икс назначил срочную встречу, — сообщил Рюд. — На прежнем месте через час.

— Что ещё за Мистер Икс? — нахмурился Игорь. — Герой древней оперетты?

— Он заключил с нами соглашение и дал нам денег, — пояснил блондин. — Потребовав взамен огласки исходных данных проекта «Хеймдалль».

— А, так вот откуда у нас взялись все эти игрушки! —

сообразил Петров. — Я никуда не поеду.

— Почему? — опешил Рюд. — Его помощь оказалась неоценимой в прошлый раз.

— Ну как минимум потому, что у нас уже всё есть. А он наверняка потребует выполнения условий соглашения, как ты понимаешь, это нам не на руку. К тому же, он это соглашение заключал с Воробьёвым, правопреемником которого ни я, ни ты, ни кто-либо ещё не является. Так что — нет. У нас важный переезд, и не следует распылять сейчас силы на подобные встречи.

Серьёзный Рюд в этот момент стал ещё серьёзнее, даже потемнел лицом. Он вошёл в крохотную комнату Игоря и, схватив того за плечи, припёр к стене.

— Ты должен! — грубо заявил он. — Кто из нас главарь, ты или я? А новая сделка может нам отлично поспособствовать. Грядёт война с силами правительства, а мы от него ни фига не защищены! Бронежилетов у нас мало, на всех не хватит, да и оружие есть только у каждого третьего — все деньги были потрачены на хакерское оборудование! Так что ты пойдёшь сейчас в гараж, найдёшь Митяя, прикажешь ему отвезти тебя на прежнее место встречи с этим Мистером Икс, он должен знать, он был там. И захвати несколько надёжных парней с собой!

Рюд оказался выше Игоря на целую голову и тяжелее килограмм на двадцать, но его хватку Петров сбросил без особых усилий. Вскипевший внутри него гнев помог ему это сделать.

— Никогда, слышишь, никогда не трогай меня! — прорычал он, освобождаясь и с силой отталкивая европейца. — Ладно, поеду я, погляжу на этого твоего Мистера Икс.

Игорь не обманул. Он действительно через десять минут уже нашёл упомянутого Рюдом водилу Митяя, низкорослый узкоплечий мужчина лет сорока, а так же пятерых парней, приказав им вооружиться по полной и облачиться в защитные костюмы. Раз этот Мистер Икс требует срочной встречи, а человек он явно серьёзный, то следовало предусмотреть все возможные варианты исхода встречи. Сам же Игорь решил пойти налегке, поскольку ему было просто лень распаковывать уже упакованные гранаты, огнемёт и остальное оружие. Он просто одолжил из арсенала армейский энергетический пистолет.

Дорога заняла куда больше времени, чем рассчитывал Игорь. Несмотря на то, что место встречи оказалось не так уж и далеко от их временного и уже покидаемого лагеря, ехать по пустым, но разбитым в хлам дорогам было не самым быстрым и приятным способом. Ночь выдалась холодной, прямо таки промораживающей, и Петров десять раз пожалел, что он решил не

брать огнемёт. А когда они приблизились к берегу Волги, возле воды стало ещё холодней.

Уже начинало светать, когда их автомобиль наконец остановился возле старого офисного здания с обвалившейся крышей. Липкий густой туман белыми клочками полз со стороны реки, проглатывая всё, что попадалось ему на пути. От него ощутимо веяло ледяной влагой, хотя приборная панель автомобиля твердила, что здесь на пару градусов теплее, чем у их прошлого убежища.

— Кто-нибудь видит автомобиль? — спросил Игорь, когда они все вылезли наружу и стали оглядываться.

Все ответили, что ничего здесь нет — ни автомобилей, ни велосипедов, вообще никаких транспортных средств, кроме их собственного. Ни возле входа в здание, ни за его углом, ни на соседних улицах.

— Мсье ходит пешком? — выгнул бровь Игорь.

— Либо хорошо маскируется, — предположил Митяй. — Из-за чёртового тумана здесь можно спрятать танк, никто и не заметит.

— Лучше будем надеяться, что он пришёл пешком, — заявил Петров. — Танки — это не хорошо. Митяй, останься здесь, встань где-нибудь в закутке, чтобы тебя не было видно, будешь дежурить. Если здесь кто-нибудь появится, кто угодно, начиная от полицейских и заканчивая говорящей тыквой — сообщи немедленно мне на терминал! Остальные — за мной.

— Понял, — кивнул Митяй и тут же пошёл искать подходящее место.

Мистера Икс внутри здания не оказалось. Игорь и остальные прочесали все закоулки, но там было пусто. Петров решил подождать пять минут и свалить отсюда, ведь они и так уже пропустили самое начало веселья при отвоёвывании их нового дома у прежних хозяев. Ему не терпелось посмотреть в их наглые жирные лица, в их поросячьи глазки, чтобы увидеть промелькнувший в них страх. Страх, которого они, должно быть, до этого ни разу не испытывали в жизни.

— Вы опоздали, — раздалось за спиной Игоря.

Игорь вздрогнул от неожиданности, и ему это не понравилось. Он ещё даже подумать не успел, чтобы выхватить пристёгнутый к поясу пистолет, как ему в затылок ткнулось что-то твёрдое и круглое.

— Даже не думай об этом, — прогудел у него кто-то за спиной.

— Гена, Гена, спокойней, — попытался утихомирить своего телохранителя Мистер Икс. — Ты же не хочешь лишить нашего

дорогого друга его головы?

Игоря эти слова только позабавили. Он усмехнулся, глядя в затуманенное окно, мысленно потешаясь над словами его собеседника. Если Петрову сейчас снесут башку выстрелом, то потом от стрелка и его друга не останется ровным счётом ничего. Ведь парни Игоря по-прежнему рядом с ним — ну как, рядом, в коридоре и соседних офисных помещениях.

Гена убрал пистолет от затылка Игоря. Тот выждал секунду, после чего резко обернулся.

В комнате было пусто.

Какого чёрта? Ладно, он мог ещё допустить мысль, что эти двое могут быть настолько тихими и быстрыми, что никто не услышал их шагов и не увидел их самих. Ещё бы! Он же называет себя Мистером Икс. Но этот офис слишком большой, чтобы его можно было пересечь всего за секунду от того места, где сейчас стоит Петров, до коридора. Невозможно!

Видно, удивление отразилось у него на лице, поскольку Мистер Икс снова подал голос:

— Не нужно удивляться, здесь нет никакой мистики.

С лёгким потрескиванием Мистер Икс и его гориллоподобный телохранитель Геннадий появились в двух метрах от Игоря прямо из воздуха.

— Мой статус не позволяет мне посещать подобные места в… подобное время, — пояснил Мистер Икс.

От его костюма и чёрного свитера Геннадия шёл лёгкий пар. Где бы они только что не прошли, там было, видать, очень влажно, раз они включили просушку одежды. Или же это эффект неведомой игрушки, которая позволяет им обоим незаметно передвигаться.

— Как..? — нахмурился Игорь.

— Этот маленький фокус? Военная тайна, ни больше, ни меньше. Вы узнаете о ней лет через десять, если, конечно, останетесь в живых.

— Ты угрожаешь мне? — тут же спросил Петров.

Гена недобро посмотрел на Петрова, да так, что у того от такого взгляда аж поджилки затряслись. Но он постарался ничем не выдать себя.

— Я? — усмехнулся Мистер Икс. — Нет, что Вы, упаси Господь!

— Ты верующий? — с отвращением спросил Игорь.

— Нет, это просто такое выражение, словесный оборот, если угодно.

Тут в помещение ввалились бравые вояки, которых захватил с собой Игорь. Едва увидав Геннадия, весь их боевой запал

мгновенно спустился в пятки. Однако Гена, стоящий к ним спиной, не обратил на них никакого внимания. Выглядело со стороны это достаточно обидно.

— Шеф, всё в порядке? — робко спросил один из них.

— Пока да, — ответил Игорь.

— Пройдёмся, господин Петров? — Мистер Икс любезно указал рукой в сторону. — Люблю обсуждать важные дела и при этом расхаживать из стороны в сторону.

— Не сомневаюсь. Ладно, уговорил!

Игорь по-дружески хлопнул Мистера Икс по спине, и Гена чисто автоматически прорычал что-то угрожающее. Игорю пришлось поспешно отдёрнуть руку и извиниться, но своё дело он сделал. Костюм Мистера Икс был покрыт тонким слоем нанитов, которые, видимо, при активации заставляли свет преломляться и проходить сквозь их обладателя, делая его невидимым. Игорь несколько лет назад читал в одном онлайн-журнале о подобном, но там утверждалось, что такая технология — дело ещё далёкого будущего. Очевидно, они врали, или им врали.

Петров мгновенно захотел себе такую же игрушку.

— Что же Вы, господин Петров, делаете? — с отчётливой ноткой обвинения спросил Мистер Икс. — Помнится, мы с господином Воробьёвым договаривались о совершенно других вещах.

— Это было с Воробьёвым, — тут же ответил тот. — Я с тобой ни о чём не договаривался.

— А может, стоит?

— И что же можешь предложить мне? Хотя с этим и так всё ясно, деньги, что же ещё?

— Деньги правят миром уже долгое время, — Мистер Икс улыбнулся. — И ещё очень долго они будут являться наиболее эффективным средством из всех, что придумал человек.

— Наиболее эффективным? О, нет, я так не думаю! Оружие возглавляет этот короткий лист средств управления стадом, ведь мы же с тобой говорим именно об управлении стадом, а не кем-либо ещё, верно?

Эти слова смутили Мистера Икс. Он не хотел себе признаваться в том, что Игорь здесь прав. Вместо ответа он спросил:

— Увлекаетесь философией?

— Канта не читаю, если ты об этом, — сухо ответил парень.

Они прошли вдоль затянувшихся тёмной молочной пеленой тумана окон, развернулись и пошли обратно. Всё это время храбрые ребята Игоря с тревогой наблюдали за неподвижным и подозрительно спокойным Геной, который что-то пытался

разглядеть на затуманенной улице.

— Чего тебе надо? — прямо спросил Игорь.

Мистер Икс остановился. Он невольно заметил, что это ровно то же самое место, где он в прошлый раз заключил соглашение с предыдущим лидером движения «Спрут», тогда ещё не являвшегося террористическим. Было в этом что-то судьбоносное.

Он облизнул пересохшие губы.

— Того же, что и раньше, — медленно произнёс он. — Огласки исходных данных по проекту «Хеймдалль».

— Нет, — отрезал Игорь.

— Что — нет? Вы ещё даже не выслушали условий, которые я предлагаю!

— Плевать. Нет.

Мистер Икс вздохнул. Этот разговор начал его раздражать, и Гена, столько лет прослуживший у него телохранителем, это заметил.

Но вот Игорь, напротив, не ощущал никаких негативных чувств, кроме одного-единственного:

— Мы тратим драгоценное время. Это всё?

— Передайте проект мне, — велел Мистер Икс.

Он не попросил, он именно велел. Настаивал так, словно тот являлся его собственностью, хотя Петров прекрасно понимал, что он имеет на проект точно такие же права, как и он сам. Никакие. Вот только Петров уже владеет проектом, в отличие от Мистера Икс, и тому никакие деньги не помогут заполучить его детище.

— Передайте проект мне, — повторил Мистер Икс.

— Нет, — всё так же настойчиво ответил Игорь.

— Вы должны. Он не принадлежит одному Вам, он вообще не должен никому принадлежать. Подобное оружие должно стать общественным достоянием, только так можно сделать его бесполезным.

— Так вот чего ты добиваешься? — понял Игорь. — Чтобы подобный шедевр человеческой изобретательности стал абсолютно бесполезным? Чтобы было изобретено средство защиты от него, да?

— Шедевр? Так ты считаешь его шедевром?

От такой наглости Мистер Икс даже забыл свое привычное обращение на «Вы» ко всем незнакомым и уважаемым людям. Хотя, как выясняется, его текущий собеседник не был достоин того уважения, которое высказывал ему до этого он.

— Какое тебе дело до того, чем я его считаю? — прошипел Игорь и ткнул пальцем в своего собеседника. — Ты и тебе подобные люди… вы вечно смотрите на нас всех, кто находится здесь, внизу социальной лестницы, с высоты птичьего полёта. Вы

вытираете об нас ноги, ставите чёртовы социальные эксперименты и при каждом удобном случае ищите возможность лучше нас контролировать! В каждом предмете, что окружали меня всего несколько месяцев назад, было понатыкано столько всевозможных датчиков, сенсоров и жучков, что вы могли даже по моему дерьму узнать, как я в тот момент себя чувствовал, о чём думал и о чём мечтал. В каждом! Все эти голограммные рекламные щиты, социальная реклама на виртуальных серверах, информация, которую выливает на мои уши СМИ — всё это ведь тщательно отбирается тобой и твоими друзьями. Только не отрицай это! Я как-то лампочку разобрал ради интереса — даже в неё были встроены система сбора статистики и передающий длинноволновый радиомодуль! В какой-то сраной лампочке!!!

— Так поэтому я и хочу огласки! — прикрикнул на него Мистер Икс. — Ты же наверняка читал документы из этого проекта! Ты должен был узнать из них, что проект был заказан правительством! И смей мне говорить, что это не важно!

— Так Воробьёв, вроде бы, об этом уже успел рассказать, — заметил Игорь, слегка убавив тон. — Но это ничего не решает. Я могу предположить, что ты хочешь пойти против своих, но ведь ты же не можешь сделать этого в открытую, не так ли? Иначе бы не заставлял сначала Воробьёва, а затем и меня самим предать данные огласке. Ты — трус! Подлый лицемер, который надеется заварить кашу и не запачкать рук, проследить, к чему же она приведёт. Нет, братан, руки придётся запачкать кровью.

— Ну, так я тебя и прошу передать проект мне, — напомнил ему Мистер Икс. — Я согласен лично опубликовать данные, но для этого они у меня должны быть!

— У тебя был шанс. И ты его профукал.

После этих слов Игорь развернулся и пошёл прочь из комнаты. Гена молча стал провожать его взглядом, а Мистер Икс остался в растерянности стоять на том же самом месте.

— Игорь! — окликнул он Петрова, когда тот был уже у дверного косяка.

Парень остановился, но не обернулся.

— Игорь, не вынуждай меня! — взмолился Мистер Икс. — Ты и так уже наломал дров своими трансляциями! Если тебя поймают, то тебя ведь не пошлют добывать уран, и на тотальную корректировку психики тоже не отправит ни один вменяемый судья. Тебя сначала осудят, а потом публично казнят на электрическом стуле, ты не можешь рассчитывать даже на более гуманную смертельную инъекцию. Я тебя умоляю, передай мне все данные по проекту и останови эту череду массовых убийств!

Игорь замер. Если он верно расценил психотип своего

собеседника, то тот сейчас просто обязан произнести два волшебных слова. И если эта пара слов прозвучит, то…

— А иначе… — Мистер Икс угрожающе не договорил.

Гена воспринял это как приказ, со скоростью света выхватив один из своих пистолетов и направив его в то же самое место на затылке Петрова, что и в прошлый раз.

Игорь этого не видел, поскольку стоял спиной к ним обоим, но едва на него навели дуло пистолета, у него по коже пробежали приятные мурашки. Это было ни с чем несравнимое чувство, когда на тебя направляют пистолет, и твоя жизнь полностью переходит в чужие руки. Должно быть, именно так чувствовали себя все верующие все предыдущие семь тысяч лет существования человеческой цивилизации и, соответственно, безоговорочного доминирования религии. Ощущение, что некто чужой волен полностью распоряжаться твоей жизнью, что одно только его желание — и ты умрёшь в ту же секунду. Ничто с этим не может сравниться.

Он улыбнулся и подмигнул своим парням, после чего медленно поднял руки вверх, но не выше головы, и также медленно развернулся.

Мистер Икс приблизился к своему телохранителю и, по-прежнему неотрывно смотря на Петрова, замер в ожидании ответа.

— А иначе что? — ещё шире улыбнувшись, спросил Игорь. — Твоя горилла убьёт меня? Вот видишь, об этом я и говорил — вы смотрите на нас всех с необозримой высоты и настолько боитесь стать равными нам, обычным людям, что даже настолько крепко засевшей в природе человека вещи, как убийство, противитесь изо-всех сил. Ты даже не можешь лично меня прикончить, хотя, наверное, очень хочешь, и ты поручаешь это сделать своей маленькой дрессированной обезьянке. Без обид, Гена.

— Босс, мне его застрелить? — прогудел Гена.

— Нет, пусть сначала скажет, что он решил.

Игорь пожал плечами:

— Ты знаешь, будь я на твоём месте, я бы уже давно прикончил меня. С твоими деньгами никакие проекты не нужны, ты и так можешь по-тихому убить любого как на этой планете, так и на любой другой. Вот уж у кого действительно длинные щупальца.

Он вздохнул. И резко отпрыгнул назад, в коридор.

Первым выстрелил Гена. Из его пистолета вырвался тонкий красный луч, который полетел в точности туда, куда приземлился Игорь, и если бы не вовремя вставший между ними один из парней, то тому бы пришёл конец. Луч воткнулся в бедро парня и

прожёг его ногу насквозь вместе со всем мясом и даже костью, лишь на секунду увязнув в них и потеряв часть энергии. Парень пронзительно закричал, но эта лишняя секунда спасла Игорю жизнь, и он успел откатиться в сторону; однако, красный луч всё же успел его задеть за левое плечо. Рука мгновенно вспыхнула болью, словно её погрузили в раскалённую лаву. По коридору быстро разошёлся запах горелого мяса.

Остальные открыли ответный огонь, но на Мистере Икс и на Гене были защитные костюмы, которые на какое-то время спасли их от не точных, но сыпавшихся градом голубых электрических разрядов.

Гена вовремя оценил обстановку и, коротко взмахнув пудовым кулаком, разбил мутное стекло наружного окна, после чего загородил своим широченным туловищем своего босса и начал стрелять в коридор. Мистер Икс осторожно выглянул наружу и посмотрел вниз.

— Слишком высоко, — прокричал он Гене. — И я ничего не вижу дальше двух метров, слишком опасно.

— Прыгай, через этаж будут остатки пожарной лестницы, — сказал Гена. — Надёжная, я проверял.

— И когда только успел? — удивлённо пробормотал Мистер Икс, перелезая через оконный проём.

Он свесился с окна и попытался нащупать ногами хоть какую-нибудь опору, но не нашёл ничего, кроме пропасти под собой. Но в том, что касается вещей, относительно которых немногословный Геннадий утверждал «надёжно», можно было быть уверенным на все сто.

— Прыжок веры, хех? — спросил сам себя он и разжал руки.

Туман окончательно поглотил его.

Ещё через секунду Гена услышал громкий металлический лязг — его босс успешно приземлился, и весьма вовремя, поскольку телохранитель уже чувствовал, как его бронежилет стремительно теряет мощность, и электрические разряды начинают причинять неудобства. Через два выстрела броня окончательно выдохлась, и третий разряд заставил его болезненно сжать зубы. Хорошо хоть природа наградила его ещё и стойкостью к подобным «неприятностям».

Сделав пару шагов назад и развернувшись полубоком (что отнюдь не сделало его более трудной мишенью, поскольку в профиль он был почти также широк), Гена ногой сбил несколько торчавших осколков, которые пропустил его босс, после чего свесил одну ногу на улицу.

— Я прыгаю! — прокричал он вниз и тут же посмотрел на дверной проём.

С улицы тут же донеслась брань его босса.

В коридоре никого не было, все противники попрятались за дверными косяками.

Гена заметил, как из-за левого косяка на полсантиметра выглядывает кончик чьего-то ботинка. Телохранитель выставил регулятором максимальную мощность выстрела и прицелился в крохотный участок стены в полуметре от дверного проёма и примерно в метре над полом. Тёмно-красный луч ударился в стену и начал её с тихим жужжанием бурить, стена в этом месте обуглилась, старые обои загорелись, а на пол посыпался серый пепел вперемешку со штукатуркой. За три секунды луч пробил всю стену и вонзился в чей-то мозг. Прятавшийся там даже не успел вскрикнуть, он упал на пол, и Гена увидел его лицо. К сожалению, это был не Игорь.

— Давай! — крикнул Мистер Икс, наконец-то убравшись с довольно шаткой лестницы и спустившись на асфальт.

Весьма вовремя. Гена просто перевесил центр массы наружу и ухнул камнем вниз спиной вперёд. Над его головой тут же пролетел сразу десяток выстрелов.

— Опа! — обрадовался Игорь.

Он внезапно нашёл-таки у себя в кармане одну из своих напалмовых гранат.

— А я-то думал, что они все там остались! — воскликнул он и первым бросился в помещение к окну.

Гена жёстко приземлился на ржавую лестницу, едва не выдернув все крепёжные болты из стены ударом. Нисколько не обращая внимания на боль в паре сломанных рёбер, он встал и, перевесившись через перила, хотел было прыгнуть вниз, в туман, к боссу, но перила под его весом с лязгом отломились, и он рухнул на асфальт.

Игорь услышал эти звуки, когда выглянул в окно, но сквозь плотный туман не мог разглядеть их источник. Ему нужен был ещё хотя-бы один ориентир.

— Дуйте обратно, живо! — скомандовал он. — Я спущусь здесь. Зажмём их в тиски!

— Гена! — обеспокоенно вскрикнул Мистер Икс где-то внизу.

Гена в ответ что-то прохрипел. Второе падение оказалось неудачным, он здорово ударился головой, к тому же, его нога напоролась на какой-то острый обломок, который изрезал ему ахиллово сухожилие.

— Тихо! — рявкнул Гена, пытаясь подняться с асфальта. — Уходи, я догоню!

Игорь, держа гранату в правой руке, левой выстрелил наугад, пытаясь ориентироваться на крики.

Выстрел оказался верным, он угодил в живот Мистеру Икс, но броня того спасла лишь частично — уровень её заряда тоже оказался на нуле, слишком много выстрелов было отражено. Он тихо зашипел от боли, но этот звук в тишине затуманенного брошенного города оказался громким настолько, что Игорь смог его услышать, не особо напрягаясь.

— Получи! — хрипло выкрикнул он, швыряя гранату точно туда же, куда пришёлся выстрел.

Гена мгновенно всё понял, несмотря на то, что даже понятия не имел о наличии гранаты у противника. Рывком поднялся с асфальта и одним отчаянным прыжком преодолел несколько метров до своего босса, сбив его с ног и навалившись на него сверху. Перед его лицом упала не идеально круглая, помятая, явно самодельная граната в виде металлического шарика, которая отскочила от асфальта и, взмыв в воздух, исчезла в тумане.

Гена выдохнул, вдохнул и, сильно сжав в объятиях начавшего упираться Мистера Икс, зажмурился.

Рвануло в воздухе. Раздался громкий хлопок, расплавленный металл обрызгал широченную спину телохранителя, тот заревел, но босса не отпустил. Затем над ними разлилось большое ослепительное облако ядовито-зелёного цвета. Температура окружающего воздуха вмиг возросла, и улица на несколько минут полностью очистилась от тумана, превратившегося в облако раскалённого пара.

Мистер Икс больше не дёргался. Он лежал под защищавшим его тяжёлым здоровенным телом Геннадия и боялся пошевелиться. Когда даже воздух вокруг них вскипел, он выдохнул и не вдыхал до тех пор, пока зелёное пламя не прекратило реветь над ними. Даже несмотря на то, что Гена практически полностью заслонил собой его от огня, ему было нестерпимо жарко и больно, ноги буквально плавились, а торчавший локоть долго лизало пламя. Ему показалось, что он вечность провёл вот так вот, лёжа, но уже через две секунды всё кончилось.

— Гена, — позвал Мистер Икс своего друга. — Гена! Слезай, всё закончилось.

Гена не шевелился.

— Гена!

Оставаться здесь было больше нельзя. Он кое-как выбрался из-под туши своего мёртвого друга, попытался на всякий случай проверить его пульс, но тело Геннадия было обугленным со стороны спины и настолько горячим, что у него не осталось никаких сомнений.

Превозмогая боль в обожжённом теле, Мистер Икс торопливо поковылял навстречу ближайшему проулку. Вовремя — за его спиной взорвался пистолет его друга, не выдержав перегрева. Мистер Икс не стал оборачиваться, он не хотел видеть, что стало с Геной сейчас.

Ботинки пришлось снять — те прилипали к асфальту и оставляли на нём следы из оплавленной синтетической резины. Асфальт тоже был горячим, но только первые несколько метров, да и не настолько, чтобы нельзя было стерпеть.

— Гена… нет…

Глава 23

Игорь не стал дожидаться, пока туман обратно заполонит расчищенное гранатой от него пространство на улице. Едва стих зелёный огонь, он спрыгнул вниз на пожарную лестницу, а потом уже и на паривший асфальт. Одежда и лицо тут же покрылись слоем тёплой влаги, стало душно; ощущение было такое, словно он попал в турецкую баню.

Прямо перед ним лежал обугленный труп массивного телохранителя Мистера Икс. Мало того, его руку оторвало напрочь, разметав ошмётки по всей округе, взорвавшимся пистолетом.

Немного опасаясь, что сейчас может рвануть что-нибудь ещё, Игорь медленно подошёл к телу Геннадия, готовый в любой момент отскочить в сторону и удрать, пока ещё жив. Но всё было относительно спокойно и безопасно. Молодой человек, подойдя к трупу, не церемонясь пнул его в живот, подождал немного, после чего уже смело перевернул телохранителя на спину.

— Ёкарный бабай! — в ужасе воскликнул Игорь.

На и без того далеко не самом красивом лице Геннадия застыла предсмертная маска, отчётливо показывающая, как это больно — быть сожжённым заживо. Челюсти сжались настолько сильно, что обнажившиеся зубы практически стёрли друг друга в кровавую муку. Всё лицо изрезали уже начавшие разглаживаться очень глубокие мимические морщины, от которых лицо Гены больше напоминало лица клоунов из фильмов ужасов полуторавековой давности. А в глубоко посаженных глазах-бусинках лопнули от напряжения все кровеносные сосуды.

Мистера Икс под ним не было.

— Фух-х! — ошеломлённо выдохнул Игорь, поспешив отвернуться в сторону. — Такую гримасу теперь вовек не забуду! Девятый бит, даже мой «Хеймдалль» не производит такого эффекта.

— Босс, ты как?

Это подбежали его бравые вояки. Всю работу, фактически, проделал Игорь, так спрашивается, зачем он их с собой вообще брал? В качестве пушечного мяса? Ну вон, один вон сдох благополучно, но ведь Гену-то всё равно Петров прикончил! Как же ему всё-таки повезло с гранатой в кармане! Но, к сожалению, больше в них ничего не было.

— Нормально, — ответил Игорь.

Ну да, только это они и могут у него спросить. Но вот что интересно: окажись он сейчас ранен настолько, что

самостоятельно до автомобиля не смог бы добраться — они донесут его? Или добьют на месте, потом сообщив Рюду, что это его вот эта горилла уделала? Хотя и в Рюде он не был настолько уверен, так что тот даже мог спокойно воспринять и тот факт, что Игоря добили свои же люди. Однако же, один из них прикрыл собой Петрова, когда тот выпрыгивал из комнаты, хотя это больше похоже на то, что тот парень просто решил встретить врага лицом к лицу.

Нет, от этих парней никакого толка! Во всяком случае здесь, в перестрелке с профессионалом.

— Собираемся! — скомандовал Петров и быстрым шагом направился к автомобилю. — Кто-нибудь, сбегайте наверх и снимите с нашего павшего соратника всё обмундирование — ему оно больше не нужно.

Спустя несколько минут они уже торопились к месту встречи с остальными членами их движения. Всю дорогу Игорь размышлял над тем, стал бы кто-нибудь защищать его из банды также, как Гена защитил своего босса? Отдал бы этот кто-нибудь за него свою жизнь? Несмотря на то, что Игорь потратил столько сил и времени на то, чтобы подобрать максимально лояльных к нему и их общему делу людей, вполне предсказуемый ответ него отнюдь не радовал. А это означает, что ему стоит хорошенько подумать над своею безопасностью и вооружиться получше. Как минимум, сделать ещё несколько канистр с напалмом.

* * *

— Оцепить площадь со всех сторон! Закрыть силовыми барьерами все щели так, чтобы ни одна ни электронная, ни настоящая муха не пролетела!

Константинов буквально сыпал во все стороны разнообразными приказами. До назначенного террористами времени было ещё далеко, но полиция сейчас усиленно готовилась к тому, чтобы не допустить новой массовой гибели людей. И для этого они пытались использовать все возможные способы. Расставили по всему периметру по крышам людей, в том числе и основной состав сил правопорядка, и новый, временных волонтёров. Каждому дали в руки по заряженному стандартному шоковому пистолету и чёткие инструкции на случай, если никакие силовые барьеры не помогут. Шоковые гранаты оказались в прошлый раз израсходованы практически все, но всё же по одной-две штуки на имевшуюся небольшую бригаду дроидов нашлось. Силовые барьеры вокруг пока пустующей

площади расставлялись по принципу «раз Петров сказал собраться на площади перед мэрией, значит, мы должны на неё никого не пустить! Нет людей — нет списка жертв». Но дополнительно решили подстраховаться и расставить ещё несколько вооружённых групп в остальных важных частях города, где мог скопиться народ. Сил одних только полицейских оказалось недостаточно, поэтому пришлось подключить все имевшиеся в городе бригады ГБР (таких было всего две — автоматика же повсюду!), а так же просить помощи «Астол», чей охранный штат вполне мог сравниться по численности с силами полиции. К слову, «Астол» пошёл на это охотно, но выделил только лишь половину из своих людей и дроидов, оставив вторую половину у себя, словно надеясь, будто наличие в башнях «Астола» десятка охранников спасёт их руководителей от внезапной смерти. Если, конечно, те окажутся в списке. Но в этом никто не сомневался, ведь среди бедных слоёв населения каждый третий нет-нет да и плевался в сторону его руководителей.

— Знаете, что я думаю, мужики? — задал риторический вопрос Андрюха, когда они втроём в послеобеденное время как раз устанавливали один из силовых барьеров вокруг площади у мэрии. — Эти штуки не помогут, отвечаю! Что мешает им собраться не на площади, а на проспекте Маратова, что к ней примыкает? Он хоть и уже раза в четыре, но зато длинный, как глисты в кишках волжской рыбы!

— В Волге нет рыбы, — заметил Макс.

— Не отмахивайся, ты всё равно понял, о чём я говорю. У нас нет ни людей, ни ресурсов, ни оружия, способного сдержать пару миллионов человек!

— Ну ты загнул! — сказал Дима, проверяя пальцем силу разряда у силовой стены. — Ай, больно! Макс, такой разряд никуда не годится, только детей отпугивать, он же вырубать должен. Повышай его ещё в два раза.

— Много, — возразил Макс. — Так барьер погаснет уже на двадцатом человеке. — Добавлю ещё три единицы, должно хватить.

— Что до пары миллионов человек, — продолжил тем временем лейтенант. — Ты же не думаешь, что у нас настолько кровожадное население! Не будет каждый горожанин выходить на улицу, полагаю, их будет раз в десять меньше.

— Раз в десять? — Андрюха мысленно прикинул размеры подобной толпы. — Ты знаешь, нам хватит, даже если их будет всего несколько тысяч! Сколько всего в городе копов? Я официальных данных нигде не видел, но судя по тому, как вас размазали по всему городу, то очень не много. Можешь прибавить

к ним охранку «Астола», хорошо, эти ребята вроде нормальные, я, кстати, как-то один раз…

— Я тоже, — поспешно вставил слово Макс, чтобы пропустить ещё одну историю Андрюхи.

— Что? А, ну да. Так вот, кто ещё остаётся? Правильно, волонтёры! Дегенераты, навроде меня. Зуб даю, они свалят в кусты при первой же опасности! И что мы тогда делать будем в окружении беснующейся толпы, жаждущей нашей крови?

Подобные панические настроения преследовали Андрюху в течение всего дня, лишь изредка прерываясь короткими периодами внезапных «вспышек позитива», как он их сам называл. Во время этих вспышек его настроение менялось кардинальным образом, и он буквально брызгал этим позитивом во все стороны.

— Знаете что, мужики? — во время одной из таких вспышек спросил Андрюха.

Они тихо и мирно отдыхали, сидя на крыше одного из угловых зданий и наблюдая попеременно за периодически собирающимися внизу копами, устроившими там полевой штаб, и маленьким алым солнцем, которое вновь затягивалось наступающим туманом. Из-за этого весь туман приобретал странный розоватый оттенок.

— Я думаю, что сейчас мы на самом дне, — со спокойной улыбкой проговорил он. — В смысле, есть же всякие взлёты и падения, своеобразные циклы, сменяющие друг друга. Вот сейчас мы как раз на дне одного из них, быть может, одного из самых крупных за последние несколько десятилетий. Сами вспомните, когда в последний раз на Земле происходило нечто из ряда вон выходящее? Но я верю… нет! Я знаю, что завтра непременно будет день лучше, чем сегодня!

— С чего ты взял? — не разделил его оптимизма Дима. — Что-то не верится. Чтобы мы за один день изловили этого Петрова, да ещё и так, чтобы он при этом никого больше не убил… Сомневаюсь. Да и твои слова насчёт глобальности наших событий тоже сомнительны — вот езжай сейчас в Симбирск. Там, поди, никто и рылом не чешется по поводу наших бед, и если бы не трансляции Петрова, то никто бы вообще ничего для нас не сделал ещё очень долго.

— Да ладно, сам посуди! — Андрюха по-дружески ударил его в плечо. — Армию нам обещали выделить? Выделили и даже отправили! Кстати, когда ждать наших миротворцев?

— Через четыре часа должны быть здесь, — чётко ответил Макс, глядя на что-то внизу возле носящегося туда-сюда Константинова.

— Четыре часа! — ужаснулся Андрюха. — Вот блин, откуда они летят, с Нептуна что ли? Да за это время, пока мы… ладно, вы уговаривали вояк помочь здесь, я бы уже успел слетать на Эдем, понежиться на его пляжах пару дней и чартерным рейсом вернуться обратно! Ну и тормоза…

— Много бюрократии, — с омерзением выдавил Макс. — Нет, я люблю, чтобы всё было по правилам, но это уже не разумно. Прибудь военные на три дня раньше, мы бы стольких трупов избежали!

— Вмешательство армии в дела города — очень серьёзное решение, — покачал головой Дима. — Огромные финансовые потери, куча людей потеряют свои рабочие места. «Спрут» ведь не сдастся без боя, а это означает начало самых настоящих боевых действий — и это в черте города! Боюсь, придётся нам в скором времени эвакуировать пару кварталов, если не больше. А это ещё кто?

Он тоже заметил нечто странное внизу, возле Константинова. Тот беседовал с каким-то неизвестным типом, которого никак нельзя было разглядеть получше из-за расстояния. Видно было только что он — какая-то важная шишка, поскольку нет-нет, да к нему подбегал какой-нибудь волонтёр и что-то подносил или уносил. Да и Константинов перед ним плясал, как собачка ради угощения.

— Парни, вы лучше туда посмотрите! — обеспокоенно посоветовал Андрюха. — Как это по вашему… на десять часов!

Макс и Дима повернули головы влево, посмотрев туда, куда указал их товарищ. Там, у южного входа сквозь сгущающуюся молочную пелену тумана виднелась синева силового барьера. А сразу за ним, в узком проходе между двумя невысокими административными зданиями, подступающий поток людей. Их самих не было видно, но зато их наручные терминалы светились множеством точек самых разных цветов.

— Началось, — выдохнул Дима.

— Вход с Маратова пока чист, — уверенно заявил майор. — Товарищ лейтенант, господин волонтёр — за мной! К полковнику Константинову за дальнейшими указаниями.

— Плохо как без связи, — ворчал Дима, когда они спускались по пожарной лестнице вниз. — Бегать сначала туда, затем обратно. Это пустая трата времени!

— А у меня прадед голубей разводил, — неожиданно вспомнил Андрюха. — Да и отец тоже, но только уже в виртуальной ферме, он мне всё время твердил, что он ставит важный социальный эксперимент по… подождите! Так он же в игрушки играл! Так вот из-за чего его тогда с работы уволили! А

я-то, дубина, думал, что он у меня важный учёный, даже гордился пару месяцев этим. И как после этого верить людям, а?

Чем ближе они подходили к Константинову и этому странному новому мужчине, тем всё меньше и меньше он нравился Максу. В обычности представительный, в идеально сшитом по фигуре костюме, шляпе и пальто он должен был производить впечатление высокого начальника, из числа тех, что не посещают корпоративные вечеринки, не празднуют собственные дни рождения, зато всё собственное время посвящают работе. Таких людей Макс любил. Но этот, во-первых, оказался каким-то помятым, с подпалинами в дорогой одежде, растрёпанной причёской, изорванной шляпе. И почему-то без обуви, в белых сверху, но с чёрной от грязи подошвой хлопковых носках. Вид у него был измученный, усталый, руки заметно подрагивали, а на каменном флегматичном лице очень-очень редко проскакивала тень какой-то эмоции, то ли сильнейшего разочарования, то ли боли как от незалеченного приступа язвы.

Дима тоже заметил это, но гораздо раньше Макса, ещё до того момента, как увидел первый признак наличия этой эмоции. Он понял, что этот человек сдерживает внутреннюю боль так сильно, как только способен. Проявлять эмоции, какими бы болезненными и горькими они бы ни были, он не должен был ни по своему статусу, ни по текущей ситуации.

Сидел он на большом, к сожалению, полностью пустом пластиковом контейнере с надписью «Осторожно! ЭМ-гранаты». У него на коленях в одноразовой посуде стыла еда быстрого приготовления — не какой-то ширпотреб вроде Wootz, а хорошая, качественная, явно из личного хранилища полковника. Ел он с аппетитом, но всё равно было видно, что его мысли витают где-то в другом месте, поскольку он иногда на несколько секунд отвлекался, забывая дожевать и проглотить. Рядом с ним была аккуратно сложена гора из других подобных контейнеров, с другими ничего хорошего не предвещавшими надписями, но тоже пустыми. Полиция выгребла все запасы.

— Отлично выглядишь, приятель! — жизнерадостно воскликнул Андрюха, когда они подошли к нему.

Тот, только заметив приблизившуюся троицу, удивлённо посмотрел на Андрюху. Андрюха подмигнул ему, после чего наклонился и, сняв свои ботинки, встал босыми ногами на влажную и холодную траву.

— Что-то в этом есть, — задумчиво пробормотал он. — Видать, наши босоногие предки все были такими же оптимистами именно из-за этой детали. Но, чёрт побери, лопни моя печень, если я при этом догадаюсь, как они так зимовали! У меня пальцы

уже окоченели, нет, я лучше буду наслаждаться благами цивилизации!

И он обулся обратно.

Константинов, до этого отошедший что-то втолковать очередному тупому новичку-волонтёру, услышал этого и покраснел от гнева, как помидор.

— Майор, ты опять привёл с собой этого клоуна? — завёлся он.

— Я — волонтёр! — гордо выпятив грудь колесом, гаркнул Андрюха. — Доброволец!

— От таких добровольцев вреда больше, чем…

— Эй! — перебил его обидевшийся Андрюха. — От тебя, мясная фрикаделька, я толку тоже что-то не больно-то вижу!

— Что???

— Хватит! — не выдержал Мистер Икс. — Я не для того сюда пришёл, чтобы выслушивать ваши перепалки!

Он отложил в сторону свою тарелку и резко встал.

— Вы ещё ничего толком не сказали, — с трудом охладил свой пыл Константинов. — Вот он, Максим Бор! Разве не его Вы ждали?

При этих словах Макс нахмурился: этот мужик специально его ждал? Зачем? Видать, раз он ради их встречи проделал нелёгкий путь, значит, дело было действительно очень важное и безотлагательное. И если бы не полное отсутствие связи между полицейскими отрядами, то ему бы пришлось ждать гораздо меньше. Константинов накануне, внимательно выслушав Андрюху, согласился с его доводами и приказал избавиться ото всех наручных терминалов. С одной стороны, это гарантировало определённую безопасность для полицейских, но с другой координация действий полиции сошла на нет. Всё сейчас держалось на одних только инструкциях, которые давным-давно кто-то благоразумно составил на все случаи, которые смог предвидеть, в том числе, беспорядки в городе и отсутствие средств коммуникации между силовиками.

— Майор Бор, — Мистер Икс подошёл к Максу и пожал ему руку. — Приятно встретиться с Вами лично, я много слышал о Вас и качестве Вашей работы.

Сказано это было достаточно сухо, но заметили это только Дима и Андрюха. Дима гордо подумал о том, что ему выпала честь стать напарником подобного человека, а Андрюха только скептически усмехнулся, мол, видал он таких спецов. Макс же только удовлетворённо кивнул — наконец-то хоть кто-то оценил его работу по достоинству.

— Да уж! — скривился Константинов. — Из-за этого

«качества» меня несколько раз чуть не уволили. А его самого в обезьянник сажали! Вы уверены, что Вам нужен именно он? Может, лучше возьмёте лейтенанта Потапенко? Он, правда, зелёный ещё, не опытный, но положиться на него можно.

Дима, услышав это, смущённо покраснел.

— Абсолютно, — заверил полковника Мистер Икс.

— А Вы — кто? — грубо намекнул Макс на то, что собеседнику также желательно представиться.

— Называйте меня «Мистер Икс». Я должен Вам кое-что рассказать. Полковник, Вы не оставите нас ненадолго?

— Этих двоих забрать? — Константинов кивнул в сторону Димы и Андрюхи.

— Нет, их помощь пригодится.

— А моя, значит, нет? Ладно! Эх, никому не нужен старый брюзгливый полковник… Эй, гамадрилы беременные, вы куда, мать вашу, несёте этот ящик?! Я куда велел его поставить?!..

С этими словами он быстро пошёл к группе волонтёров, которые несли какой-то тяжёлый металлический контейнер. Мистер Икс проводил его взглядом, после чего прикоснулся к левому рукаву своего пальто и, вызвав а нём какое-то меню со всего двумя кнопками, произнёс:

— Вот, теперь нас никто не подслушает. Гарантия Министерства Обороны. И не бойтесь за меня, это не терминал.

— Министерство Обороны? — наигранно удивился Андрюха. — Эй, мужик, ты кто такой вообще? Что это за штуковина? У меня от твоих фокусов в ушах звенит!

— Секретная информация. В общем, слушайте внимательно, говорить буду быстро и ничего повторять не собираюсь. Я знаю, куда направился ваш Петров и вся его банда. Хотя, через пару часов вы и сами всё узнаете, но если поторопитесь, то ситуация разрешится наилучшим из возможных образом.

— Откуда ты это знаешь? — недобро прищурился Макс. — Ты перебежчик?

— Нет. Но у меня была возможность поговорить с Петровым и попытаться его остановить…

— Которая, видимо, закончилась провалом, — ехидно усмехнулся Андрюха. — Профессионалы, важные шишки, высокие звания! Тоже мне…

— …а также устроить небольшую слежку за ним перед нашей встречей, — Мистер Икс не обратил никакого внимания на предыдущую реплику. — Он собирается занять «ЛайтТауэр» «Астола».

— Он спятил, — убеждённо сказал Дима. — Какой в этом смысл? Там же охранных систем тьма, да ещё и куча охранников с

дронами…

— Половину которых мы вывели в город, — добавил Макс. — Умно.

— Но зачем? В Старой Самаре мы бы его искали ещё фиг знает сколько, — продолжил Дима. — А из «Астола» выкурить его будет гораздо проще! Через несколько часов армия прибудет же!

— Заложники, — пояснил Мистер Икс. — Сейчас как раз проходит совещание местного директората. Банда займёт здание, выгонит оттуда лишних людей и оставит только важных шишек, которыми потом будет прикрываться как живым щитом. Не будь их, армейцы бы одним точным попаданием «Иглы» (примечание: лазерное оружие, установленное на орбитальном оборонном спутнике) уничтожило бы башню вместе со всеми террористами. «Астол» такой потери даже не заметит — подумаешь, какая-то башня в одном из региональных филиалов! Но пока там местный директорат — сами понимаете. К тому же, Петров хочет получить оттуда доступ к их инфраструктуре, персональным данным и прочему, чтобы расширить своё влияние ещё дальше.

Андрюха присвистнул.

— Вы хорошо осведомлены о ситуации в городе, — заметил Макс. — Также учитывая то, как перед Вами до нашего появления заискивал мой начальник, то я бы предположил, что Вы — кто-то из высоких чинов Министерства Обороны. У Вас должен быть телохранитель, но учитывая, что Вы здесь один, а также то, как Вы сейчас выглядите, я предположу, что Вы пережили столкновение с Петровым и едва унесли ноги. Из всего этого я могу попробовать догадаться, кто Вы и назвать несколько фамилий.

— Все из которых будут не верны, — усмехнулся Мистер Икс. — Вы — умный человек, майор, я давно это знаю. Но меня нет ни в одной системе, и в моей идентификации помогал мой телохранитель.

— Который умер, — заметил Андрюха.

— Который умер, — вздохнул Мистер Икс.

— То есть, Вы никак не можете доказать, что Вы — тот, за кого себя выдаёте.

— Я ни за кого себя не выдаю! — слегка повысил тон Мистер Икс. — Меня не существует. Стоит мне зайти за угол и пропасть из вашего поля зрения, как вы все меня никогда не найдёте до тех пор, пока я этого не захочу. Или пока не распорядится моё начальство.

— То есть, мы Вашим словам доверять не можем? — спросил Макс. — Вы — просто незнакомец, который разбрасывается словами и намеревается нас отвлечь от чего-то ещё, например, от

того же Петрова.

— Я — не засланец, если ты об этом! Вы мне либо верите, либо нет. Если нет — уходите немедленно, мне ещё нужно поговорить с полковником.

— А если да, то Вы выложите все карты на стол! — Дима, кажется, кое-что сообразил. — Макс, тебе решать. Но учитывай, что Константинов, похоже, его знает в лицо.

— Мы с ним уже встречались пару лет назад, — подтвердил Мистер Икс. — Но решать действительно майору Бору.

Одной из самых больших ошибок в жизни Макс считал доверять незнакомцам, всё равно, обещали ли те золотые горы за то, что маленький мальчик зайдёт с дядей за угол и кое-что посмотрит и даже потрогает, или же предвещали дурным голосом Второе Пришествие Христа Спасителя и Апокалипсис, в которых уже давно никто не верит. Незнакомцам нельзя доверять, как бы они ни выглядели и чего бы ни говорили. Особенно, если они выглядят так, как этот.

— Почему я? — спросил Макс.

— Потому что я хочу предложить тебе сделку, — ответил Мистер Икс. — Всё зависит от неё. И, учитывая твою репутацию, только ты можешь гарантировать мне условия её соблюдения.

— Сделка с дьяволом? — заметил Андрюха. — Ой, не понравится мне то, что я дальше услышу.

— Ты тут вообще ни при чём, — сказал незнакомец.

— Не, от этих ребят я ни ногой! — поспешно воскликнул Андрюха. — Мне с ними везёт, так что я их не променяю ни на какие коврижки, даже не надейся!

— Только я? — ещё больше нахмурился Макс. — Гарантировать условия?

— Ты — честный полицейский. Пусть и с репутацией редкостного отморозка.

— Он — тоже честный полицейский! — Макс указал на своего напарника. — Да и вообще он — один из самых порядочных людей из всех, кого я знаю. Почему именно я, а не он или кто ещё?

— Я уже говорил, что гарантировать выполнение условий сделки можешь только ты. По крайней мере, в текущей ситуации. Твой напарник просто не доберётся до Петрова, как бы он ни старался, он слишком мягкий, ему не хватит пробивной силы. Хотя да, он будет стараться.

— Звучит обидно, — заметил Дима. — Но я соглашусь с Вами в этом.

— Значит, добраться до Петрова, — прищурился Макс.

— Да. Я с Константиновым договорюсь, чтобы вы шли в

авангарде ударного отряда. Когда будете на месте…

Внезапно где-то не очень далеко от них что-то громко ухнуло, да так, что было слышно, как в окружающих зданиях задрожали стёкла. Земля под ногами завибрировала как от землетрясения. Через мгновение всё стихло.

— Это ещё что было? — громко спросил Андрюха. — Ктулху таки проснулся?

— Началось, — Макс схватился за свой шоковый пистолет.

— Потом поговорим, — Мистер Икс снял защитное поле от прослушивания вокруг них и побежал к Константинову.

Но потом они не поговорили. Просто не до того было.

Горожане из числа тех, кто всё же решился выйти на улицы, разбились на два больших лагеря. Первые поняли, что погибнуть может любой из них сегодня вечером, при этом они об этом узнают только в самый последний момент, и решили: раз уж это, возможно, последний день в их жизни, то почему бы не развлечься на полную катушку? В них проснулись самые тёмные инстинкты, они пошли бить стёкла, грабить, насиловать и убивать. Всё то, о чём они так долго и тихо мечтали, боясь осуществить даже в виртуальной реальности, теперь с заходом солнца выплёскивалось чёрными разрушительными волнами наружу. Этих групп людей было не так много, чтобы залить весь утопающий в тумане город насилием, но полиция просто не могла их всех остановить. Ведь час, назначенный главарём террористов, пробил, и настало время очередной цепочке быстрых смертей, и все, абсолютно все замерли в ожидании, кто же умрёт — они сами или же их соседи.

Но вторых было куда больше. Нет, не пара миллионов, как опасался Андрюха, и даже не сотня тысяч по всему городу, хотя точно никто посчитать не мог. Просто несколько крупных скоплений людей на весь пятимиллионный город. Но эти люди, несмотря на то, что никто из них так и не дошёл до площади, начали скандировать имена одно за другим. Список был достаточно длинный, содержащий много известных фамилий, но было и много других. Толпа получила шанс безнаказанно убить всех, кого могла счесть достойными такой возможности.

— Александр Самойленко! Елена Иволгина! Козьма Юсупов!

Имена следовали одно за другим. Не надо было находиться в толпе, чтобы услышать их — сейчас эти имена услышали бы даже глухие, не победи медицина этот недуг. Практически у каждого в толпе были включены наручные терминалы, через них путём одобрения большинства определённые фамилии быстро взлетали вверх длинного списка, увеличивая шансы, что именно этого человека сейчас лишат жизни. Прямая демократия. Народ

получил в свои руки высшую власть — право убить любого, кем он не доволен.

Конечно, в списке проскакивали и имена уже давно умерших людей вроде Адольфа Гитлера. Даже вымышленные персонажи были. Но чьей-то умелой рукой данные имена, влезавшие в топ-десять списка быстрее остальных, удалялись весьма оперативно.

Макс, Андрюха и Дима забрались на крышу кукольного театра, построенного в стиле древнеримских храмов с треугольной каменной крышей и множеством колонн, и оглядели толпу под ними. Театр примыкал к площади с северной стороны. Силовой барьер, как раз приставленный к театру и какому-то зданию напротив, пока ещё сдерживал людей, но те, похоже, бросили идею проникнуть на площадь. Зачем? «Спрут» наверняка услышит их и так.

— Может, перестрелять их всех? — предложил Андрюха. — Пистолет мне дали, так что я теперь запросто могу им всем показать, как больно кусается Закон!

— Нет смысла, их слишком много, — покачал головой Дима. — Видишь, с другой стороны площади туман светится? Это ещё одна толпа. И я готов поспорить на что угодно, что на всех остальных соседних улицах такие же группы людей.

— А в это время «Спрут» штурмует «Астол», — прошипел сквозь зубы Макс. — Ненавижу, когда так происходит. Нами играют как хотят!

— И что ты предлагаешь? Пойти к башням «Астола»?

— Да!

— А как же эти люди? Как же те, кого они сейчас называют?

Макс сурово посмотрел на Диму.

— Ты видишь среди них хоть одного члена «Спрута»? Того, кто действительно им прислан, чтобы собрать данные и передать Петрову, а не просто тупоголового парня или безмозглую девку, которые нацепили их символику?

Дима оглядел толпу. Каждый второй носил символ террористической группы. И далеко не факт, что кто-то из них окажется именно тем, кто отправляет данные.

— Нам здесь нечего делать. Будь у нас полные склады с электромагнитными бомбами вроде тех, которые на нас тогда испытал «Спрут», когда мы первый раз с ним столкнулись — тогда бы, может, чего и вышло. Но бомб у нас нет. И военные опоздают, хотя я не думаю, что они их взяли с собой.

— Мы можем попытаться их уговорить, — предложил Дима. — Нельзя же просто взять и уйти отсюда! Тем более, что втроём мы не пробьёмся к Петрову.

— Я так понял, папаша говорит про общую

передислокацию, — встрял Андрюха. — Собрать всех толстых баранов-полицейских (без обид, Диман!) вместе и начать бить морды ублюдкам из «Спрута» прежде, чем те успели закрепиться в башнях. Выиграть время, чтобы эти тормоза из армии успели к финишу и срубили всю славу себе, как всегда.

— Клоун прав, — подтвердил Макс.

Но Диме это было тяжело принять. Он понимал, что они правы, правы везде и кругом, но легче от этого не становилось. Ему предстояло сделать выбор — сознательно обречь на гибель всех этих людей, чьи фамилии ему врезаются сейчас в уши, но не дать «Спруту» совершить ещё большее зло. Или же остаться здесь и попытаться сделать хоть что-нибудь, ведь если он опустит сейчас на это руки, его потом замучает совесть — кто знает, может, именно он бы что и придумал? Но Петров был сумасшедшим маньяком, и он вполне может решиться убить ещё одну кучу людей, когда к нему в дверь постучатся силовики. Он наверняка знает, что он уже в ловушке, но есть надежда на то, что чтобы убить большое количество человек, ему требуется также много времени на подготовку. И за счёт этого можно было попробовать выиграть.

— Чёрт! Девятый бит! — выругался Дима.

А потом ещё раз, но уже куда более грязно.

Всё это время Макс и Андрюха молча смотрели на его стенания, больше не принуждая сделать выбор и не склоняя ни в какую сторону.

Это было тяжёлое решение. С одной стороны множество жизней, которые точно будут оборваны за несколько секунд, если только он не попробует вмешаться. Но с другой стороны куда более длинный список. Извечный вопрос меньшего зла.

— Может, попытаемся их уговорить? — взмолился Дима. — Хотя бы две минуты.

— За две минуты я даже не заставлю их обратить на меня внимания, — Андрюха покачал головой. — Слишком громко они скандируют, даже я с моим талантом к болтовне не пересилю их.

— Полиция не ведёт переговоров с террористами, — напомнил одно из основных правил из должностной инструкции майор. — Ни с террористами, ни с их пособниками.

— ВСЁ!!! — завопила толпа. — Они все мертвы!!!

Дима вздрогнул. Всё произошло слишком быстро, и теперь уже ничего нельзя было изменить. Раз — и все мертвы.

— Пойдём отсюда, — Макс грубо схватил его за плечо и повёл прочь.

— Эти уроды даже спроецировали на стену дома местный список жертв! — ужаснулся Андрюха. — Как можно быть такими?

— Мы их потом всех найдём, — пообещал ему Макс. — Пропустим весь город через полиграфы, никто не отвертится!

Дима старался не оборачиваться и не смотреть на стену у себя за спиной. Он также сконцентрировался на том, чтобы выбросить те несколько фамилий, которые ему довелось сейчас услышать, из головы.

— Э… — растерялся позади него замерший на месте Андрюха. — Диман! Ты знаешь некую…

У Димы пробежали мурашки по спине. Да так резво, что он не вытерпел и дёрнулся, словно его только что ужалил шершень, резко обернулся и вперился взглядом в список.

Анастасию Игоревну Кравчук он увидел сразу же. И, ощутив, как сильно сжалась по-прежнему держащая его плечо ладонь Макса, он тоже увидел её. Их общей хорошей знакомой больше не было.

Дима вспомнил, что Анастасия иногда кашляла, что Макс как-то упоминал, что она больна раком, и подумал, что теперь ей не придётся отдавать всё, что у неё было для того, чтобы собрать деньги на лечение. Рак горла ей больше не страшен.

А потом его взгляд опустился на следующую запись.

— Потапенко… — прошептал он, ощущая, как у него бешено заколотилось сердце. — Ольга Владимировна…

Это была его мама.

Глава 24

Сколько надо взвалить горя на плечи хорошего человека, чтобы сломать его? Не обязательно насовсем, но достаточно для того, чтобы на один-единственный день он стал другим? Это прозвучит жестоко, но хотелось бы, чтобы много, ведь хорошие люди не должны ломаться. Жестокость же состоит в том, что этот человек будет вынужден при этом раз за разом взваливать на свои плечи новые порции боли утраты, горечи поражения и осознания того, что назад уже ничего не вернуть. Но, к сожалению, в реальности, чтобы сломать хребет хорошему человеку, сделав его, пусть ненадолго, негодяем, требуется совсем немного.

Одна смерть близкого человека. Всего несколько секунд.

— Я убью его!!! — кричал Дима. — Разорву голыми руками!!!

А сколько при этом требуется, чтобы обратить плохого человека в хорошего? Ответа никто не знает, даже сами злодеи. И невольно возникает предположение, что процесс превращения добра во зло необратим. Стоит один раз вступить на кривую дорожку и сделать неверный шаг — всё. Обратно мало кто возвращается, причём настолько мало, что о таких исправившихся людях ходят истории, больше похожие на выдуманные.

Макс, ни слова не говоря, от бедра выстрелил практически минимальным зарядом в своего напарника. Андрюха еле успел отпрыгнуть в сторону. Бледноватый голубой заряд попал аккурат в крестец Диме, тот всхрапнул и, споткнувшись о собственные ноги, упал на холодную и мокрую от тумана крышу.

— Ты что творишь?! — Андрюха немедленно направил свой пистолет на Макса. — Совсем спятил? Какого хрена?

— Так было нужно, — вздохнул Макс.

Его лицо при этом сделалось жёстким, колючим и каменно-холодным.

Он сделал пару шагов к упавшему Диме и устало присел рядом с ним, прислонившись к напарнику спиной.

— В своих нельзя стрелять! — с жаром возмутился Андрюха. — Особенно в спину, как последняя крыса!

— Он был не в себе, — сказал Макс. Он не оправдывался, он лишь пояснял свой поступок. — Это была необходимость. Тем более что через пару минут он очнётся.

Макс не хотел говорить, что Дима уж больно ему напоминал его предыдущего напарника Романа Емельянова, последнего, который у него был до долгого перерыва в парной работе. К Емельянову домой вломились воры. В это время дома никого не

должно было быть, и они это знали. Но его жена внезапно решила прийти домой, так как забыла там кое-какие вещи — она с мужем собиралась пойти в театр, сам же Роман ждал внизу в машине. Всё пошло кувырком, и грабители стали убийцами. И обычно тихий и спокойный, никому не желавший зла Емельянов превратился в один миг в злого и крайне опасного человека. Они с Максом быстро нашли тех убийц, они захотели добровольно, без малейшего принуждения сдаться, но напарник решил казнить их на месте, воспользовавшись правом полицейского, вывернув обстоятельства как самозащиту. Завязалась перестрелка, из которой живым вышел только Макс. С тех пор он пытался работать в одиночку, лишь изредка подключая к своим расследованиям Настю, чтобы та как прокурор помогала ему собирать доказательства, хотя, если честно, то только она их и собирала.

Но теперь Настя мертва. А Дима начал превращаться в Емельянова. Истории свойственно повторяться.

— Приглядывай за ним, когда он очнётся, — приказал Макс Андрюхе. — Не дай ему погрузиться в гнев и жажду мести. У меня это просто не получится, я не умею.

— Я попытаюсь, папаш, я сделаю всё, что смогу, — пообещал Андрюха.

Когда спустя пару минут Дима зашевелился и очнулся, его гнев слегка ослаб, то есть, выстрел Макса действительно сработал. Но это также вогнало парня в уныние и депрессию, так что всю дорогу Андрюха лез из кожи вон и пытался хоть как-то приободрить его. Он плясал вокруг них, вспоминал различные нелепые случаи из собственной жизни, на ходу пытался придумывать шутки. Но всего спустя пару минут Макс не вытерпел и пообещал лично пристрелить Андрюху, если тот не прекратит свою клоунаду. На этот раз тот всё-таки обиделся, но данное обещание выполнял, хотя уже и не так по-идиотски.

Когда они вернулись на площадь, там уже собрались все полицейские, которые были неподалёку. Оцепление снимали, барьеры отключали — всё это было больше не нужно, толпа уже расходилась. Кто-то уже составил общий список погибших и предоставил его Константинову.

— Более двухсот имён, — полковник был мрачен, как никогда. Он ни на кого не орал, никого не отчитывал, и все прекрасно знали, что это — очень плохой признак. — Дмитрий, соболезную. Если что-то будет нужно, можешь смело обращаться ко мне и любому из нас. Мы — одна семья.

— Буду иметь в виду, — принял к сведению Дима.

Слова о том, как плохо быть мстительным человеком, и к

чему это приводит, звучавшие всю дорогу сюда из уст Андрюхи, наконец возымели над ним эффект. Дима вытер проступившие слёзы платком из кармана, протёр вспотевший лоб, пригладил волосы. «Будь профессионалом, будь профессионалом» — твердил он сам себе в собственной голове.

— Есть… серьёзные потери? — слегка дрогнувшим голосом спросил он.

— В общий список попала почти вся администрация города и области, — ответил полковник. — Практически все министры вместе с заместителями и секретарями, кроме министра здравоохранения и министра культуры. Областная дума, половина состава. Мэр и его заместители. Несколько десятков владельцев частных фирм. Это самые заметные фамилии, но ещё около сотни рядовых граждан.

— И что? — поразился Макс. — Город обезглавлен?

— Конечно нет! Мы что, по-твоему, идиоты все? Ещё утром у всех важных лиц отобрали все наручные терминалы и строго-настрого запретили подходить к любому стационарному, даже собственными руками запретили прикасаться к программируемым унитазам.

— Вот дьявол! — Андрюха раздражённо пнул траву под ногами. — Куда катится мир? У чиновников даже в унитазы вплели терминалы. Что дальше? Презервативы? Не, ну на фиг, я лучше тогда действительно куда-нибудь на Глизе улечу, там такого бреда нет.

— Но, к сожалению, спасти удалось не всех, — продолжил Константинов. — Полностью оградиться от терминалов смогли не все, некоторые не захотели, а некоторые просто не могли физически.

— Козьма Юсупов, — догадался Макс.

— Блин, он же инвалид, — тоже понял Дима.

— Да, — подтвердил полковник. — Но выжившие всё равно под угрозой. Наши аналитики сказали, что стоит им подойти к любому, абсолютно любому заражённому терминалу — и вирус сработает. Так что администрация города пока не дееспособна. Ещё плохая новость: «Спрут» закрепился в башне «Астола». Как и предполагалось, взяли в заложники директорат почти в полном составе, они даже позаботились, чтобы оттуда никто не попал в список мертвецов.

— Это не критично, — заметил кто-то из стоявших неподалёку других копов. — Да, их выбить оттуда будет сложнее, но мы справимся. Ну, или не мы — армия поможет, не просто же так они сюда приехали.

— Приехали? — спросил Дима. — Уже?

— Да, — подтвердил Константинов. — Разворачивают за городом полевой штаб, налаживают системы коммуникации. Обещали и нам с этим помочь.

— Это все хорошие новости? — приуныл Андрюха, когда Константинов замолчал.

Тот довольно сверкнул глазами:

— Нет, есть ещё одна. Теперь полицию Новой Самары возглавляю я.

— Тьфу ты! — шарахнулся парень. — Нашёл, чем гордиться.

Они оставались на площади ещё где-то с полчаса, ждали, пока находившиеся неподалёку полицейские маленькими группами вместе с волонтёрами не придут, чтобы получить новые распоряжения. За это время прибыло несколько армейских грузовиков, привезли новое коммуникационное оборудование — несколько передающих станций и пару ящиков допотопных армейских раций в виде крохотных наушников с микрофонами. Сведения о том, что терминалы временно нельзя использовать, успели расползтись очень широко, хотя за пределами Новой Самары эти сведения пока считали шуткой. До сегодняшнего вечера, когда в других городах по всему миру не погибло несколько человек.

Солнце окончательно село за горизонт, и туман съел город. Но сам город не спал. Повсюду вспыхивали пожары, кто-нибудь обязательно кричал о помощи, волна преступлений с наступлением темноты захлестнула Новую Самару с головой. Такого нигде на Земле не было уже очень давно, начиная с тех пор, когда наказания за преступления ужесточили настолько, что даже за обычный шум после одиннадцати вечера можно запросто было улететь на коррекцию психики. Никто этого не хотел, все поначалу боялись, но затем выросло целое поколение, которое ничего, кроме этих правил, не видело, и постепенно все привыкли. А сейчас внезапно поняли, что можно ведь делать всё, что хочется — никто не поймает.

Военных прибыло не так много, как все ожидали. Каждый полагал, что пришлют целый полк, и тот в один присест наведёт везде порядок, но не тут-то было. Во-первых, на всей современной Земле наберётся в лучшем случае только около миллиона солдат, большую часть из которых нельзя никуда перемещать — охраняют крупные города, важные правительственные и военные объекты, сторожат оставшиеся ядерные боеголовки, не выведенные из строя в целях безопасности. Войн, даже локальных, давно уже нигде нет, терроризм тоже практически не встречается. Земля действительно стала намного безопасней благодаря тому, что человечество победило голод и более-менее

объединилось в единое государство. Конечно, здесь ещё сыграли значительные роли ужесточение системы правосудия, а так же основание колоний за пределами Солнечной системы, хотя таковых и насчитывалось меньше десятка. Вот там — да, там вооружённые до зубов кровожадные убийцы были нужны, а здесь — нет. Поэтому активный военный резерв составлял очень небольшую долю от общего военного состава. Какую — знал только министр обороны и господин Верховный Канцлер. Но прислали всего один военизированный батальон из трёх рот, дислоцировавшихся до этого в тысяче километров от Новой Самары где-то на юге.

Командовал ими подполковник Зубов — мужчина ростом под метр восемьдесят, с седым ёжиком на голове, искусственным голубым глазом с тактическим имплантатом, а так же с киборгенизированной правой кистью и металлической ногой (хотя ногу внешне не было заметно). Учитывая то, что на нём была одета серая камуфляжная форма, довольно свободная, то легко можно было предположить, что данный список «модернизаций» Зубова этим не ограничивается.

Зубов, не успев выйти из своего личного вездехода, уже фактически захватил власть над силами обороны города. Несмотря на то, что Константинов фактически был выше его по званию, Зубов всё равно находился выше его по иерархии. Будь здесь ещё какой-нибудь майор из Секретной Службы, то тогда и Зубов, и Константинов чистили бы ему ботинки.

Константинов отрапортовал ему о текущей ситуации в городе, а также выдал рекомендации по дальнейшим действиям, естественно, совместным. Попытался выбить у него армейское военное снаряжение для своих людей, в частности, броню и оружие, но Зубов послал его куда подальше, приказав пользоваться только тем, что есть у полицейских на текущий момент. После чего они обсудили, куда следует направить патрули, чтобы наладить порядок в городе, принялись обсуждать маршруты патрулирования. При этом Зубов постоянно отвлекался на шум из города — там то и дело что-нибудь громыхало, лопалось, трещало или падало.

Мистера Икс нигде не было видно, но это ещё ничего не значило. Особенно после того, как Зубов за эти полчаса быстро всё обсудил с Константиновым и подошёл к Максиму, Дмитрию и Андрюхе.

— Майор, мне доложили, что Вы уже знаете, что Ваша, кхм, группа идёт в авангарде атаки на «УайтТауэр», — тщательно чеканя каждое слово, произнёс он.

Голос у него тоже оказался странноватый, больше

напоминающий искусственно генерируемые голоса некоторых правительственных систем.

При этом Макс невольно вспомнил про то, что пару недель назад Константинов уведомил его о том, что на майора заведено дело и ведётся служебное расследование. Копьёв Иван Васильевич, от слухов про которого у слабонервных начинают трястись руки, должно быть, выглядит так или примерно так. Слишком уж часто про него говорят, что он больше киборг, чем робот. Но Зубов им не был. Прямой, совсем без задних мыслей, по крайней мере, внешне. Такие генералами не становятся, и уж тем более не ведут никаких расследований по отношению к своим коллегам.

— Мистер Икс, — кивнул Макс. — Он предупредил Вас?

— Кто? — Зубов сделал вид, что не расслышал, о чём спросил его собеседник.

— Эй, не гони шаттл, солнечным ветром сдует! — возмутился Андрюха. — Мы с этим чуваком никакой сделки так и не заключили. И мы не обязаны этого делать.

— У вас нет выбора, — Зубов развёл руками. — Указания чёткие. Отряд уже составлен и ждёт вас. Всех троих, двоих или только майора — не важно.

— Троих, — Макс посмотрел на Диму.

Тот кивнул — напарника он одного бы теперь уже не отпустил. Кто-то должен ему спину прикрывать.

— Троих? — вылупил глаза Андрюха. — Ну, ладно. Но тогда выдайте мне связку ЭМ-гранат и флягу, полную дорогого коньяка! Я буду им ранения лечить, да!

Зубов тут же согласился, ни на что не став возражать. На том и порешили.

Через двадцать минут они уже выезжали из города, направившись к скрытым где-то в плотном холодном тумане башням «Астола». Позади них горел город, причём, самым натуральным образом — отовсюду в воздух поднимались тоненькие струйки дыма. Город светился синим и красным от множества голографических рекламных щитов и обычных окон, а так же вспыхивающих пожаров. Только выехав в поля и посмотрев на то место, где они только что были, можно было понять, насколько же плохи дела, и насколько просчиталось правительство, когда прислало одну-единственную военизированную часть во главе с Зубовым. Этого явно было мало. Даже в лучшем случае, если удастся победить Петрова и его банду без жертв со стороны заложников и прочего гражданского населения, то беспорядки в Новой Самаре будут царить ещё долго, и имеющихся сил едва-едва хватит на то, чтобы не дать им

разрастись с большей силой.

Над полями в сторону города пролетело звено геликоптеров из пяти машин, осветив их зловещим зелёным светом летательных двигателей. Двигались они совершенно бесшумно, выдавал их только этот зелёный свет, но стоит им сменить режим полёта со скоростного на обычный — и об их присутствии можно будет узнать только в том случае, если поднять голову вверх и посмотреть в небо. Сейчас, в плотном тумане, правда, доходившем только этажа до, где-то, пятидесятого, да ещё и с дымом их можно смело назвать невидимками. Зато стрелки в кабинах геликоптеров плюют на всякие туманы и задымления — это их обычная среда в выполнении операций, благо, что куча разнообразного сканирующего оборудования стоимостью в миллиона два кредитов позволяет обнаружить кого угодно на большом расстоянии.

Мимо их машины несколько раз проезжали короткие, в две-три машины, колонны с солдатами. Большую часть сил Зубов бросал в город, разумно посчитав, что на башню «Астола» хватит всего пары отрядов из человеческих сил и нескольких десятков высококлассных военных дронов-беспилотников. Бездушная машина, пусть даже с горой датчиков и управляемая человеком-оператором, никогда не сможет сравниться с личным присутствием того же самого человека в ситуациях, которые сейчас разворачивались в бунтующем городе. Там были нужны живые глаза и живые уши, чтобы свести все риски осложнений к минимуму. А вот штурм башни, доверху забитой беспощадными убийцами — там можно обойтись и техникой.

Остановились они недалеко от главного въезда на территорию башен. Оба здания светящимися пятнами выглядывали из тумана, и с той стороны периодически летели редкие выстрелы из электромагнитного оружия в надежде зацепить хоть кого-нибудь. Но небольшая импровизированная стоянка посреди пустыря была надёжно укрыта от подобных выстрелов невидимым силовым барьером. О его наличии можно было догадаться только по тому, как голубые заряды рассеивались примерно в одной точке, будучи притянутыми туда как магнитами (да, у военных защита более современная, чем у полиции), да по тому, как у всех присутствующих по эту сторону волосы стали искрить статикой и пушиться.

— Отряд Конюхова занял первые этажи тёмной башни, — доложил какой-то старший лейтенант Зубову. — Отряд Синутагина занял оборонительную позицию на подземной автостоянке светлой башни.

— Потери есть? — спросил Зубов.

— С нашей стороны: двое «теплых» и один «холодный» (примечание: военный слэнг, «тёплые» — раненые, «холодные» — убитые), а так же семь повреждённых беспилотников. Со стороны противника: двенадцать взято в плен, ещё шесть «тёплых» и четырнадцать «холодных». Это по точным данным, но внутри светлой башни есть ещё неопределённое количество «тёплых».

— Четырнадцать трупов? — нахмурился Макс. — Они не желают сдаваться по-нормальному?

— Противник предпринял две безуспешные атаки, — издалека пояснил лейтенант. — Хотели прорвать наше оцепление. У двоих из них было по канистре с какой-то крайне горючей жидкостью, и из-за их же собственной ошибки они обе рванули.

— Что ещё за ошибки? — удивился Дима. — Как можно ошибкой подорвать запечатанную канистру?

— Из светлой башни с десятого и двенадцатого этажа кто-то ведёт огонь трассировочными пулями.

Андрюха присвистнул:

— Ёперный театр, ныне кто-то ещё стреляет из огнестрельного оружия? Что за динозавры? Подожди-подожди, что же это получается, что они, идиоты такие, открыли огонь по своим? Подожгли канистры?

— Тогда они не идиоты, — проскрипел Макс. — Надо быть поосторожнее.

— Немедленно предоставить мне тактическую видеозапись! — отдал приказ Зубов. — В штабную палатку! Майор Бор, старший лейтенант проводит Вас до Вашей группы.

С этого момента они разделились, и ни Макс, ни Дима, ни, уж тем более, Андрюха, больше никогда не видели Зубова, равно как и он их. Лейтенант отвёл всех троих к их новой группе, которая должна была пробить дорогу для всех остальных групп в белой башне и выйти на заложников. Зубов чётко обозначил приоритеты: прежде всего найти заложников, на Петрова же можно будет плюнуть. Но у Макса было своё мнение.

Группой оказался отряд из восьми солдат во главе с младшим лейтенантом Лавровым лет двадцати на вид — сразу видно, что он совсем недавно из учебки. На его фоне даже Дима, не говоря уже об Андрюхе, казался стариком, но при этом Лавров имел странный огонёк в глазах, который можно было смело назвать фанатичным. Увидев, что майор полиции вместе со своими компаньонами наконец-то прибыл, он широко и весьма недобро улыбнулся.

Их отряд был вооружён примерно тем же по уровню мощности оружием, что уже имелось у Макса и Димы, то есть, на

всех восьмерых солдат четыре излучателя малой мощности (по сути, то же лазерное оружие, что было у Гены, но только с большим запасом батареи и не настолько убойное — им бы можно было стрелять часами без перерыва, если бы не перегрев ствола) и четыре высокоскорострельных шоковых автомата, стреляющих крохотными белыми иглами-молниями. В качестве запасного оружия — стандартные армейские шоковые пистолеты, отличавшиеся от полицейских более компактными размерами, меньшим зарядом батареи, но зато с максимальной мощностью выстрела в тридцать СЭЗ. Каждый солдат имел боевой камуфляж из наноткани, способной подстраиваться под цвета окружающей обстановки. Камуфляж не обеспечивал невидимости, он лишь снижал заметность, хотя ещё и обеспечивал основную защиту от поражения электрическим током, выдерживая несколько прямых попаданий общей мощностью в сотню СЭЗ единовременно — после этого он уходил в пятиминутную перезарядку. Но этот недостаток исправлялся тем, что в каждом отряде присутствовал специально обученный техник, помимо оружия переносящий на себе дополнительный генератор энергии. В условиях боевой обстановки техник мог подключить по беспроводному питанию свой генератор к двум-трём солдатам, усилив их броню в два раза, либо же обеспечив защитой на время перезарядки их брони. Помимо всего вышеперечисленного каждый солдат имел тактический мобильный терминал (которые сейчас были заменены на древние рации), кое-какие мелкие инструменты для оперативного ремонта своего оружия, одну запасную универсальную батарею малой мощности на случай, если внезапно в оружии основная откинет копыта, а так же нанотатуировки.

По сути, никто, кроме армейцев да сотрудников личной охраны канцлера, не имел права делать себе нанотатуировки. Это было дорого, рискованно, да и более никому не нужно. Но, во-первых, некоторым людям свойственно притягивать к себе внимание всяких мерзавцев, как это делал Макс, следовательно, риск получить травму многократно возрастает, а во-вторых, у Макса когда-то был один хороший знакомый, который по дешёвке ему эту татуировку и сделал. Ему и тогда его текущему напарнику Никите. Но вскоре у Никиты Сергеевича начались проблемы со здоровьем, началось расследование, и знакомого отправили выращивать цветочки в тюрьме, поскольку на прочистку мозгов он категорически не захотел ехать. Но, несмотря на это, многие из тех, кто мог позволить себе потратиться на татуировку, делал их нелегально. Прикольно же — можно смело бить себе молотком по пальцам, и те тут же

заживут!

Подготовка к атаке заняла ещё пару десятков минут. Лавров стоически воспринял тот факт, что им будет командовать гражданский полицейский, после небольших уговоров Димы согласился взять с собой и его, особенно после того, как Дима продемонстрировал ему купленный обрез. Но вот с Андрюхой возникли проблемы.

— Ты — гражданское лицо, даже не полицейский! Я не буду тебя брать! — заявил Лавров. — У тебя нет даже стрелковой подготовки! Кто знает, как ты себя поведёшь, когда вокруг тебя все начнут стрелять? Может, ты психованный, начнёшь по своим же…

Андрюха так просто не хотел сдаваться:

— Слышь, пацан! Мне твой Зубов пообещал выдать связку гранат и флягу с огненной водой — пусть выдаёт! Но я же не идиот, чтобы по своим стрелять, да? К тому же, у меня лычка снайпера в «Кримсон Планет» (примечание: знаменитая сюжетно-ролевая виртуальная игра про противостояние землян нашествию пришельцев)! Ты думаешь, её там так просто получить? Вот хрен, ты попробуй два месяца каждый день стрелять только в головы этим пришельцам! И чтобы ни одного промаха или попадания в другую часть тела!

— Да мне по барабану твои игрушки! — прикрикнул на него Лавров. — Кто из нас ещё пацан?! Да я тебя сейчас…

— Господи, — не вытерпел Дима. — Выдайте ему уже его флягу, может, человек выпить просто хотел! Но, Андрюха, извини — тебе действительно лучше остаться. Там будет жарковато, и нам не хотелось бы, чтобы ты пострадал.

— Тем более что на весь лагерь у нас только два запасных комплекта брони, — Лавров ехидно улыбнулся Андрюхе. — И то один снимем с павшего боевого товарища.

— Вот значит как? — задохнулся Андрюха. — Не хотите, чтобы я пострадал, да? Так бы сразу и сказал, что я только мешаться там буду! А я-то считал тебя другом, почти братом, мечтал, как мы вместе поедем в одну шведскую семью под Новый Год, там у них такое творится, что ух-х! Ладно! Где мой коньяк, или что я там хотел? Виски? Бурбон? Не, пусть коньяк несут, и чтобы звёзд на нём было столько же, сколько на погонах у подполковника Зубова! Стоп. Это же всего две выходит — бормотуха что ли? Не-не-не! Где тут штабная палатка, я сейчас сам всё найду!

Он закатал рукава своих балахонов и бодро пошёл разбираться, почему ему не несут выпивку и где её скрывают.

— Вот и славно, — с облегчением выдохнул Лавров. —

Значит, сейчас обрисую вкратце тактику проникновения, после чего ожидаю Ваших распоряжений, товарищ майор.

— Сам командуй своими ребятами, — скрипя зубами, выдавил Макс.

Он не хотел признаваться, что командовать таким количеством людей, несмотря на высокое звание, он не мог и не умел. Вот напарником — другое дело.

— Что? — не понял Лавров.

— Просто идите за нами и прикрывайте нас, — ответил за напарника Дима.

Глава 25

Поскольку свободных отрядов больше не было, было принято решение послать большую группу дронов-беспилотников, чтобы отвлечь внимание противника на себя, пока отряд Макса пробирается к белой башне. Конечно, можно было попробовать пробраться туда и так, благо, туман сгустился настолько, что стоило вытянуть руку вперёд — и своих пальцев можно было уже не увидеть, те погружались в холодную молочную пелену. Но это был большой риск, поскольку у противника могут оказаться устройства наблюдения посовершеннее человеческого глаза, например, тепловизоры. Рисковать людьми было никак нельзя, резервных сил попросту не было, зато техники — сколько пожелаешь, один оператор мог управлять сразу десятком дронов одновременно. Конечно, из-за этого контроль каждого отдельно взятого дрона ухудшался, но в тех был предусмотрен псевдоинтеллект, один из самых совершенных на текущий момент, так что опасаться за дрона можно было не сильно — тот вполне способен постоять за себя.

«УайтТауэр» атаковали сразу с трёх сторон. Засевший в «ДаркТауэр» отряд открыл огонь по окнам, где они вот уже полчаса наблюдали активность противника, наконец-то получив возможность отомстить за павшего товарища. Отряд на подземной автостоянке белой башни отключил все турболифты в здании, тем самым затруднив все перемещения террористов, и начал пробираться в главный холл. Этот отряд должен был расчистить путь для отряда Макса, чтобы тот мог спокойно приблизиться к башне. Также отряд в белой башне должен был пробраться на седьмой этаж, где, согласно планам здания, находился центр безопасности, чтобы получить доступ к местным системам видеонаблюдения, блокировки дверей и прочего. Одновременно с отрядом Макса двинулось к башне около двадцати наземных дронов — как военных, только что привезённых, новых, ещё ни разу не участвовавших в боевых действиях, так и выведенных некоторое время назад охранных дронов «Астола». Поскольку и тех и других изготавливал тот же «Астол», то они были совершенно одинаковыми — всё те же железяки, одну из которых когда-то обезвредил Макс, пробираясь в тёмную башню. В дополнение на «УайтТауэр» пустили ещё несколько десятков летательных дронов — полуметровая цилиндрическая пушка с крохотным блоком управления, установленным сзади, а так же двумя пропеллерами по бокам. Они должны были отвлечь на себя внимание стрелков,

находящихся на средних и верхних этажах, после чего отвоевать крышу и начать захватывать башню сверху вниз.

Бежал отряд Макса короткими перебежками, двигаясь зигзагом. Вот они вторглись в бывший когда-то красивым зелёный сад с неработающим фонтаном, но только теперь этот сад был уже безнадёжно испорчен сильнейшим человеческим пороком — жаждой убивать. Именно здесь столкнулся отряд Конюхова с бойцами «Спрута», несущими с собой канистры с напалмом. Выжженная земля большим чёрным пятном расположилась вокруг обгоревшего фонтана. Чёрное пятно диаметром в несколько десятков метров было усыпано обгорелыми трупами, но хорошо хоть среди них не было погибшего солдата — те своих не бросают, даже мёртвых.

Дима, глядя на мертвецов, невольно поёжился — именно ему досталась бронеткань погибшего солдата. Она была с небольшими подпалинами на штанинах и рукавах, да и пахла горелым пластиком, но при этом всё равно чётко выполняла свои функции. К сожалению, она защищала только от электричества. Но солдат явно погиб не от огня, ну или не совсем, во всяком случае, его сослуживцы не признавались.

Дмитрий набрал в лёгкие побольше воздуха и покрепче ухватился за дробовик, пытаясь взять в прицел любого спрутовца, если тому хватит мозгов подойти настолько близко, чтобы вынырнуть перед ним из тумана.

— Это «Беркут», засёк движение на третьем этаже! — протрещал наушник у каждого в отряде.

То ли от старости, то ли от тумана качество связи было не на высоте.

Все тут же напряглись и стали целиться в туман.

— Где эта чёртова башня? — прошипел один из рядовых. — Я ничего не вижу!

— Внимание! — снова донеслось из динамика. — «Сокол», они видят вас! В укрытие!

— «Сокол» — это мы? — спросил Дима.

Вместо ответа лейтенант Лавров бросился ему под ноги и свалил его на обгорелую дорожку так, что они оба укрылись за мраморным бортом фонтана. Очень вовремя, поскольку прямо в то место, где только что стоял Дима, попал голубой разряд.

По ним открыли прицельную стрельбу — спрутовцы действительно видели отряд сквозь туман, но среди них не было ни одного снайпера. Бойцы укрылись за деревьями, скамейками и фонтаном. Выстрелы были совершенно беззвучные, и о том, что отряд начали обстреливать, вообще нельзя было бы догадаться, если бы не рация.

Следовавшая вместе с отрядом «Сокол» группа дронов тут же получила приказ отвлечь огонь на себя. Дроиды двинулись по хаотичной траектории к белой башне, и стрельба по людям стала менее плотной.

— Всё, мы их сняли, — сообщил «Беркут» через пару секунд. — Двигайтесь, парни, «Орёл» уже заждался вас.

— Принято, спасибо, — ответил Лавров.

Они выскочили из укрытий и побежали уже прямо к башне, больше не пытаясь где-либо укрыться. Собственно, до «УайтТауэр» больше никаких укрытий не было, одна сплошная мощёная площадь перед парадным входом — ни фонарных столбов, ни даже чужих автомобилей. Стараясь держаться поближе к дронам, чтобы, если что, хоть как-то укрыться за их корпусами, они вполне благополучно добрались до башни.

Парадные двери вынырнули внезапно, хотя светящийся силуэт здания они увидели метров за десять. Раздвижные стеклянные двери оказались разбиты и отключены, так что в холл проблем проникнуть не возникло.

Холл у белой башни был гигантский. Он занимал две трети от общей площади первого этажа, вытянувшись при этом вверх этажей на пятнадцать. Посреди холла возвышался монумент в виде круглого столба высотой метров тридцать, вся поверхность которого была исписана значимыми сотрудниками и директорами «Астола», как работавшими непосредственно сейчас в корпорации, так и работавшими в прошлом, начиная от даты основания. С каждым годом столб увеличивался в размерах, и руководство местного отделения корпорации уже подумывало над тем, чтобы перенести монумент наружу, так как скоро он просто не поместится в холле. Вершину монумента украшал пятиметровый металлический чип с разветвляющимися во все стороны ещё на добрый метр голографическими прямоугольными усами-дорожками — эмблема «Астола», в точности соответствующая той, что горела над башнями. Наверное горела, поскольку её из-за тумана не было видно, а террористы вполне могли её отключить — точно никто не сказал бы. Слева от входа сразу за длиной стойкой для регистрации посетителей расположились несколько турболифтов, сейчас отключенных, а справа вверх до конца уходил длинный пандус с небольшим углом подъёма. Никаких лестниц или ступенек, чтобы информационные дроны могли с лёгкостью перемещаться между парадными этажами, отвечая на вопросы посетителей. Заставлять посетителей пользоваться терминалами корпорация считала недостойным занятием.

Когда-то здесь было чисто. Сейчас же повсюду валяется битое

стекло, стены украшены подпалинами от выстрелов, от монумента откололся довольно крупный кусок, обнаживший металлическую арматуру.

Охранные дроны, едва въехав вместе с людьми в здание, тут же рассредоточились по первому этажу, заняв оборонительные позиции. От них отделилась небольшая группа из трёх машин, которая направилась к пандусу.

Один из солдат заглянул за стойку.

— Три сотрудника корпорации, — произнёс он и, перебравшись через стойку, пощупал у них пульс. — Мертвы.

— Не стоило и сомневаться, — заметил Макс.

Внезапно один из дронов, отправившихся на этажи повыше, взорвался, осыпав монумент своими осколками.

— Противник! — закричали солдаты, рассредоточиваясь по холлу в поисках укрытия.

Дима и Макс укрылись за стойкой вместе с солдатом, который был всё ещё там.

Спрутовцы показались на другом конце холла несколькими этажами выше. Бортики пандуса были для них надёжным укрытием, при этом прекрасно позволявшим видеть всё внизу и без труда вести прицельный огонь. Их за несколько секунд показалось раза в два больше, чем было солдат, и пускай, что они были хуже вооружены — они брали числом.

Сверху посыпался град выстрелов, один из солдат, выбрав не совсем удачное укрытие возле монумента, получил сразу три заряда. Броня спасла его, но он запаниковал, дёрнулся с места и, споткнувшись, растянулся на полу, ударившись носом об него. Брызнула кровь. Он попытался встать, но ещё два точных выстрела уложили его обратно, а последовавшие за ними ещё пять добили.

Сразу несколько дронов взорвались, разбросав свои электронные внутренности по полу — операторам было трудно управлять таким количеством техники на эффективном уровне.

— Отступаем! — приказал Лавров. — Иначе нас здесь всех перестреляют!

— Что?! — возмутился Макс. — Да мы ещё…

Он не успел закончить свою реплику.

Громко вопя и грязно ругаясь, в холл вбежал в безумном припадке Андрюха. Обвешанный двумя связками гранат и держа в обеих ладонях по армейскому пистолету, он, ловко уворачиваясь от выстрелов, вмиг сориентировался и успел добежать до пандуса, непрерывно стреляя на бегу по-македонски.

— Получайте, проклятые засранцы! — вопил он. — Кто ещё хочет получить? В очередь, сукины дети, в очередь!

Надо сказать, что при этом стрелял он достаточно точно и кучно — не успевшие ещё рассредоточиться спрутовцы попали под его огонь, и двое из них, явно не защищённые никакой бронёй, лишились сознания. Остальные на добрых пять секунд скрылись из виду, за это время Андрюха успел наконец-то добраться до пандуса и спрятаться за его бортиком. Затем он тут же выглянул из-за него и, прицелившись в то место, где совсем недавно был противник, стал ждать. Две секунды спустя мимо него проехала группа оставшихся дронов, оставив холл пустым.

Но спрутовцы оказались не идиотами, преимущество было сейчас на их стороне. Они могли практически спокойно обстреливать даже из одной точки весь холл, за исключением некоторых мест, где сейчас и укрылись люди. При этом до них добраться, тем более победить, было очень тяжело — на пандусе укрытий практически нет, а атака лоб в лоб никогда ничего хорошего не приносила. «Спрут» мог пережить потери от такой атаки, добавив ещё людей, зато у военных резервов не было.

— Идиот! — крикнул Лавров. — Дебил! Сбежал всё-таки… Немедленно сюда, на тебе даже брони нету!

Андрюха не обратил на него никакого внимания, поскольку заметил неосторожно выглянувшего спрутовца. Тут же осыпал его градом выстрелов. Террорист, не успев вскрикнуть, заметно вздрогнул под шоковыми выстрелами и, перевалившись через бортик, упал вниз, с противным звуком ударившись о твёрдый пол головой.

— Нет! — вскрикнул Дима.

Макс было подумал, что этот гуманист возмутился не самым благородным поступком Андрюхи, но Дима сразу после крика начал стрелять из обреза по другой точке на втором этаже. Это спасло Андрюху — выстрелы из обреза не позволили подобравшемуся так близко к ним противнику попасть по парню. Но обрез — штука очень неточная, попасть из него с такого расстояния невозможно.

Зато из солдатской винтовки это не составляет труда. Рядовой рядом с Максом и Димой первым же выстрелом попал лучом в голову террористу, и тот упал назад навзничь. Одновременно с других разных точек показались рассредоточившиеся террористы. Андрюха понял, что попал.

— Парни! — успел выкрикнуть он прежде, чем первый же точный выстрел сразил его, лишив сознания.

Военные собрались было открыть заградительный огонь, чтобы Андрюха смог выбраться из самого пекла, но не успели — теперь было мало того, что поздно, так ещё и опасно, поскольку противник быстро переключил своё внимание на них.

— Где «Орёл»? — выкрикнул один из солдат.

Лавров, стараясь подальше вжаться в своё небольшое убежище (проход в туалет), но при этом не потерять из виду обстановку, отправил запрос в штаб.

— Их зажали в комнате с охранным терминалом, — ответил через небольшую паузу он. — Они не смогут помочь. Отходим, есть план! Санёк, помоги!

Лавров показал ближайшему солдату пару ЭМ-гранат у себя на поясе, и Санёк понял всё без слов, кивнул.

— Мужики, на выход, я прикрываю! — крикнул Санёк.

Он выставил на своём лазерном излучателе минимальную мощность, чтобы ствол меньше нагревался при стрельбе, и одним долгим скользящим выстрелом провёл по всем местам, где укрывался противник, и до которых он мог достать со своей точки. Сыпавшийся град выстрелов прекратился, дав время солдатам и полицейским отступить и выйти наружу. Лавров, ещё раз оценив обстановку в холле, прицелился и кинул в воздух туда, где террористов было больше всего, обе гранаты, после чего быстро метнулся к выходу вслед за остальными. Противник отреагировал довольно быстро, но сказалась общая неслаженность действий — не обученные люди не умели отступать одновременно, они начали наталкиваться друг на друга. И Санёк этим воспользовался — подстрелил летящие гранаты за миг до того момента, как те успели влететь в небольшое пространство между бортиком пандуса и потолком этажа. Секундой позже гранаты бы никого не задели, но сейчас они подорвались прямо на подлёте, хоть и слабо, но задев нескольких из членов «Спрута».

Последним из здания выскочил Санёк.

Они забежали за угол башни, туда, где была сплошная стена без окон.

— План изменился, — Лавров отстегнул от своего костюма небольшое устройство в виде серого коробка с ручкой и с тонкой, намотанной на катушку леской. — Мы разделимся.

— Что?! — возмутился Санёк. — Ты спятил! Если мы разделимся по пять человек, то нас всех перебьют, мы даже до тридцатого этажа не дойдём!

— Субординация, рядовой! — его сосед с сержантскими погонами отвесил ему звучный подзатыльник. — Приказы не обсуждаются!

— Ещё как обсуждаются, если они ведут к явной смерти, — возразил в ответ тот.

— Заткнись и слушай! — рявкнул Лавров. — Ты и ещё двое идёте со мной и товарищем майором, младший сержант Губов и

остальные остаются здесь и создают видимость, что мы здесь внизу по-прежнему в полном составе. Штаб направляет сюда ещё дронов, они должны помочь.

— Внизу? — выделил ключевое слово Дима.

— Мы идём наверх, — пояснил Лавров. — Губов, отдай свою «кошку» товарищу майору!

— Есть! — сержант отцепил от пояса свой коробок и отдал Максу.

— Задача оставшихся: ждать прибытия дронов, после чего пробиться к «Орлу», объединиться с ними и начать зачищать здание. «Сокол» перебирается на верхние этажи тёмной башни, оттуда — на светлую и делают тоже самое, но сверху, вместе с летающими дронами. Мы же будем искать только заложников.

— А если будут пленные? — поинтересовался Дима. — Что с ними делать? Спрутовцев сейчас в здании около сотни, мы не сможем уследить даже за третью!

— Вырубай, — ответил Макс. — Все разбирательства будут потом.

— А, ну да, — Дима растерял весь запал. Идея стрелять в пленных, пусть даже не убивать их, ему не нравилась. — Полиция не ведёт переговоров с террористами.

— Армия тоже, — буркнул Санёк.

— Всё, разделяемся! — приказал Лавров.

Половина солдат вместе с Димой, как и было приказано, вернулись обратно в холл. Едва они вошли внутрь, как снова послышались звуки стрельбы из шокового оружия, но к ним добавились новые — кто-то достал огнестрельное, но, хорошо, в единичном экземпляре.

— Майор, знаешь, как пользоваться такой штукой? — спросил Лавров у Макса, показывая на «кошку» в его руках.

— Да.

— Хорошо. Леска длинная и крепкая, так что не волнуйся. А скорость подъёма уже напрямую зависит от твоего веса. Парни, выставите высоту сто двадцать метров, «Сокол» сообщил, что там есть пролом в стене прямо над нами, и этаж относительно спокойный.

— Есть сто двадцать метров!

Макс действительно пару лет назад пользовался подобными устройствами на соревнованиях по городскому альпинизму. Хоть это было первый и единственный раз в его жизни, он всё прекрасно запомнил. Нашёл сбоку маленькую сенсорную кнопку, высветившую крохотное голографическое окошко зелёного цвета с графой «высота». Вообще, высоту можно было и не выставлять, на конце лески присутствует детонатор с вакуумным магнитом,

способным прицепиться к чему угодно при ударе о поверхность и выдержать сто пятьдесят килограмм веса. Но прицелиться на высоту сорокового этажа даже в ясный солнечный день очень сложно, так что лучше довериться автоматике.

Он ввёл в окошко необходимые цифры, примерно прицелился вверх туда, где ему казалось, находится тот самый пролом в стене, и нажал на вторую маленькую кнопку, рядом с первой. Солдаты одновременно сделали то же самое. Пять размером с монету магнитов устремились вверх, с бешеной скоростью и визгом разматываемой катушки разрезая туман. Из-за низкой точности выстрелов магниты уже через десять метров полетели вразброс, но встроенная электроника тут же выровняла полёт благодаря системе микрогироскопов, лишь немного снизив скорость полёта. Через несколько секунд, когда гравитация начала замедлять магниты, на них включились маленькие двигатели. Ещё через несколько секунд сработал датчик высоты — расстояние успешно пройдено; включился встроенный эхолот для поиска ближайшей поверхности. Доля мгновения, и магниты успешно зафиксировались на отвесной стене, о чём сообщил звуковой извещатель в коробке.

Макс хмуро посмотрел вверх. Идея ползти сто двадцать метров, держась только руками, его не вдохновляла. Слишком большое расстояние для его слабоватых кистей, и если скорость подъёма будет недостаточно быстрой, то ему может просто не хватить сил удержаться. К тому же, это внизу безветренная погода, а вот повыше может твориться всё что угодно; внезапные порывы его раскачают на этом тросе, а это не хорошо. Но много хуже, что им придётся проноситься мимо панорамных окон больше сотни метров, будучи на виду у всех, кто решит посмотреть в их сторону. Леска-то практически невидима, но вот они сами… Стоит хоть кому-нибудь заметить их ещё внизу и передать сообщение на верхние этажи, что кто-то за окнами несётся прямо к ним… Это будет финиш.

Но другой путь заблокирован, а идти к «ДаркТауэр» и делать то же самое, только горизонтально — не выход.

— Двигаем! — приказал Лавров.

Солдаты активировали механизм сматывания лески и пулей сорвались с места, устремившись в небеса.

«Дьявол вас всех побери!» — зло подумал Макс, нажимая на третью кнопку и покрепче сжав крохотную ручку на коробке. От сильного рывка ему чуть не вырвало руки, отчего тут же заболели плечевые и локтевые связки. К удивлению полицейского, скорость подъёма оказалась приличной — этажи довольно быстро сменяли друг друга, ветер свистел в ушах, а мокрый туман бодро проникал

ему за воротник и обильно увлажнял и неприятно холодил спину. Пальцы на руках мгновенно замёрзли от ветра, но не разжались, майор отчаянным усилием старался держаться за маленькую неудобную ручку обеими руками.

Старт выдался неудачным — Макс встал от стены на добрый метр дальше, чем солдаты, поэтому итоговый угол подъёма увеличился на пару градусов, и уже через две секунды полёта полицейский больно врезался в окно. При этом Макс зарычал от боли, но мысленно поблагодарил Господа за то, что при строительстве этой башни внешние стороны стен сделали гладкими и сплошными, без выступов, иначе бы ему сейчас каким-нибудь пандусом снесло башку.

Рядом с Максом что-то зажужжало. Он повернул голову, но ничего не увидел из-за проклятого тумана до тех пор, пока не вылетел из него. Это произошло мгновенно, как прыжок из воды, плотный слой тумана резко закончился на высоте около ста метров, открыв взору пустыри слева от «Астола» и множество полностью автоматизированных фабрик справа. Жужжали рядом с полицейским летающие дроны — оператор разумно послал парочку к поднимавшимся на тросах, чтобы подстраховать в случае чего.

Последние двадцать метров подъём резко замедлился, пока совсем не прекратился. Установленной высоты чуть-чуть не хватило — все пять магнитов крепились к краю той самой дыры в стене, в которую отряд должен был без труда залезть. Солдаты, опередив Макса всего на секунду, уже подтягивались вверх.

Лавров, первый оказавшийся на этаже, оглядел узкий коридор, в который они попали, после чего помог забраться Сашке. Сашка, едва оказавшись в помещении, тут же прислонился к стене и выхватил свой лазерный излучатель и приготовился застрелить любого, кто посмеет показаться в проходе. Лавров же наклонился над обрывом и подал руку Максу:

— Хватайся, майор!

С его помощью Макс забрался внутрь и с большим удовольствием вновь ощутил опору под ногами.

Лавров показал поднятый большой палец летающим дронам.

И тут один из них дёрнулся. В него попал довольно точный выстрел из другого конца коридора, левый пропеллер заглох, и дрон стал крениться на бок. Солдаты открыли запоздалый огонь по показавшемуся противнику, разом уложив около пяти террористов на пол. Но следующие за ними по пятам остальные полтора десятка выстрелили сплошным дождём бело-голубых росчерков.

— На пол! Вниз! — успел скомандовать Лавров прежде, чем

враг пробил его броню.

В следующий миг его изрешетили шоковыми разрядами, попросту изжарив лейтенанту мозг. Он свалился ничком на устланный красным ковром пол, и от его мёртвого тела пошёл лёгкий дым.

Солдаты, большинство с пробитыми щитами, упали вслед за ним, живые. Макс, до этого стоявший у них за спинами и лихорадочно пытавшийся достать собственный карабин, слегка запоздал, но ему повезло больше — в него попали только один раз, бронежилет всё ещё работал. Как только он упал на ковёр, едва при этом не вывалившись наружу, поверх их голов оба дрона выпустили длинную очередь из маленьких сиреневых шариков. Каждый из этих шариков был способен вырубить надолго даже человека в броне, а для незащищённых он был смертелен. Летающие дроны применялись только для разведки боем.

Повреждённый дрон потерял манёвренность и не смог уклониться от выстрелов попрятавшихся по углам и за дверями террористов. Он заискрился, из него повалил дым, и дрон в следующее мгновение камнем упал вниз.

На какую-то секунду всё стихло, причём настолько, что Макс услышал, как оставшиеся в живых солдаты тяжело дышат. Из спрутовцев никто не показывался, но все прекрасно понимали, что они просто прячутся за дверями и углами, невольно косясь на только что полёгших товарищей.

Оставшийся второй дрон тоже замер. Он теоретически мог влететь в узкий коридор, но там он бы стал уязвимой мишенью совсем без возможности уклонения, поэтому оператор просто оставил его висеть в воздухе в двух метрах от дыры в стене.

— Кидай! — внезапно донеслось с другой стороны коридора.

— Ща они получат! — добавил второй голос.

— Хрень! — воскликнул понявший всё Санёк. — НАЗАД!!!

Из-за угла метрах в десяти от них показалось несколько чьих-то рук. Дрон, тут же поймав их в прицел, выстрелил короткой и точной очередью, поразив как минимум одну пару рук, которые из-за этого что-то выронили. На другой стороне коридора началась паника, раздались крики и нецензурная брань. Следом за бранью по коридору быстро подкатились штуки четыре гранаты, только две из которых были электромагнитными — остальные оказались осколочными.

У Макса волосы на голове встали дыбом, когда он их увидел. Развернулся так быстро, как никогда в жизни, схватился за так и не отлепленную «кошку» и свесился вниз, начав разматывать трос и медленно спускаться. Один из солдат решил пнуть гранату обратно, и это бы сработало, если бы все остальные сделали то же

самое. Но нет.

Раздался взрыв. Настолько громкий, что у Макса не просто зазвенело в ушах, он на секунду даже подумал, что он сдохнет от одного только грохота. Дрон заблаговременно поднялся выше на этаж и отлетел на пару окон вправо, уходя от взрывной волны. Из пролома в стене вырвалось огненное облако, ударом из коридора вынесло всех солдат. Следом прогремел второй взрыв, уже глубоко внутри здания.

Макс видел всё, как в замедленной съёмке в фильмах более чем столетней давности. Вот над ним из огненного облака выныривают оторванные ноги и одна рука бедолаги-солдата. Вот разом ударной волной отрывает все магниты от стены, и натяжение «кошки» в его руках пропадает. Вот показывается летящий вниз головой Санёк — он почти рядом с Максом, у него есть ещё шанс выжить. А вот и остальные два солдата, судя по их изорванным телам, почти из эпицентра взрыва. Пушечным ядром проносится мимо оторванная голова Лаврова.

— Хре-е-е!.. — вопил Санёк.

Он зацепился за Макса, и они оба уже понеслись в пропасть. Макс в отчаянии искал кнопку под пальцами, выпускающую магнит. Нашёл, выстрелил. Магнит пулей полетел вверх и сразу же врезался в почерневший от взрыва потолок над расширившимся проломом в стене. Снова рывок, уже куда сильнее, чем был на старте, нанотатуировка нестерпимо чешется, под кожу Максу словно впрыснули раскалённую лаву.

— Хрень, хрень, хрень! — непрерывно вопит Санёк.

Он схватился за лодыжку Макса, в момент остановки едва не вырвав его ступню из сустава. Его лицо заливает кровь, из правой глазницы торчит какой-то осколок, но он всё ещё жив. Ему больно, и от этого он начинает дёргаться.

— Не шевелись! — кричит Макс, стараясь пересилить звон в ушах. — Упадём!

Леска лопнула, до крови хлестнув полицейского по лицу, и они снова продолжили падать, но только теперь было больше нечем зацепиться. Тёмный слой тумана под ними начал стремительно приближаться. Макс успел подумать, что стоит ему погрузиться в него, как помирать станет значительно легче — земли он всё равно не заметит, просто не успеет, размазавшись об неё в лепёшку с такой высоты.

— Хватайся за дрона! — крикнул Санёк.

— Что? Ты о чём? — не понял Макс.

Санёк, указал на летящего сразу же за Максом дрона. Оператор отправил ближайшую машину в пике, чтобы хоть как-то попытаться спасти людей.

— А ты? — выкрикнул Макс.

Туман наконец-то проглотил их. Время утекало, надо было уже что-то делать.

— Я — труп и так, — ответил Санёк.

Макс заметил, что от него действительно тянется в воздухе длинный кровавый шлейф. Скорость кровопотери была просто бешеная.

Дрон ждал. Он не мог падать ещё быстрее, чтобы самостоятельно поднырнуть под полицейского, он и так уже летел на скорости, превышающей его максимальную скорость свободного падения, помогая себе двигателями. Выход был только один.

Макс собрался, сжал волю в кулак и лягнул ногами стеклянную стену рядом с ним. Это его спасло на какой-то миг. Он врезался спиной в дрона, и они вместе отлетели от стены, но Макс уже неведомо как почувствовал, что его относит от летающего робота. Нужно было схватиться за него, хоть как-то и хоть где-то, пускай для спасения надо было засунуть руки даже в пропеллеры. Если он останется жив в итоге, то на руки можно и плюнуть — протезы сейчас хоть и дорогие, но вполне реальные.

— Зараза!!!

Ему снова повезло. Хоть дрон от столкновения и бешено завертелся, хоть он и стал уже тормозить своё падение встречным потоком воздуха, но руки Макса успели сомкнуться на его горячем стволе прежде, чем они окончательно разминулись. Ладони тут же нещадно обожгло, но дрон выправился и сделал своё дело. Они затормозили.

Почти.

Подъёмной силы дрона хватало на его вес с двукратным запасом, чтобы обеспечить ему хорошую манёвренность, но с учётом, что робот весил всего килограмм десять-двенадцать, этого сейчас оказалось смертельно мало. Пропеллеры натужно взвыли, пытаясь удержать в воздухе восьмидесятикилограммового мужика, но, конечно не справились. Кем бы ни был оператор на другом конце, он явно был хорошим человеком, изо-всех сил пытавшимся спасти боевого товарища любым возможным способом. Но одной только доброты мало. К счастью, он при этом оказался ещё и смекалистым.

Дрон сделал быстрый рывок к стене, чуть-чуть не долетев до неё. Макс начал материться, когда он едва не оторвался при таком манёвре от робота. Но уже в следующую секунду дрон отлетел от стены, заставив Макса качнуться на нём, как маятник, после чего сразу же снова рванул к стене. Он врезался в бронированное стекло и таки пробил его, безнадёжно уничтожая

самого себя при этом. Но Макс уцелел при ударе, раскачавшись на дроне и влетев вслед за ним внутрь здания сквозь пробитое отверстие в окне. Они вместе приземлились на чей-то пластиковый стол, снесли его, и следующий за ним, и ещё один, и ещё — до тех пор, пока не врезались в противоположную стену. После чего искорёженный дрон сверкнул на прощание искрой и отключился совсем.

Макс устало перевернулся на спину и вгляделся в потолок над собой. Сверху полилось что-то солёное — сработала система пожаротушения, поскольку дрон задымился. Льющаяся с потолка вода начала смывать с рассечённого леской лица полицейского кровь.

— Зараза… я жив…

Глава 26

В небольшое туалетное помещение вбежал лысый щупленький мужичок небольшого роста с выпученными от страха глазами. Всё его лицо было в испарине, а хлопковая офисная рубашка бежевого цвета на спине и в районе подмышек казалась настолько мокрой, что если её выжать, то жидкости хватит на целое ведро.

— Женя! — жалобно и тихо позвал он своего друга. — Женя!

Он начал открывать кабинки туалета одну за другой, пока наконец-то не натолкнулся на запертую изнутри.

— Женя! — снова, уже более требовательно, позвал он.

— Ну что ещё? — раздражённо рявкнули женским голосом с той стороны. — Чтоб я ещё хоть раз взяла чужой йогурт из холодильника…

— Женя! Он идёт сюда! — жалобно проблеял мужичок.

— Твою мать… слушай, я к тебе пристаю, когда ты сидишь на толчке, а? Отвянь, Вань! И вообще, это женский туалет!

— Но Женечка… он уже близко!

В подтверждение его слов где-то совсем недалеко прозвучал жужжащий выстрел из старого военного карабина. Далее последовал чей-то короткий, но очень болезненный вскрик, и поверженный выстрелом глухо стукнулся головой об пол. Ваня этого не видел, но буйное воображение, ориентируясь на приближающиеся звуки, нарисовало ему именно это.

— О нет, он уже почти здесь! — Ваня забарабанил по двери. — Открой!

— Девятый бит, как же ты меня достал, — вздохнула Женя, но дверь не открыла. — Кого ты там так испугался, жалкий трус?

— Макса! — взвизгнул Ваня. — И я не трус!

— Ну да, а то я тебя не знаю. Что ещё за Макс?

— Ты что, не знаешь Макса? — изумился Ваня, даже прекратив колотить хлипкую пластиковую дверцу. — Максим Бор! Полицейский!

— Тьфу, нашёл кого пугаться, какого-то вшивого копа!

Ваня услышал приближающиеся шаги и притих. Полицейский медленно прошёл мимо двери в туалет и не торопясь удалился. Через несколько секунд снова послышались звуки стрельбы, чьи-то вскрики и прочие звуки завязавшейся перестрелки.

— Ты что, это же Макс Бор! — немного расслабившись, прошипел Ваня. — Он ненавидит таких как мы. Он беспощаден, и он очень зол. Слышала про банду наркоторговцев, которая шуршала в Новой Самаре лет пять назад? Так это он их всех

перестрелял, в одиночку, причём! Двадцать два человека!

— Слушай, ну что ты ко мне пристал, а? — вздохнула Женя. — Ну, казнил он из всех, и поделом им! За торговлю наркотой и я бы любого убила. Но, блин, здесь в здании нас полторы сотни!

— Нет-нет-нет, надо непременно убираться отсюда, — затараторил Ваня. — Здесь стало очень опасно. Мы же никого не убивали, по сути, мы даже и преступлений никаких не совершали! Я — лишь внештатный журналист, просто помогал сочинять речи этим злодеям, да и ты — обычный электрик. Мы тут ни при чём! Надо как-то вылезли из башни и просто уйти… хотя она вся, должно быть, окружена военными, я видел в окне их летающие дроны. Лучше просто сдаться.

— Хорошая идея, — Макс пинком распахнул дверь.

— А! — взвизгнул от неожиданности Ваня, даже подпрыгнув на месте.

Женя замерла и задержала дыхание, чтобы ничем не выдать себя. Ей вполне может повезти, и полицейский её не заметит, если, конечно, этот придурок ни сдаст её.

Выглядел полицейский неважно, его за последние часы хорошо потрепало. Вся одежда испачкана в строительной пыли, привычная кожаная куртка порвалась в некоторых местах, ботинки остались где-то в другом месте, отчего полицейский остался в одних носках. Левая штанина была порвана вдоль до примерно середины икры, где виднелась кровоточащая самодельная повязка; соответственно, Макс при ходьбе хромал на эту ногу — наниты пока ещё не успели всего его залечить. Нижняя губа оказалась разбита, на правой скуле ссадина, правая бровь рассечена, отчего уже остановившаяся кровь залила пол лица. Даже на стволе карабина имелась пара вмятин — полицейский умудрился погнуть его при падении с дроном, после чего попытался самостоятельно выпрямить его. Получилось, но ствол всё равно косил.

— А ты думал, что я про тебя забыл? — Макс вошёл в туалетную комнату и больной ногой прикрыл за собой дверь.

Женя едва сдержалась, чтобы не выругаться и не выдать себя. Этот идиот-Ваня привёл копа прямо сюда? Он — что, не мог убежать от него в другое место?

— Я… нет, что Вы, — Ваня начал пятиться к дальней стене. — Я, вот, даже когда Вы прошли мимо, я всё равно не сбежал из туалета, поскольку знал, что Вы придёте за мной.

— Идиот, — Макс сплюнул розовой от крови слюной.

Женя мысленно согласилась с ним.

— Ты, вроде, хотел сдаться? — Макс медленно пошёл на

отступающего Ваню. — При виде меня уже передумал?

И он тут же направил карабин на мужичка. Тот остановился, уставился на кривоватое дуло и поднял руки вверх. Но от страха забыл ответить.

— Где Петров? — прорычал Макс, делая ещё пару шагов вперёд.

— Может, договоримся? — робко предложил Ваня. — Я Вам расскажу, а Вы меня отпустите… нет, арестуете и оставите здесь! А когда всё закончится, спокойно заберёте, ладно?

— Полиция не ведёт переговоров с террористами! — рявкнул Макс, сделав ещё шаг.

В этот момент он оказался напротив двери в кабинку, где сидела Женя. Она, поняв это, со всей силы двинула ногами по хлипкой двери, выбив её из петель, и тем самым опрокинув Макса на пол. Вмиг натянув на себя спущенные нижнее бельё и штаны, она навалилась сверху на дверь, под которой барахтался полицейский, и крикнула Ване:

— Хватай его пушку, живо!

Макс из-под двери злобно глянул на мужичка, и тот от этого взгляда едва не обделался. Этот взгляд затормозил его.

— Что ты встал?! — Женя отчаянно пыталась придавить копа дверью, но тот уж больно хорошо сопротивлялся.

Макс понял, что грубой силой он не выберется — насевшая на дверь женщина оказалась слишком тяжёлой для него в его нынешнем состоянии. Он попробовал воспользоваться карабином, но тот оказался слишком длинным для этого, что очень неудобно. А вот старый добрый пистолет в самый раз.

Дверь пробило со второго выстрела, Макс стрелял наивысшим по мощности зарядом. Женя стихла, потеряв сознание от ослабевшего после двери заряда. Майор, кряхтя от натуги, повернул дверь набок и выбрался из-под неё. Опираясь на стену, встал и смерил презрительным взглядом женщину.

— Бешеная баба! — выплюнул он, собираясь ещё одним выстрелом добить её.

— Нет! — решительно воскликнул Ваня. — Если ты сделаешь это, то я тебе ничего не расскажу!

Макс повернулся к Ване и снова посмотрел на него своим фирменным взглядом. Тот дрогнул, невольно отступил на шаг, но всё равно сказал:

— Только так! Мы не убийцы и уж тем более не террористы! Мы никому ничего плохого не сделали и имеем полное право на справедливый процесс в суде!

Майор начал закипать — какой-то мелкий хулиган качает права, указывая ему на то, что он пытается воспользоваться

привычной полицейской лазейкой в Законе? Законе, который он поклялся защищать!

— Ладно, — сдался Макс. — И не смей мне лгать — из-под земли достану!

— Только правда! — Ваня положил левую руку на сердце, словно был под присягой. — Клянусь своей жизнью!

— Говори уже, — не вытерпел майор.

— Вернись на ту лестницу, с которой пришёл, поднимись на шесть этажей вверх и найди кабинет топ-менеджера Гривунова. Большой длинный кабинет в конце длинного коридора, сразу за той лестницей.

Макс пригляделся к Ване, пытаясь понять, врёт он, посылая его прямиком в ловушку, или же говорит правду? Пожалел, что сейчас рядом с ним нет его напарника Димы, вот уж кто бы точно определил. А так придётся довериться.

— Сидите здесь, — приказал Макс. — Я в любом случае вернусь сюда. И молись, чтобы Петров оказался там, где ты сказал!

Майор поднял с пола свой карабин и направился к выходу.

— Ты — верующий? — удивился Ваня.

Макс, уже бывший возле двери в коридор, остановился.

— Ты что-то имеешь против? — угрожающе спросил он.

— Нет! — тут же затрясся Ваня. — Просто не думал, что ещё остался хоть один верующий.

Полицейский хмыкнул, но ничего не ответил.

Путь до кабинета топ-менеджера занял у него больше времени, чем он рассчитывал. Нога перестала кровоточить и даже болеть, наниты своё дело знали, но затормозило его другое. Видать, сверху всё-таки военные устроили прорыв, и испугавшиеся террористы приняли вполне мудрое решение попробовать спуститься ниже. Турболифты не работали, поэтому они и выбрали лестницу. Максу пришлось с боем прорываться через несколько немногочисленных групп противников, с трудом уворачиваясь от их выстрелов и штабелями укладывая трупы тех, кто осмелился в него стрелять. Когда он добрался до нужного этажа и спрятался за спасительной дверью, услышав, как мимо него спускаются следующие группы «беженцев», он обнаружил, что карабин сдох — кончился заряд батареи. К тому же, на последнем пролёте в полицейского пару раз попали, и бронеткань под его курткой тоже выдохлась. Уже не первый раз, и, насколько понял Макс, больше она восстановиться не сможет. Пистолет тоже оказался разряжен практически до конца, светодиоды на стволе светились слабо, но ещё на пару десятков выстрелов с приличной мощностью должно хватить.

Искомая дверь обнаружилась почти тут же, точно там, где и указал Ваня. Макс, не церемонясь, выбил её плечом и ввалился в кабинет. Тот оказался разделён на две большие части — что-то вроде зала для совещаний с длинным овальным столом вдоль панорамного окна, кучей удобных кожаных стульев, парочкой карликовых пальм с раскидистыми ветвями, а так же гигантских размеров сенсорным экраном в стене, противоположной окну. Слева был дверной проём, ведущий непосредственно в сам кабинет топ-менеджера.

А ещё всё вокруг было в зелёном огне.

Сам Петров с очень довольным видом поливал конференц-зал из своего огнемёта, стараясь поджечь всё, что только можно было поджечь. В том числе и ввалившегося полицейского. Сам он стоял прямо на столе в его центре.

— О, какие люди! — обрадовался он, заканчивая с пальмой и разворачиваясь к Максу.

Макс навскидку выстрелил в Петрова и, не прослеживая за результатом, схватил пальму их ближнего правого угла комнаты за ствол и швырнул её в Игоря, отметив не без удовольствия, что горшок тяжеленный. Выстрел прошёл мимо парня, но пальма сбила его с ног. Он выронил огнемёт, и тот, потеряв контакт с владельцем, прекратил извергать пламя. Огонь в комнате, потеряв подпитку, начал быстро угасать. Игорь упал на уже ставший в некоторых местах чёрным устланный ковром пол, и из его дула вытекло немного ярко-зелёной жидкости.

Макс, не дожидаясь, пока Петров поднимется на ноги и выкинет ещё какой-нибудь сюрприз, выстрелил ему в область сердца. Игорь дёрнулся от разряда, но не умер, лишь рассмеялся, одновременно схватив себя за левое запястье.

«Защищён!» — подумал Макс и выстрелил ещё раз.

— Щекотно, перестань! — рассмеялся Игорь.

— Что за хрень?!

Макс коротко взглянул на свой пистолет. С виду тот был исправен, да и заряда пока хватало (примечание: при разрядке батареи мощность заряда не падает — пистолет сразу же перестаёт стрелять). Поэтому он выстрелил ещё раз десять.

Петров всё смеялся и лишь слегка дёргался.

Макс взбесился и собрался было уже замочить его голыми руками, задушить, разбить его голову о стену или проломить оконное стекло и выбросить его в слой тумана в паре этажей под ними, как Петров внезапно прекратил смеяться.

— Не рекомендую стрелять ещё раз, — серьёзно сказал он. — Это может плохо кончиться.

— Для тебя?

Макс пригляделся: действительно, его антагонист схитрил, одев на себя несколько слоёв бронеткани и скрыв их все под одеждой. Сама по себе бронеткань достаточно тонкая, но сейчас это выглядело так, словно Игорь натянул под свитер сразу четыре футболки и двое штанов под чёрные брюки.

— Для меня, — согласился Петров, по-прежнему сжимая свою кисть. — И для… э… семи тысяч двухсот сорока шести человек по всему земному шару. Прости, уже для восьми тысяч… в общем, их сейчас будет уже десять.

— Ты их не убьёшь! — рявкнул Макс. — Я тебе мозги вскипячу прежде, чем ты успеешь что-либо сделать.

В качестве подтверждения своих слов Макс со злобой ударил дулом пистолета Игоря в лоб так, что тот треснулся затылком о деревянный стол.

— Идиот! — воскликнул Игорь. — Если я отпущу руку, то они все сдохнут! Разуй глаза! Сзади тебя экран, видишь там цифры?

Макс нахмурился. Экран, о котором он говорит, находится как раз ровно позади полицейского, и стоит тому отвернуться, как главарь террористов непременно выкинет какой-нибудь фокус, вполне возможно, смертельный.

— Вставай, — проговорил Макс. — Медленно, без резких движений.

Игорь послушался. Свесил со стола сначала левую ногу, затем правую, после чего принял вертикальное положение и медленно, без участия рук, слез со стола. Макс жестом показал ему сдвинуться влево так, чтобы майор мог взглянуть на экран, практически не поворачивая головы. Игорь так и сделал, Макс при этом всё время держал его на мушке.

— Зараза!!!

— А я о чём?

На наполовину обгорелом экране действительно быстро бежали имена тех, кого угораздило попасть в список. Их было много, очень много, и скорость добавления имён с каждой секундой возрастала. Это было заметно по тому, как быстро увеличивалось число, выведенное поперёк экрана.

Тринадцать тысяч человек.

— Стоит мне отпустить руку, — Петров показал правой рукой левую кисть. — И они все умрут в единый миг. Ну, может, не все, вы же нашли, как я слышал, лазейку, но, уверяю тебя, в этот раз там не только главы корпораций да депутаты. Абсолютно случайные люди! Алгоритм я составил лично, и он очень простой: он случайным образом выбирает ГИНы из украденной нами базы персональных данных и добавляет их в список. Скорость с каждой итерацией немного возрастает. Стоит мне отпустить руку —

смерть. Стоит кому-нибудь заблокировать сигнал или разорвать соединение — смерть. Стоит мне чихнуть и хоть на миг ослабить хотя бы на чуть-чуть хватку — ну ты понял.

Макс молча смотрел на него. Если всё, что он сейчас сказал — правда, то Макс в заднице, причём, судя по числу в двадцать тысяч, в очень глубокой, настолько, что уже не продохнуть. Отпускать засранца никак нельзя, чего ему стоит грохнуть всех этих людей? А он может, он уже доказал это. Но и пристрелить его нельзя тоже, поскольку тогда получится, что Макс лично убьёт двадцать тысяч человек.

— Что, полиция по-прежнему не ведёт переговоры с террористами? — с ехидной ухмылкой поинтересовался Петров.

— Чего ты хочешь? — сдался Макс.

— Для начала — бессмертия, — начал издеваться Петров. — Личный планер из палладия, собственную независимую систему телепортации и неограниченный запас деревянной еды со вкусом банана.

Макс скривился:

— Ненавижу банановый. Так понимаю, ты хочешь выбраться отсюда?

— Мистер конгениальность, — оскалился Игорь. — И ещё…

Тут в комнату вошли сразу трое, но с разных сторон.

Позади Макса показался изрядно помятый и побитый Дима с озлобленным лицом, следом за ним — вполне себе целый, но невесёлый Андрюха. Оба при оружии, с Димой по-прежнему его обрез, готовый в любой момент выстрелить в Игоря, стоит Максу только отойти или подвинуться. А с противоположной стороны, из кабинета топ-менеджера, вышел Мистер Икс, весь аккуратный, не заляпанный никакой пылью и уж тем более кровью. Чистый, одетый с иголочки, с уложенными волосами и в привычном сером драповом длинном пальто с поясом и в серой шляпе-федоре. Он поприветствовал Макса, как и положено мужчине в шляпе, коснувшись передних полей.

— Ба, да у нас гости! — обрадовался Петров. — Входите, входите! И Вы, Мистер Икс, как же я могу не поприветствовать глубокоуважаемого человека, снабдившего нас всем необходимым? Вот и напарник Макса, извини, пончик, не помню твоё имя… А вот с твоим другом я знаком! Что, всегда на стороне победителей, да?

— Надо же, — буркнул Андрюха. — Ты меня запомнил… Мужик, я у тебя, типа, подрабатывал только, но мне не понравилось! Давай сделаем вид, что я ушёл на больничный, лады? Хех, странно, обычно меня никто не узнаёт, кого ни спроси. Вот почти как его!

При этом он грубо показал пальцем на Мистера Икс.

— Что значит «снабдившего»? — требовательно спросил Макс.

Мистер Икс проигнорировал вопрос, сразу обратившись к террористу:

— Господин Петров, Вы в безвыходной ситуации. Сдавайтесь, и тогда я сделаю всё, чтобы Вам сохранили жизнь, отправив в шахты, а не убив. Даже прощу убийство моего друга.

— Сохраните жизнь??? — вскрикнул Дима. — Да как Вы можете после всего того, что он сделал? Ему нужен справедливый суд, без поблажек!

— «Снабдившего» значит «снабдившего», — ответил Игорь Максу. — Он выделил «Спруту» финансы, довольно крупную сумму, кстати, ещё когда Воробьёв был жив. В обмен попросил опубликовать все сведения по «Хеймдаллю», но, как ты понял, Воробьёв просто не успел.

Эти слова зацепили Макса за живое.

— Двуличная мразь! — прохрипел он, взяв на мушку Мистера Икс.

При этом он ощутил, как у него жутко начал зудеть палец на пусковой кнопке пистолета. Желание выстрелить оказалось неожиданно сильным.

— О, ты ещё и половины не знаешь, — рассмеялся Игорь. — Мы как-то упоминали в одном из видео, что проект заказало правительство. Так вот я покопался и нашёл!

Игорь осторожно, чтобы его ненароком не пристрелили, повернул голову в сторону Мистера Икс и подмигнул ему.

— Тс-с! Я обещаю, я никому не скажу, что этот заказ сделал ты лично! — ребячась, сказал он.

Мистер Икс посерел лицом, и остальные в этой комнате мгновенно поняли, что Игорь сказал абсолютную правду.

— Арестуйте его, майор, — приказал Мистер Икс. — Я приказываю Вам как генерал-лейтенант МВД.

— Не вижу погон, — Макс с отвращением плюнул ему под ноги.

— Макс, чего ты ждёшь? — нетерпеливо спросил Дима. — Ты можешь выстрелить в Петрова. Обездвижь его, и мы унесём его прочь, солдаты уже зачистили практически всё здание, они помогут, если ты ранен. Или убей, после всего того, что он сделал — это меньшее, что он заслужил.

— Браво! — воскликнул Игорь. — Я бы поаплодировал, но у меня руки заняты, извини, приятель. Подумать только, гуманист, каких свет ни видывал со времён Христа, изменил своим принципам и советует чёрствому как корка хлеба месячной

давности у меня дома полицейскому прикончить злодея этой истории! Браво! Максимка, дорогой, объясни ему, почему убивать меня никак нельзя.

— Числа, — сообразил Мистер Икс. — Это — новый список?

— И он активируется после того, как ты отпустишь руку? — продолжил его мысль Андрюха, глядя на левую кисть Игоря. — Вот скотина, тоже смотришь старые фильмы?

— А то, — кивнул террорист. — Надо же было у кого-то учиться, или ты думаешь, что это так легко — изображать сумасшедшего маньяка? Ха! Брось камень в любого, кто скажет «да»! Но, господа, вам пора уже решать, что делать со мной. Я, честно говоря, уже подустал сжимать свою бедную кисть, она и так уже вся синяя стала. Я ей ничего не чувствую, боюсь, как бы мне потом ампутировать её не пришлось. А вдруг ещё тромб какой появится в сосудах? Оторвётся ещё, понесётся по сосудам в мозг…

Все молчали. Привыкшие к тому, что преступников убивали и за меньшее, сейчас они не могли поступить как прежде. Петров многое поломал из того, что стояло незыблемым уже долгое время, в том числе и утверждение, что смерть одного-единственного ублюдка не может быть большим злом, чем он сам был при жизни. Дело уже не только в том, следовать ли дальше тому процессу автоматизации всего и вся. Теперь здесь нечто большее.

— Ну что? — снова подал голос Петров. — Вас устроит число в шестьсот тысяч человек? Или, может, подождёте ещё немного до единички с кучей нулей? Я — без проблем, силы пока есть.

— Пойдём, — сдался Макс, снова беря его в прицел.

— Нет!!! — разом закричали все остальные. — Его нельзя отпускать, нельзя!

Тут майор понял, что он больше не выдержит. Чаша его терпения лопнула, сил сопротивляться сильнейшему желанию нажать на пусковую кнопку больше не было, кончились все мыслимые и немыслимые резервы.

Он закричал от раздираемых его эмоций. И выстрелил.

Одновременно с ним выстрелил ещё один человек.

И в комнате появилось сразу два трупа. Два тела, получив каждое смертельный заряд в голову, вздрогнули от электрического разряда и бездыханно упали на обгорелый пол.

Макс тяжело дышал, задыхался, его грудь раздирало и нестерпимо жгло. Он не понял, что только что произошло. Вот он кричал, вот вмиг перенаправил свой пистолет на Мистера Икс и нажал на спуск. Это желание было вполне осознанным и тщательно обдуманным, он не мог допустить, чтобы подобный

человек, из благих намерений причинивший столько зла, открывший ему дорогу, оставался в живых, чтобы он смог воспользоваться тем, что создал Игорь — это была бы катастрофа. Он ему не мог доверять, подсознательно ощущая, что помимо всех этих доводов есть как минимум ещё один, неизвестный, но который вот-вот раскроется.

А умерло двое. Мистер Икс и Игорь Петров.

— НЕ-Е-ЕТ!!! — разрывая глотку, закричал Дима.

Он отбросил в сторону свой обрез, из которого он только что выстрелил в самого плохого человека на всём белом свете, подбежал к трупу террориста и, отпихнув в сторону ошарашенного напарника, схватил запястье ровно в том месте, где всего секунду назад его сжимал Игорь.

— Нет! Нет! Нет! — повторял он, сдавливая запястье мертвеца, попеременно глядя то на него, то на экран с застывшими цифрами.

Шестьсот шестнадцать тысяч шестьсот шестнадцать человек. Ни больше, ни меньше. Шестьсот тысяч ни в чём неповинных человек, которых он только что убил.

— Вот чёрт, — мрачно и даже как-то равнодушно сказал Андрюха.

— Да, — согласно кивнул Макс. — Вот чёрт.

Макс понял, что Дима в итоге поддался эмоциям, ослабил защиту перед напором жажды мести за свою мать, и когда он увидел перед собой Петрова, то не выдержал.

— Вот, значит, как выглядит правосудие в Новой Самаре, — продолжил полный задумчивости Андрюха.

— Так выглядит смысл мантры, что полиция не ведёт переговоры с террористами, — поправил его Макс. — Шестьсот шестнадцать тысяч человек это подтвердят, если только научатся говорить, будучи мёртвыми.

— Нет, как я мог, как я мог?! — еле слышно бормотал Дима.

Он отбросил в сторону бесполезную руку мёртвого террориста с наручным терминалом, прижался к стене под экраном и начал покачиваться из стороны в сторону.

«Что я должен делать?» — задал сам себе вопрос Макс. Что он должен сделать с Димой? С бедным Димой, который своим примером показал ему, что одной только жестокостью и казнями преступников на месте преступления много не добьёшься. Благодаря ему Макс изменился внутренне, благодаря ему он не пристрелил тех двух бедолаг в туалете, хотя мог и вполне имел право это сделать. Благодаря ему он в этой башне оставил в живых стольких террористов, не убитых им с первого выстрела, лишь лишённых сознания. Хотя мог и имел полное право на казнь

повторным выстрелом.

Рация в ухе Макса взорвалась от гневных криков всех, кто только мог выйти на связь. Это означало, что Игорь не блефовал, когда говорил насчёт смертей. Но конфликт улажен, осталось только поставить точку. Точку за последней фамилией умершего в этом кровавом вихре.

Макс направил пистолет на Диму. Тот не возражал.

— Убей меня, — взмолился он, так и не встав с колен. — Убей меня прямо здесь, ведь если этого не сделаешь ты, то это сделает Закон. Мне никто не простит стольких жертв. Кто-то должен был пристрелить его, и вы оба это знаете. Проклятье, я пытаюсь оправдать себя в своих же глазах, хотя прекрасно знаю, что не смогу жить с этим чувством, даже если мне оставят жизнь!

Он коротко и нервно рассмеялся сквозь слёзы, скорее даже пролаял, как собака. Вот только собаки не научились совершать геноциды, в отличие от человека.

— Стреляй, — прошептал он.

— Что мне делать? — спросил Макс у Андрюхи. — Ответь мне, что я должен делать?

— Это твой выбор, папаш, — тот лишь пожал плечами. — Я не имею права склонять тебя в любую из сторон, но скажу, что отвертеться ему никак не удастся. Здесь повсюду видеокамеры, повсюду его отпечатки, любой баллистик без проблем определит, из какого именно оружия был застрелен Игорь. Доказательств для суда над Димой выше крыши, даже я не смогу их все уничтожить. Тебе осталось только выбрать, казнить виновного в геноциде напарника, или же оставить его в живых против его же желания.

Дима уже ничего вокруг себя не видел и не слышал. Он смотрел, не моргая, на запылённое дуло шокового полицейского пистолета, и его губы без остановки нашёптывали молитву о спасении его души. Макс, как второй и последний на много километров вокруг верующий человек, узнал молитву, он не мог не узнать. Эта молитва была из новых, появившихся с зарождением инфохристианства, в ней были и возвышенные слова о человеческой душе и о Боге, создавшем и непрерывно дорабатывающем Вселенную, и термины из информатики и физики вроде энтропии. Эту молитву знал наизусть каждый верующий, но произнести вслух её он имел право только единственный раз в жизни — непосредственно перед смертью.

— Объясни, — потребовал Макс, всё ещё не решаясь сделать выбор. — Ты сказал, что даже ты не сможешь убрать все доказательства его вины. Что это значит? Ты — кто-то вроде Мистера Икс? «Андрюха» — ненастоящее имя?

— Настоящее, отчего же нет? — сказал Андрюха. — Думаю,

ты легко догадаешься, если я скажу тебе две вещи. Первая: я привязался к вам обоим не случайно, соответственно, наша встреча в обезьяннике тоже не случайна. И вторая: убитый тобой Мистер Икс — тот, кто подставил тебя в деле об убийстве Измайлова. Он всё подстроил, и я это выяснил.

— Он подставил меня? Зачем ему это? Выходит, именно он и грохнул Измайлова, да?

Андрюха кивнул:

— Именно. Видать, его долго совесть мучила, когда он узнал про то, что его заказ у «Астола» провалился, и вместо инструмента влияния на психику они изобрели такую убойную штуковину. Он подговорил Купцову и некоторых других сотрудников, которые были непосредственно заняты в разработке, на то, чтобы они устроили диверсию и под шумок спёрли «Хеймдалль». Те это сделали, но отказались в дальнейшем сотрудничать с ним, решив разбогатеть на украденном корпоративном секрете. Мистеру Икс это не понравилось, и он тайно подкинул Измайлову сведения, которые вывели того на жертв. Но Измайлов нанял киллера и с его помощью прикончил всех. Мистер Икс следил за Измайловым, а когда обнаружил, что за ним идёшь ты, то поспешно прикончил Измайлова, чтобы тот не проболтался и не выдал его.

Макс на несколько секунд впал в ступор, пытаясь осознать сказанное. Но затем его глаза расширились:

— Копьёв! — выдохнул он. — Быть не может! Я думал, что ты более…

— Старый? — закончил за него Андрюха Копьёв, майор из спецотдела по внутренним расследованиям, человек, окружённый тайнами и слухами один страшнее другого, известный своей жёсткостью и жестокостью. Одновременно кумир и объект для подражания Максима Бора, чья репутация выстроилась благодаря вышеперечисленному и тому, что такая модель поведения удачно сочетается с его характером. — Да, я старик, но современная медицина при наличии личного счёта с большим количеством кредитов творит любые чудеса. Ну, разве что, жизнь продлить не может, но отложить старость до критического для мозга момента — раз плюнуть. — А остальное про то, что у меня задница киборгенизированная и прочее, связанное с андроидами и другими нелепыми вещами — ложь. Как и мой характер. Хотя, признаю, с виновными полицейскими я бываю… кхм… грубоват.

— Но я не виновен.

— Да, и я это докажу. Но сначала тебе нужно решить, как поступить с твоим напарником. Любое твоё решение я приму и не буду препятствовать, что бы ты обо мне ни думал. Обещаю,

папаш.

Макс подумал, что это он должен Андрюху папашей называть, учитывая предполагаемую разницу в возрасте. В крайнем случае, они были ровесниками, но тогда получается, что своё первое дело Копьёв распутал ещё в родовой клинике, будучи младенцем.

Дима умолк. Кончились слёзы, кончилась молитва, осталось лишь безмерное и неподъёмное чувство собственной вины, чувство, уже раздавившее его.

Максим принял решение. Попытался нажать на пусковую кнопку, но та внезапно оказалась очень тугой, настолько, что, несмотря на все прикладываемые усилия, никак не желала нажиматься. Он не хотел убивать ещё одного напарника, их и так уже хватает на собственное кладбище, но он так же сильно хотел избавить Диму от страданий. Не казнить виновного в геноциде, а именно оказать последнюю услугу другу.

Дима увидел это, увидел, что Максим отчаянно пытается сделать то, о чём его попросил напарник — и не может. Он смотрел, как побелел от напряжения его палец на пусковой кнопке, каким каменным сделалось его лицо в попытке скрыть бушующий внутри океан эмоций. Он знал, что Максим тоже мучается.

И дёрнулся навстречу пистолету, пытаясь помочь напарнику. Ударился лбом о ствол. Максим этого не ожидал, он вздрогнул, и чёртова кнопка как будто сама вдавилась внутрь корпуса.

Дима упал, сражённый выстрелом, никакая броня уже не была способна спасти его, все батарейки давно выдохлись. Но он не умер. Каким-то образом наполовину сожжённый мозг остался жив, и Дима, уже утратив всю свою личность, память и чувства, стал корчиться на полу и пускать пену изо рта. При этом он начал душераздирающе кричать — все чувства ушли, все, кроме одного. Агония. Самая обычная физическая боль недобитого тела.

— Господи! — ужаснулся Макс своему поступку.

— Добей! — попытался перекричать Диму Копьёв. — Не мучай его!

И Макс выстрелил ещё раз, уже без колебаний.

Крики стихли, оставив в воздухе звенящую тишину.

Всё было кончено.

— Пойдём, — Андрюха, старый добрый Андрюха, а не суровый Копьёв, схватил Макса за локоть и потащил в коридор. — Здесь больше нечего делать.

Макс послушно пошёл за ним, лишь в самом конце обернувшись и окинув взглядом комнату. Его взор задержался только на напарнике и на городе за окном. Напарник был мёртв, а город охвачен дымом и пламенем, грозным красным светом

выделяясь на тёмном фоне ночного неба.

Где-то только что умерло более полумиллиона человек.

Макс осознал ещё одну вещь. Со смертью напарника внутри майора кто-то умер вслед. Кто-то усталый, избитый временем, жизнью и самим собой, оставив после себя одну лишь исковерканную оболочку из мяса и костей.

В голове полицейского осталась только одна мысль:

— Хочу на пенсию.

Андрюха по-дружески похлопал его по спине.

— Я съем собственные ботинки, если не смогу это устроить ради тебя после всего случившегося.

— Лучше бы подарил эти ботинки мне, — буркнул Макс.

Последнее слово осталось за ним.

Эпилог

Несмотря на то, что уже на следующий день в полуразрушенной белой башне «Астола» крутилось больше правительственных агентов, чем их было на всей остальной территории Российской Республики, «Хеймдалль» так и не нашли. Игорь уничтожил все копии, причём, не только свои, но и те, что были в «Астоле», хотя утверждать наверняка, что не осталось ни одного исходника — глупо. Во всяком случае, корпорация об этом умалчивает, даже правительство Земли не знает, осталось ли что или нет. Игорь также постарался уничтожить всех создателей. За то недолгое время, что он был в башне, он смог поднять большую часть сведений и имён сотрудников. Все концы ушли в воду. И только лишь через год дизассемблирования клиентской части вируса третьего поколения под названием «Хеймдалль», по прежнему гулявшего по Сети, но бездействующего, правительству удалось воссоздать серверную часть кода, запускающий модуль. Но события в Новой Самаре уже возымели эффект, по всему миру люди стали отказываться от использования наручных терминалов и другой техники, опасаясь повторения творившегося тогда ужаса. Появилось множество сообществ, которые сознательно пытались минимализировать использование автоматизации процессов в различных сферах. Ручной труд вновь вернулся в строй, хотя значительной доли и не занял. Во всяком случае, начало было положено.

Макса сразу же упекли в обезьянник за то, что он не смог предотвратить гибели стольких людей, стали искать официальный повод для публичной казни. Но, как признался ему Копьёв, неофициальная причина — его хотят наказать за то, что правительство теперь долгое время не сможет воспользоваться собственным детищем. На Макса спустили всех собак, его поливали грязью все СМИ поголовно, кроме, разве что, «ЛибреПресс», где работала Алёна Долговязова. Она взяла эксклюзивное интервью у полицейского и выложила его в Сеть, но там оно пробыло не долго. «Астол» тоже внёс свою лепту, угрозами расправы заставив удалить порочащую его статью, так что та пропала прежде, чем её успел хоть кто-нибудь прочесть. «ЛибреПресс» уничтожили, уволив всех сотрудников.

Но после долгих разбирательств в том, кто же оказался виноват, после всех доказательств, которые предъявил (и защитил от уничтожения правительственными и корпоративными агентами — те очень жаждали подчистить за собой дерьмо) Копьёв по данному делу, Макса всё же выпустили на волю. На

него не накладывали штрафов, больше не предъявляли никаких обвинений. Хотели уволить с позором, но Андрюха надавил на кое-кого, да и Константинов внезапно оказался не полным говнюком. Вдвоём они добились того, что Макса просто отправили на пенсию, лишив права занимать должности из очень длинного списка, в основном, связанные с правительством, охранкой и «Астолом». Макс же при этом обложил всё что мог трёхэтажным матом, напоследок бросил, что он вертел на одном месте и земное правительство и «Астол», после чего показал всем свой тощий зад и ушёл.

Он собрал все свои вещи, продал всё имущество и уехал в неизвестном направлении. Злые языки поговаривают, что он стал напиваться до чёртиков каждый день, связался с роддерами, но те его быстро отшили. И сдох он в какой-то сточной канаве под Хабаровском в луже собственной мочи и блевотины. Другие же утверждают, что он вместе со своей подружкой Долговязовой (которая уже однажды разрушила семью и жизнь Макса — он с ней изменил жене) отправились на Эдем, где власть корпораций и земного правительства не так сильна. Кто-то клялся, что видел их вдвоём спустя полгода после событий в Новой Самаре, но верить этому никак нельзя, поскольку этот же человек выступал по Новосамарскому телевидению с лжепророчествами о пришествии демона «чьё имя звучит так же, как имя породившего его».

Одно известно точно — в Новую Самару Макс больше не вернулся.